

XII ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЧАСТЬ 2

Министерство культуры Челябинской области
Министерство образования и науки Челябинской области
Челябинский государственный институт культуры
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
Челябинский государственный университет
Челябинский государственный центр народного творчества

XII ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЛИКИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЧЕЛОВЕК И ТРАДИЦИЯ

Сборник материалов международной научной конференции

Челябинск, 26–28 февраля 2026 г.

Часть 2

Челябинск
Челябинский государственный институт культуры
2026

УДК 398(470)
ББК 82.3(2)
О42

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГИК

Оргкомитет конференции

Штолер Андрей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе; Челябинский государственный институт культуры.

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор; Челябинский государственный университет.

Голованов Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Белоусова Елена Германовна, доктор филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.

Лазарев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет .

Громова Оксана Михайловна, заслуженный работник культуры и искусства Челябинской области, директор Челябинского государственного центра народного творчества.

Мордасов Александр Алексеевич, профессор; Челябинский государственный институт культуры.

Лазарева Людмила Николаевна, кандидат педагогических наук, профессор; Челябинский государственный институт культуры.

Степанова Инна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Гришанина-Мошкина Олеся Витальевна, кандидат культурологии, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

О42 XII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: человек и традиция» : сб. материалов междунар. науч. конф., Челябинск, 26–28 февраля 2026 г. : в 2 ч. Ч. 2 / ред. кол. С. Б. Синецкий, А. В. Штолер, Л. Н. Лазарева, О. В. Гришанина-Мошкина, И. В. Степанова ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2026. — 209 с.

ISBN 978-5-94839-904-1

ISBN 978-5-94839-906-5 (ч. 2)

В течение 25-летнего периода проведения Лазаревских чтений главным объектом исследований была бессменно Традиция, как уникальный инструмент формирования и функционирования всего тела культуры в бесконечно многообразном его проявлении.

Впервые внимание обращено на Человека как субъекта, который в силу своей природно-биологической и социально-культурной данности наделен возможностью создавать (творить) артефакты культуры, наделять их ценностными смыслами, а также выверять формы их актуализации на исторически длительном пространстве. Профанная и сакральная традиция; светская и религиозная духовность; архетип и устоявшаяся форма; вечное (константное) и преходящее (вариативное); традиция и творчество – это проблемы XII Лазаревских чтений.

Но традиция, как и культура, вне человека не существует. Человек, как существо незавершенное, вынужден постоянно учиться, чтобы отвечать возникающим вызовам современного мира, храня остоу культуры при опоре на Традиции, который выступают мощным инструментом аккумуляции ценностей, а также технологией их трансляции в современном беспокойном мире, гуманизируя его и наводя порядок в человеческом жизнеустройстве.

УДК 398(470)
ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-94839-904-1
ISBN 978-5-94839-906-5 (ч. 2)

© Челябинский государственный институт культуры, 2026

РАЗДЕЛ 5

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА: ТРАДИЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Базарова Ш. Ш.

Самаркандский государственный институт иностранных языков,
г. Самарканд, Узбекистан
shahina2444@mail.ru

Рассказы Айдын Собировой: жизнь женщин в узбекской прозе

Аннотация. В статье представлены сведения о поэтике рассказов узбекской писательницы Айдын Собировой. Главные герои рассказов писательницы — женщины. По этой причине в данной статье проводится анализ, в котором роль женщины в рассказах раскрывается через дух времени. Писательница показала свои художественные способности по достоинству.

Ключевые слова: жанр рассказа, пространство и время, судьба, женская психика, художественный образ, творческий мир, художественная деталь, содержание и форма.

Bazarova Sh. Sh.

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan
shahina2444@mail.ru

The stories of Aydin Sobirova: women's lives in Uzbek prose

Abstract. The article presents information about the poetics of the stories of the Uzbek writer Aydin Sobirova. The main characters of the writer's stories are women. That's why, this article provides an analysis in which the role of women in the stories is revealed through the spirit of the times. The writer showed her artistic abilities at their true worth.

Keywords: story genre, space and time, fate, female psyche, artistic image, creative world, artistic detail, content and form.

Introduction

In the context of a new reality, a new form of prose began to emerge in Uzbek literature as early as the beginning of the 20th century. This new prose had its own distinctive features in terms of formation and development. It is well known that, in previous periods, realistic prose in the modern sense had not been fully established in Uzbek literature. Novels, stories, and short narratives in the contemporary sense had yet to be created. However, this does not mean that prose, in general, was entirely absent in earlier Uzbek literature. Despite this, during this period, there were a number of writers who created works that reflected the complexity of hu-

man fate and the realities of life. Among them, we can include Aydin Sobirova, considered the first female writer in 20th-century Uzbek literature. Aydin (Manzura Sobirova), the first skilled female short story writer to emerge from among Uzbek women in the 20th century, holds a special place in the history of Uzbek literature. She belonged to the first generation of Uzbek writers of the new era and entered the literary scene in the 1920s.

In the early stages of her literary career, Aydin (1906–1953) stood alone. There were virtually no other female writers working alongside her at that time. Later, women writers began to appear one after another. Aydin's greatest con-

tribution and courage lay in the fact that she was the first to pave the way for women writers in our new literature. As a result, she earned a place in literary history as a passionate voice for the liberation of women. Her creative legacy centers on themes such as women's rights, freedom, and the importance of being educated and enlightened. Without a doubt, Aydin Sobirova gained recognition as a distinguished writer who played a vital role in the development of 20th-century women's literature, particularly women's prose.

Main part

Aydin led a complex and meaningful life. From childhood, she took bold steps toward a new way of life, embracing knowledge and enlightenment. In 1923, she graduated from the «Inpros» (Pedagogical Technicum) in Tashkent, and in 1931, from the Pedagogical Academy in Samarkand. She worked as a teacher, served as the head of a department at the State Publishing House of Uzbekistan, and held the position of executive secretary of the Writers' Union of the Republic. Aydin also worked as the executive secretary of the women's journal *Yangi yo'l* (New Path), deputy editor of *Yorqin hayot* (Bright Life), head of a department at the Republican Radio Committee, and editor-in-chief of the journals *O'zbekiston xotin-qizlari* (Women of Uzbekistan) and *Saodat* (Happiness).

It is important to note that the literary and intellectual environment of Samarkand played a significant role in Aydin's personal development, in her formation as a poet, and in her creative growth. Between 1927 and 1931, she studied at the university in Samarkand alongside talented young poets such as Hamid Olimjon and Uyg'un.

From the mid-1920s to the late 1930s, Aydin's literary work was primarily devoted to poetry. During this period, she composed numerous poems and poetic epics, publishing collections such as *Tong qo'shig'i* (Song of the Dawn), *Chechan qo'llar* (Skilled Hands), and *Oydin she'rlari* (Poems by Aydin).

By the end of the 1930s, she had almost completely transitioned to the short story genre. Writing a wide range of stories such as *Gulsanam*, *Hazil emish* (Apparently a Joke), *Yamoqchi ko'chdi* (The Patchmaker Moved), *Sadag'ang bo'lay komandir* (May I Be a Sacrifice for You, Commander), and *Ko'ngli to'ldimi, yaxshi yigit* (Was She Satisfied, Good Lad?), she gained recognition as a skilled short story writer.

Portraying the lives of women and creating vivid female characters became central to her storytelling (and, more broadly, her literary work). For this reason, Aydin's oeuvre may be regarded as a literary chronicle or artistic history of the lives of Uzbek women. Not only did she serve as a role model for the women of her time through her creative output, but she also inspired them with her personal virtues and left behind a literary legacy that continues to motivate future generations.

Even in the postwar period, Aydin remained committed to the principle of revealing the truth of life through the depiction of women's experiences. Her books such as *Mardlik — mangulik* (Courage is Eternal), *Hikoya va ocherklar* (Stories and Essays), and *Hikoyalar* (Stories) bear witness to this enduring commitment. In these works, the writer successfully creates portraits of the Uzbek woman and mother — simple, kind, obedient, patient, and loyal. The central characters of her stories are portrayed as the mother, woman, and daughter of their era. The desire of women to attain education, and the notion that ignorance hinders the progress of society, are emphasized as foundational themes in these narratives.

In the story *A Little Robe for the Infant*, included in Aydin's *Stories* collection, she sheds light on the spirit of the time and the fate of women. In this story, the author reveals the social environment of the era through the tragic destiny of her female protagonist. The main character, *Erqo'ziyeva*, is a diligent worker on a collective farm. Hardened by labor from a young age, she grows into adulthood and marries a man deemed suitable. However, she dies during the birth of her fourth child, not in a hospital but at home, with only elderly neighbor women assisting her. The repeated loss of her children, all of whom are stillborn under such circumstances, plunges *Erqo'ziyeva* into despair.

The elderly women offer her various superstitious remedies to ensure the survival of her next child. They say things like: "Evil spirits will harm your baby. You must frighten them off. Embrace a black hen three times and shake it. Perform the ritual of forty days. Keep an owl in the house and place it above your head during labor. The jinn are afraid of the owl's eyes." She sells her only possession — a violet-colored velvet jacket — to carry out all their instructions. Yet this child, too, is stillborn.

This tragic cycle of loss is portrayed by the writer as the result of the women's ignorance,

a consequence of their lack of access to education and modern medical care. In the story, it is mentioned that women were reluctant to go to hospitals for fear of public gossip. Thus, Aydin uses this narrative not only to reflect personal tragedy but also to critique the broader social issues of her time, particularly the fatal consequences of illiteracy among women. Responsiveness to the demands of the era, support for innovations in everyday life, and, in particular, encouraging women to “stop sitting within four walls, wasting away like saffron” (as Aydin put it), and instead to take an active part in social life — these form the central ideological message of Aydin’s creative work.

In her short story *Let Her Blame Herself* (*O‘zidan ko‘rsin*), the protagonist Nazirjon is portrayed as an educated, worldly young man, while Shakarxon appears as a girl who, under her mother’s influence, abandons her studies at the institute and remains at home. The writer skillfully reveals the characters’ personalities, each becoming a unique poetic image. Shakarxon’s mother believes that a woman’s place is in the home and that education is not a woman’s concern. Consequently, she prevents her daughter from pursuing further education. As a result, Shakarxon’s lack of education and detachment from learning ultimately prevent her and Nazirjon from fulfilling their respective aspirations. Nazirjon, shaped by secular values and enlightened thinking, desires a partner who is educated and intellectually developed. The author, through Nazirjon’s reflections, articulates a broader critique of outdated social norms:

“Eh... Should one really be ashamed of conversing with one’s equals? Girls stand side by side with boys in battlefields, they embrace the wounded and care for them! That’s not shameful — it’s humanity. It shows that people have become truly human.” These remarks emphasize that clinging to backward thinking is not a sign of progress but of regression. The central idea of the story is the necessity for equal educational opportunities for both women and men. By the story’s end, Shakarxon, driven by her own will, returns to the institute and con-

fidently takes steps toward a new, modern era. Undoubtedly, Nazirjon’s influence plays a significant role in her transformation. Shakarxon realizes that her outdated mindset could cost her personal happiness and future. She once faced such a loss, but she vows not to repeat that mistake and instead commits herself to a brighter path — through education and self-improvement. Aydin’s stories are valuable not only for their themes, ideas, and characters, but also for their language and artistic merit. The writer is adept at portraying national values, traditions, and the distinctive traits of the Uzbek character. She depicts mothers, old women, and children with behaviors, psychology, and individual language that suit their respective identities. Her narratives display a strong commitment to exploring new themes artistically and creating innovative characters. Aydin also demonstrated her literary mastery in constructing plots and composition, conveying national character and psychology, and using the rich resources of the vernacular and oral folk traditions. The ability to express profound meaning in concise sentences is a hallmark of her style. Her stories are brief yet rich in meaning and depth. She is characterized by her eloquence, her avoidance of excessive exposition, and the careful selection of words — each carrying significant weight in unfolding the narrative. These stories capture the truth of life in a compact form, with vivid characters and ideas seamlessly woven into the overall spirit of the work.

Conclusion

In conclusion, it can be said that women’s writing — especially prose — radiates with the delicacy and grace of womanhood. This feature, this pathos, is not incidental but rooted in the author’s literary-aesthetic worldview. Her profound respect for the status and responsibility of women, vividly reflected in her literary and journalistic works, stems from a sincere dedication to portraying women’s experiences and inner worlds. These aspects affirm that Aydin Sobirova deserves recognition as a pioneer of twentieth-century Uzbek women’s literature.

References

1. Mirzayev, S. *XX asr o‘zbek adabiyoti* / S. Mirzayev. — Toshkent : Yangi asr avlodi, 2005. — 456 b.
2. Ойдин Ҳикоялар. — Тошкент : O‘zbekiston milliy kitob bo‘limi, 1954. — 234 б.
3. Shuxratovna, B. S. *O‘zbek va Koreys Maqollarida Genderlik Masalasi* / B. S. Shuxratovna // *Innovation: The journal of Social Sciences and Researches*. — 2024. — T. 2, № 2. — P. 83–86.

4. Bazarova, S. S. Saida Zunnunova asarlarida feministik qarashlarning aks ettirilishi / S. S. Bazarova // *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*. — 2022. — Vol. 2 (Special Issue 24). — С. 155–164.
5. Cho Dong Il. *General History of Korean Literature* = 조동일. *한국문학통사*. — Seoul : Daehan Munhwasa, 1998. — Vol. 5. — 335 с.
6. Min Hyun Gi. *A Study of Modern Korean Prose* = 민현기. *한국현대소설연구*. — Tegu : Kyung Sung University Press, 1998. — 129 с.
7. Kim Mi Hyun. *Korean Women's Prose and Feminism* = 김미현. *한국여성소설과페미니즘*. — Seoul : Hankook Publishing, 1996. — С. 42–43.
8. Lee Sang Su. *Conversation on Various Topics about Prose* = 이상수. *테마별로 읽는 소설 이야기*. — Seoul : Cheomundang, 1995. — 100 с.

Голованов И. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
igorgolovanov2020@mail.ru

**Коллизия «отец — сын» в русских народных сказках
и в произведениях Андрея Платонова**

Аннотация. В статье анализируется мифо-фольклорный мотив конфликта между отцом и сыном, лежащий в основе сюжета многих произведений А. Платонова. На примере рассказа «Река Потудань» исследователем выявляются важнейшие эстетические принципы автора в изображении героев.

Ключевые слова: мифо-фольклорный мотив, авторская мифология, художественный образ, сюжетный мотив.

Golovanov I. A.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
igorgolovanov2020@mail.ru

**Collision «father — son» in Russian folk tales
and in the works of Andrei Platonov**

Abstract. The article analyzes the mytho-folklore motive of the conflict between father and son, which underlies the plot of many works of A. Platonov. On the example of the story «Potudan River,» the researcher reveals the most important aesthetic principles of the author in the image of heroes.

Keywords: mytho-folklore motif, author's mythology, artistic image, plot motive.

Конфликт между отцом и сыном — одна из вечных тем в литературе, которая отражает противоречия между поколениями. Коллизия «отец — сын» — термин, обозначающий столкновение интересов, ценностей, взглядов отцов и детей, обусловленный различиями в их мировоззрении, жизненном опыте, социальных установках или моделях поведения. Эта коллизия может относиться к разным контекстам — к фольклору, литературе или философским учениям. Достаточно вспомнить библейский сюжет о блудном сыне: разрыв и последующее примирение

отца и сына как архетип преодоления коллизии. В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» старшее поколение представлено образами Николая и Павла Кирсановых, младшее — сыном Николая, Аркадием, и его другом — Базаровым. Если молодые люди были сторонниками нигилизма, всё отрицали и бунтовали, то старшее поколение придерживалось традиционных взглядов на жизнь. В романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» отец Петра Гринева больше времени уделял чтению «Придворного календаря», чем воспитанию сына. Из-за такого отношения

герою пришлось расстаться с мыслью о хорошем будущем, что привело к конфликту. В драме А. Н. Островского «Гроза» показано самодурство Кабанихи, которая стремилась полностью контролировать жизнь своего сына Тихона, дочери Варвары и невестки Катерины, что привело к трагедии. В финале произведения даже безропотный сын восстал против матери. Все эти коллизии возникали из-за разрыва поколений. Отцы и сыновья росли в разных социокультурных условиях, что сформировало у них разные ценности, приоритеты и способы решения проблем.

Конфликт как двигатель развития в литературе — это глубоко продуманный художественный прием [5, стлб. 393]. Через противостояние идей, характеров и обстоятельств автор показывает путь героя к самопознанию и трансформации. В основе рассматриваемого конфликта может лежать несколько ключевых мотивов, которые рождаются и повторяются в разных фольклорных произведениях.

В русских народных сказках отец часто выступает тем, кто ставит перед сыном задачу, толкает на испытание или дает напутствие. Это связано с обрядом инициации — переходом из детства во взрослую жизнь. Например, в сказке «Сивка-бурка» отец поручает сыновьям стеречь пшеницу. Младший сын, Иванушка-дурачок, выполняет наказ, проявляет терпение и в итоге получает волшебного помощника и женится на царевне.

Жизнь главного героя сказки обычно начинается в «отчем доме», но наступает момент, когда ему приходится покинуть родной дом. Задача этого этапа личностного развития героя — отделение от родителей, представление себя в качестве самостоятельной, самодостаточной и автономной личности. Отец в сказках — это символ опыта, мудрости и власти, его слово — закон, а послушание детей — ключевая добродетель. В то же время во многих сказках родители либо отсутствуют, либо фигурирует только отец. Например, в сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» родители не упоминаются, а в «Царевне-лягушке» царь — главный персонаж, управляющий судьбой сына. Это может отражать социальную структуру общества, где акцент делался на передаче традиций через старших мужчин. Прежде чем отпустить сына в самостоятельную жизнь, отец задумывается, готов ли сын к этому. Ведь отцу

хорошо известно, что для самостоятельной жизни нужны «сообразительность и изворотливость», есть ли эти качества у сына? Отец устраивает сыну своеобразный экзамен на самостоятельность, задает ему задачу, справившись с которой, тот докажет свое право на автономию.

В основе одного из популярных в фольклоре сюжетов — «Хитрая наука» (Аф. 249, СУС 325) — лежит продуктивный в мировой культуре архетип «учитель и ученик», свидетельством чему служит наличие многочисленных его вариантов в русском и международных указателях (СУС 325 «Хитрая наука», АТ 325 / АТУ 325 «The magician and his pupil»). В указателях данный сюжет определяется как нарратив, в котором реализуется идея обретения учеником волшебных знаний своего учителя. Сказка «Хитрая наука» (Аф. 249–253), записанная в Бобровском уезде Воронежской губернии, обращается к ситуации, когда отец отправляет сына к обитателю иного царства (лесному учителю, старику, лешему и т. д.). Срок обучения обычно длится три года. В других сказках отец изгоняет своего сына за какую-либо провинность, несовпадение ценностей отца и сына становится источником конфликта. Таким образом, в разных формах достигается один и тот же результат — сын отделяется от родителей, и во многих случаях иницирует такое отделение отец. При этом он может выступать как авторитарная, властная фигура («царское слово — закон»), готов за малейшую провинность изгнать сына из семьи — такая позиция отца по отношению к сыну характерна для патриархального уклада. Либо отец может выступать добрым советчиком, помощником, косвенно провоцируя отделение. В обоих случаях функция отца — подготовить и подтолкнуть сына к самостоятельной, независимой от родительской семьи жизни. В таких сказках нет развернутых описаний взаимоотношений отца и сына. Однако встречаются сказки, где отец не просто отпускает или гонит сына в неизвестность («поди туда, не знаю куда»), но и оказывает ему помощь в самоопределении либо проявляет интерес к его будущему.

Андрей Платонов органично воспринял фольклорные формы вымысла. В его рассказах 1920–1930-х годов они играют ключевую роль в реализации философских, социальных и психологических аспектов. Благодаря осмыслению героев в контексте фольклор-

ного сознания (подробнее об этом: [1]) платоновские образы обретают емкий, универсальный смысл, им присуща художественная соотнесенность с рядом жизненных явлений.

Фольклоризм Андрея Платонова имеет вполне определенные истоки. Писатель родился в Воронежской губернии, для которой характерны глубокие фольклорные традиции: уроженцами воронежской земли были знаменитый собиратель и публикатор сказок А. Н. Афанасьев, поэты А. В. Кольцов и И. С. Никитин, творчество которых пронизано элементами народного творчества. Имена воронежских сказочниц А. К. Барышниковой и А. Н. Корольковой в XX веке были известны далеко за пределами Воронежского края.

Именно понимание связи Платонова с устной народной традицией помогает прояснить смысл многих его произведений. Писатель использовал фольклорную традицию не как декоративный элемент, а как инструмент для осмысления реальности, выражения народного мироощущения и создания уникального художественного мира [2; 3]. Один из центральных фольклорных архетипов в прозе Платонова — образ «низкого героя», восходящий к сказочному Иванушке-дурачку, «третьему сыну». Такие герои — «чудаки-умельцы», народные философы — наделены у Платонова творческим талантом, способностью созерцать и создавать «чудесные» вещи.

В рассказах Платонова часто реализуется мотив вынужденного или добровольного ухода героя из дома с последующим возвращением в обновленном качестве. Этот сюжетный ход, как мы отметили выше, широко представлен в сказках. В прозе Платонова он используется в рассказах «Неизвестный цветок», «Юшка», «Река Потудань», «Родина электричества», «Третий сын», в повести «Джан», романе «Чевенгур» и других.

«Происхождение платоновского человека» — результат синтеза восточнославянского сказочного героя и героя-правдоискателя русской классической литературы. Жизненный путь героя нередко связан с мотивом странничества. Этот образ отражает глубинные процессы и воплощает авторские мысли о современном человеке и вечном мире. Один из самых распространенных мотивов — противостояние старого и нового мировоззрения. Отец часто выступает представителем устоявшихся ценностей, норм и устоев, сын — носителем прогрессивных, иногда радикальных идей. Так, в нескольких стихах

из первого поэтического сборника писателя «Голубая глубина», датированных 1921 годом, мы видим героя эпохи, который находится в конфликте с прошлым. В стихотворении «Небо вверху голубое...» лирический герой соотносит свое внутреннее мироощущение и переживания с двуединным «царем и разбойником» [6, с. 473], а в стихотворении «Сказка» строки: «Мальчик вырос в атамана, // Сжег деревню, мать-отца // И ушел на лодках рано // У земли искать конца» [6, с. 475] — предлагают вариант обретения героем своего предназначения.

В рассказе «Неизвестный цветок» образ цветка, растущего на пустыре среди камней и глины, перекликается с фольклорным мотивом мужественного существования в экстремальных условиях. Этот образ символизирует неуничтожимую жизненную силу. В рассказе «Юшка» герой предстает человеческим воплощением «неизвестного цветка»: обездоленный, презираемый, лишенный всего, кроме собственной души. Как и цветок, он «работает жизнь из самого себя».

Коллизия «отец — сын» соотносится с темой преемственности, передачи ценностей и опыта. Но если в сказках акцент делается на личностном росте героя и выполнении конкретного задания, то у Платонова на первый план выходят метафизические, социальные и исторические измерения этого конфликта.

В начале рассказа «Река Потудань» автор описывает демобилизованных солдат, которые после войны не имели возможности сразу вернуться домой, «задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали» [7, с. 426]. Сходство между фольклорными текстами и рассказом Платонова подкрепляет впечатление от первых страниц рассказа, где немногочисленные персонажи находятся в условном, фольклорно-сказочном пространстве. Автор рисует две семьи: вдовец, его три сына и вдовая учительница с сыном и дочерью. Два уклада, два дома, свои бытовые особенности, предпочтения, интересы. У них всё в прошлом, мало что сохранилось, может быть потому, что не было достойного продолжения в новой жизни. Не всем и не всему там, в новой социальной реальности, будет место. Такова цена (социального эксперимента) революции, которую, прежде чем принять, писатель хочет объять мыслью и прочувствовать. Никита Фирсов — герой «с обмершим, удивленным сердцем» [7,

с. 425], солдат, вернувшийся домой. Он из тех, чья душа «переменилась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы» [7, с. 425]. Дома всё без изменений, всё устарело, стало маленьким и скучным, всё просит перемен, покраски и ремонта: «...Никита обошел весь знакомый, родной город, и у него заболело сердце от вида устаревших, небольших домов, сотлевших заборов и плетней и редких яблонь по дворам, многие из которых уже умерли, засохли навсегда» [7, с. 429]. «Чужая тьма» стоит в окнах того дома, куда Никита ходил в гости с отцом [7, с. 430]. Итог прогулки по городу печален: город без «огней», все тихо, кругом «чужая тьма». Жизни нет, но жить надо: «надо будет подумать <...>, как жить дальше и куда поступать на работу» [7, с. 430].

Жизнь в городе зарождается и теплится на главной улице: «Но редко кто шел в унынии, разве только вовсе пожилой, истомленный человек. Более молодые обычно смеялись и близко глядели в лица друг другу, воодушевленные и доверчивые, точно были накануне вечного счастья» [7, с. 431]. Именно здесь происходит нечаянная встреча Никиты и Любы. У них много общего — они выросли, стали большими: «Никита встал перед отцом, он был теперь выше его головы на полторы» [7, с. 428], «большая, выросшая Люба остановилась и смотрела в его сторону», у нее «живое, выросшее, но бедное тело» [7, с. 431]. Оба сохранились «в целостности», оба с душой (а спасение мира есть спасение души): «Ее чистые глаза, наполненные тайною душою, нежно глядели на Никиту, словно любовались им» [7, с. 431]. Оба полны нужды и надежды [7, с. 432], оба — в поисках смысла жизни: «Она училась теперь в уездной академии медицинских наук <...>; бессмысленность жизни, также как и голод и нужда, слишком измучили человеческое сердце, и надо было понять, что же есть существование людей, это — серьезно или нарочно?» [7, с. 432].

Герои еще не имеют социальной оболочки: она студентка, он бывший солдат. Первая встреча после долгой разлуки построена как зеркальное отражение героев, их вопросы и ответы — своеобразное эхо друг друга: «— Вы меня не помните? — спросила Люба. — Нет, я вас не забыл, — ответил Никита» [7, с. 431]; «— Вы теперь не забудете меня? — попрощалась с ним Люба. — Нет, — сказал Никита. — Мне больше некого помнить» [7, с. 433]. С этой встречи, имеющей символическое

значение, встречи-узнавания своей судьбы, начинаются другого плана испытания героев. Теперь их «борьба» — не со злом и мраком, а с непониманием и отсутствием смысла жизни.

Правда жизни для любящих проста: строительство семьи, рождение и воспитание детей как продолжение и умножение всего лучшего и доброго, что есть в тебе самом, исполнение своего человеческого предназначения. Но Никита и Люба — Победитель и Любовь — не во временных трудностях «врастания» в советский быт бывшего красноармейца и «роста» студентки в дипломированного специалиста: «Работать Никита никогда не отвыкал <...>. Война ведь пройдет, а жизнь останется, и о ней надо было заранее позаботиться» [7, с. 434]. У них трудности, связанные с неспособностью преодолеть силу заданности своего жизненного пути, дурную повторяемость жизни без света, без осознанности движения к чему-то высокому, т. е. главная трудность — быть человеком. Неслучайно их личное, интимное общение часто происходит в период ночной темноты, лишь свет из печи позволял им ощутить уют домашнего быта. Умерший (как человек) на войне герой любит умирающую, теряющую жизненные силы, утасаживающую Любовь. Окружает ее своей заботой, которая, скорее, может быть названа родительской: «топил печь», «приносил ужин» и т. д. Тяга к женщине зачастую странна и непонятна, но известно, что «любовь, как сильная привязанность, предпочитает что-либо по воле, а не рассудком» [4, с. 282].

Незнание жизни, неумелость, неуместность — вторая сторона героя по фамилии Фирсов, в семантику которой входит представление о человеке, «мешающем, приводящем в беспорядок» [8]. К счастью же надо готовиться и быть готовым, не то оно как придет, так и уйдет. Другой смысловой уровень этого момента — сопоставление отношений молодых со старшим поколением. Круговорот жизни и смерти, природы и жизни: «На глазах старого столяра жизнь повторялась уже по второму или по третьему своему кругу. Понимать это можно, а изменить, пожалуй, нельзя» [7, с. 442]. Возникает представление о Вечности, о трагедии человеческой судьбы и конфликте поколений, в котором старшее поколение никогда не будет победителем: торжествовать от своей мудрости можно, а победить Время — нельзя. Всё, что может позволить отец: «взять себе поби-

рушку с улицы — не ради семейной жизни, а чтоб, вроде домашнего ежа или кролика, было второе существо в жилище: пусть оно мешает жить и вносит нечистоту, но без него перестанешь быть человеком» [7, с. 442].

Платоновский герой мучительно ищет пути, которые могли бы привести его к обретению утраченной истины. Одним из возможных, но так и не реализованных станет для Никиты и Любы путь основания собственной семьи (и одновременно — родины) в любви.

Как видим, у Андрея Платонова коллизия «отец — сын» приобретает экзистенциальное и социально окрашенное звучание. Психологическая глубина конфликта позволяет раскрыть внутренний мир персонажей. Когда герой сталкивается с противоречия-

ми, он вынужден переосмыслить свои ценности, убеждения и поступки. Коллизия «отец — сын» выступает не аномалией, а естественным этапом развития отношений, который приводит к личностному росту, даже если внешне ситуация кажется неразрешимой.

Таким образом, в творчестве А. Платонова конфликт отца с сыном служит катализатором изменений, заставляет героев действовать, а не просто существовать, выявляет скрытые качества их характера, создает условия для морального выбора. При этом разрыв отношений или разрушение привычного уклада жизни не означает конца истории. Это может быть началом нового этапа, где персонажи обретают мудрость, опыт, понимание себя и смысл жизни.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. — 2-е изд. — Москва : Флинта, 2014. — 294 с.
2. Голованов, И. А. Фольклор и фольклоризм: проблемы интерпретации, образы и смыслы / И. А. Голованов. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2023. — 160 с.
3. Голованов, И. А. Фольклоризм драматургии А. Платонова (на материале пьесы «Дураки на периферии») / И. А. Голованов // Гуманитарный вектор. — 2012. — № 4. — С. 23–27.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва: Рус. язык, 1989. — Т. 2. И–О. — 799 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 2003. — 1600 стб.
6. Платонов, А. П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / А. П. Платонов; вступ. ст. А. Битова. — Москва : Время, 2009. — 656 с.
7. Платонов, А. П. Река Потудань // Платонов А. П. Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов. — Москва : Время, 2010. — С. 425–453.
8. Фирс (мужское имя) // Именатор. — URL: <http://imenator.ru/mijskie/imena/firs> (дата обращения: 12.11.2025).

Горбачевский Ч. А.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия
cheslavgor@gmail.com

Достоевский и Ницше в русской религиозно-философской критике рубежа XIX–XX веков

Аннотация. В статье акцент сделан на интерпретациях ряда аспектов творчества Достоевского и Ницше, показаны точки соприкосновения и пункты расхождения, отмеченные критиками «духовного ренессанса» рубежа веков.

Ключевые слова: интерпретация, Достоевский, Ницше, антропология, влияние.

Dostoevsky and Nietzsche in Russian religious and philosophical criticism at the turn of the 19th and 20th centuries

Abstract. This article focuses on interpretations of several aspects of the works of Dostoevsky and Nietzsche, demonstrating points of contact and divergence noted by critics of the «spiritual renaissance» at the turn of the centuries.

Keywords: Interpretation, Dostoevsky, Nietzsche, anthropology, influence.

Достоевский, как известно, относится к одним из самых почитаемых русских писателей-классиков на Западе. Его влияние на западную молодежь начала XX века отмечал Г. Гессе в статье «Братья Карамазовы, или Закат Европы» (1919). Г. Гессе говорил о влиянии на молодежь не Гёте и даже не Ницше, а именно Достоевского. В свою очередь, влияние Ницше, обозначившего духовный слом новоевропейской культуры, на мировоззренческие, религиозные и революционные идеи России конца XIX и начала XX века трудно переоценить.

На тему сходства и различия творчества Достоевского и Ницше в русской философской мысли существуют неоднозначные, а зачастую диаметрально противоположные точки зрения. У обоих мыслителей наряду с общим были и существенные расхождения во взглядах, как на антропологические проблемы, так и на вопросы религии.

М. Туган-Барановский в мировоззренческом сближении Достоевского и Ницше видит большое преувеличение, утверждая, что излюбленные мысли Ницше всего лишь пройденный этап, уголок философского мира Достоевского, а «стройное и законченное мирозерцание нашего писателя имеет лишь некоторые пункты соприкосновения с причудливым и парадоксальным фейерверком мыслей Ницше» [11, с. 128].

Л. Шестов, в противоположность Туган-Барановскому, отмечает далеко идущее сходство в доктринах двух мыслителей и посвящает этому трактат «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1903).

Вяч. Иванов пишет о «мистагоге будущего Заратустре-Достоевском» [7, с. 28] как о первом исследователе бунта против традиционной морали, к которому позже обратился немецкий «оргиаст музыкальных упоений», создавая собственную философскую систему.

Весьма проблематичной представлялась общность Достоевского и Ницше В. Розанову. «Камнем преткновения» здесь послужила внешне привлекательная, но сомнительная идея «несчастливого Ницше» о «падающего толкни» [9, с. 248]. В философии Ницше В. Розанов видит распространение в Европе одной из центральных идей христианства — идеи о «хлебе земном», т. е. устроении общества исключительно «на экономических началах». Декаденту Ницше с его «напевами» «нравилось в какой-то пещере или с какой-то горы объявлять человечеству новую религию, в качестве возродившегося „Заратустры“» [9, с. 419]. В дополнение к этому В. Розанов заключает, что Ницше «профессор, сочинявший „возмутительные теории“ в мозгу своём, а сам мирно сидевший в мирном немецком городке и лечившийся от постоянных недугов. Немцы у себя под черепом производят всякие революции: но через порог дома никак не могут и не решаются переступить. Полиция, зная, что „немецкая синица“ моря не зажжёт, остаётся спокойною при зрелище их идейного бунта. Чем больше профессора бунтуют у себя под черепом, — тем, полиция знает, страна останется спокойнее» [9, с. 555]. Небезынтересно, что в вопросах «само-родного антихристианства», нового оргазма и гениальных прозрений Д. Мережковский сближает Ницше именно с В. Розановым, называя его «русским Ницше» [8, с. 150]. Об определённой мировоззренческой схожести В. Розанова и Ницше свидетельствует С. Булгаков в отзыве о книге Вяч. Иванова «Борозды и межи» (1916) [4, с. 95].

В вопросе об «антропологическом открытии» Н. Бердяев рядом с Ницше ставит только Достоевского, отмечая не только сходство в миропонимании обоих (отвращение к рационализму, противоречивость человека, трагическое начало в нём, попытка реше-

ния проблемы личности), но и несхожесть в ряде аспектов (различие в апологии идеи человекобога у одного и идеи Богочеловека — у другого). По Н. Бердяеву, после Ницше и Достоевского невозможен возврат к старому: ни к старой христианской антропологии, ни к старой гуманистической антропологии [2, с. 134–135].

У Л. Шестова Достоевский с Ницше предстают в одеянии типичных «обратных симулянтов» [13, с. 365], носящих личину душевно здоровых, не будучи ими вполне, впрочем, в своей болезни никогда не переходивших последнюю черту. Эту тему затрагивает Б. Вышеславцев, сближая идеи Достоевского и Ницше с идеями самого Л. Шестова, отмечая, что и последний страдал серьёзным нервным заболеванием. Л. Шестов оказался близок Ницше концепцией одинокого богоискательства вне христианства.

Идея бунта героев Достоевского — одна из основных в романах писателя, занимавшая русских философов. Довольно много здесь сказано и о теориях Ницше, направленных против общепринятой морали, прикрывавшей лицемерие. С. Аскольдов полагал, что внешне разрушительный бунт, при всех недостатках, предполагает независимость и «правдивый голос человеческой совести» [1, с. 255]. Раскольников и Иван Карамазов провозглашают идею о «всё позволено» искренне, поэтому при очевидной неоднозначности бунта обоих, результатом его явилось страдание, способное (в теории) привести к внутреннему перерождению.

Как известно, одна из аксиологических дилемм, проходящих через творчество Достоевского имеет отношение к попытке разрешения проблемы невозможности / возможности любви к ближнему (в формулировке Ницше — любовь «к дальнему»). В главе «Бунт» «Братьев Карамазовых» Иван, как бы отвечая Ницше, приходит к выводу, что именно ближних любить невозможно, гораздо проще — любить дальних [6, т. 14, с. 215]. По мнению С. Гессена, чем более отвлечённая любовь к абстрактному человечеству отодвигает на задний план любовь личную, тем более гордыня стирает грань между добром и злом [5, с. 359]. Эта логика содержит простую мысль о том, что только в любви к ближнему заключается столь трудно достигаемое добро конкретное. Отвлечённая любовь к человечеству, по Достоевскому, вообще невозможна, поскольку в ней любишь од-

ного себя. В отвлечённой любви, в противоположность индивидуальной, другого любят за то, каким его нарисовало воображение.

По мнению С. Франка, Достоевский своими произведениями предвосхитил Ницше с марксизмом, ставшие на Западе провозвестниками кризиса гуманизма [12, с. 394–395]. И если Маркс принципиально отвергал возвышенное и благородное в человеке, выводя на первый план низменное в качестве основного двигателя прогресса, то аморалистический гуманизм Ницше уже сам по себе свидетельствовал о жалкой и рабской природе человека. Достоевский, также переживший подобный кризис, смог на совершенно новых путях его преодолеть.

Ницше часто сравнивали с Кирилловым или Раскольниковым за проповедование ими идеи сверхчеловека; сравнивали с Шатовым и Ставрогиным за создание «особого Бога». В определённом смысле Кириллов предшественник Ницше, поскольку его тайное стало явным у немецкого философа [8, с. 315]. У обоих культ я потерял всякие сдерживающие рамки. Индивидуализм Ницше, как и индивидуализм Кириллова, противопоставляется стадности и пошлomu спокойствию среднестатистического индивида, но и способен привести к самоубийству (Кириллов) / к сумасшествию (Ницше) вследствие отрыва от общества и людей.

Сходство в этических представлениях Ивана Карамазова и Ницше С. Булгаков называет «атеистическим аморализмом» [3]. Существует сходство основных жизненных мотивов у Ивана Карамазова и Ницше, что вытекает из тождества проблемы совместимости абсолютной морали с позитивизмом. Душевные драмы обоих со взаимоисключающими понятиями (аморализмом и моральными запросами личности) в основе схожи. Проблему атеистического аморализма сформулировал и Достоевский, но в отличие от Ницше, его дух возвышался над этим противоречием и оказался способным вместить не только душу Ивана, но и души Алеши Карамазова, Макара Долгорукого, князя Мышкина и старца Зосимы.

Идею Ницше о проявлении сверхчеловеком подлинной моральности, а не рабской Христовой морали любви и сострадания В. Соловьёв сравнивает с окном, выходящим на множество дорог. И если один человек в результате выбора попадёт в безнадежную пропасть, то другой выберет свободную до-

рожку, ведущую к надземным вершинам [10, с. 611–612].

Безусловно, дурной стороной ницшеанства следует считать презрение к больному и слабому, присвоение меньшинству избранных (сильных) всех привилегий. Однако в не оправдавшей себя идее сверхчеловека, можно увидеть положительное начало — осознание человеком истинного, высокого предназначения, попытку преодолеть рутину: «Человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека» [10, с. 613]. Для Достоевского христианская любовь, сострадание и всепрощение превозмогают гордыню сверхчеловека.

Достоевский и Ницше способствовали преображению душевного склада человека,

обладали предельной чуткостью к чужому страданию, ощущали с особенной остротой в человеке трагическое начало, отмечали противоречивость человеческой природы и каждый на свой лад наметил пути решения этой проблемы.

То, что преимущественно религиозные философы стали главными первооткрывателями творчества Ницше в России, в этом, пожалуй, нет ничего неожиданного, однако самобытные интерпретации не только филигранно и многообразно объяснили важнейшие аспекты творчества обоих «возмутителей спокойствия», но в значительной мере экспонировали мировоззренческие позиции и системы, внутренний мир и логику мыслей самих толкователей, находившихся под влиянием Достоевского и Ницше.

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Достоевский как учитель жизни / С. А. Аскольдов // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / сост. В. К. Кантор. — Москва : Книга, 1990. — С. 252–264.
2. Бердяев, Н. А. О русских классиках / Н. А. Бердяев. — Москва : Высш. шк., 1993. — 368 с.
3. Булгаков, С. Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип) / С. Н. Булгаков. — URL: <https://www.nietzsche.ru/look/century/ivan-karamazov/> (дата обращения: 17.12.2025).
4. Булгаков, С. Н. Тихие думы / С. Н. Булгаков. — Москва : Республика, 1996. — 509 с.
5. Гессен, С. И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского / С. И. Гессен // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / сост. В. К. Кантор. — Москва : Книга, 1990. — С. 352–374.
6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1972–1990. — Т. 14. — 512 с.
7. Иванов, Вяч. Родное и вселенское / Вяч. Иванов. — Москва : Республика, 1994. — 429 с.
8. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Ф. Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. — Москва : Республика, 1995. — 624 с.
9. Розанов, В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / В. В. Розанов. — Москва : Республика, 1996. — 702 с.
10. Соловьёв, В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьёв. — Т. 2. — Москва : Правда, 1989. — 736 с.
11. Туган-Барановский, М. И. Нравственное мировоззрение Достоевского / М. И. Туган-Барановский // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / сост. В. К. Кантор. — Москва : Книга, 1990. — С. 128–143.
12. Франк, С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского) / С. Л. Франк // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / сост. В. К. Кантор. — Москва : Книга, 1990. — С. 391–398.
13. Шестов, Л. И. Философия трагедии / Л. И. Шестов. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. — 480 с.

Давыдов О. М.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия
ostap.davydov@mail.ru

Нарративы творческой рефлексии в поэзии Владимира Шведа

Аннотация. Мы поговорим о творческой рефлексии в стихах Владимира Шведа, о том, как выстроено повествование о первом лице, как создаются стихи. Речь пойдёт и о преемственности по отношению к Льву Рахлису и Николаю Шилову, и о диалоге в стихах с Михаилом Ясновым.

Ключевые слова: литература Южного Урала, Владимир Швед, рефлексивный нарратив, детская поэзия, Михаил Яснов.

Davydov O. M.

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia
ostap.davydov@mail.ru

Narratives of Creative Reflection in the Poetry of Vladimir Shved

Abstract. We discuss narratives «first-person» narratives in children poetry of Vladimir Shved, his reflections on the creation of poetry and his poetic dialogues with Leo Rakhlis, Nick Shilov and Michael Yasnov.

Keywords: South-Ural literature, «first-person» narrative, children poetry, Vladimir Shved, Michael Yasnov.

Имя поэта Владимира Александровича Шведа (1962–2024) известно каждому, кто как-либо интересовался литературной жизнью Южного Урала в нулевых и десятых годах. Студенты и преподаватели ЧГИК помнят его как главного библиографа. Однако не менее памятливы его выступления и поэтические сборники, адресованные взрослым и детям.

Подробная биография Владимира Шведа была составлена Надеждой Капитоновой — в годы, которые оказались для них обоими последними [1]. Мы же поговорим об особенностях творчества Владимира Александровича.

Многим, причастным к литературному процессу в Челябинске, знакома автоэпиграмма: «Рахлис родил Шилова, Шилов родил Шведа...» Имена этих замечательных литераторов и педагогов, отдавших годы институту культуры, нередко упоминаются втроем, Лев Яковлевич Рахлис, Николай Петрович Шилов и Владимир Александрович Швед связаны личной дружбой, хотя, если концентрироваться только на стихах, доказательство преемственности между ними не так уж очевидно. Всех троих объединяет любовь к игровым жанрам, к экспериментам с фонетикой — ассонансами, аллитерациями, к созданию неологизмов-омофонов (таких как «громкотворенья» и «хвОстливая лиса»).

Есть две широких дороги в детскую литературу и, соответственно, два потока детских авторов. Одни работают с детьми — воспитатели, педагоги, организаторы детского досуга и творчества, иногда психологи, логопеды, священники. Они «точно знают, что нужно детям», привнося в литературу свои профессиональные цели. К сожалению, собственно художественные качества текста нередко при этом страдают.

Другие авторы готовы состояться и в большой, «взрослой» литературе, однако находят свою нишу в детской на пути «внутренней эмиграции». В трудные периоды причины этого могут быть политическими: вспомним Хармса с обэриутами, которым обеспечило на несколько лет выживание вхождение в редакцию «Чижа» и «Ежа», или Генриха Сапгира, возглавлявшего с Геннадием Цыферовым подпольную Лианозовскую поэтическую школу). В конце XX — начале XXI веков причиной для «миграции» нередко становилось нежелание принимать постмодернистские правила игры, поклоняться «идолу» Дмитрия Пригова, сохраняя при этом за собой право шалить, играть в слова.

И Рахлис, и Шилов, и Швед соединяли в своем творчестве лучшие черты и одних, и других. Лев Рахлис действительно избрал

эмигрантскую стезю, прославился в Америке не только как журналист, но и как издатель русскоязычных литературных альманахов, детская же его поэзия зарубежного периода насчитывает лишь несколько десятков текстов. Напротив, Николай Шилов всегда оставался подчеркнуто детским поэтом.

Как же Владимир Швед? Основная масса его стихотворений адресована школьникам, хотя есть у него сборники исключительно для взрослых, например «Мифы, легенды, байки из истории ЧГИК».

Не всегда стихи Владимира Шведа можно дифференцировать для определенной аудитории. В детском сборнике автор внезапно может пошутить: «Иван-да-Марья... Мари-хуанна... справка: и то, и другое травка» [3, с. 61]. Тем, кто работает с детьми, это может показаться непедagogичным.

Всегда ли сам автор проводит границу между своими стихами для взрослых и детей?

В этом свете интересны нарративы Владимира Шведа, излагаемые от первого лица. Иными словами, как поэт интерпретирует в стихах своё «я».

В детской поэзии изложение от первого лица — очень распространённый приём, помогающий юному читателю ассоциировать себя с центральным персонажем текста или, в случае сатиры, с его антагонистами.

При этом как правило с первых же строк добросовестный автор раскрывает, кто стоит за «я» или «мы».

Например, в стихотворении «В музее Ленина» Сергея Михалкова («В воскресный день с сестрой моей // мы вышли со двора. // Я поведу тебя в музей! // — Сказала мне сестра») перед нами предстаёт мальчик, с достаточно развитой речью, которого тем не менее в музей должна сопровождать сестра, он готов к восприятию мифологической ленинианы, но для него она в новинку — очевидно, что перед нами старший дошколёнок или младший школьник.

За первым лицом в стихотворении Владимира Шведа может скрываться «поэт // — просто Вовка, // просто Вовка, // сорока почти что лет» [3, с. 19].

Разумеется, вступать поэту в диалог с юными читателем или персонажем не воспрещается (Чуковский и Бибигон), при этом автор предупреждает, резонирует, поучает.

Владимир Швед одновременно исповедан и прост: «Я сегодня для вдохновения, // как пирожное, в час ночной // съем хорошее

настроение, // замороженное настроение, // очень летнее настроение, // сладкий чай буду пить с луной. // Всем хорошего настроения, // почаёвничаете со мной? // Вдохновение и варенье нитью // связаны вновь одной!» [3, с. 169]. Последние строки могли бы стать девизом Карлсона — персонажа Астрид Линдгрэн.

Просто и понятно всякому ребёнку, что значит «съесть хорошего настроения».

Особенно ценны свидетельства поэтов, приоткрывающих тайны своего творчества. Маяковский сравнивал поэзию с добычей радия, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Стихи Ахматовой «растут из сора», «не ведая стыда». Пастернак роняет слова, «как сад янтарь и cedру, едва-едва...». Юному читателю сложно всё это понять.

Владимир Швед находит замечательную метафору: «Я стихи не сочиняю, // а пишу их на ходу, // еду, еду на трамвае, // гляну в окна и найду!» [2, с. 3].

И это близко адресатам стихов Владимира Шведа. Что может быть проще и увлекательнее, чем смотреть в окно транспорта и фантазировать? Только увлекательная книга. Так «трамвайная» тема развивается в стихотворении «Чтища»: «Сижу — читаю, // лежу — читаю, // в трамвае еду, // куда — не знаю, // держусь за поручень — // и читаю!» [3, с. 18].

Поездки располагают к мечтам, иногда бытовым: «Мы метро в Челябине строим, // под землю ходим строим, // помогите нам, кроты, // а не то совсем кранты» [3, с. 179].

Однако в воображении автобус может увезти и на небо: «Мне снился небесный автобус... // решил я покинуть наш глобус... // по небу катить с доброй песней, // махать с неба людям руками, // катить и шутить с облаками, // по небу спешить в неизвестность, // и радовать всех вас стихами» [2, с. 90].

В автобусе не страшно, потому что сам автобус подразумевается смельчаком, он нарочно выбирает кочки и ухабы, потому что так весело: «Любил он неудобины, // все ямы и колдобины, // вот какой автобус, // болтобус и колдобус!» [2, с. 68].

Наш выдающийся современник Михаил Яснов сформулировал когда-то для детских поэтов «заповедь, важнее иных наук, что в стихах всего дороже звук».

Владимир Швед и это переводит на язык детских понятий, попутно создавая неологизмы: «Все стихотворения // я разделяю // на тихо-творенья // и громко-творенья, // и те,

и другие // для вас сочиняю // и прочь прогоняю // любые сомненья!» [3, с. 170].

Юному читателю достаточно задуматься над дихотомией «тихо-» и «громко-творений», а уж потом попытаться отыскать звуки, которые за этим могут стоять. Автор и сам конкретизирует: «То громко кричу, // то на ухо шепчу, // порою и я, как старуха ворчу, // зато точно знаю, чего я хочу // и стихотворенья, // как будто варенье, // детей непременно любить научу!» [3, с. 171].

И снова варенье встречается в стихотворении, но пафос и напор преодолевают тривиальность рифм.

Выдумка и явь, вплетенные детали собственной биографии, всё неразделимо в стихах Владимира Шведа: «Меня нашли в капусте // в Златоусте... На свиданье с Златоустом // иду с мамой в Синегорье. // Как взгляну я на гравюры, // сразу вспоминаю горы... В моём сердце ностальгия по крылатому коню...» [3, с. 57].

Горы служат важным источником вдохновения. «Жаль тех, кто не бывал на Таганае, // не видел Тургояк и Увильды, // не набирал в ладони их воды, // прекрасней края в мире я не знаю...» [3, с. 52].

Только тяжёл туристический рюкзак. «Очень трудно Вовке Шведу // быть туристом с рюкзаком, // наградили за победу // чем? — сгущённым молоком» [3, с. 51].

В конце стихотворения, опубликованного в 2016 году, стоит пометка <1976>, таким образом, на момент его создания автору было всего лишь 14 лет.

Переворачиваем страницу, и автор, мгновенно взрослея, оказывается в парке Гагарина: «Хвои нежный аромат, // снега хруст под лыжею, // завести бы мне роман // с белочкою рыжею. // Может это и обман, // напишу до чёрточки // с рыжей белочкой роман, // с рыжею девчонкою...» [3, с.59].

Весь творческий путь поэта — странствие «Время несёт меня как по реке, вновь я стихи сочиняю. Всё, что скопилось в моём сундуке, вам подарить я желаю... Всё вам отдам и пойду налегке к самому дальнему краю» [3, с. 4]. Но неизвестности не нужно бояться. «Что впереди, и где нас ждут, и сам не знаю я уже. Но напишу свой новый стих и зарисую каждый штрих в чудесном звёздном витраже» [3, с. 23].

Вступая в творческий диалог с Михаилом Ясновым, Владимир Швед посвящает ему стихотворение, в котором описывает собственный «райский идеал»: «Хочу я в былое // сегодня взглянуться, // мне необходимо // уехать в Чудетство. // Чудетство — страна, // Чудетство — струна, // Чу, Детство // в сердце у меня! // Чудетства не найти на карте, // но знаю я в него пути, // там где-то на последней парте // оно виднеется почти!» [2, с. 37].

Сам неологизм «чудетство» принадлежит Михаилу Яснову, вполне «взрослому» переводчику и выдающемуся детскому поэту круга журнала «Костёр», поддерживавшему связь и с челябинскими литераторами.

«Слагаю стихи, // словно строю дома, // и пусть они кажутся хилы и малы, // но после дома составляют кварталы, // но после стихи составляют тома» [3, с. 17].

Когда-то в некрологе один из вождей пролетариата назвал Сергея Есенина «гражданином лирики». Без преувеличения можно назвать и Владимира Шведа «гражданином Чудетства» — именно эта грань определяла его творчество, его одновременно «детское» и «взрослое» я. Можно предположить, что ушедший несколькими годами ранее Михаил Давидович Яснов одобрил бы его приём в гражданство.

Список литературы

1. Капитонова, Н. А. Швед Владимир Александрович, писатель (60 лет со дня рождения). / Н. А. Капитонова // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2022. — Челябинск, 2021. — С. 166–171.
2. Швед, В. А. Мой и бабушкин сундук. Избранные стиховытворения / В. А. Швед. — Челябинск : ИП Левченко, 2016. — 232 с.
3. Швед, В. А. Радуга для друга. Сти-ха-ханюшки / В. А. Швед. — Челябинск : ИП Левченко, 2012. — 112 с.

Дворкина А. А.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
alexandrasubbotina07@yandex.ru

Научный руководитель: Питина С. А., Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Средства художественной выразительности в текстах английских колыбельных-запугиваний

Аннотация. Настоящее исследование рассматривает колыбельные песни с мотивом запугивания как сложный феномен. Анализ текстов демонстрирует, что такие колыбельные используют образы исторических антигероев и структурированные нарративы для трансформации страха в контролируемый педагогический инструмент, обеспечивающий усвоение социальных норм ребенком.

Ключевые слова: колыбельная, запугивание, английский фольклор, средство художественной выразительности, исторический антигерой.

Dvorkina A. A.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
alexandrasubbotina07@yandex.ru

Artistic means of expression in the English lullabies with an element of intimidation

Abstract. This study examines lullabies with an element of intimidation as a complex phenomenon. The textual analysis demonstrates that such lullabies utilize images of historical anti-heroes and structured narratives to transform fear into a controlled pedagogical tool, ensuring a child's assimilation of social norms.

Keywords: lullaby, intimidation, English folklore, means of artistic expression, historical anti-hero.

Сюжет запугивания-предупреждения посредством колыбельной песни является одним из основных мотивов во многих культурах. Его смысл заключается в появлении вредителя, а также в наступлении нежелательного результата после невыполнения адресатом требуемого действия или нарушения границы дозволенного (например, покидание ограниченного взрослым пространства) [1, с. 26].

В английской лингвокультуре главными героями колыбельных-запугиваний обычно становятся такие персонажи, как Bug, Vogeу, Vogeуman, Boggart, напоминающие Буку и Бабая [3, с. 111]. Английские фольклористы Питер и Иона Оупи в своей работе «The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes» указывают на то, что упоминание в колыбельных антигероев является центральным художественным приемом, основная цель которого — добиться успокоения капризного

ребенка посредством устрашения и угрозы. Однако антигерой может иметь и человеческий облик: в зависимости от эпохи британской истории, в песенках могли встречаться Наполеон Бонапарт, А. С. Меньшиков — военный деятель Крымской войны, английский революционер Оливер Кромвель (Black Old Knoll) [4, с. 59]. Персонификация источника страха, придание ему конкретного человеческого облика (вместо традиционных Vogeу, Vogeуman, и т. д.) создает понятный ребенку образ.

По мнению российского филолога В. В. Головина, нарушение классической функции колыбельной (обеспечение покоя) может быть ситуативно оправдано. Баюкальщица интуитивно выбирает текст, соответствующий состоянию младенца. Для успокоения ребенка в состоянии истерики или перевозбуждения иногда применяются тексты с элементами условной угрозы. Кратковре-

Hush you, hush you, little pet you,
Hush you, hush you, do not fret you,
The Black Douglas shall not get you
[2, с. 451].

Ключевым механизмом выступает контраст между ласковым, нежным обращением *little pet you* и персонифицированной угрозой в образе историко-фольклорного хронотопа, *The Black Douglas* (что является аллюзией на Джеймса Дугласа, шотландского полководца 13 века — времени войны Шотландии за независимость), где мрачный эпитет *black* актуализирует семантику смерти и зла. Гипнотический эффект и императивная тональность достигаются за счёт анафоры (*hush you*) и лексического повтора прямого обращения *you*, создающего ритмическое давление. Параллелизм придаёт высказыванию характер архаичного заклинания или оберега. Вся конструкция организована рифмовкой (*pet-fret-get*), заключающей угрозу в легко запоминающуюся формулу.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что колыбельные песни с мотивом запугивания представляют собой сложный феномен, выходящий за рамки простой утилитарной «усыпительной» функции. Приведенные в работе колыбельные характеризуются использованием образов исторических антигероев для достижения главной цели: контроль поведения непослушных, капризных детей (в британской лингвокуль-

туре Оливер Кромвель, Наполеон Бонапарт и Черный Дуглас были воплощением хаоса и жестокости). Использование имени конкретной исторической личности выполняет ключевую идеологическую функцию, персонифицируя абстрактное зло и встраивая приватный акт убаюкивания в общенациональный дискурс противостояния с внешним врагом.

Глубинная структура вышеуказанных колыбельных, построенная по схеме «констатация нарушения — призыв к порядку — демонстрация угрозы — обещание защиты», функционирует как ритуализированный магический оберег. Ключевым механизмом воздействия в таких текстах является создаваемое художественными средствами управляемое напряжение. Гипнотический ритм и повтор, использование повелительного наклонения, гротескных метафор, аллитерации с одной стороны, и образ устрашающего персонажа, с другой, формируют специфическое эмоциональное поле. В этом поле абсурдность и гиперболизация угрозы, опосредованные условностью жанра, делают страх контролируемым, а его преодоление (через тишину и послушание ребенка) — достижимым. Таким образом, страх трансформируется из деструктивной эмоции в педагогический инструмент, внушающий базовую социальную максиму: соблюдение норм поведения является гарантией безопасности.

Список литературы

1. Головин, В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе / В. В. Головин. — Аво : Akademi University Press, 2000. — 451 с.
2. Каримова, Ф. С. Отражение исторических личностей в колыбельных песнях на английском и узбекском языках / Ф. С. Каримова // Бюллетень науки и практики. — 2021 — № 1. — С. 448–453.
3. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С. А. Питина. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т., 2002. — 191 с.
4. Opie, I. The Oxford Nursery Rhyme Book / I. Opie, P. Opie. — Oxford : Clarendon Press, 1963. — 248 p.

Жиндеева Е. А.

Мордовский государственный университет имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия
jindeeva@mail.ru

**Генерация мифологических мотивов
в образцах современной отечественной литературы
(на примере романа Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока»)**

Аннотация. На примере анализа романа Н. Абгарян романа «С неба упали три яблока» показана интеграция традиционных мифологических элементов этнического происхождения с современными нарративами. Особое внимание уделено тому, что писательница отражает приверженность своей культуре.

Ключевые слова: современная русская литература, нарратив, мотив, мифологический, психологизм, культурный код.

Zhindeeva E. A.

Mordovian State University named after M. E. Evseviev, Saransk, Russia
jindeeva@mail.ru

**The Generation of Mythological Motifs
in Contemporary Russian Literature
(Based on Narine Abgaryan's Novel «Three Apples Fell from the Sky»)**

Abstract. The analysis of N. Abgaryan's novel «Three Apples Fell from the Sky» demonstrates the integration of traditional mythological elements of ethnic origin with modern narratives. Special attention is given to the writer's commitment to her culture.

Keywords: modern Russian literature, narrative, motif, mythological, psychologism, cultural code.

Отечественная литература XXI века идет по пути трансляции культурно-этического своеобразия традиций всех народностей, населяющих территорию страны, что и дает основание говорить о собирательности термина «современная русская литература». Одним из наименее изученных феноменов на сегодняшний день является творчество на русском языке представителей суверенных государств, формирование которых было определено распадом Советского Союза. Имея общее советское прошлое, представители старшего поколения россиян воспринимают такие художественные тексты как образцы, напоминающие счастливое детство, другой тип мышления. Однако это не единственная причина популярности такого повествования. Предлагая альтернативное видение, укорененное в культуре и открытое для нового толкования, такая литература несет культурные традиции своего народа, дает возможность молодому поколению приобщиться к непреходящим ценностям, среди которых семья, любовь, взаимовыручка, взаимоуважение по-

прежнему занимают лидирующие позиции.

Опасность исчезновения нависла над традиционными культурными практиками и нарративами в эпоху быстрых социальных и технологических преобразований. Писателям по-прежнему принадлежит решающая роль в сохранении и возрождении культурного наследия путем трансляции ценностных ориентиров в образцах современной литературы. Одним из таких примеров становится сегодня проза Наринэ Абгарян. Писательница воссоздает диалог между культурами, поднимая общие проблемы и темы. Для этого автор избирает для себя излюбленную тактику создания семейных хроник, сочетающих автобиографические воспоминания, мифологические мотивы и философские размышления о судьбе конкретного человека. Не исключением стало и ее повествование «С неба упали три яблока».

Действие романа происходит в деревне Маран, где традиционные ритуалы, такие как подготовка к свадьбе, выделяются на фоне повседневной жизни, пропитанной мифами

и преданиями. Учитывая, что основой темой произведения является обретение смысла жизни путем многочисленных испытаний, обратимся к трансляции мифологических мотивов повествования и описанию попытки создания авторского мифа, ключевым понятием которого является обретение внутреннего покоя посредством следования памяти предков.

Само понятие мифологического мотива тесно связано с его органическими составляющими — пониманием мифологии и мотива как структурных элементов. Определяя для нашего исследования мифологический мотив как повторяющийся элемент комплексного, символического представления о мироустройстве, включающем в себя архетипическое ядро и ключевую трансляцию понимания сущности описываемого, мы склонны выделить в анализируемом произведении сюжетообразующий мифологический мотив и сопутствующие. А поскольку сюжетообразующий мотив становится основой авторского мифа, для начала рассмотрим сопутствующие, трансляция которых ориентирована на серьезный читательский опыт аудитории, для которой и предназначен роман автора. Одним из таковых является три яблока в заглавии произведения.

Мы уверены, что многослойность художественного мира Н. Абгарян заложена уже в названии романа. Его «раскодировка» дает некую инструкцию к прочтению, философская сущность которой может быть выражена в ключевых понятиях «откуда, что сделало, что»:

– Откуда. Философское понимание жизни как дара, ценности, божественной милости наполняет весь роман. Неслучайно в произведении обнаруживается крепкая связь с потусторонним миром (небом). Реализуется это и в снах, и в предупреждениях умершей Магнахинэ, и в наличии райской птицы павлин — хранителе семьи Ваню и Василины Ейбоганц и т. д.

– Что сделали. Глагол, употребленный в прошедшем времени, множественного числа дает читателю ощущение уже совершенности события, отсутствия его обратности, способов повлиять на них. Фаталистическая нотка практически исчезает в случае соединения откуда и что сделали. «С неба упали» воспринимается уже как дар, неожиданная радость.

– Что. Библейский код яблока здесь расширен. Это не просто фрукт Эдема, символ

своеволия и послушания. Это результат жизни, результат биологического ежегодного цикла, некий его итог. И действительно, перед нами деревня стариков, отрезанная от внешнего мира, практически забытая, но не заброшенная. Это уникальный мир, где люди живут по совести, где осень жизни воспринимается не дар. Казалось бы, все прожито, пережито, от жизни нечего ждать. Но это замедленное горным воздухом, физическим трудом, чистой совестью угасание для писательницы дороже бурной молодости с ее фатальными ошибками и резкими суждениями.

Примечательным является и количество плодов. На наш взгляд, Н. Абгарян соединяет здесь две теории, которые и дают ключ к пониманию всего текста: библейский и социально-культурный.

Первый, условно назовем его «эдемским», включает в себя три субъекта грехопадения Змей — Ева — Адам. У каждого здесь своя роль: искушитель-инициатор (коварство, обман и т. п.) — катализатор-исполнитель (непослушание, любопытство, желание выйти за пределы) — собственно искушаемый (соглашательство, наивность, доверие, безответственность, порыв). Но только наличие этих трех составляющих дает поступок, изменивший ход событий.

Второй ключ к пониманию названия может быть условно назван социально-культурным и связан с тремя яблоками — символами прогресса: яблоко в Эдеме, яблоко Ньютона, яблоко Стива Джобса как средство перемещения людей в виртуальную действительность.

Таким образом, соединяя ключевые понятия названия текста можно понять принципы генерации мифологического пространства романа.

Опираясь на изученность основных видов мотивов, таких как мотив путешествия, мотив инициации, смерти и возрождения, мы можем выделить основополагающий мотив

— возвращение человека к традициям как к самому себе, к своей семье, а через это и к новой жизни. Центральной в этом ракурсе становится история Анатолии и Василия, их попытка облегчить друг другу жизнь и рожденная из этого действия любовь: неспешная, осознанная, основанная на бурях эмоций и страсти, а на заботе, нежности круг к другу. И как следствие чувств торжество жизни над смертью. Приготовившаяся

к смерти Анатолия рождает дочку в 58 лет. Девочка становится новым шансом для умирающей деревни.

Справедливость ради укажем на два возможных истока, искусно и любовно соединенных героиней в своем авторском мифе: библейский и социально-культурный. Напоминает история, описанная Наринэ Абгарян, библейский случай Авраама и Сарры, родивших сына на пороге столетия.

Да и указанный возраст Анатолии для сегодняшнего дня не так и неправдоподобен, как может показаться н первый взгляд.

Преданность настоящему, уважение к прошлому, празднование сегодняшней жизни, полной трудностей, встречающихся на пути Анатолии, символизируют надежду в борьбе с отчаянием. Именно это и составляет мораль генерации мифологических сюжетов в анализируемом повествовании, примечательным для восприятия которого становит-

ся и то, что Наринэ Абгарян погружается в повседневную действительность, соединяя в ней прошлое и будущее. Именно сегодняшний день для нее отсчетная точка существования личности, подпитываемой прошлым и имеющей будущее.

Анализируемый роман транслирует образ жизни узнаваемых характеров, побуждая критически осмыслить отношения людей, понять и принять культурные истории, общие черты представителей этноса, которые сохраняют свою идентичность. Для Н. Абгарян очень важно подчеркнуть в своем повествовании верность героев своему народу. Безмерную преданность Армении наравне с любовью и уважением к России отличают Н. Абгарян-писательницу, которая вносит свой вклад в разнообразие современной отечественной литературы, предлагая свежий взгляд на армянский опыт жизни в своей стране и в России.

Список литературы

1. Абгарян, Н. С неба упали три яблока. — Москва : АСТ, 2015. — 384 с.
2. Галкина, А. Проблематика и поэтика современной прозы. — Санкт-Петербург : Питер, 2021. — 279 с.
3. Романова, И. Фольклорные мотивы в современной русскоязычной прозе. — Москва : Языки славянских культур, 2019. — 297 с.
4. Терлецкий, А. Д. Словарь литературных персонажей: Русская литература: середина XIX — начало XX вв. / А. Д. Терлецкий. — Москва : Московский лицей, 1997. — 436 с.
5. Томашевский, Ю. В. Вчера и сегодня: критико-публицистические сюжеты / Ю. В. Томашевский. — Москва, 1986. — 224 с.

Иост О. А.

Торайгыров университет, г. Павлодар, Казахстан
olga_jost@mail.ru

Духовное ученичество и русская идея как реализация национальной традиции и основа русской словесности

Аннотация. В статье говорится о духовном ученичестве как ключевом своеобразии русского национального самосознания, реализованном в разработке русской идеи — комплекса вопросов об историческом и метафизическом предназначении русского народа как носителя Православия. Пунктирно прослеживается понятие Святой Руси — квинтэссенции русской идеи, выступающей на протяжении всего развития русской словесности в качестве одной из главных национальных традиций и основ русской словесности, лучшие представители которой, воплощая пример высокого духовного ученичества, стали и великими духовными учителями русского народа до исполнения им своей великой миссии.

Ключевые слова: духовное ученичество, русская идея, Православие, русская словесность, Святая Русь.

Spiritual discipleship and the Russian idea as the realization of national tradition and the basis of Russian literature

Abstract. The article discusses spiritual discipleship as a key aspect of Russian national identity, embodied in the development of the Russian idea — a complex of questions about the historical and metaphysical destiny of the Russian people as bearers of Orthodoxy. The concept of Holy Rus' is briefly explored as the quintessence of the Russian idea, serving throughout the development of Russian literature as one of the main national traditions and foundations of Russian literature. Its best representatives, embodying an example of high spiritual discipleship, also became great spiritual teachers of the Russian people before they fulfilled their great mission.

Keywords: spiritual discipleship, Russian idea, Orthodoxy, Russian literature, Holy Rus'.

Духовное ученичество является отличительной чертой русского национального самосознания, что реализовано в истории русского народа и отражено в русской словесности как одной из главных форм культуры. Русский народ, возникший после крещения, добровольно перенимает духовную эстафету истинной веры — Православия, которую нужно обрести в полной мере, максимально укрепить в себе и затем понести далее по всему миру: реализовать так называемую «русскую идею» — представления об историческом и метафизическом предназначении русского народа в судьбе человечества.

Духовное ученичество как одно из ключевых условий реализации русской идеи прямо четко и полно явлено в русской словесности, пронизывая ее на всех этапах развития — с момента возникновения до сего дня. Началась история русской словесности именно с духовного ученичества: древнерусская литература явилась прямой наследницей византийской с ее христианской ориентацией. Жанры, характер содержания, стиль словесности Древней Руси были переняты именно в качестве продолжения православной традиции. Русский народ создает словесность, на первых порах базирующуюся на собственно духовных источниках и книгах, необходимых прежде всего в богослужебных целях. Далее русские книжники расширяют список переводимых книг, довольно быстро усвоив специфику перенимаемых жанров (летописание, агиография, торжественное и учительное красноречие, паломничество), и создают по аналогии собственные оригинальные тексты указанных жанров. Все произведения русской словесности Святой Руси несут в себе мощный духовный смысл, являя

во всей полноте суть православной концепции мира и человека. Книжники, которые на первых порах развития русской литературы исключительно подвизались в монастырях, сами демонстрируют ученичество в вере и, имея целью распространить православие как можно более широко и глубоко, прививают русскому народу свойство, которое станет для него ключевым на все последующее время, вплоть до сего дня: духовное ученичество. Пушкин, как всегда, точно и емко заявляет: «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер... Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением» («Заметки по русской истории ХУШ в.») [6, т. VII, с. 277]. Просвещение понимается в т. ч. и как свет духовный. Как позже писать об этом будет Гоголь, продолжив пушкинскую традицию понимания просвещения и более пространно указывая, что «свет просвещения» есть не что иное как «Свет Христов», который «освещает всех!» («Выбранные места из переписки с друзьями») [2, т. VI, с. 71].

«Свет Христов — православная вера, принятая русским народом, действительно должен осветить всех, с чем и связана русская идея. Одно из первых произведений русской письменности, содержащих в себе зачатки русской идеи, — «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Главным здесь выступает содержание русской идеи, которая есть идея православная, народная, идея самопознания Руси, идея покаяния, идея исполнения Святой Русью замысла Божьего, которое разовьется затем во всей последующей русской литературе как древнего, так и нового периодов.

К концу XVII в. завершился этап словесности Древней Руси: именно потому, что во

многим оскудел духовный заряд, полученный в момент крещения русского народа. Постепенный процесс обмирщения привел к тому, что собственно духовная словесность перестала отвечать требованиям теперь уже сильно обмирщенного национального сознания, уйдя в довольно узкую сферу церковной жизни, продолжая там свое развитие до сего дня. Но первоначальный заряд Благодати был настолько мощным, что высокий метафизический смысл истинного христианского учения все-таки продолжал определять своеобразие национального самосознания русского человека и далее.

Русская литература нового времени продолжила традицию духовного ученичества: теперь уже русскому человеку пришлось учиться прежде всего у своих благочестивых предков. XIX столетие во многом стало «золотым веком» в развитии русской художественной словесности именно потому, что в этом веке восстановлено во многом утраченное в предыдущем представление о сути русского предназначения. Столь мощно явленная в XVIII в. ориентация на Запад, пагубная в духовном смысле, начала преодолеваться в начале следующего столетия, и прежде всего, в творчестве русских авторов слова. Отечественная война 1812 г. в этом смысле послужила мощным спусковым крючком. Пушкин по итогу своей разноаспектной и многозначной деятельности восстанавливает понятие Святой Руси в полной мере, уже в самом начале своего творческого пути, воодушевленный победой русского народа над Наполеоном, символично определяя суть предназначения — личного и всенародного: «Их цель иль победить, // иль пасть в пылу сраженья // За Русь, за святость алтаря» («Воспоминания в Царском селе», 1814 г.) [6, т. I, с. 56]. Речь здесь не только о военном сражении в физической плоскости мира, но и о духовном: Святая Русь призвана к метафизической победе над силами зла, мрака, лжи с целью утверждения Добра, Света, Истины.

Все художники и мыслители, находящиеся на магистральном пути развития русской словесности, проявляют способность к духовному ученичеству, и прежде всего, в отношении русской идеи. Пушкинскую традицию в XIX в. мощно продолжают Гоголь, Тютчев, Достоевский. Закономерно, что усиление нигилизма ведет к актуализации русской идеи, к необходимости сугубого духовного ученичества, которое и являют лучшие представи-

тели русского национального самосознания. Определенным пиком в деле духовного ученичества стал, конечно, Ф. М. Достоевский, утверждавший, что узнал «народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают его» [4, т. XXVIII, кн. I, с. 173], и сам ставший великим учителем для русского народа на все последующие времена. Писатель узнал истину: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие всё» [4, т. XXVII, с. 64]. Мыслитель говорит о сути русской идеи: «Поднялась народная идея и сказалось народное чувство: чувство бескорыстной любви к несчастным и угнетенным братьям своим, а идея — «Православное дело»... прогресс человеческий и всеочеловечивание человеческое, так именно понимаемое русским народом, ведущим всё от Христа, воплощающим всё будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим и представить себя без Христа» [4, т. XXIII, с. 103]. Предсказав бесовский разгул в России следующего столетия, т. е. отдавая полный отчет в предстоящем временном отпадении русского народа от Истины, он тем не менее точно знал: «Христа может проповедывать одна лишь Россия. Богоносный народ — один только русский» [4, т. XI, с. 152].

Именно потому он и становится постоянным объектом нападения со стороны метафизических сил зла. История России XX и начала XXI столетия в очередной раз показала, что русский народ может в массе отпасть от Истины, но сохранить зерно ее в немногих верных, чтобы вновь взрастить его в себе и понести по всему миру. Страшные события первой четверти XX в. (первая мировая война, революции, гражданская война), приведшие к краху многовековой российской государственности и, как казалось многим, к уничтожению Православия, на самом деле актуализировали русскую идею. Так, М. А. Волошин 19 ноября 1917 г в стихотворении «Святая Русь» как раз и говорит о сути происходящего с Россией: «Враг шептал: развей да расточи, // Ты отдай казну свою богатым, // Власть — холопам, силу — супостатам, // Смердам — честь, изменникам — ключи» [1]. Но поэт знает, что это временно и Святая Русь не смотря ни на что останется таковой: «Я ль в тебя посмею бросить камень? // Осужу ль страстной и буйный пламень? // В грязь лицом тебе ль не поклонюсь, // След босой ноги благословляя, — // Ты —

бездомная, гулящая, хмельная, //Во Христе юродивая Русь!» [1].

В советское время русская словесность продолжала говорить о русской идее. Так, например, А. Тарковский обращается к истории: «Я Нестор, летописец мезозоя, // Времён грядущих я Иеремия. // Держа в руках часы и календарь, // Я в будущее втянут, как Россия» [7], упоминая древнерусского летописца и древнееврейского пророка, через которого Господь предсказал, что Иудея будет под гнетом вавилонян семьдесят лет: именно столько понадобится, чтобы люди опомнились. Поэт тоже оказался пророком, в 1958 г. предсказавшим, что советская безбожная власть тоже продержится не более семи десятилетий: в 1991 г. Советский Союз рухнул. После чего наступили страшные 90-е, когда многим казалось, что Россия практически уничтожена и ни о какой русской идее не может быть и речи.

Но пути Господни поистине неисповедимы, и русская идея как Божье предназначение России вновь предельно актуализируется, что опять явлено в русской словесности. Сугубо представлена русская идея в так называемой военной поэзии СВО, которая активно присутствует в жизни современного российского общества и демонстрирует продолжение традиции духовного ученичества посредством разработки русской идеи, в частности, понятия Святой Руси. Приведем лишь несколько примеров. «Не ходи врагом // На святую Русь! // Не ходи на Русь, // В сердце злота» («Кто на Русь с мечом»,

2014); «Мы говорили с мамой о войне, // О том, как погибали наши предки, // Которые не знали обо мне, // Но за меня врагов разили метко. // За то, чтоб я родился на Земле // Они мечи из ножен вынимали, // И, с Александром Невским во главе, // За Русь Святую до конца стояли» («Мы говорили с мамой о войне», 2022). «И вот так — за други, за свой дом родной, // Напрямую в небо, под колокола, // За родную Веру, что их в бой звала» («Падают ребята», 2024) [4]. «Змей коварный по земле рыщет, // Слабых духом среди людей ищет...// Одурманил, опоил ядом, // Превратил крещёных в слуг ада, // Развратил да посулил злато, // За него воюет брат с братом. // Бывший брат, очнись! Кому служишь? // Над тобой поганый змей кружит. // У него, как встарь, голов много, // Но и он ведь не сильнее Бога! // Сын крестьянский вновь на бой вышел, // Рядом воинов Руси — тыщи! // С верой в Бога и в Его Слово// Будет ворот побеждён снова») [3]. Современные представители русской словесности, как видим, продолжая традицию, учась у благочестивых предков, восстанавливают на новом историческом этапе понятие Святой Руси и уверены в победе русского народа.

Итак, духовное ученичество как одно из ключевых проявлений русского национального самосознания является условием реализации русской идеи, которая выступает в качестве главной традиции и основой русской словесности, яркие представители которой, учась сами, превращаются в великих учителей русского народа.

Список литературы

1. Волошин, М. А. Святая Русь / М. А. Волошин. — URL: <https://www.culture.ru/poems/33321/svyataya-rus> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь. — Москва: Русская книга, 1994.
3. Гостева, Е. Змеище поганое / Е. Гостева. — URL: <https://stihi.ru/2025/02/21/6031> (дата обращения: 09.12.2025).
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1972–1990.
5. Кадашников С. — URL: <https://kadashnikov.ru> (дата обращения: 26.11.2025).
6. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Правда, 1981.
7. Тарковский, А. А. Посредине мира / А. А. Тарковский. — URL: https://45parallel.net/arseniy_tarkovskiy/stihi/index.html (дата обращения: 01.12.2025).

Киреева Е. В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

Роль фольклорной практики в сохранении устного народного творчества россиян в постсоветский период

Аннотация. В статье затрагивается вопрос о значении собирательской работы силами студентов-филологов в сохранении традиции устного народного творчества россиян. Эта традиционная форма бытования фольклора в современных условиях терпит поражение в условиях цифровой эпохи. На локальном материале наблюдений за работой студентов СГУ с опорой преимущественно на развернутые отчеты самих практикантов зафиксирована роль этой практики и для личностного становления современных филологов, как в плане «открытия» для себя истории своей семьи, так и в плане приобретения опыта общения с людьми незнакомыми, воспитания людей неравнодушных к сохранению традиционной культуры.

Ключевые слова: собирательская работа в ходе фольклорной практики, роль практики в сохранении традиционного фольклора, нравственное становление практикантов.

Kireyeva E. V.

Saratov State University, Saratov, Russia
kireevaevv@yandex.ru

Role of folklore studies in preserving Russian verbal folklore in post-Soviet period

Abstract. The article studies the importance of collecting Russian verbal folklore by students-philologists and preserving these traditions. In modern digital era, the traditional forms of folklore are degrading. Analysing the results of the SSU students' local folklore internship, it becomes clear that it is very important for professional development of modern philologists. On the one hand, it is a kind of "a discovery" of their families' history, and, on the other, they get some experience of interacting with unknown people, but it also helps to educate population to be attentive to their traditional culture.

Keywords: collecting studies with in folklore internship, the role of internship in preserving traditional folklore, moral and professional education of students.

Характеристика фольклорной практики студентов Института филологии и журналистики СГУ (сроки проведения, формы на стационаре и у заочников, методические рекомендации по сбору) даны автором данной статьи в сборнике материалов «XXXIX Зональной конференции литературоведов Поволжья» [3, с. 100–111]. Половина состава обучающихся на дневном отделении и все заочники в ходе практики собирают фольклорный материал.

Предложенное в данной статье рассмотрение роли собирательской работы студентов-филологов в условиях вызовов времени («цифровая эпоха») сделано преимущественно на основании учета предлагаемого студентами видения роли практики в их становлении как филологов. Оно отчасти поражает глубиной, зрелостью и искренностью признаний авторов отчетов, что особенно оче-

видно на фоне большинства такого рода отчетов 2010–2024 гг. В них отражены радости и трудности проделанной работы: поиск информантов, освоение навыков ведения беседы, правильно оформление собранного материала и прочее. Эта отчасти случалось и в отчетах предшествующих десятилетий, но в приводимых в статье фрагментах отчетов практикантов 2024/2025 года радует акцент на том, что дало общение с людьми практикантам не только в информационном, но и в эмоциональном плане. Многие ощутили «роскошь человеческого общения». И трудно сказать, для кого из студентов эта радость больше: для тех, кто во время практики получил доступ к архиву оставившего их семью отца; для тех ли, кто в ходе практики привлек к сбору материала представителей разных поколений своей семьи, либо для тех, кто смог проникнуться красотой и поэзией

внутреннего мира одинокого незнакомого ему человека. Практиканты отметили и возросшую у них в ходе практики любовь к своей малой родине. Впервые за многие годы в отчетах практикантов встречаются, полагаю, искренние признания о роли сохранения устного народного творчества, каким оно предстает на данном этапе своего существования. Многие отметили изменившееся за время практики представление о фольклоре как о чем-то давнем, ушедшем в прошлое, существующем лишь на страницах учебников и сборников фольклора разных жанров, но как о том, что помогает людям жить сегодня, сохраняя в себе и память о прошлом, и любовь к людям, окружающим их в настоящем.

Осмывая записи, сделанные от представителей разных поколений своей семьи, студенты приобщились к навыкам научной работы. Так, студентка К. А. Буканова выявила характер трансформации текста сказки о козе — любимой сказке ее бабушки, перенятой ею от прадедушки и часто ею рассказываемой внукам. Налицо факт забвения на современном этапе бытования части текста при лучшей сохранности многократно повторяемых слов козы о том, как плохо ее пасли. Как бы то ни было, записав текст от бабушки, студентка лучше его усвоила, что по-своему способствует сохранению традиционного фольклора.

Студентка А. А. Якушкина среди прочих материалов произвела запись свадебного обряда в Пензенской области с точки зрения взгляда представителей двух поколений ее семьи на рубеже XX–XXI веков, причем в числе информантов был и мужчина, ее дедушка, что редко встречается в записи. Женское описание обряда более эмоционально, психологизированно.

П. А. Конопольская, описавшая уникальный армейский дневник (заполненный его владельцем из города Петровск Саратовской области только стихами, сочиненными в ходе службы в нулевые годы XXI века), в околотекстовом материале и в отчете о практике отразила значение дневника для его составителя как в период службы (форма психологической разрядки), так и по её окончании (хранение «на память», передача старшему сыну, ныне служащему в армии, для которого этот дневник оказался востребованным).

В отчетах практиканток прослеживается наследование ими такой, подчас трудно уловимой, формы традиции собирательства, как

умение слушать собеседника, располагать к себе в ходе интервью: тактично, но, по возможности, целенаправленно вести беседу, учиться терпению и смирению в «незапланированных обстоятельствах».

Важнейшее значение практики — и обретение студентами радости общения с незнакомыми и знакомыми людьми (особо радостно было открытие для себя нового в родственниках). Вот, что пишет В. В. Туманова: «Самая приятная часть практики — это, конечно же, беседа с информантами, так как эмоции, которые ты видишь у человека, который во время разговора не просто дает сухую выжимку, перечисляя поговорки и обряды, а вспоминает, грустит, радуется — неподдельны и неповторимы. Было крайне приятно видеть, с какой теплотой Наталья Витальевна вспоминает о родне, старых друзьях и собственной молодости» [4, с. 3].

Нечто подобное отмечает и Д. С. Квитчук, собиравшая малые жанры фольклора от своей бабушки: «К самой идее записи фольклора информант сначала отнеслась настороженно — не сразу поняла, зачем фиксировать привычные бытовые фразы и поговорки. Однако в ходе общения отношение изменилось: бабушка заинтересовалась, стала вспоминать больше и сама предлагала новые примеры, уточняя их значение или контекст употребления. Этот переход от настороженности к искреннему участию стал важной частью наблюдения: оно показало, что фольклорная практика требует не только исследовательской подготовки, но и особого человеческого контакта, внимательного и уважительного отношения к информанту» [2, с. 2].

Работа с информантом стала для меня не только учебной, но и личной. Разговор с бабушкой позволил лучше понять, как фольклор связан с человеческой памятью, как в простых выражениях сохраняется дух прошлого. Во время беседы я почувствовала особую атмосферу доверия и тепла, которой редко удается добиться в формальном общении. Эта часть практики показала, что сбор фольклора — не просто фиксация слов, а живое взаимодействие поколений <...>.

Таким образом, летняя практика в Хвалынске, позволила мне не только собрать материал, но и осознать глубинную значимость малых фольклорных форм для сохранения национальной культуры. Я убедилась, что фольклор продолжает жить именно там,

где есть общение, традиция и память. Каждая зафиксированная фраза — это часть семейной и народной истории, передаваемой из уст в уста. Работа с таким материалом требует внимательности, уважения и любви к слову, ведь именно через эти тексты передается не только юмор, но и национальная культура» [2, с. 4–5].

Студентка, зафиксировавшая свадебный обряд от представителей разных поколений своей семьи, отмечает: «Особую ценность практика приобрела для меня лично. Работая с родственниками в качестве информантов, я не только получила уникальные данные из первых рук, но и значительно углубила понимание истории своей семьи, ее ценности и связи с прошлым. Это позволило увидеть близких людей не только как носителей личной памяти, но и как хранителей живой традиции, чьи рассказы оживили целый пласт культурного опыта, объединяющего нас с предками» [5, с. 4].

Судя по отчетам ряда студентов, практика многое дала и в воспитании в современных студентах «внутреннего человека», что особенно значимо в современных условиях «ускорения времени» и дефицита внимания к другому человеку, к «не-я». Приведем в качестве примера выдержку из другого отчета: «В итоге мне удалось работать с одной информанткой, женщиной 1954 г. р. <...>. Эта женщина оказалась человеком удивительной теплоты, памяти и эмоциональной выразительности.

С первых минут беседы стало понятно, что для нее воспоминание прошлого, рассказы о родне, праздниках, песнях и событиях молодости — не просто пересказ фактов, а глубокое внутреннее проживание. Она говорила не «о фольклоре», а «о жизни», и в этом я видела самую суть народной традиции: народное творчество существует не отдельно, а в опыте людей, в их чувствах, в их голосах <...>. Эта практика в Курдюме стала для меня не только сбором материала, но и опытом общения, доверия и понимания. Я училась слушать не только слова, но и молчание, дыхание, паузы. Поняла, что каждый рассказ — это не просто текст, а жизнь, сохраненная в памяти. И если есть тот, кто готов услышать, то фольклор никогда не умрет» [1, с. 1, 4].

При очевидности сохранения фольклорной традиции, хотя в целом и подвергающейся редукции, особенно в жанрах традиционной песни, сказки, частушки, она проявляется в жанрах обрядового фольклора, исторической прозы, городской легенды, былички, армейского фольклора, жанров мордовского и чувашского фольклора. Они в советский период почти не фиксировались.

Общее впечатление о современном этапе прохождения фольклорной практики: она не утратила своей значимости для подготовки филологов в высшей школе ни на познавательном, ни на методическом, ни (едва ли это не самое главное) нравственном, воспитательном уровне.

Список литературы

1. Джавадян, Е. Р. Отчёт о фольклорной практике 2024/2025 уч. г. / Е. Р. Джавадян // Архив учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Института филологии и журналистики СГУ. — Саратов, 2024. — 4 с.
2. Квитчук, Д. С. Отчёт о фольклорной практике 2024/2025 уч. г. / Д. С. Квитчук // Архив учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Института филологии и журналистики СГУ. — Саратов, 2024. — 5 с.
3. Киреева, Е. В. О собирании фольклора студентами ИФиЖ СГУ в XXI в. (общая характеристика, жанровый состав) / Е. В. Киреева // XXXIX Зональная конференция литературоведов Поволжья : сб. материалов / под ред. О. М. Буранка, Е. А. Баратынского, И. В. Завьяловой, А. Н. Пашкурова. — Москва : ФЛИНТА, 2025. — С. 100–111.
4. Туманова, В. В. Отчёт о фольклорной практике 2024/2025 уч. г. / В. В. Туманова // Архив учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Института филологии и журналистики СГУ. — Саратов, 2024. — 3 с.
5. Якушкина, А. А. Отчёт о фольклорной практике 2024/2025 уч. г. / А. А. Якушкина // Архив учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Института филологии и журналистики СГУ. — Саратов, 2024. — 4 с.

Красильникова Е. В.

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь, Россия

О фольклорной составляющей гуманитарного образования в системе современного вуза

Аннотация. В работе рассматриваются возможности привлечения фольклора как культурно-исторического и мировоззренческого материала для изучения особенностей российской цивилизации. Представлен методический опыт преподавателей Тверской ГСХА по формированию мировоззренческого образа России в рамках преподавания гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: фольклор, традиционные духовно-нравственные ценности, мировоззренческий образ России.

Krasilnikova E. V.

Tver State Agricultural Academy, Tver, Russia
gum512@mail.ru

On the folklore component of humanities education in the modern university system

Abstract. The paper discusses the possibilities of using folklore as a cultural, historical, and ideological source for studying the peculiarities of Russian civilization. It presents the methodological experience of Tver State Agricultural Academy's faculty in shaping a worldview image of Russia through the teaching of humanities.

Keywords: folklore, traditional spiritual and moral values, and the worldview image of Russia.

В условиях переориентации отечественного образования с либерально-западной на традиционную модель, органичную для российской цивилизации, все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с возвращением в учебную и воспитательную практику традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В условиях глобального кризиса культуры, когда на первый план в системе образования выходит задача преадаптации учащейся молодежи — формирование готовности к изменениям в эпоху неопределенности, способности выживать в непредсказуемом мире [2, с. 28], обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям выглядит очень востребованным. В педагогической среде в последнее время возрастает интерес не столько к содержанию ценностей, веками выработанных отечественной культурой, сколько к методам и технологиям, обеспечивающих интеграцию духовно-нравственных ценностей в образовательный процесс [4, с. 81].

Задача включения традиционных ценностей в образовательный процесс, обеспечивающая формирование национального сознания молодежи, становление ее гражданской и личностной идентичности, стоит, прежде всего, перед гуманитариями. Конечно, в этом деле нельзя исключать профессионального и личностного участия всех преподавателей,

работающих со студентами. И все же в этом деле в приоритете традиционно остаются гуманитарии, чьи предметы по своей природе и содержанию пронизаны духовными ценностями.

В новой модели высшего образования в число гуманитарных дисциплин, входящих в социогуманитарное ядро, обязательное для студентов всех вузов, предполагается включить помимо уже известных истории, философии, и новую — основы российской государственности. Последняя, пребывающая пока еще на стадии апробации, вместе с тем показала свои потенциальные возможности для включения традиционных духовных ценностей в образовательный процесс. Так, подобные возможности присутствуют в разделе, посвященном мировоззренческому образу России. В формировании мировоззренческого ядра отечественной культуры участвовали три исторических типа сознания — мифологическое, религиозное, научное (рациональное), свойственные любой культуре. Существенная часть нашей истории проходит под влиянием древнего мифологического сознания, нашедшего отражения в памятниках устно-поэтического творчества, что открывает большие возможности включения в учебный процесс фольклорного материала.

Фольклор как устное народное творчество

служит, прежде всего, формой выражения национального сознания, сопровождавшего ранние ступени формирования российской государственности. Вместе с тем, фольклор формировал и закреплял духовные ценности, определившие в последствие базовое содержание отечественной культурно-исторической памяти. Это открывает большие возможности привлечения фольклора в качестве яркой иллюстрации ценностей, входящих в мировоззренческий код России. Последние авторы проекта ДНК России представили в виде так называемого пентабазиса [3]. Его субъектами названы человек-семья-общество-государство-страна, каждому из которых соответствуют базовые ценности, свойственные отечественной культуре: развитие-созидание; согласие-сотрудничество; любовь-доверие; сила-ответственность; единство-многообразие. Универсальные, на первый взгляд, они приобретают национальное содержание благодаря той же фольклорной форме. Например, календарно-обрядовая поэзия может служить иллюстративным материалом, отражающим согласие и сотрудничество в проведении сельскохозяйственных работ и праздников; героический эпос (былины) — силу и ответственность древнерусского государства; народная лирика — любовь и доверие как важные семейные и человеческие ценности наших предков.

Надо признать, что привлечение фольклорного материала в качестве яркой иллюстрации традиционных духовных ценностей не решает задачу глубинного усвоения последних. Опора на фольклор должна стать стратегией формирования национальной идентичности. И тогда потребуются включение студентов в «фольклорную практику», что означает выход за пределы учебной аудитории. Конечно, лучше всего с этим бы справились фольклорные экспедиции, привычная практика на филологических факультетах российских вузов. Полагаем, что подобное «хождение в народ» было бы полезным и для остальных направлений подготовки спе-

циалистов. Учитывая невозможность подобной практики, приходится ограничиваться внеучебной работой как продолжением освоения тех же гуманитарных дисциплин за пределами учебных аудиторий.

Опыт работы преподавателей кафедры гуманитарных наук Тверской ГСХА показал преимущество одной из форм внеаудиторной работы — метод проектной деятельности [1]. Последними проектами, активно использующими фольклорный материал, стали «Семья в системе культуры», «Ценности традиционной и современной культуры» (2025). Студентами было предложено провести исследование по темам, связанным с ценностными аспектами различных жанров устного народного творчества:

- единство и многообразие древнеславянского пантеона;
- языческие ценности древних славян;
- государственные ценности в героическом эпосе;
- народная песня как отражение души русского народа;
- коллективизм как традиционная ценность русского народа;
- сказочные архетипы в русской культуре;
- праздничная культура: история и современность;
- крестьянский мир и семья;
- родина в системе семейных обрядов;
- свадебные традиции и обряды.

Результаты студенческих исследований были апробированы на внутривузовской и межвузовской региональной научно-студенческой конференции.

Включение фольклорной составляющей в учебную и внеучебную практику вузов, с одной стороны, процесс сложный в силу архаичности содержания фольклорного материала, его символического языка, с другой — процесс необходимый и важный для сохранения культурной самобытности страны и национальной идентичности нашей молодежи.

Список литературы

1. Красильникова, Е. В. О формировании образа традиционной культуры у студентов аграрного вуза / Е. В. Красильникова // XI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: от прошлого к будущему»: сб. материалов междунар. науч. конф., Челябинск, 28–29 февраля, 1–3 марта 2024 г. / ред. кол.: С. Б. Синецкий, Е. А. Селютина, Л. Н. Лазарева, О. В. Гришанина-Мошкина, И. В. Степанова ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — С. 41–43.
2. Слепцова, И. Ф. Проблемы модернизации гуманитарной сферы в контексте идеи пре-

адаптации как результата образования / И. Ф. Слепцова // Педагогическое образование и наука. — 2025. — № 2. — С. 28–34.

3. Федеральный проект ДНК России. — URL: <https://redangle.ru/page2291713.html> (дата обращения: 06.11.2025).

4. Фролова, Е. В. Организация воспитательной работы в системе высшего образования на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Е. В. Фролова // Высшее образование сегодня. — 2025. — № 2. — С. 80–84.

Лукьянова А. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
arina.lukyanova@mail.ru

Научный руководитель: Голованов И. А., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия. igorgolovanov2020@mail.ru

Роман В. В. Набокова «Защита Лужина»: от традиции к авторскому новаторству изображения модели двоемирия

Аннотация. В статье на материале романа «Защита Лужина» исследуется трансформация мотива двоемирия у В. В. Набокова: автор разбирает, как традиционная оппозиция «мира иного» и «мира земного» смещается в сторону знаковых и нарративных приёмов (шахматы, имена, структура повествования).

Ключевые слова: В. В. Набоков, «Защита Лужина», двоемирие, традиция, новаторство, пути трансформации.

Lukyanova A. A.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
arina.lukyanova@mail.ru

Supervisor: Golovanov I. A., South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. igorgolovanov2020@mail.ru

Vladimir Nabokov's novel «The Defense»: from tradition to authorial Innovation in depicting the model of two worlds

Abstract. The article examines the transformation of the two-world motif in Vladimir Nabokov's novel «The Defense» using the novel as a case study. The author analyzes how the traditional opposition between the «other world» and the «earthly world» is shifted towards symbolic and narrative techniques (chess, names, and narrative structure).

Keywords: V. V. Nabokov, «The Defense», two-world view, tradition, innovation, and transformation paths.

Зародившись еще в фольклоре двоемирие как «особая модель построения эстетического объекта, отражающая философский поиск онтологических и аксиологических основ человеческой жизни», проходит через всю мировую литературу, что указывает на его архетипическую природу [5]. В статье предпринята попытка рассмотреть роман

В. В. Набокова «Защита Лужина» в ракурсе литературных традиций и авторского новаторства при изображении модели двоемирия.

Перед рассмотрением самого романа, важно отметить, что модель двоемирия проходит в мировой литературе сложную эволюцию. В народном сознании двоемирие

обычно предстает в онтологической константе пространства, которое подразумевает под собой разделение осознаваемого человеком мира: «отчетливо различается пространство локальное (замкнутое) и космологическое (разомкнутое), освоенное («свое») и неосвоенное («чужое»), сакральное и профанное, социальное («внешнее») и личное («внутреннее») — пространство внутреннего мира человека» [1, с. 96].

Сентиментализм подводит эту традицию под новую оптику: раздвоенность реальности переживается через глубину чувств и воображения героя; фантазия и лиризация повседневности создают ощущение «второго» мира, но уже как субъективного внутреннего опыта, а не как объективной иной реальности.

Романтизм радикализирует эту модель: идеал выносится за пределы эмпирического мира — в утопию, мистику или эстетическое воображение — и главный конфликт решается бегством героя (духовным или фактическим) из «низменной» реальности в мир фантазии, вымысла, мифа. В произведениях этого направления контраст «идеал — действительность» абсолютен [6].

Реализм же демифологизирует двоемирие: идеал больше не экспортируется в иной мир, он сталкивается с материально-социальной средой и подвергается критическому анализу. Раздвоенность переносится внутрь общества и личности — как противоречие между моральными установками и объективными жизненными реалиями. Двоемирие стремится показать механизмы ломки идеалов, пути компромисса или трагедии и поставить вопрос о возможностях их реализации в конкретном историческом контексте.

Для модернизма двоемирие — прежде всего проблема представления и переживания реальности через раздробленное сознание. «Второй» мир возникает не как идеал-утопия, а как внутреннее ощущение героя: поток воспоминаний, сны, мифологические аллюзии, иррациональные образы, которые пересекаются с эмпирическим миром и нарушают его причинно-следственную логику. В этом смысле двоемирие модернизма носит экзистенциальный характер: оно показывает не столько уход от мира, сколько распад единого мира на конкурирующие пласты смысла и отчуждение личности, которая пытается собрать целое из обломков памяти, образов и символов [6].

Постмодернизм отказывается от идеи од-

ной единственно правильной картины мира. Вместо этого он говорит: мир состоит из множества разных версий и историй, и ни одну из них нельзя назвать окончательной. «Второй мир» в постмодернизме уже не является каким-то высшим идеалом — это набор сконструированных реальностей: текстов, пародий, коллажей и игровых образов. Эти миры часто копируют друг друга и могут заменять «оригинал», создавая то, что Жан Бодрийяр («Симулякры и симуляции») назвал гиперреальностью.

Роман В. В. Набокова «Защита Лужина» вышел в свет в 1930 г. и сразу вызвал много разговоров. В наше время этот роман также имеет большую популярность, всё больше внимания уделяется осмыслению произведения с философской, «метафизической» стороны.

С самого начала романа В. В. Набоков помещает Лужина между двух миров, и это пограничное состояние оказывается реализовано через фольклорные мотивы двоемирия: подмена личности, утрата имени, открывающая границы между мирами. Отец, навязывая мальчику образ «Антоши» — героя собственной книги, — фактически заменяет ребёнка текстом и лишает его имени; по Розеншток-Хюсси такая утрата имени открывает доступ чужой власти, темных сил. У Набокова это «демоническое» не мистически персонифицировано, а семиотизировано: власть проявляется в системе знаков и играх символов. Отец-творец создаёт интертекстуальный образ, а некий нарративный «голос-власть» оттесняет подлинное «я» [3]. Лужина как будто и не существовало на самом деле. Даже в финале, когда герой обретает имя и отчество, Лужина уже не существует: «Дверь выбили. „Александр Иванович, Александр Иванович!“ — заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было» [4, с. 637]. Сам Набоков подчёркивал семантическую направленность фамилии героя — «рифму» с англ. *illusion* — что дополнительно маркирует его судьбу как судьбу человека, погружённого в мир иллюзий знака — он сам иллюзия.

Следующая модель «художественного двоемирия», лежащая в основе композиции, связано с шахматами. Шахматы как мотив бегства в ирреальный мир рассматриваются в романе как одна из форм ухода героя от «непринимавшей» его действительности — аналог, видоизменение романтической

тенденции к уходу в воображение, мистику или природу: «Единственное, что он знал достоверно, это то, что спокон века играет в шахматы, — и в темноте памяти, как в двух зеркалах, отражающих свечу, была только суживающаяся светлая перспектива: Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, только поменьше, и потом еще меньше, и так далее, бесконечное число раз» [4, с. 78]. В этой модели шахматы выполняют роль организованной, формализованной «утопии», где герой получает порядок, смысл и идентичность, недоступные ему в бытовой жизни [2]. В связи с этим постоянно возникают оппозиции материи и духа, воспроизводимые по аналогии в двух парах: жизнь шахмат — повседневная жизнь, безумие — норма, реальность — ирреальность, пробуждение — сон. Лужин постоянно находится на пересечении двух миров.

«Третьим углом» рассмотрения двоемирия в романе является модель «Родина — чужой дом». Многие исследователи рассматривают ее лишь как простую географическую оппозицию, проводя параллель только с биографией самого автора. Однако на наш взгляд, Набоков через нее исследует распад личности и механизм утраты целостности. Родина в тексте не просто фон воспоминаний — она действует как центр эмоциональной и смысловой тяжести: петербургские и усадебные образы, «бледный огонь... дорога домой в этом мягком тумане», летние веранды

и сахарница, — все это конкретные указания на связь с миром детства [4, с. 99]. Эти детали работают как сигнальные метонимии: в них сосредоточена не только ностальгия, но и утраченная возможность возвращения к себе.

Чужой дом, напротив, представлен через наслоение имитаций и фикций: интерьеры, в которых «в строгом русском вкусе... лакированные шкатулки» соседствуют с иностранной пустотой смысла, кажутся лишь муляжом дома [4, с. 74]. Предметы здесь либо перегружены искусственной символикой, либо отталкивают своей избыточностью; только одна мелкая вещица — сахарница — способна вызвать настоящее воспоминание. Такая хрупкая точка соприкосновения выявляет главный конфликт двоемирия: родина живёт в памяти и мелких вещах, чужой дом предлагается как готовая, чужая система значений, которая не способна восстановить подлинную связь с прошлым.

Таким образом, В. В. Набоков уходит от традиционной модели двоемирия прежде всего методологически: «иной мир» у него перестаёт быть сверхъестественной реальностью и превращается в систему знаков и форм (шахматы, имена, нарратив), дающую иллюзию порядка. Вместо спасительного перехода или нравственной альтернативы двоемирие становится внутренней лимитностью личности, где уход в «другой» мир ведёт не к обретению, а к растворению героя в иллюзии.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX-XXI вв.) : монография / И. А. Голованов. — 2-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2015. — 296 с.
2. Злочевская, А. В. В. Набоков и Н. В. Гоголь: на материале романа «Защита Лужина» / А. В. Злочевская // Русская словесность. — 1997. — № 4. — С. 24–29.
3. Миронова, И. В. Человек без имени в романе В. В. Набокова «Защита Лужина» / И. В. Миронова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. — С. 48–51.
4. Набоков, В. В. Защита Лужина / В. В. Набоков // Набоков В. В. Избранное. — Москва : Олимп : АСТ», 1998. — 640 с.
5. Уваров, М. С. Бинарный архетип. Эволюция идей антиномизма в истории европейской философии и культуры / М. С. Уваров. — Санкт-Петербург : БГТУ, 1996. — 214 с.
6. Храповицкая, Г. Н. Двоемирие и символ в романтизме и символизме / Г. Н. Храповицкая // Филологические науки. — 1999. — № 3. — С. 35–41.

Маркова Т. Н.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
markovt@csu.ru

Стилевая игра в дружеских посланиях А. С. Пушкина

Аннотация. На примере стихотворений Пушкина, адресованных самым близким друзьям-поэтам Денису Давыдову, Петру Вяземскому, Антону Дельвигу, Вильгельму Кюхельбекеру, Николаю Языкову, автор статьи показывает, как Пушкин, имитируя поэтическую систему адресата, «встраивается» в стилевой и эмоциональный строй каждого. Послания друзьям-поэтам для Пушкина не просто форма вежливого обращения, это важный способ выражения личного отношения, формирования поэтического сообщества, обсуждения актуальных проблем современности, наконец, выражения своих собственных взглядов на поэзию и искусство в целом.

Ключевые слова: жанр, дружеское послание, Пушкин, стиль, стилевая игра.

Markova T. N.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
markovt@csu.ru

Style game in friendly messages A. S. Pushkin

Abstract. Using the example of Pushkin's poems addressed to the closest poet friends Denis Davydov, Pyotr Vyazemsky, Anton Delvig, Wilhelm Küchelbecker, Nikolai Yazykov, the author of the article shows how Pushkin, imitating the poetic system of the addressee, is «embedded» in the style and emotional structure of everyone. Messages to friends-poets for Pushkin are not just a form of polite treatment, they are an important way of expressing personal attitude, forming a poetic community, discussing pressing problems of our time, and finally expressing their own views on poetry and art in general.

Keywords: genre, friendly message, Pushkin, style, style game.

Послание как поэтический жанр — это стихотворное произведение, написанное в форме обращения к кому-либо и содержащее просьбу, призыв или пожелания [3]. Как большинство жанров корнями уходит в период античности, в России особую популярность приобретает на рубеже XVIII–XIX вв. Жанр послания располагается между архаической «эпистолой», с ее мощной традицией, и лирическим стихотворением, которому впоследствии суждено занять приоритетное место. Свобода заложена в самой природе этого внеканонического жанра, отличающегося композиционным и стилевым разнообразием. Послания различаются по объему, характеру, темам, интонации, стилистике и т. д. Выделяют лирические (любовные), дружеские, сатирические, публицистические, а также шуточные, гражданские, философские.

Многочисленные исследователи жанра — Ю. Н. Тынянов, Л. Я. Гинзбург, Г. А. Гуковский, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский, Ю. М. Лотман, Е. В. Богданович [4; 5; 8; 11; 14;

15] — выделяют характерные признаки жанра. Текст послания всегда адресный, адресат послания является обязательным участником диалога. При этом по форме послание представляет собой монолог от первого лица, содержащий обращение, изложение мыслей поэта и заключительный призыв или пожелание. Дружеское послание изобилует шутками и остротами, дружеским подтруниванием, одновременно содержит намеки на политические и культурные обстоятельства эпохи, а нередко и серьезные философские размышления.

Коммуникативная установка жанра дружеского послания определила его непринужденность, свободу от правил и условий. Послания пишутся для чтения в кругу друзей или на дружеских вечеринках, а также в литературных кружках, таких как «Арзамас», «Зеленая лампа» и др. В дружеских посланиях нередко присутствует мотив приглашения в гости или надежды на скорую встречу, как например, в «Послании Тургеневу с пиро-

гом» П. Вяземского, где шуточное приглашение сочетается с гражданским пафосом.

В истории русской литературы расцвет жанра пришелся на пушкинскую эпоху. В исследованиях творчества Пушкина и его современников — Б. В. Томашевского, В. П. Кулешова, В. И. Коровина, В. Э. Вацуро, В. А. Грехнева, С. А. Фомичева, В. Ф. Тагировой и др. [2; 6; 9; 10; 13; 14; 16] — обязательно присутствуют размышления о месте и своеобразии пушкинских дружеских посланий.

Как известно, уже в списке лицейских стихотворений, составленном в 1816 году, юный Пушкин особо выделил раздел «Послания», внёс в него все стихотворения, написанные в форме писем или имеющие адресата. В 10-томном собрании сочинений А. С. Пушкина [11] количество стихотворений, обозначенных маркером послания, достигает трех сотен, из них более 100 адресованы женщинам и около 80 — друзьям-поэтам.

В монографии В. А. Грехнева читаем: «Пушкинское послание отмечено особой чуткостью к другому художественному мышлению, к другим голосам в поэзии. Целый «хор» этих голосов вторгается в пушкинское послание, и за обладателями их тянется порою цепь образов, вызванных ими к жизни. В этой рано сложившейся способности к погружению в чужой художественный опыт — предвосхищение той редкостной способности к самоотчуждению, к поэтическим трансформациям собственного «лица», которая в полном блеске раскроется у зрелого Пушкина и которую Дельвиг обозначит формулой «Пушкин-Протей». Пушкин почти не прибегает к реминисценциям и не покушается на стилизацию. Он создает лишь аналог чужого стиля, но аналог, зорко схватывающий его доминанту — новый круг поэтических «предметов», новое отношение к предметной реальности» [5, с. 43].

Друзьями Пушкина были его старшие соратники по арзамасскому братству: К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, Д. В. Давыдов, П. Я. Чаадаев, В. Н. Нащокин, П. А. Плетнёв, лицейские друзья — В. К. Кюхельбекер, И. И. Пущин, А. А. Дельвиг, последний ввел в пушкинский круг Е. А. Баратынского и Н. М. Языкова.

К своим друзьям-поэтам Пушкин всегда обращается с любовью, непременно с учётом личности, особенностей характера и любимых адресатом жанров. В своих посланиях он имитирует поэтическую систему того, к кому об-

ращается, «встраиваясь» в стилевую и эмоциональную строй адресата. Все его послания к друзьям-поэтам комплиментарны, при этом каждое из них индивидуально, неповторимо.

Старшему из ближайших друзей Пушкина, поэту-партизану Денису Давыдову адресованы три послания. Денис Васильевич Давыдов, колоритная личность, герой Отечественной войны, поэт, прославившийся своей «гусарской музой», популярнейший среди современников адресат поэтических посланий, для Пушкина он «певец-гусар», у которого он учился «круче» писать стихи. Сравним два стихотворения:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский —
С вами век мой золотой!

(Д. Давыдов)

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель...

(А. Пушкин) [12, т. 1, с. 325]

В послании 1821 года Пушкин подхватывает интонацию Давыдова, специфическую лексику, погружаясь в его эмоциональную стихию, имитируя неповторимую манеру письма, «резкие черты неподражаемого слога» поэта-адресата.

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров.
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С весёлых струн во дни покоя,
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль

Меня интонацию и ритм, тут же поэт признается в том, как много значат для него стихи Давыдова:

Я слушаю тебя — и сердцем молодею.
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней

[12, т. 2, с. 91].

По мнению Пушкина, с Давыдовым «не должно спорить». он неподражаем прежде

всего по языку. Он первый пошел вразрез с установленными Жуковским и Батюшковым принципами поэтизации и гармонии, извлекая художественный эффект из дисгармонии, лексических и ритмико-интонационных контрастов, резкого столкновения несочетаемых слов. Он отвоевал право на языковую небрежность, квалифицируемую как особенность индивидуального стиля.

В 1822 году, получив от Давыдова экземпляр его военно-исторического сочинения «Опыт теории партизанского действия», Пушкин как бы сетует: «как мог унизиться до прозы // венчанный музами поэт». Однако его собственная литературная судьба сложилась так, что он сам в 1830-х годах обратился к исторической прозе. Теперь уже Пушкин посылает Давыдову экземпляр военно-исторического труда «История Пугачева» с дарственной надписью, которую старый гусар, прослезившись, назвал своим «патентом на бессмертие».

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой

[12, т. 3, с. 331]

Петр Андреевич Вяземский — старший друг, поэт, активный участник «Арзамаса», литературный критик, интеллектуальное общение с которым было жизненно необходимо Пушкину. К 1820 году относится миниатюра «К портрету Вяземского»:

Судьба свои дары желала видеть в нём,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род —
с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой

[12, т. 2, с. 15].

Они познакомились в 1816 году в Царском Селе и сразу подружились. Сблизило их не-

зависимое отношение к авторитетам, стремление создавать новую литературу.

В послании 1821 года читаем:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый.
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой

[12, т. 2, с. 85].

Переписка Пушкина с Вяземским — это диалог очень умных людей, в котором обсуждаются новости литературы, политики, важнейшие вопросы современности. «Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить», — писал о Вяземском Пушкин [т. 7, с. 90]. «Со мной любил он спорить: и спорили мы до упаду, до охриплости об Озерове, Дмитриеве, Батюшкове и о многом прочем», — позднее вспоминал Вяземский.

Об уровне их интеллектуальных бесед свидетельствует еще одно послание «К Вяземскому» 1826 г., написанное как бы в ответ на стихотворение «Море», где море представляется символом вечных ценностей, по которым тоскует человек. Последние строки пушкинского послания сделались крылатыми, запечатлелись как философский афоризм:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славил лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник

[12, т. 2, с. 298].

Пушкин увековечил имя Вяземского, взяв эпиграфом к первой главе «Онегина» строку из стихотворения Вяземского «Первый снег»: «И жить торопится, и чувствовать спешит», комплиментарно упомянув эту элегию в 5 главе, наконец, он ввел своего друга в качестве персонажа в 7 главе бессмертного романа.

Антон Антонович Дельвиг — «милый Тося», «друг Дельвиг, мой парнасский брат». Они были неразлучны в Лицее и в последние годы: на заседаниях «Зелёной лампы», на праздновании дня основания

Лицея и в литературных кругах столицы. Вместе издавали «благоуханный» (по словам Н. В. Гоголя) альманах «Северные цветы» и «Литературную газету». Сердечному другу Дельвигу, несравненному знатоку и поклоннику античности, элегическому поэту школы Жуковского, адресованы строки послания 1825 г.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыплённый,
И бодро я судьбу благословил
[12, т. 2, с. 246].

В 1829 году, поздравляя друга с днем рождения, Пушкин шлет ему бронзового Сфинкса и изящное четверостишие к нему. Он намеренно избирает размер — гекзаметр и жанр античной эпиграммы. Шутливое послание-загадка не только выдержано в духе древности (намек на древнегреческий миф о царе Эдипе, ответившем на три вопроса чудовища Сфинкса), но и содержит емкую и лаконичную характеристику истоков поэзии Дельвига и ее пафоса:

Кто на снегах возрастил Феокритовы
нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой. грек духом,
а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!
[12, т. 3, с. 110].

Увлечение поэзией Древней Грецией у Дельвига носило глубокий характер. Из железного XIX века он свободно переносился в детство человечества, в золотой век, открывая в нем неисчерпаемый клад мудрости и красоты. По словам Пушкина, глубоко свойственное Дельвигу «чутье изящного» позволило ему передать в своих произведениях удивительную гармонию античной поэзии — «эту роскошь, эту негу, эту прелесть <...>, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях» [т. 7, с. 45]. В пушкинском четверостишии нельзя также не почувствовать сердечной привязанности к Дельвигу, которого искренне любили товарищи, хотя и подтрунивали над ним.

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига», — писал Пушкин Плетнёву, потрясённый известием о ранней смерти своего лицейского друга [т. 10, с. 261], и несколько позже в статье о друге-поэте: «Он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще, он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле» [т. 10, с. 217].

Стихи Вильгельма Кюхельбекера, энтузиаста-просветителя, сторонника одической традиции XVIII века, как известно, в Лицее были предметом дружеских насмешек его друзей. В 1813 году Пушкин, посмеиваясь в эпиграмме над его гекзаметром, с легкостью «встраивается» в архаическую поэтическую систему:

Внук Тредьяковского Клиг гекзаметром
песенки пишет,
Противу ямба, хорей злобой ужасною
дышит...

Но в то же время Пушкин пишет лицейскому товарищу стихотворение «К другу стихотворцу», где предупреждает его о трудностях избранного пути, но уважает его выбор и верит в него:

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступаешь смело в бой.
Арист, не тот поэт, кто рифмы плетсть умеет
И, перьями скрепя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать
[12, т. 1, с. 24].

Кюхельбекер предпочитал выражаться в духе высоко чтимой им германской поэзии — выпренно и туманно, но его любили товарищи даже за нелепость поступков и высказываний, так как ценили в нем открытость, искренность и правдивость.

Критическая статья Кюхельбекера 1824 г. «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» имела широкий резонанс. Критическое выступление Кюхельбекера сильнейшим образом способствовало преодолению жанровой ограниченности романтической элегии. Пушкин находился под впечатлением ее полемики, о чем свидетельствуют его письма и даже упоминание в романе «Евгений Онегин».

К Кюхельбекеру обращены строки послания «19 октября 1825»:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нам радуют мечты...
Опомнимся — и поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ли с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?
Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви
[12, т. 2, с. 246].

Литературная судьба Кюхельбекера трагична. Талантливый журналист, высокообразованный филолог, пылкий лектор, энтузиаст-просветитель, он не мог жить без литературы. Находясь в тюремном заключении, он более всего страдал от отсутствия книг, а умирая, более всего тревожился за судьбу рукописей.

Николай Михайлович Языков вошел в поэзию победно. Студент из Дерпта прославился своими вакхическими песнями, в которых «поэтическая сила огнем могущественным била из глубины души» поэта. Пушкин почувствовал в них мощный энергетический заряд, «электрический восторг» (по словам И. Киреевского) гимнический пафос, резко контрастирующий унылой элегии. Несмотря на то, что молодой Языков отрицательно высказался о «Пиковой даме» и даже «Евгении Онегине», Пушкин первым обратился к нему со стихотворным посланием 1824 г., приглашая поэта посетить Тригорское.

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе
[12, т. 2, с. 172].

И получил весьма дерзкое ответное послание уверенного в себе молодого поэта, поставившего себя рядом с первым поэтом России:

Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз
Постановили своенравно
Свой поэтический союз.

В послании 1826 года Пушкин открыто выражает свое восхищение жизнелюбием и юношеской поэтической дерзостью молодого поэта:

Языков, кто тебе внушил
Твоё посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
[12, т. 2, с. 299]

Пушкин возлагал большие надежды на молодого поэта, когда писал: «Моих надежд не обмани». Судьба распорядилась иначе: неизлечимая болезнь рано лишила Языкова молодецкой удали, без которой вскоре увял и его талант.

Приведенные выше примеры стихотворений показывают, что послания друзьям-поэтам в творчестве Пушкина — это не просто форма вежливого обращения, но важный способ выражения личного отношения, формирования поэтического сообщества, обсуждения актуальных литературных вопросов. Они позволяют нам увидеть Пушкина не только как гениального поэта, но как искреннего друга, верного товарища, который в послании другу-лицеисту «Князю А. М. Горчакову» писал:

И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей
[12, т. 1, с. 324].

Послания к друзьям-поэтам зачастую служили Пушкину способом выражения своих взглядов на поэзию и искусство. В них он отстаивал принципы свободы творчества, искренности, благородной простоты и безыскусности, выступал против напыщенности и ложного пафоса.

На рубеже 1820–1830-х годов характер и образ общения, в котором закреплена глав-

ная коммуникативная установка жанра, были исчерпаны, но дружеские послания сыграли важную роль в становлении реализма в русской поэзии.

Возрождение жанра при сходных обстоятельствах, т.е. в условиях формирования со-

дружества свободных художников, объединенных общностью эстетических установок, в дальнейшем мы можем наблюдать в поэзии Серебряного века, в поэзии «шестидесятников» и в Уральской поэтической школе рубежа XX–XXI вв.

Список литературы

1. Богданович, Е. В. Дружеское послание 1810-х годов: образцы и источники / Е. В. Богданович // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 4. — С. 131–137.
2. Вацуро, В. Э. Пушкинская пора / В. Э. Вацуро. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2019. — 512 с.
3. Гаспаров, М. Л. Послание / М. Л. Гаспаров // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/3161734> (дата обращения 30.12.2023).
4. Гинзбург, Л. Я. О лирике. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — 409 с.
5. Городецкий, Б. П. Поэтический стиль Пушкина / Б. П. Городецкий. — Ленинград : Наука, 2024. — 296 с.
6. Грехнев, В. А. Лирика Пушкина / В. А. Грехнев. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1985. — 242 с.
7. Грехнев, В. А. Мир пушкинской лирики. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2022. — 252 с.
8. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики. — Москва : Худож. литература, 2021. — 355 с.
9. Коровин, В. И. Лирика Пушкина: тема и стиль. — Москва : Наука, 2021. — 320 с.
10. Кулешов, В. П. Жизнь и творчество А. С. Пушкина / В. П. Кулешов. — Москва, 1987. — 415 с.
11. Лотман, Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. — Ленинград : Просвещение, 2023. — 255 с.
12. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука, 1977.
13. Тагирова, В. Ф. Дружеское послание в лирике А. С. Пушкина 30-х годов / В. Ф. Тагирова // Уральский филологический вестник. — 2013. — №5. — С. 8–18.
14. Томашевский, Б. В. Пушкин : [в 2 кн.] — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2. — 575 с.
15. Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 2019. — 425 с.
16. Фомичев, С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция / С. А. Фомичев. — Ленинград, 1986. — 304 с.

Планкова А. С.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
plankova02@mail.ru

Научный руководитель: Маркова Т. Н., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия. markovatn@cspu.ru

Особенности коммуникации учителей и учеников в рамках инновационного проекта в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!»

Аннотация. В данной статье рассматриваются взаимоотношения между учителями и учениками в произведении А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!». В повести показаны различные типы педагогов, их педагогические принципы и концепции, и, конечно, влияние этих концепций на учеников.

Ключевые слова: школа, учитель, ученик, взаимоотношения, противостояние, средства художественной выразительности.

Plankova A. S.

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk Russia
plankova02@mail.ru

Supervisor: Markova T. N., South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. markovatn@cspu.ru

The peculiarities of communication between teachers and students in the framework of an innovative project in the novel by A. Zhvalevsky and E. Pasternak «I want to go to school!»

Abstract. This article examines the relationship between teachers and students in the work «I want to go to School!» by A. Zhvalevsky and E. Pasternak. The story shows different types of teachers, their pedagogical principles and concepts, and, of course, the influence of these concepts on students.

Keywords: school, teacher, student, relationships, confrontation, means of artistic expression.

Книга А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!» (2012 г.) продолжает традицию школьной повести, зародившуюся в 1920-х гг.

Все произведение построено на приеме контраста: противопоставлены инновационная 34 школа и ничем не примечательная школа № 33 [3].

С самого начала книги читатель видит противоречивую картину: ученики вместо привычных уроков за партами играют в мафию. Именно так в школе № 34 проходят занятия по психологии. Учащиеся поделены не на классы, а на группы, каждая из которых

включает в себя ребят разных возрастов, особое внимание уделяется «Птицам».

Отношения с педагогами основаны на доверии и доброте. Преподаватели характеризуются с положительной стороны: «Добрейшая Алла Терентьевна» — учительница английского языка. «Вечно спокойная Настенька» — учительница русского языка. Педагога называют ласковым именем, что показывает проявление теплого чувства со стороны учащихся.

Своей необычностью и инновационностью 34 школа раздражала чиновников и людей со стороны, поэтому школу закрывают по

причине несоответствия учебной программе среднестатистических школ. Ребятам предстоит учиться в другом учебном заведении, которое является полной противоположностью. Новым ученикам непросто адаптироваться, поэтому они решают оптимизировать 33 школу — создают проект по адаптации в новом учебном заведении. Конечно, в этом процессе важную роль играют учителя [2].

Школьники, привыкшие видеть в педагогах наставников, тех к кому можно прийти за советом и обратиться за помощью, теперь не понимают, как вести себя с преподавателями в новой школе, ведь они значительно отличаются от предыдущих.

На протяжении всей повести прослеживается мотив борьбы между педагогами 33 школы и новыми обучающимися.

Например, новоприбывшая ученица в 3«Б» класс, Анечка, с настороженностью относится к учителю Анастасии Львовне. Портретная характеристика пугает девочку: «Пожилая... Лет сорок... Но выглядит бодро, спина безупречно прямая, волосы уложены, ногти покрашены... Такие сидят в чистых кабинетах, решают важные задачи и улыбаются... Вот так же улыбаются... Ртом. А глаза...» [1, с. 6]. Через портрет становится понятно, что внешний вид педагога, на первый взгляд, располагает к себе, она улыбается, но фигура умолчания и противительный союз «а» говорит о том, что глаза показывают совершенно иные эмоции, а именно — страх. «улыбка Анастасии Львовны стала похожа на оскал» [1, с. 10]. Из данного описания видно, что добродушие преподавателя сменяется злостью и представляет угрозу. При виде Анастасии Львовны «дети, как дрессированные собачки, вскочили за партами и застыли по стойке смирно» [1, с. 6]. Сравнение с дрессированными животными говорит о том, что школьники не способны послушаться педагога.

Обратим внимание на семантику отчества учительницы. Лев считается царем зверей, и ему подчиняются другие животные. Так же и Анастасия Львовна: с помощью манипуляций и запугивания заставила детей беспрекословно ее слушаться. Мы видим, что два учителя с одинаковыми именами (Настенька из 34 школы и Анастасия Львовна из 33) представляют собой полные противоположности [2].

Школьница неоднократно остается после уроков. Один раз из-за того, что «отврати-

тельно написала тест по „Человеку и миру“» [1, с. 11]. После таких слов желание ходить на учебу пропадает. Через реакцию Анастасии Львовны на Анин ответ понимаем, что учительница резка, не терпит, когда ее считают неправой и говорят об этом в открытую: «“орудия труда железного века”, я написала, что это нож и топор. А вы мне вписали еще и меч, и щит. Но меч и щит — это не орудия труда, это оружие! / Анастасия Львовна впервые в своей педагогической практике треснула кулаком по столу. Аня подпрыгнула...» [1, с. 11]. В данном случае образы ученицы и учительницы строятся на контрасте: Аня спокойна / Анастасия Львовна зла. Учительница была не готова принять тот факт, что она не права. Посмотрим на еще одну характеристику: «Анастасия Львовна улыбнулась и стала похожа на сытого удава». Метафора показывает превращение учительницы в хищника, который заставляет бояться и убивает в своей жертве индивидуальность, вселяет страх при помощи манипулирования: «Девочка выходила из кабинета на подгибающихся от страха ногах» [1, с. 11].

Анастасия Львовна считает, в 34 школе не готовят к реальной жизни, а вот в 33 школе дети обучены всему, ведь здесь воспитывают «удобных» ребят, которые беспрекословно повинуются всему, что скажет учитель.

Анечка продолжала противостоять Анастасии Львовне. Школьница поняла, что если молчишь, то тебя не трогают. Ученики — пешки в руках Анастасии Львовны, Аня — единственная, кем учительнице не удастся управлять. Все это время педагог запугивал учеников 3 «Б». Когда Аня рассказала одноклассникам правду, учитель поступил не педагогически — применила физическую силу: «тут Анастасия Львовна тряханула снова — теперь уже в полную силу. Голова Анечки мотнулась, и девочка закашлялась» [1, с. 48]. Смелость показывает нравственную силу Ани, страх Анастасии Львовны (боязнь потерять авторитет перед школьниками) показан через рукоприкладство. Решение сложившейся ситуации Анастасия Львовна вновь нашла в угрозе. На этот раз она пригрозила Ане запретить общаться со старшими товарищами, но на школьницу эти слова не подействовали. Девочка произносит истину: «Детей любить надо, а не пугать» [1, с. 48]. В итоге Анастасия Львовна оказывается побежденной и уходит из школы.

Таким образом, перед нами предстает учитель-манипулятор, скрывающий за улыбкой свое истинное лицо и цель: утверждение собственного авторитета.

Похожей в своих намерениях перед читателями предстает педагог по математике — Елена Ивановна Кочеткова — опытный преподаватель с тридцатилетним стажем. Из авторской характеристики можно понять, что учеников она не любила и была слишком самоуверенной: «Кочеткова любила, когда в школе пусто — никто не мельтешит, не носится под ногами и не мешает разрастающемуся в душе чувству собственности. Это моя школа. Я тут работаю. Я тут хозяйка» [1, с. 27]. С помощью художественного приема парцелляции, синтаксического параллелизма, повтора личного местоимения «я» и использования притяжательного местоимения «моя» по отношению к школе показано, что преподаватель чувствует себя главной в этом учебном заведении. Елена Ивановна называет современное поколение гнилым и гиблым. Через эпитеты передается пренебрежительное отношение преподавателя к ученикам.

Изначально учительница понравилась новым обучающимся, Юле и Диме, т. к. занятие начала с самостоятельной работы. Несмотря на то, что Кошка справилась с двумя вариантами, преподаватель ставит ей единицу, т. к. разрисованный листок с решением Юля разрисовала. Вместо оценки знаний учитель ставит плохую отметку с целью утвердить свой авторитет, так как рисунок — «просто насмешка над педагогом и над предметом!» [1, с. 6]. Конфликт продолжается: за каждый промах Елена Ивановна вызывала Юлиных родителей в школу. На первой же минуте урока, как правило, выгоняла ученицу из кабинета. Учитель не пытался поговорить со школьницей, прояснить разногласия, вместо этого противостоит ученице.

Пытаясь поддерживать дисциплину в классе, преподаватель довольно часто проявляет гнев по отношению к ученикам, и из-за этого среди школьников ее называют Злыдней. Прозвище, данное учащимися, показывает негативное отношение к педагогу.

Реакция Елены Ивановны на школьный флешмоб, организованный детьми: «Что? — завизжала она. — Что вы тут устроили? А ну слезли с подоконников! ... Это школа, а не балаган!» [1, с. 25]. Экспрессивность учителя математики передается через речевую характеристику (настолько была возмущена,

что не смогла сдержать крик), риторические вопросы и восклицания, противопоставление школы и балагана. По ее мнению, школа предназначена лишь для получения знаний, в ней нет места веселью. Елена Ивановна — олицетворение авторитарного режима обучения, где во главе стоит педагог и послушаться его нельзя. Несправедливое отношение к ученикам проявляется через крики, замечания и плохие оценки: «—Перемена дана для того, чтоб подготовиться к уроку. Антонова! Ты отвечаешь первая! Кузнецов — второй! А остальной класс пишет контрольную. И дневники на стол — всем «неуды» по поведению» [1, с. 26].

В итоге Елена Ивановна пишет заявление об уходе. Гордыня и собственная значимость не позволяет учителю смириться с таким отношением к себе.

Перед нами возникает образ властного учителя, считающего гнев и запугивание способом утвердить авторитет, при этом ученики не представляют никакой значимости.

На место Елены Ивановны приходит любимый учитель «Птиц» — Виктор Павлович. Теперь у каждого из учеников есть свои обязанности, и за их выполнение учитель дает плюс балл к любой оценке, кого-то освобождает от выполнения домашнего задания: так у каждого обучающегося появилась возможность почувствовать себя значимым благодаря индивидуальному подходу со стороны педагога.

Виктор Павлович видел в каждом ученике талантливую личность: у Оли есть способности к музыке, и преподаватель уже договорился о прослушивании; у Эли великолепное художественное чутье. Математик стремится найти и развить сильные стороны каждого ученика.

Показатели успеваемости с приходом педагога выросли, а бывшие ученики 34 школы и остальные учащиеся «парили и порхали» с приходом Виктора Павловича. Теперь не только часть, но и всю школу можно сравнить с порхающими птицами. Ребятам удалось выполнить проект.

Учитель произносит важную истину: «Очень легко вести уроки, когда тебя окружают идеально замотивированные дети. И только теперь я понимаю, что искусство в педагогике начинается как раз тогда, когда тебя не хотят слушать» [1, с. 39]. Суть в том, что «идеально замотивированных детей» немного, чаще приходится работать с учениками, которым не очень интересно учиться, и

тут как раз важно подобрать методы и приемы, которые сумеют заинтересовать каждого. Виктор Павлович реализует концепцию кооперативного обучения, и его педагогические стратегии отличны от методов Елены Ивановны и Анастасии Львовны.

Таким образом, мы видим, что общение между учителями и учениками напрямую

зависит от того, какие методы и концепции выбирает педагог. В своей повести Жвалевский и Пастернак при помощи различных художественных приемов и способов характеристики персонажей показали, как важно искать и находить подход к каждому из учеников, иначе коммуникация будет невозможна.

Список литературы

1. Жвалевский, А. В. Я хочу в школу!: повесть / А. В. Жвалевский, Е. Б. Пастернак // Лит-Лайф. — URL: <https://litlife.club/books/180478/read?page=1> (дата обращения: 15.01.2026).

2. Коваленко, О. Школьная повесть: старое и новое / О. Коваленко // Нева. — 2014. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/1/shkolnaya-povest-staroeinovoe.html> (дата обращения: 15.01.2026).

3. Чернова, Т. «Двухголовый писатель»: Андрей Жвалевский / Евгения Пастернак / Т. Чернова // МБУК Централизованная библиотечная система. — 2022. — URL: https://villib.ru/news/dvukhgholovuj_pisatel/2022-04-24-158. (дата обращения: 15.01.2026).

Терентьева Н. П.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
terninapavl@yandex.ru

Методика Р. Ф. Брандесова как пространство гармонизации традиций и инноваций в обучении литературе в школе

Аннотация. В качестве образовательной традиции представлены типология уроков литературы челябинского методиста Р. Ф. Брандесова и опыт их моделирования на занятиях по методике обучения литературе. Автор показывает возможности гармонизации традиций и инноваций.

Ключевые слова: традиция, методика, урок, типология, литература в школе.

Terentyeva N. P.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
terninapavl@yandex.ru

R. F. Brandesov's Methodology as a Space for Harmonizing Traditions and Innovations in Teaching Literature at School

Abstract. The article presents the typology of literature lessons by the Chelyabinsk methodologist R. F. Brandesov and the experience of modeling them in literature teaching methodology classes as an educational tradition. The author shows the possibilities of harmonizing traditions and innovations.

Keywords: tradition, methodology, lesson, typology, literature in school.

В условиях кардинальной смены цивилизации, образовательной парадигмы в XXI веке неизбежно исключительно актуальной становится проблема соотношения традиций и инноваций. По мысли психолога И. С. Кона, «XXI век — время колоссального социального и культурного обновления. На

наших глазах меняется буквально все — техника, быт, искусство, наука. Эти инновации многомерны, многогранны и часто болезненны. ... Но традиции, как и инновации, бывают разными. Фетишизация исторического прошлого неизбежно оборачивается непониманием настоящего и будущего. ... Межпо-

коленная трансмиссия культуры неотделима от ее переосмысления и обновления» [1].

Очевидны серьезные вызовы, с которыми сталкивается литературное образование. Прежде всего это размывание фундаментальности литературного образования и методики. Эффектная технология или формат урока становятся самоцелью. Ощутим тренд на зрелищность методики, не лишенный противоречий. С особой остротой встает вопрос о соотношении традиций и инноваций в современном литературном образовании. Будет справедливым направить вектор историко-методических экскурсов в сферу региональной методики.

Рид Федорович Брандесов (1924–2008) — челябинский ученый-методист, представитель ленинградской / петербургской методической школы. Он из бессмертного полка участников Великой Отечественной войны. Родился Р. Ф. Брандесов в 1924 году в Ленинграде. Двенадцатилетним мальчиком остался без попечения родителей: в 1937 году их репрессировали, а в 1938 году отец погиб в ГУЛАГе. В семнадцать лет добровольцем вступил в действующую армию, служил радистом на Балтийском флоте, участвовал в обороне Ленинграда. После войны продолжил службу в подразделении разведотдела Балтийского флота до 1950 года. Его путь в методику начался после увольнения из армии. Заочно получил образование на филологическом факультете ЧГПИ и работал учителем русского языка и литературы в 10 школе Челябинска, затем начал преподавать методику литературы в пединституте. Защитил диссертацию в Ленинграде, в Герценовском институте. Именно в методике в полной мере проявился его творческий дар. Р. Ф. Брандесов был авторитетом и даже кумиром поколений студентов филологического факультета Челябинского педагогического института (университета). К его наследию мы из года в год обращаемся при методической подготовке студентов, будущих учителей-словесников, к проведению уроков литературы в школе.

Известный своими работами по эстетике, организации художественного восприятия (эмоциональный резонанс на уроках литературы) в пособии «Моделирование урока литературы» (1987), в главе «К типологии уроков литературы» он обращается к традиционной, базовой в методике проблеме урока, ведь школа начинается с урока. Но

авторская типология уроков литературы/ Р. Ф. Брандесова сложились значительно раньше, в 70-е годы, в практическом опыте работы на филфаке (практические занятия по методике в пединституте).

Итак, занимаясь моделированием урока литературы, структурой моделей урока, определением «первоэлементов» урока, его «элементарных частиц, из которых, как постройка из блоков, монтируются более сложные части урока» [1, с. 229], Рид Федорович выходит к обобщению — обоснованию типологии уроков литературы. «Известно, что имеющиеся классификации, определяя место урока в учебном процессе или его материал (например, родовую специфику изучаемого произведения), не отражают внутреннюю организацию урока, его структурную специфику. Сопоставление же моделей конкретных уроков позволяет выделить устойчивые структурные сочетания, которые могут служить основой для создания типологии, конкретизирующей представления учителя об уроке. Уроки по изучению произведений разных литературных родов могут быть классифицированы следующим образом» [1, с. 253].

Представленная типология определила логику построения системы лабораторно-практических занятий по методике. Она ориентирована на практическое — в профессиональной деловой игре (проекте) — освоение методики студентами-филологами. Еще в 70-е годы, когда понятие проект еще не актуализировалось в образовании, студенты-филологи работали над дебютными проектами своих первых уроков и представляли их коллегам. Это своеобразные педагогические мастерские.

В начале учебного года шло распределение между студентами базовых типов уроков с конкретизацией автора, произведения, класса, в котором оно изучается.

Типология уроков литературы

№	Тип урока	Студент	Тема
1	Монографический урок по лирике (5-8 классы)		
2	Тематический урок по лирике (5-8 классы)		
3	Эпос (5-8 классы)		
4	Эпос 5-8 классы		
5	Басня		
6	Теория литературы		
7	Вводный урок к изучению эпоса		

№	Тип урока	Студент	Тема
8	Образ героя		
9	Взаимодействие героев		
10	Проблемно-тематический урок		
11	Обзор эпического произведения		
12	Анализ эпического произведения малой формы		
13	Тематический урок по лирике		
14	Обзор творчества поэта		
15	Литературно-музыкальная композиция		
16	Поэма		
17	Драма. Экспозиция		
18	Драма. Развитие действия.		
19	Биография писателя (жизненный и творческий путь)		
20	Обзор литературного направления (течения)		

Студент при поддержке преподавателя, в тесном контакте с ним (рекомендация методических источников, индивидуальные консультации в период подготовки) готовился к своему педагогическому (методическому) дебюту, подобно тому, как студент театрального вуза готовит этюды для дальнейшего представления. Затем урок проводился для однокурсников, которые выступали в роли учеников, участвуя в уроке. На второй половине занятия шла фиксация матрицы урока осваиваемого типа, потом студент-дебютант давал самоанализ проведенного урока, далее следовали подготовленное монологическое рецензирование урока. Работу завершал методический полилог всей группы студентов об уроке. Так в практической деятельности студенты осваивали «азбуку методики». Так сложилась методическая традиция, которая не прерывается на протяжении десятилетий.

Это данность, кажущаяся нам само собою разумеющейся. В этом и состоит сила традиции. Такая система проясняет направление деятельности учителя и ученика в рамках урока, выводит урок из области интуитивных озарений в сферу рассчитанных воздействий. Эта традиция сохранена в системе работы челябинских методистов. Она «работает» вот уже пять десятилетий. Пушкин сказал об упоительном Россини: «он вечно тот же, вечно — новый». То же можно сказать о типологии уроков Р. Ф. Брандесова, придающей устойчивость системе освоения методики урока литературы в педвузе и позволяющей соединить традиции и инновации. Легко ли

следовать этой традиции? Ответить однозначно невозможно. Современный студент ищет готовый конспект урока в интернете. Теперь и искусственный интеллект «приходит на помощь». Опираясь на традицию моделирования, студент активно работает с современными образовательными технологиями и инновационными приемами, в том числе трансмедийными. Моделирование уроков по Р. Ф. Брандесову затратно по необходимому для этого времени как для студента, так и для преподавателя. Но каждый студент должен самостоятельно пройти путь творческих открытий и озарений, проверки алгеброй методики гармонии литературы, получить свой первый урок как испытание и открытие себя в диалоге с культурными собеседниками.

По завершении цикла таких занятий современным студентам было предложено дать рефлексию события (первый урок будущего учителя литературы заслуживает такого определения). Приведем для примера несколько суждений.

«Система Рида Федоровича Брандесова действительно очень выделяет Ваши занятия на фоне привычных лекций. Если говорить о том, что дал этот подход нашим студентам, то я бы выделила три важные особенности. Во-первых, благодаря определенной, четкой типологии уроков, мы всегда понимаем, на каком этапе изучения произведения мы находимся. Во-вторых, система практической отработки не позволяет знаниям остаться только теорией. На занятиях мы сразу пробуем всё на практике, поэтому студенты уходят с занятия с реальным навыком. В-третьих, индивидуальная работа с каждым студентом дает стимул развиваться, потому что преподаватель замечает твой личный рост. Очень редко удается получить такой детальный разбор своих достижений и ошибок от преподавателя» (Виктория М.).

«Для меня этот урок стал важным практическим этапом, на котором я смогла применить изученные ранее методические приёмы. Я прошла через неизбежные трудности планирования. Преодоление изначальной перегруженности конспекта стало первоочередной задачей, с которой пришлось работать. Я отработала навык переработки первоначального перегруженного замысла в чёткий, поэтапный план, где каждый блок решает конкретную учебную задачу и ведёт к главному выводу. Теперь я понимаю, что из-

учение нескольких ключевых эпизодов даёт ученикам гораздо больше для понимания конфликта, чем попытка объять необъятное. Этот урок стал для меня образцом того, как следует подходить к анализу драматического произведения в дальнейшем» (Любовь Г.).

«В процессе работы над конспектом урока по поэме Пушкина «Цыганы» я научилась проектировать занятие как целостную систему, где все этапы логически связаны и подчинены общей цели. Я освоила методику использования сквозного проблемного вопроса в качестве смыслового стержня, который организует весь анализ текста и ведет учащихся к самостоятельным выводам. Я научилась эффективно интегрировать различные виды искусства, такие как живопись и музыка, для создания многогранного эмоционального и интеллектуального восприятия литературного произведения. Также я отработала на практике конкретные приемы, включая медленное комментированное чтение, сравнительный анализ визуальных интерпретаций и организацию рефлексии. В качестве ключевой зоны дальнейшего роста я осознаю необ-

ходимость развивать навык более свободного и гибкого владения материалом. Это позволит на реальном уроке быстрее адаптироваться к вопросам и реакциям класса, выходя за рамки строгого следования конспекту, без потери глубины и логики анализа, что сделает взаимодействие с учениками более эффективным и живым» (Я. Баева).

Итак, рассмотрев методическую традицию обучения студентов моделированию уроков литературы, мы убеждаемся в возможности гармонизации традиции и инноваций, их диалектической взаимосвязи при проектировании современных уроков в соответствии с требованиями ФГОС. Нам близка мысль Г. О. Мациевского о том, что «традиции и инновации можно и необходимо рассматривать как особо значимый культурный и историко-педагогический феномен, так как именно благодаря их взаимодействию не только образование, но и все институты общественной жизни в эпоху социальных потрясений и реформ остаются способными к устойчивому саморазвитию» [3].

Список литературы

1. Брандесов, Р. Ф. Избранные труды / Р. Ф. Брандесов ; под науч. ред. Н. П. Терентьевой. — Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ. — 2017. — 271 с.
2. Кон, И. С. Гуманитарная культура, инновации и традиции / И. С. Кон. — URL: <http://www.neuronet.ru/sexology/info134.html> (дата обращения: 27.12.2025).
3. Мациевский, Г. О. Инновации и традиции в образовании / Г. О. Мациевский // Успехи современного естествознания. — 2010. — № 9. — С. 160–162. — URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=8858> (дата обращения: 23.12.2025).

Украинцева Н. Е.

г. Курган, Россия
yasnaya11@yandex.ru

Научное наследие фольклориста В. П. Федоровой

Аннотация. В статье дается краткий обзор научного наследия В. П. Федоровой. Названы основные направления ее работы по изучению зауральского фольклора. Определяется выбор ученым подходов к собиранию, исследованию, ретрансляции фольклорных материалов.

Ключевые слова: фольклор Зауралья, фольклор старообрядцев, регионально-локальный подход, социокультурный подход.

The scientific legacy of the folklorist V. P. Fedorova

Abstract. The article provides a brief overview of the scientific legacy of V. P. Fedorova. The main areas of her work on the study of the Trans-Urals folklore are named. The scientist's choice of approaches to collecting, researching, and retransmitting folklore materials is determined.

Keywords: folklore of the Trans-Urals, folklore of the Old Believers, regional and local approach, and sociocultural approach.

В трудах известного фольклориста Валентины Павловны Федоровой (1935–2025) просматривается, прежде всего, интерес к двум направлениям: фольклору старообрядцев и фольклору казачества. Тема об устном творчестве старообрядцев Зауралья разрабатывалась глубоко и всесторонне, автором в нем виделось отражение философии семьи и знаки сакральности дома, высокая роль такого явления, как народные святцы. С помощью причинно-следственных связей разгадываются образы и функции обрядового фольклора, духовных стихов [3; 6; 11; 12]. Наиболее полно рассмотрен свадебный обряд — в монографии «Свадьба на Ирюме» (1991) [9] и многих других работах. Уместно напомнить, что исторически старообрядцы в Сибири жили замкнуто и обособленно, и даже их потомки особой приветливостью не отличались, потому исследователю и собирателю нужно было быть крайне терпеливым и коммуникабельным, чтобы в душевной беседе слушать и записывать песни и рассказы информантов.

Уникальный фольклорный фонд архива кафедры русского языка и литературы Курганского ГУ, сформированный В. П. Федоровой, содержит множество других полевых материалов, в том числе, объемный пласт фольклора, собранного в казачьем крае Южного Зауралья, в прошлом —

это ареал Оренбургского казачьего войска. Валентина Павловна родилась и выросла в Оренбуржье, ее привлекали вопросы культуры этого субэтноса.

Кроме того, В. П. Федорову характеризует широкий аналитический взгляд на эволюцию жанров фольклора, здесь в центре внимания все изобилие песен, записанных в Курганской области: семейно-бытовых, лирических, исторических, игровых, жанра частушки — чему посвящены книги и множество иных работ, например, «Ивушка — ракитовый кусток» (1983) [1]. Замечательная

хрестоматия «Искрометное слово зауральцев: частушки на переломе веков» (2018) представляет собрание частушек по персоналиям. Список исполнителей открывается именем Е. С. Хабаровой, 1908 г. рожд. из р. п. Варгаши и завершается И. Митраковой, 1971 г. рожд. из с. Шатрово (Курганской области), таким образом, охвачен почти весь период активного бытования жанра в крае. По мнению В. П. Федоровой, частушки ценны именно своей толерантностью: «Они допускают полярность мнений, отношений, чувств. Поистине, сколько голов, столько и умов, столько мнений, переживаний и форм их отражения» [2, с. 11].

Пытливый ум ученого не могла не заинтересовать сказка и трансформация во времени ее образов, можно привести увлекательный для студентов комментарий к сказке «Царевна-лягушка» сборника «Сто сказок русского Зауралья» (2005) о том, как образ лягушки в устном творчестве народов мира (и зауральская сказка не исключение) прошел путь от глубоко чтимого тотема до литературного сатирического символа [10]. Подчеркивается то, как бережно собранные сказки сохранили речь, обычаи, черты быта первопоселенцев-зауральцев: «Вошли в сказку правила работы у печи, последовательность действий при выпекании чего-либо в ней. Дочь Бабы Яги печку заскребла, помелом замела, стала Жихарьку на лопату сажать. Так за Уралом выпекали хлеб и пироги»; «не было профессиональных свах, а жених принимал участие в сватовстве <...> В сказках Белозерской округи строгий будущий зять-жених идет сватать сам»: «Ну, так я с добрым словом, со сватаньем»; «Зауральская сказочная традиция дает обширный и достоверный материал для изучения местных говоров, являясь поистине историческим документом»: «У одного мужика одно лето эко много гороху было насеяно», «Шкура шебуршит», «Кто так баско поет?» [4, с. 7].

Отдана дань и сказочной прозе. В. П. Федорова пронизательно анализирует залежи своих архивов, делая важные выводы, такие, как: «Изучение сказочной прозы выявляет ее значительную социальную роль: она пронизана идеей связи семьи, округа, этноса. <...> Непокойная жизнь, погружение в среду местных этносов стали основой произведений о трагедии вражды зауральцев и коренного населения во времени и пространстве, а также о необходимости установления добрососедских отношений. Эта тема входит в более масштабную — тему всеобщей пронизанности в мироздании» [5, с. 339].

В. П. Федорова серьезно занималась литературным фольклоризмом, разработку вопросов которого с ее легкой руки также вели аспиранты: Н. Е. Украинцева («Фольклоризм прозы В. Ф. Потанина», 2005), С. А. Орлова («Мифо-фольклорный контекст романа Ф. М. Достоевского «Бесы», 2010), Н. А. Стафеева («Фольклорный контекст прозы В. К. Кюхельбекера», 2011) и другие.

В. П. Федорова обращалась к темам краеведения и литературного краеведения. Как ученый В. П. Федорова не переставала напоминать, что удивительное рядом, своими работами, посвященными А. Ф. Мерзлякову, В. П. Бирюкову, Е. Д. Золотову, И. М. Первушину, курганскому летописцу В. И. Портнягину, Т. С. Мальцеву. Также главами в семитомной истории Курганской области [8] о важной роли фольклора в жизни зауральцев или функционировании традиции в истории отдельного села (например, села Звериноголовского, в прошлом — то крепости, то станции) [7]. В ее литературно-критических работах по поэзии (А. Н. Еранцева, А. Львова, Н. Аксенова, А. Виноградова и др.) и прозе (А. К. Югова, В. Юровских, В. Ф. Потанина) всегда содержится оригинальная оценка.

Определим основные черты научного наследия В. П. Федоровой, выбор ее подходов к собиранию, изучению фольклора и сохранению традиционной культуры.

1. Мысль о релевантности системных научных изысканий в области устного народного творчества. Отсюда — убеждение в том, что первоначальные выводы талантливого исследователя так же ценны, как и последующие открытия, степень их соответствия нуждам пользователей информацией постоянно остается достаточной.

2. Пристальное внимание фольклориста к сопряженным наукам: краеведению (и самим

краеведам), этнографии, диалектологии, топонимике.

3. Бережное отношение к народному слову, к детали полевых фольклорных записей. Тема интересной научной статьи может идти не только от обдумывания крупной проблемы, но и от размышлений над мелкой деталью, речевым явлением.

4. Большой вклад в развитие метода регионально-локального подхода в фольклористике. Наблюдения трансформации жанров фольклора под этим ракурсом.

5. Выявление идеологических и конфессиональных подходов к изучению фольклора Зауралья, формировавшихся в XII–XIX вв. Реконструкция просветительской и собирательской роли священников края.

6. Открытия в области литературного фольклоризма.

7. Тесное сотрудничество с продолжателями дела — молодыми учеными, открывающими новые страницы фольклористики.

8. Многогранный доверительный опыт общения собирателя фольклора с информантами, поликультурные познания о локусах, где проводились полевые записи.

9. Социокультурный подход. Систематическое освещение В. П. Федоровой работы фольклорных экспедиций под ее руководством посредством публикаций в газетах и журналах, прочих СМИ города Кургана и множества районных центров, что играло роль обратной связи, подтверждало ценность сотрудничества информантов с учеными. Уверенное владение публицистическим стилем.

10. Владение своеобразной манерой научного изложения, характеризующейся ясностью и легкостью.

11. Серьезное отношение к методике преподавания фольклора в вузе и школе. Подробное описание некоторых уроков по фольклору, например, по исторической песне и других, где подчеркивается опора на этическую и эстетическую составляющие, творческий подход учителя к подаче материала, активное вовлечение питомцев к подготовке урока.

12. Стремление сделать образы фольклора близкими и понятными современникам, особенно детям, сберечь и ретранслировать все лучшее, что таит в себе традиция.

При обращении к трудам фольклориста В. П. Федоровой видится ее забота о потаенных волнениях современника в глобали-

зующемся мире. Цифровые технологии, нейросети делают быт человека безусловно комфортным, практически может осуществляться любое его желание — и это прекрасно. Парадоксально, но чем выше уровень жизни человечества, тем оно более подвержено стандартам, тем упорнее стремится к самоуничтожению. По мысли ученого, спасение от этих пут — рядом, в традиционной

культуре, в народном слове, вобравшем в себя неповторимость и мудрость, не подверженную времени и моде, веру в победу над темными силами. В. П. Федорова всеми своими трудами высвечивает эту доминанту культуры, сохраняющую нас «детьми добра и света», которым дано «все сущее увековечить, безличное вочеловечить».

Список литературы

1. Ивушка — ракитовый кусток: Народная лирика Зауралья / сост., вступ. статья, словарь и примеч. к тексту В. П. Федоровой. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1983. — 80 с. — URL: <http://yugovalib.ru/site/read?id=530> (дата обращения: 17.01.2026)
2. Федорова, В. П. Введение / В. П. Федорова // Искрометное слово зауральцев: частушки на переломе веков: учебное пособие (хрестоматия) / сост., вступ. статья В. П. Федоровой. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. — С. 4–30. — URL: <http://yugovalib.ru/site/8b2120e6626293d2f1ee80bee4fb3f7c.pdf> (дата обращения: 17.01.2026)
3. Федорова, В. П. Вопросы мироздания в верованиях старообрядцев Южного Зауралья / В. П. Федорова // История Курганской области : в 7 т. Т. 4. — Курган, 1998. — С. 368–388.
4. Федорова, В. П. Местный колорит в сказках / В. П. Федорова // Сто сказок Южного Зауралья: учебное пособие. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. — С. 5–8.
5. Федорова, В. П. Народная культура в Зауралье: несказочная проза : монография / В. П. Федорова. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. — С. 338–339. — URL: <http://hdl.handle.net/123456789/5812> (дата обращения: 17.01.2026)
6. Федорова, В. П. Народные святцы старообрядческого села / В. П. Федорова // Летопись уральских деревень : тез. докл. регион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 1995. — С. 187–189.
7. Федорова, В. П. Поэтическое эхо прошлого / В. П. Федорова // Станица на Тоболе / сост. М. И. Хлызов, Н. Н. Жильцова и др. ; под ред. В. В. Пундани. — Курган : Зауралье, 2002. — С. 376–384.
8. Федорова, В. П. Русский фольклор / В. П. Федорова // История Курганской области. В 7 т. Т.2. (1861–1917). — Курган : Зауралье, 1996. — С. 371–433.
9. Федорова, В. П. Свадьба на Ирюме. / В. П. Федорова. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. — 123 с.
10. Федорова, В. П. Сказка «Царевна-лягушка»: от тотема до литературного символа» / В. П. Федорова // Сто сказок Южного Зауралья: учебное пособие / сост., науч. ст. и коммент.: В. П. Федорова, Е. К. Рычкова. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. — С. 10–27.
11. Федорова, В. П. Современное бытование духовных стихов в старообрядческой среде Южного Зауралья / В. П. Федорова // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия: тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. Селиванова. — Москва, 1998. — С. 61–64.
12. Федорова, В. П. Философия семьи в намогильном кресте двоедан / В. П. Федорова // Шадринская провинция: материалы регион. краевед. конф. 5–6 февр. 1998 г. — Шадринск, 1998. — С. 142–144.

РАЗДЕЛ 6

ЯЗЫК И КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ: ГРАНИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Абдуназарова З. И.

Самаркандский государственный институт иностранных языков,
г. Самарканд, Узбекистан
abdunazarovazarina132@gmail.com

Современный мир и культура: сохранение и распространение культурного наследия при изучении иностранных языков

Аннотация. В данной статье рассматривается роль изучения иностранных языков в сохранении и распространении традиционной культуры в современном стремительно развивающемся мире. Проводится анализ современных форм воплощения культурного наследия, таких как фольклор, обряды, ремёсла и устную литературу, а также способы их популяризации через современные цифровые платформы, культурные фестивали и образовательные программы. Особое внимание уделяется значению языковой компетенции для точного понимания культурного контекста, перевода и интерпретации традиций, а также участия в международных культурных обменах.

Ключевые слова: традиционная культура, иностранные языки, культурное наследие, межкультурная коммуникация, глобализация.

Abdunazarova Z. I.

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan
abdunazarovazarina132@gmail.com

The Modern World and Culture: Preserving and Disseminating Cultural Heritage through Foreign Language Learning

Abstract. In this article, the role of foreign language learning in the preservation and dissemination of traditional culture in the modern, rapidly developing world is examined. The study analyzes contemporary forms of representing cultural heritage, such as folklore, rituals, crafts, and oral literature, as well as ways of promoting them through modern digital platforms, cultural festivals, and educational programs. Special attention is given to the importance of linguistic competence for the accurate understanding of cultural context, the translation and interpretation of traditions, and participation in international cultural exchanges.

Keywords: traditional culture, foreign languages, cultural heritage, intercultural communication, globalization.

В эпоху глобализации современное общество и традиционная культура сталкивается как с беспрецедентными вызовами, так и с новыми неограниченными возможностями. Современные средства массовой информации и цифровые технологии открывают культурные практики для глобальной аудитории, но одновременно могут приводить к размыванию

или искажению их изначальной сути. Сохранение и передача культурного наследия становятся ключевыми задачами для педагогов, лингвистов и культурных практиков [6, с. 120].

Изучение иностранных языков в этом контексте играет немало важную роль. Язык должен рассматриваться не только как инструмент коммуникации, но и как звено,

ведущее к пониманию культурных нюансов, исторических контекстов и нематериальных ценностей, заложенных в традициях и обычаях. В данной статье рассматривается взаимосвязь традиционной культуры и изучения иностранных языков, проводится анализ, как процесс овладения языками способствует сохранению, осмыслению и популяризации культурного наследия в современном мире.

Культура включает в себя широкий спектр человеческих проявлений: фольклор, обряды, устную литературу, ремёсла и кулинарные традиции. Так исторически сложилось, что эти формы передавались из уст в уста или через систему преподавания [3, с. 84].

В современную эпоху цифрового развития традиционная культура находит новые формы проявления. Музеи, культурные фестивали и цифровые платформы предоставляют возможности для вовлечения глобальной аудитории. Для примера можно рассмотреть виртуальные выставки, которые предоставляют возможность исследовать региональные ремёсла, а онлайн-видео и онлайн-презентации демонстрируют народную музыку, танцы и рассказы широкой аудитории. Благодаря современным технологиям традиции имеют возможность выживать и развиваться, создавая мост между прошлым и настоящим. «Онлайн-платформы и мультимедийные форматы становятся важным инструментом сохранения и популяризации нематериального культурного наследия [1, с. 109]. Владение иностранным языком является ключом к пониманию культурного контекста, в котором возникали традиционные практики. Имеется возможность напрямую обращаться к первоисточникам: фольклору, пословицам, историческим документам и литературным произведениям без посредников.

Процесс международного культурного обмена облегчен в разы, при использовании современных информационных технологий. Например, перевод фольклора и литературных текстов дает возможность иллюстрировать традиции для широкой аудитории, а языковые клубы, программы обмена и учебные поездки предоставляют практические возможности для знакомства с живыми традициями. К примеру, изучение японского языка позволяет глубже понять ритуалы синтоизма или чайную церемонию, а знание английского языка открывает доступ к европейским культурным фестивалям, праздникам,

традициям и обычаям тем самым повышая межкультурную осведомлённость.

Для познания и погружения в культурный слой общества немаловажную роль играет языковая компетенция. Знание языка существенно влияет на то, как воспринимаются и оцениваются традиционные культурные практики. Языковая компетенция позволяет познавать и изучать культурный аспект, но и в свое время дает возможность избежать искажений, возникающих при поверхностном восприятии или переводе, точнее декодировать символику, интерпретировать правильно метафоры и ритуалы.

Билингвальные публикации фольклора можно признать как эффективный онлайн инструмент, который дает возможность сравнивать оригинал и перевод, углубляя понимание языка и культурных нюансов, делая фольклор доступным для широкой аудитории, а также образовательные программы, интегрирующие культурный контент в курсы изучения языков. Эти инициативы указывают, что изучение языка не только способствует коммуникации, но и развивает культурную грамотность, позволяя глубже воспринимать традиции в их подлинной форме.

Несмотря на ряд значимых преимуществ, не стоит упускать из виду факторы, которые ведут к проблемам и трудностям при интеграции изучения иностранных языков в процессы сохранения культуры. К примеру, перевод может непреднамеренно изменять смысл культурно насыщенных выражений или опускать нюансы, что иногда приводит к частичному или полному искаженному пониманию. А также, учащиеся нуждаются в специальной подготовке для освоения и понимания как языкового, так и культурного контекста.

Другой важный аспект рассматриваемого вопроса состоит в том, что был найден баланс между аутентичностью и современной адаптацией [8, с. 159]. Современные информационные технологии предоставляют возможность с легкостью расширить границы и аудиторию традиций, при этом чрезмерное внедрение современным требованиям может приводить к упрощению или коммерциализации культурного наследия. На педагогов накладывается ответственность за поддержку баланса между культурными практиками, сохраняя подлинность традиций, но и в тоже время, обеспечивая их доступность для широкой аудитории.

Изучение иностранных языков является мощным инструментом сохранения и распространения традиционной культуры в современном мире. Оно открывает доступ к первоисточникам, укрепляет межкультурное понимание и способствует глобальному распространению культурного наследия. Для максимальной эффективности языковое образование должно интегрировать культурные компоненты, поддерживать проекты

межкультурного обмена и способствовать развитию культурной грамотности у обучающихся.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку учебных программ, системно объединяющих изучение языка с культурным погружением, обеспечивая сохранение традиций живыми, значимыми и доступными для глобальной аудитории.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. — 7-е изд. — Москва : Академия, 2017. — 336 с.
2. Захарова, Л. А. Культурное наследие в цифровой среде: новые формы репрезентации / Л. А. Захарова // Вестник МГУ. Серия «Культура и искусство». — 2023. — № 1. — С. 41–50.
3. Иноземцев, В. Л. Глобализация и культурное многообразие / В. Л. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 8. — С. 5–14.
4. Кириллова, Н. Б. Культурное наследие и идентичность в эпоху цифровизации / Н. Б. Кириллова // Культура и цивилизация. — 2021. — Т. 11, № 2. — С. 23–34.
5. Мельникова, Т. В. Цифровые технологии как инструмент сохранения культурного наследия / Т. В. Мельникова // Медиаобразование. — 2020. — № 4. — С. 58–66.
6. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация: теория и практика / А. П. Садохин. — Москва : Юрайт, 2020. — 288 с.
7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация в условиях глобализации / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2015. — 348 с.
8. Samovar, L., Porter, R., McDaniel, E. Intercultural Communication: A Reader / L. Samovar, R. Porter, E. McDaniel. — Boston : Cengage Learning, 2012. — 528 p.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учеб. для вузов / В. А. Маслова ; отв. ред. У. М. Бахтикиреева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2025. — 208 с.

Бондарчук Е. А.

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия
katya.bondarchuk.05@mail.ru

Научный руководитель: Бекасова Е. Н., Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия. bekasova@mail.ru

Традиции номинации возлюбленных в оренбургских русских говорах

Аннотация. В статье представлен анализ лексики, входящей в лексико-семантическое поле «любовь». Особое внимание уделяется наименованиям возлюбленных в диалектных словарях Оренбургской области.

Ключевые слова: оренбургские говоры, русские говоры, наименование возлюбленных, «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева, «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи.

Supervisor: Bekasova E. N., Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia. bekasova@mail.ru

Traditions of naming lovers in Orenburg Russian dialects

Abstract. The article presents an analysis of the vocabulary included in the lexical-semantic field «love». Special attention is paid to the names of lovers in the dialect dictionaries of the Orenburg region.

Keywords: Orenburg dialects, Russian dialects, vocabulary, lover, beloved, «Orenburg Regional Dictionary» by B. A. Moiseev, «Dictionary of the Dialects of the Ural (Yaitsky) Cossacks» by N. M. Malechi.

«Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Нестора Михайловича Малечи и «Оренбургский областной словарь» Бориса Александровича Моисеева — диалектные словари, которые зафиксировали речь диалектоносителей Оренбургского края второй половины XX в., сохранив какой-то степени тот «конгломерат языков, наречий и речений на его территории, который способствовал активным процессам интерференции, выживанию и закреплению наиболее жизнеспособных и выразительных языковых единиц» [1, с. 7].

Оба словаря представляют большую ценность для изучения и анализа оренбургских говоров, отражают своеобразие лексики и фразеологии, описывают различные морфологические, фонетические, грамматические особенности речи жителей. В них представлено большое количество различных лексико-семантических групп, отражающих наиболее важные для общества сферы жизни.

Диалектная речь богата экспрессивной лексикой и широко отображает человеческие чувства, например, любовь, ненависть, сожаление и т. д. [4, с. 127]. Предметом нашего рассмотрения является лексико-семантическое поле «возлюбленные» или, в целом, лексемы, касающиеся лексико-семантического поля «любовь». В любой культуре данное чувство занимает особое место, оно составляет основу и суть нравственной жизни человека. В оренбургских говорах подобная лексика представлена не особо широко, в отличие от других говоров, но все же данный пласт лексики подлежит анализу. Материалом данного исследования послужили данные «Областного оренбургского словаря»

Б. А. Моисеева и та часть словаря Н. М. Малечи, которая была зафиксирована на территории Оренбургской области.

Объектом исследования были избраны наименования возлюбленных, которые в той или иной степени представлены в анализируемых словарях. Часть указанных лексем, полученных в результате сплошной выборки из диалектных словарей, была предложена студентам филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (2, 4 и 5 курсы разных направлений педагогического образования) с целью выявления степени сохранности традиционного значения. В связи с этим был проведён свободный ассоциативный эксперимент, который «выявляет диапазон осмысления слова, не представленный в лингвистических словарях и грамматиках» и позволяет определить «ассоциативный потенциал слова как “совокупной ассоциативной валентности знака, отражающей динамику его формально-семантических связей” в коллективном и индивидуальном регистрах порождения, восприятия и употребления» [3, с. 41].

В соответствии с полученными данными лексемы, имеющиеся в словарях Б. А. Моисеева и Н. М. Малечи значение «возлюбленный», «возлюбленная», «любимый человек», представлены следующим образом.

Лексему духанька («возлюбленный») опрошенные студенты связали с двумя рядами ассоциаций: 1) душа, душевный, душенька (возлюбленная); 2) духота, баня, духовка, печка.

Краля («любовница») рассматривалась, с одной стороны, как положительная и отрицательная характеристика женщины, девушки (красивая, королева, модная; высокомерная),

с другой — как самка кролика, крольчиха. Г. В. Судаков, исследуя вологодские частушки, указывает, что лексема краля фиксирует физическую красоту возлюбленной и связана с карточной терминологией, где краля «королева» западнославянского происхождения, ср. польское *krala* «королева» [10, с. 117].

Слово матаня вызвало ассоциацию с глаголом мотаться, отсюда возможные значения: суетливый; тот, кто постоянно мотается, промотался; алкоголик. Помимо этого данную лексему связали с профессиональной лексикой: веретено, пряжа, моток, — что также отсылает к значению «мотаться, крутиться». К. Е. Корепова, анализируя частушки, указывает на то, что существительное могло быть связано с глаголом мотаться, быть родственно слову мотушка, одно из значений которого, по В. И. Даю, — «ветреный, непостоянный человек» [7, с. 18]. В словаре Н. М. Малечи от данной лексемы образуется наиболее продуктивный ряд производных: матанёк, матаненечка, матанечка, матанька. Основной моделью образования номинаций является аффиксация. Внутри гнезд прослеживаются словообразовательные цепочки единиц с поэтапным добавлением аффиксальных морфем [6, с. 100]. Отдельные лексемы данного ряда отличаются оттенками значения, благодаря уменьшительно-ласкательным суффиксам. Слово матаня, в словаре Б. А. Моисеева обозначающая возлюбленную, в словаре Н. М. Малечи получает дополнительное значение «любимая, жена, а также милый» [8, т. 2, с. 407]. По мнению, И. Б. Качинской, исследующей номинацию возлюбленных в архангельских говорах, лексема матаня обладает неясной этимологией (возможно, иноязычной) и, соответственно, неясной мотивацией. Также И. Б. Качинская анализирует гендерный аспект: матаня и производные могут использоваться по отношению к девушке, к возлюбленной, но несопоставимо реже, чем по отношению к парню [5, с. 266].

В оренбургских русских говорах присутствуют слова в значении «любовница» — прихожулька, прихехешка. Слово прихожулька, по предположениям опрошенных, мотивировано глаголом приходиться, в связи с чем были высказаны следующие варианты значений: 1) частая гостья; тот, кто ходит в гости; внезапный гость; 2) прихожанка; 3) прихожая; 4) приезжая. Прихожулька, вероятнее всего, мотивировано словосочетанием «временно приходящая». Лексема при-

хехешка вызвало ассоциацию со смехом, шуткой, отсюда возможное значение — кокетка. К. Е. Корепова пишет о том, что наименование прихехе, обычно мужского рода, иногда употребляется применительно к девушке [7, с. 16].

Лексема присуха («любимый человек») рассматривалась как женщина-тиран (аналогия — Кабаниха), также были ассоциации со значениями сухой и сушить, отсюда реакции — засуха, присохшая грязь.

В словарях Б. А. Моисеева и Н. М. Малечи есть особая группа слов, обозначающих молодожёнов, — молодого человека, только женившегося, молодую жену, супругов в целом, — женач, молодёны, молодушка, молада, пара. Образуется ряд производных слов с корнем молод- — молодёны, молодушка, молада. Представленное для эксперимента слово молодёны имело разные ассоциации у студентов: 1) молодожёны, молодые люди; 2) тот, кто молодится, пытается быть молодым, омолаживающий; 3) молодильные яблоки.

Лексема симпатка употребляется и по отношению к парню, и по отношению к девушке в значении «возлюбленная, симпатичный, -ная», а также во множественном числе — «симпатизирующие друг другу юноша и девушка» [8, т. 3, с. 75]. Опрошенные представили несколько вариантов: 1) симпатичная, миловидная; в целом девушка; 2) тот, кто проявляет симпатию.

Судя по словарям Б. А. Моисеева и Н. М. Малечи, лексика, входящая в семантическую группу с базовым компонентом любовь, представлена не особо широко. Однако и зафиксированные в них лексемы оренбургских русских говоров во многом оказались потерянными для современных носителей русского языка на территории Оренбуржья. Но при этом восприятие диалектных слов или «прочитываются» по ближайшим этимологическим связям, или с их разрывом свободно трансформируются в новые значения, при этом «лингвокреативные механизмы остаются прежними, несмотря на изменения языковой базы» [2, с. 11–12].

Проведенный анализ продемонстрировал ряд особенностей в составе и использовании наименований любимого человека в оренбургских говорах и современном её восприятии той частью носителей языка, для которой данная тема является особенно актуальной и востребованной.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. Языковое пространство Оренбуржья / Е. Н. Бекасова. — Brno : Tribun EU, 2022. — 254 с.
2. Бекасова, Е. Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера / Е. Н. Бекасова // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2013. — № 3 (22). — С. 5–12.
3. Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги : учеб. пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2020. — 358 с.
4. Долгушев, В. Г. Как называют любимого человека в вятских говорах / В. Г. Долгушев // Русская речь. — 2008. — № 2. — С. 127.
5. Качинская, И. Б. Номинация возлюбленного в архангельских говорах / И. Б. Качинская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. РАН; отв. ред. С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — С. 255–271.
6. Климас, И. С. Диалектные наименования любимого человека в курских и вологодских частушках / И. С. Климас // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 4 (51). — С. 96–105.
7. Корепова, К. Е. Номинация персонажей в частушке / К. Е. Корепова // Традиционная культура. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 11–26.
8. Малеча, Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Т. 1 / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2002. — 289 с.
9. Малеча, Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.
10. Моисеев, Б. А. Оренбургский областной словарь / Б. А. Моисеев. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. — 191 с.
11. Судаков, Г. В. Названия любимого человека в вологодских частушках / Г. В. Судаков // Вестник Череповецкого гос. ун-та. — 2016. — № 6 (75). — С. 111–120.

Борисенко Т. В.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
tatiana-tv11@yandex.ru

Концепт ABUSE как элемент психологического слоя концептуальной категории FAMILY в американской лингвокультуре

Аннотация. В статье приведён анализ концепта ABUSE с целью выявления его основных признаков. Обнаружена актуализация 18 признаков, десяти из которых соотносятся с признаками категориального концепта FAMILY. Обосновано включение концепта ABUSE в концептуальную категорию FAMILY.

Ключевые слова: концепт, концептуальная категория, категориальный концепт, признаки концепта, abuse, американское языковое сознание.

Concept ABUSE as an element of psychological layer of the conceptual category FAMILY in American linguistic culture

Abstract. The article provides an analysis of the concept ABUSE in order to identify its main features. The article reveals the actualization of 18 features, ten of which correspond to the features of the categorical concept FAMILY. The inclusion of the concept ABUSE in the conceptual category FAMILY is substantiated.

Keywords: concept, conceptual category, categorical concept, concept features, abuse, American linguistic culture.

Введение

В современной психологической науке особое внимание уделено феномену насилия как нежелательному и деструктивному элементу межличностных отношений [3; 4; 6]. Концепт ABUSE актуализирован в различных сферах человеческой деятельности и реализуется, в том числе, в семейных отношениях. Указанный концепт рассмотрен в рамках исследования структуры и содержания концептуальной категории FAMILY в американском языковом сознании. Целью данной работы является обоснование включения концепта ABUSE в концептуальную категорию FAMILY. Материалами для исследования послужили американские словари по психологии. В работе использованы концептуальный и дефиниционный методы исследования.

Многослойность концептуальной категории

Под концептуальной категорией мы понимаем укрупнённое ментальное образование, представляющее собой группировку концептов вокруг одного концепта на основе частных общих и схожих мотивационных и понятийных признаков или взаимообратных признаков. Считаем, что признаки являются схожими, если они обладают близкими по значению формулировками и отличаются небольшими нюансами. Для взаимообратных признаков характерна двусторонняя смысловая отсылка [1].

Е. В. Дзюба в своём исследовании среди методологических принципов исследования языковой категоризации отмечает принципы континуально-когнитивной относительности и контекстно-когнитивной детерминированности, которые предполагают вариативность категориальных структур, характерных для

личностного, социумного и национального лингвоментального сознания [5, с. 82–87]. Считаем, что в концептуальной категории данный принцип реализуется через наличие различных слоёв, которые включают в себя элементы, отражающие всевозможные сферы человеческой деятельности. Одним из слоёв концептуальной категории может быть психологический.

Концепт ABUSE

Рассмотрим дефиниции лексемы abuse, представленные в американских словарях по психологии.

В психологическом дискурсе понятие abuse включает в себя несколько значений: злоупотребление, особенно чрезмерное, например, психоактивных веществ; причиняющее вред обращение, например, жестокое обращение с детьми [8, с. 32]; взаимодействие, при котором один человек ведёт себя жестоко, агрессивно, требовательно, инвазивно по отношению к другому человеку или животному, термин может быть применён, когда речь идёт о физическом насилии, но также включает в себя сексуальное и психологическое (эмоциональное) насилие; подвергать человека или животное подобному обращению; злоупотребление психоактивными веществами [7, с. 5].

Определения указывают на такие понятийные признаки концепта ABUSE как представляет собой агрессивное поведение, связан с чрезмерным употреблением психоактивных веществ, является негативным видом взаимодействия между людьми, применяется по отношению к животным.

Среди других терминов, содержащих в своём составе лексему abuse и её производных в словарях представлены abused children (дети,

которые получили психологическую или физическую травму, обычно от родителей), *abuse need* (потребность быть подвергнутым насилию), *abuse of substance* (злоупотребление психоактивными веществами), *abuse potential* (потенциальная возможность психоактивных веществ вызывать зависимость) [8, с. 33]; *abuse excuse* (оправдание жестокого поведения), *abusive punishment* (применение чрезмерной физической силы при воспитании детей) [7, с. 5]. Помимо указанных выше признаков, в данных терминах актуализируются такие признаки, как применяется родителями по отношению к детям, может являться потребностью у некоторых людей.

Рассмотрим словосочетания с лексемой-номеном анализируемого концепта в психологических словарях. По запросу в словаре по психологии под редакцией Г. Ванденбоса лексема *abuse* встречается 369 раз, в словаре под редакцией Р. Корсини — 177 раз. Чаще всего лексема используется в словосочетаниях, связанных с злоупотреблением различных психоактивных веществ: *substance abuse*, *abuse of substance*, *drug abuse*, *cannabis abuse*, *polydrug abuse*, *opiod abuse*, *methamphetamine abuse*, *heroin abuse* и т. п. Всего более 170 примеров в словаре под редакцией Г. Ванденбоса и более 65 примеров в словаре под редакцией Р. Корсини. Кроме того, в словарях рассматривается потенциал злоупотребления веществ. Словосочетание *abuse potential* использован 12 и 5 раз соответственно. Это указывает на то, что такой признак концепта ABUSE, как связан с чрезмерным употреблением психоактивных веществ ярко проявляется в психологическом дискурсе американской лингвокультуры.

Ко второй по количеству единиц группе вербальных средств актуализации рассматриваемого концепта можно отнести словосочетания, связанные с жестоким обращением с ребёнком: *abuse of child*, *abuse of a physical, sexual, or emotional nature*, *perpetrated principally on children*, *abused as children*. Примечательно, что словосочетания *sexual abuse* и *sexually abused* используются в большинстве случаев по отношению к детям (10 из 15 примеров в словаре под редакцией Г. Ванденбоса и 6 из 8 примеров в словаре под редакцией Р. Корсини). В данных примерах вербализуются признаки применяется по отношению к детям, является жестоким обращением по отношению к детям, является типом насилия в интимной сфере.

Словосочетание *sexual abuse* также употребляется в связи с насилием над супругой, кроме того, по отношению к жене или партнёрши (подруги) используется выражение *physically abused*. Применительно к детям присутствует словосочетание *physical abuse*, которое может носить уточняющее дополнение *by parents* (родителями). Здесь, помимо указанных признаков, прослеживается актуализация признаков является жестоким обращением по отношению к супруге, является типом насилия в физической сфере.

Большинство примеров о насилии над детьми имеют пометку о том, что оно совершено родителями или теми, кто заботится о них. Например, понятие детский абьюз объясняется как вред, причинённый ребёнку родителем или другим опекуном [7, с. 178]; понятие синдром избитого ребёнка обозначает форму жестокого обращения родителей или опекунов по отношению к ребёнку [8, с. 365]. Таким образом, реализуется признак совершается родителями (опекунами).

Третий тип насилия, применяемый по отношению к людям — эмоциональный. Словосочетание *emotional abuse* встречается реже, чем отмеченные выше два типа насилия (не более 7 примеров в каждом словаре). Оно реализует признак является насилием в эмоциональной сфере.

Помимо ребёнка и супруги, объектом насилия может стать клиент (*client abuse*), пациент (*patient abuse*), партнёр (*partner abuse*), пожилой человек (*elder abuse*). Соответствующие словарные статьи реализуют признаки применяется по отношению к клиенту, применяется по отношению к пациенту, применяется по отношению к партнёру, применяется по отношению к пожилому человеку. Отмечается, что насилие по отношению к пожилому человеку совершается часто родственниками или детьми: «*neglect and harming of dependent older persons, often by relatives including their own children*» [8, с. 1138]. В данном случае вербализуется признак совершается родственниками.

Следует также выделить наличие признака применяется по отношению к животным, который актуализирован всего в двух примерах: *abuse by human*, *abused by a boy*. Неяркость данного признака в контексте психологической науки обусловлена фокусированием внимания исследователей на человеческие взаимоотношения, изучение вопросов насилия по отношению к животным

в данном виде дискурса сводится к анализу причин поведения человека, совершающего жестокие действия.

В материалах также неярко вербализуется признак совершается в ритуальных целях: ritual abuse. Такие ритуалы чаще проводятся над детьми или животными с применением жестоких форм физического, эмоционального и сексуального насилия [7, с. 923].

Концепты FAMILY и ABUSE

Наши предыдущие исследования показали, что концепт FAMILY в американском психологическом дискурсе реализует следующие признаки: имеющие родственника, являющиеся родственниками, имеющие взаимоотношения, имеющие плохие взаимоотношения, наличие потомства, наличие родителя/родителей, наличие интимных отношений, наличие насилия [2]. Они соотносятся с 0 выделенными признаками концепта

ABUSE: является негативным видом взаимодействия между людьми, применяется родителями по отношению к детям, применяется по отношению к детям, является жестоким обращением по отношению к детям, является типом насилия в интимной сфере, является жестоким обращением по отношению к супруге, является типом насилия в физической сфере, совершается родителями (опекунами), является насилием в эмоциональной сфере, совершается родственниками.

Выводы

Итак, анализ позволили выделить 18 признаков концепта ABUSE, актуализированных в американском психологическом дискурсе. Концепты ABUSE и FAMILY обладают десятью схожими и взаимообратными признаками, что позволяет включить рассматриваемый концепт в структуру концептуальной категории FAMILY.

Список литературы

1. Борисенко, Т. В. К вопросу о признаках концепта / Т. В. Борисенко // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2025. — № 3 (58). — С. 662–672.
2. Борисенко, Т. В. Актуализация американского концепта FAMILY в научном психологическом дискурсе (на материале словарей по психологии) / Т. В. Борисенко // Язык, культура ; коммуникация. — (В печати).
3. Васильев, В. В. Как выйти из рабства абьюза токсичных родителей и начать жить собственной жизнью / В. В. Васильев // Научно-практический подход. — 2024. — № 4–2. — С. 54–57.
4. Волохова, В. И. «Неадекватное» родительство или ловушки родительской любви / В. И. Волохова // СМАЛЬТА. — 2019. — № 4. — С. 5–9.
5. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании : монография / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. — 286 с.
6. Курасова, А. В. Абьюз: современная постановка проблемы / А. В. Курасова // Устойчивое развитие науки и образования. — 2022. — № 12 (75). — С. 5–8.
7. VandenBos, G. R. A. P. A. dictionary of psychology / G. R. VandenBos. — Washington, DC : American Psychological Association, 2015. — 1204 p.
8. Corsini, R. J. The dictionary of psychology / R. J. Corsini. — London : Routledge, 2002. — 3972 p.

Голованова Е. И.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
terminolog2011@rambler.ru

Традиционный образ русского солдата в устных рассказах участников специальной военной операции

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые характеристики русского солдата, которые отражены в рассказах участников специальной военной операции. В центре внимания автора статьи находятся записи устной речи военнослужащих, сделанные в зоне боевых действий и опубликованные в книге А. В. Драбкина «Я — воин СВО» (М., 2025). Утверждается, что в рас-

сказах бойцов воспроизводится традиционный образ русского солдата — человека чести и совести, любящего свою родину и идущего в борьбе за нее до конца. Русского воина отличает доброта, милосердие, вера в себя и своих товарищей, братьев по оружию.

Ключевые слова: традиция, русский солдат, устный рассказ, специальная военная операция, память.

Golovanova E.I.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
terminolog2011@rambler.ru

Traditional image of a Russian soldier in participants' oral histories special military operation

Abstract. The article examines the key characteristics of the Russian soldier, which are reflected in the stories of the participants in the special military operation. The focus of the author of the article is the recordings of the oral speech of military personnel made in the combat zone and published in the book of A. V. Drabkin «I am a soldier of the SVO» (M., 2025). It is argued that the stories of the fighters reproduce the traditional image of a Russian soldier — a man of honor and conscience who loves his homeland and goes in the struggle for it to the end. The Russian warrior is distinguished by kindness, mercy, faith in himself and his comrades, brothers in arms.

Keywords: tradition, Russian soldier, oral story, special military operation, memory.

Тема войны и человека на войне — одна из ключевых в русском фольклоре, литературе и культуре в целом. Исследованию этой темы посвящено множество работ, в том числе автора этих строк (см., в частности: [8; 9; 10; 12]).

В данной статье мы стремимся выяснить, какие характеристики русского воина зафиксированы в сознании современных россиян, как они соотносятся с традиционным образом русского солдата, представленным в устном народном творчестве и в лучших произведениях отечественной литературы [2; 3; 4; 5; 7].

Материалом для настоящего исследования послужили восемь записей устной речи (в форме интервью), сделанных Артемом Драбкиным в зоне боевых действий с августа 2022 по август 2024 года и опубликованных в его книге «Я — воин СВО» [11]. В этом издании по понятным причинам не приводятся полные имена участников специальной военной операции, указываются лишь их позывные.

Данные записи можно расценивать как достоверное свидетельство того, что современные военнослужащие сохраняют лучшие традиции русского воинства, свято чтут память своих предков, прежде всего — ветеранов Великой Отечественной войны.

Боец с позывным Монах, раскрывая свое представление о хорошем солдате, говорит, что это в первую очередь «честный солдат»,

его отличают «стойкость, вера в командиров», это тот, «кто не бросит товарища в беде, надежный и боевой товарищ» [11, с. 45]. Характеризуя русского солдата, Монах утверждает, что он «воюет с империей зла». При этом добавляет: «Русский человек, хоть и миролюбивый, но любит воевать» [11, с. 46]. Последнее замечание очень важно, поскольку русский человек обладает обостренным чувством справедливости и не жалеет себя, если эту справедливость нужно отстаивать в бою.

Это не значит, что русский солдат не испытывает страха: на войне «страх не дремлет, и никогда нельзя сказать, что ты его победил окончательно» [11, с. 46]. Подчеркивая, что «сейчас война становится бездушной» [11, с. 49], более жестокой, Монах говорит: «...ты отдаешь всё на откуп Богу <...> и не переживаешь, как будет, так будет» [11, с. 52]. «Просто русский человек, где бы ни находился, отдавал всего себя и всегда что-то обязательно создал. Русский человек <...> сеет по миру доброе и вечное» [11, с. 54].

Обращает на себя внимание, что в рассказах бойцов о пережитом ими лично во время специальной военной операции постоянно звучит местоимение «мы». Так, для бойца с позывным Дед очень важно подчеркнуть: «не мне дали, а нам дали» [11, с. 66]. Рассказывая о пехотинцах, с кем танкисты «не одну неделю делили еду, ели из одного котелка» [11, с. 74], он говорит: «Эти ребята были моими

друзьями», «Это были ребята, с которыми я не одну неделю прожил бок о бок, деля еду и переживания» [11, с. 75] (о значении фразеологизмов см.: [1]). Так же уважительно Дед отзывается о тех, кто служит в тылу: «Они работали добросовестно — и в дождь, и в снег, и ночью, и днем. Эти люди выполняли свой долг».

Показателен следующий фрагмент рассказа бойца: «Мата на войне хватает, но, как правило, его используют по делу. Между собой мы практически не матерились, считая это неприличным. Люди осознают: мы на фронте, и наша главная задача — воевать с общим врагом» [11, с. 80]. Здесь говорится не только о нравственных императивах поведения на войне, но и о чувстве единения, которое очень важно для русского солдата. Танкист вспоминает: «Когда мы на фронте выезжали в Кременную заправляться или перевозить что-то, я замечал, как бойцы оборачиваются на шум танка. Для них мы были символом защиты, надежды. Они махали нам руками, мы махали в ответ, это был знак единства, поддержки» [11, с. 90].

Говоря о страхе на войне, солдат отмечает, что после команды «Заводи!» страх постепенно сменялся решимостью: «В тот момент, когда двигатель запускается, все изменяется. Ты становишься другим, будто рождаешься заново и становишься готовым побеждать» [11, с. 82]. О смерти, которая все время была рядом, в рассказе бойца упоминается лишь косвенно: «Бриться на передке считалось плохой приметой... Люди обычно перед смертью намывались» [11, с. 85].

Выживать солдатам помогала и помогает любовь и вера близких. Вот как об этом рассказывает Дед: «Бывает такое, когда ночью или поздно вечером просыпаешься и слышишь мысли людей, которые за тебя переживают или молятся. Наверное, я выжил благодаря тому, что за меня молились сестра с тетками. Я чувствовал, как они это делают. Слышал голоса друзей, которые надеялись, что со мной всё будет хорошо. Люди, которые тебя знают, желают добра, ждут и верят в тебя, — их голоса словно доходят до тебя» [11, с. 86].

И далее: «На фронте я старался связаться с родными. <...> минуты связи с домом — редкое и дорогое облегчение» [11, с. 91]. Рассказывая о сыне, который был категорически против решения отца пойти на СВО добровольцем, Дед говорит: «Когда оглядываюсь

назад, я понимаю, что поступил правильно. Единственное, что иногда мучает, — чувство, что сделал недостаточно. Но это неважно. Главное — признание тех, кто был рядом на фронте. Они говорят, что я не трусил и делал свою работу. Это для меня важнее любых наград» [11, с. 91].

О присущей русскому солдату скромности говорит фрагмент из рассказа заместителя командира бригады с позывным Траверс: «... я сам по себе работать работаю, но никогда не докладываю и не бегу с транспарантами: «Товарищ полковник, я сделал вот это. Товарищ полковник, я планирую сделать вот это», то есть работа делается, и ее видно» [11, с. 92].

Большое место в его рассказе занимает тема памяти: «...воевало у меня несколько дедов» [11, с. 94]. Об одном из них, участнике Сталинградской битвы и Курского сражения, он говорит: «... до сих пор не могу найти братскую могилу, где он захоронен. И я ношу его фамилию, и в память о нем я продолжаю общее дело, которое наши деды когда-то начали» [11, с. 94].

Особо значим следующий фрагмент в рассказе военнослужащего: «... здесь люди гибнут. Гибнут за то, что когда-то отстаивали наши деды. Право вообще быть русским. Право находиться на той территории, что исконно существовала, завоевывалась, открывалась нашими предками. Поэтому мы должны и обязаны сохранить то, что нам было даровано великими нашими отцами, и сохранить это в своем сердце» [11, с. 95].

Сравнивая русских солдат с украинскими, Траверс замечает: «У нас нет такой тотальной ненависти к ним» [11, с. 102]. В воспоминаниях о советских временах военнослужащий ценным называет то, что «никто не учитывал личное, всё было ради коллектива» [11, с. 106]. Истинные герои, по его мнению, «приносят в жертву свои жизни, как это делали герои во время Великой Отечественной войны, бросаясь грудью на амбразуру или направляя горящий самолет в колонну» [11, с. 106].

В своем рассказе он приводит примеры подвига русского солдата: «У нас и сейчас есть такие же герои. Под Авдеевкой погиб командир танка, который был в свое время представлен к званию Героя ДНР, сейчас документы находятся в работе на награждение посмертно. Он, прекрасно осознавая опасность, уже не стреляя, на своем танке

начал пробивать тралами проход в минном заграждении, чтобы пехота могла продвигаться. <...> Невзирая ни на что, он сам прыгнул и, зная, что надо выполнить задачу, пошел с тралами под огнем противотанковых средств. <...> Или парни, которые, для того чтобы спасти свою группу и обеспечить ей отход, подрывают гранатами себя и атакующую пехоту противника. И такие случаи не редкость» [11, с. 106–107].

Как и другие рассказчики, Траверс уделяет внимание теме единства военнослужащих: «в едином порыве работают» (о командире и подчиненных на фронте) [11, с. 121], хороший командир «бережет свой состав, за него стоит горой» [11, с. 110]. Особо ценится в солдатской среде искренность: «такие вещи, которые люди делают от чистого сердца» [11, с. 121], в том числе искренняя поддержка из России: «со многими людьми мы уже общаемся на «ты»; мы уже друг друга любим» [11, с. 118].

Отвечая на вопрос, за что он воюет, Траверс говорит: «Не знаю, может быть, скажу, что за весь мир. За мир над нашей головой. Но я сейчас больше воюю за память наших предков, потому что ее пытаются стереть, забыть и выкинуть, а я не могу этого позволить сделать. Фраза «Мир во всем мире» тоже от нас зависит, потому что мы глобальная держава. Ведь Русский мир — это та нация, которая отвечает за благополучие в целом на шарике» [11, с. 111].

Своему двенадцатилетнему сыну Траверс рассказывает о своих предках, «чтобы он гордился своей фамилией» [11, с. 122]. Завершил свой рассказ боец следующими словами: «Победа будет все равно за нами. Так или иначе, мы слоим хребет и этому фашизму, и этой объединенной Европе, которая от нас зависит и никуда не денется»; «... люди, которые сейчас здесь воюют, <...> начнут обществу чистить изнутри, потому что они будут иметь на это право» [11, с. 126].

Сходные мысли содержатся и в рассказе бойца с позывным Архангел. Он разделяет русские ценности: «все должно быть по-честному, слабых обижать нельзя, надо всегда всем помогать» [11, с. 127]. Иными словами, доброта, честь, достоинство, совесть — это лучшие качества русского солдата. Об украинцах Архангел говорит: «Это наши соседи, наши братья» [11, с. 130]. Русский солдат чувствует свою ответственность «перед самим собой, перед своей семьей, перед друзьями, перед народом, перед страной в целом» [11, с. 130], поэтому: «Домой, конечно, хочется, но и доделать дело надо тоже» [11, с. 186].

Рассказывая о своем командире, Архангел дает ему высшую характеристику — «великий мужик», при этом отмечает: «Он идет вместе с нами, он идет до конца, он так же, как мы, получает... Вот таким командир должен быть» [11, с. 158].

Ненависти к противнику у русских солдат нет. Вот как говорит об этом боец с позывным Шайтан: «Ненависть только к националистам, ко всему, что они делают, потому что если не нравится тебе человек, то зачем его мучить? Зачем эти издевательства и прочее?» [11, с. 234]. Он же отмечает: «...настоящая свобода и отношения людей между собой именно в России намного лучше и честнее. Многие говорят, что у нас честнее. И люди, которые воюют, это понимают» [11, с. 224].

Таким образом, в рассказах бойцов и командиров — участников специальной военной операции России на Украине — отчетливо раскрывается образ современного защитника, в котором проявились традиционные черты русского солдата: любовь к родине, честность, скромность, отвага, доброта и милосердие. Не будет преувеличением сказать, что события двадцатых годов двадцать первого века вновь обнажили истинные ценности русского народа — миролюбие и справедливость [6].

Список литературы

1. Бабушкина, О. Н. Словарь английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности / О. Н. Бабушкина, Е. И. Голованова. — Челябинск : Энциклопедия, 2012. — 301 с.
2. Голованов, И. А. «Посреди руин поверженного города...»: военные рассказы А. Платонова о возвращении солдата домой / И. А. Голованов // Литература в контексте современности : сб. материалов XII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. — Челябинск, 2020 — С. 101–105.
3. Голованов, И. А. «Русский солдат для меня святыня»: военные рассказы А. Платонова о долге и счастье солдата / И. А. Голованов // Литература в контексте современности : сб.

материалов XIV Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. — Челябинск : Биб-ка А. Миллера, 2022. — С. 9–12.

4. Голованов, И. А. Игры со смертью в военных рассказах А. Платонова / И. А. Голованов // X Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций» : сб. материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Челябинск, 2022. — С. 235–238.

5. Голованов, И. А. Мировое зло и простые герои военной прозы А. Платонова / И. А. Голованов // Человек и язык в коммуникативном пространстве. — 2017. — Т. 8, № 8. — С. 117–123.

6. Голованов, И. А. Аксиологические константы русской ментальности (на материале фольклорных текстов) / И. А. Голованов, Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42). — С. 13–24.

7. Голованова, Е. И. Война в художественном осмыслении (по данным русского песенного фольклора) / Е. И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37 (328). — С. 33–137.

8. Голованова, Е. И. Образ врага в народных песнях о Великой Отечественной войне / Е. И. Голованова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. — 2016. — Т. 7, № 7. — С. 20–26.

9. Голованова, Е. И. Орнитологический код в произведениях о войне как живая традиция русского фольклора и литературы / Е. И. Голованова // XI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: от прошлого к будущему» : сб. материалов междунар. науч. конф. — Челябинск : ЧГИК, 2024. — С. 326–331.

10. Голованова, Е. И. «За себя и за того парня...»: ментальные проекции Великой Отечественной войны в крылатых словах и выражениях / Е. И. Голованова, М. А. Потапчук // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 13 (268). — С. 29–32.

11. Драбкин, А. В. Я — воин СВО / А. В. Драбкин. — Москва : Яуза-каталог, 2025. — 352 с.

12. Потапчук, М. А. Концепт «война» в русском языке и культуре / М. А. Потапчук // Челябинский гуманитарий. — 2011. — № 4 (17). — С. 48–52.

Гончарук П. С.

Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Россия
Linateacher1@mail.ru

Проблема англоязычной экспансии в современной коммуникации и её влияние на личностную идентичность человека

Аннотация. Статья затрагивает вопросы влияния экспансии англоязычного дискурса на когнитивные процессы и личностную идентичность индивида. Английский язык является необходимым «лингвистическим капиталом» для глобальной коммуникации, однако его доминирование сопряжено с серьёзными рисками, связанными с вытеснением местных языков, когнитивной гомогенизацией и ослаблением аутентичной личностной идентичности.

Ключевые слова: личностная идентичность, цифровая среда, экспансия, доминирование, адаптация.

The problem of English-language expansion in modern communication and its impact on a personal identity of the individual

Abstract. The article addresses the impact of the expansion of English-language discourse on cognitive processes and an individual's personal identity. English is a necessary «linguistic capital» for global communication, but its dominance comes with serious risks associated with the displacement of local languages, cognitive homogenization, and the weakening of authentic personal identity.

Keywords: personal identity, digital environment, expansion, dominance, adaptation.

Язык — это не просто нейтральный инструмент передачи информации; это структура, которая формирует мышление, культуру и, в конечном счёте, идентичность человека. В последние десятилетия наблюдается беспрецедентная экспансия англоязычных доминант в науке, технологиях, бизнесе и массовой культуре. Эта экспансия, которую часто называют «глобализацией языка», несёт в себе как несомненные преимущества в плане унификации коммуникации, так и серьёзные риски для культурного разнообразия и, что особенно важно, для личностной идентичности носителей других языков.

В данной статье мы рассмотрим некоторые аспекты доминирования англоязычного дискурса и его влияние на когнитивные процессы, культурное самосознание и самоидентификацию индивида.

Английский язык закрепил свой доминирующий статус в немалой степени благодаря бурному развитию интернета и англоязычных медиа. Это создало эффект «лингвистического капитала»: владение английским открывает двери к знаниям и карьерным возможностям.

Однако у этой необходимости есть своя цена. Лингвист Дэвид Кристал отмечает, что доминирование одного языка всегда угрожает менее распространённому:

Дэвид Кристал: «Когда один язык становится доминирующим в таких ключевых областях, как наука и технологии, он неизбежно начинает вытеснять местные языки из их традиционных сфер применения, лишая их, таким образом, жизненной силы» [3, с. 152].

Когда ключевые концепции, например, в сфере информационных технологий, менеджмента или новейшей философии, изначально формулируются на английском языке, их

переводы на другие языки часто оказываются неточными, громоздкими или вовсе отсутствуют.

Теория лингвистической относительности, гипотеза Сепира — Уорфа, утверждает, что структура языка влияет на наше мышление. Таким образом, англоязычная экспансия несёт с собой не только новую лексику, но и определённые когнитивные паттерны.

Английский язык часто поощряет использование активного залога, прямолинейность, инструментальный подход, что отражено в его бизнес-лексике. При постоянном погружении в англоязычный дискурс носители других языков могут неосознанно перенять эту стилистику, которая вступает в противоречие с более холистическими, контекстуальными или иерархическими способами мышления, присущими их родному языку.

Однако наиболее сильный удар экспансия наносит по идентичности, которая, как мы помним из работ Бахтина и Холла, тесно связана с языковым выражением.

«Быть — значит быть для другого и через другого — для себя» [1, с. 38]. Таким образом, по Бахтину, идентичность — это не фиксированная сущность, а динамический, этически нагруженный процесс, который постоянно создается и пересоздается в акте диалогического отклика на бытие другого.

«Идентичность никогда не является чем-то, что мы имеем, а всегда чем-то, чем мы становимся. Она формируется в движении, в процессе, а не в конечном состоянии» [6, с. 22]. Таким образом, Стюарт Холл определяет личностную идентичность как непрекращающийся процесс самоопределения, который никогда не завершится, поскольку мы

всегда находимся в процессе «становления», и соответственно, влияние языка происходит в течение всей жизни индивида.

Когда сложная эмоциональная или культурно-специфическая концепция не имеет точного эквивалента в доминирующем языке, человек теряет способность полно и точно выразить часть своего внутреннего опыта.

Философ Джордж Стейнер глубоко исследовал эту проблему:

«Язык — это не просто набор символов для обозначения вещей, это мир, который мы строим и в котором мы живём. Потеря языка — это потеря мира» [5, с. 327].

Когда человек вынужден думать о сложных вещах на «втором» языке, он, по сути, вынужден упрощать или искажать свой опыт, чтобы он соответствовал доступному лексическому аппарату.

Кроме того, англоязычный контент, такой как кино и музыка, несет в себе культурные коды, ценности и установки, зачастую американского или британского происхождения.

Постоянное потребление такого контента приводит к культурному заимствованию, когда местные традиции и ценности начинают оцениваться через призму доминирующей англо-американской системы. Это может привести к внутреннему конфликту идентичности, когда молодежь начинает считать свою родную культуру «менее модной» или «менее универсальной».

Цифровая среда многократно усиливает эффект экспансии. Алгоритмы, поисковые системы и социальные сети, изначально созданные на английском языке, по умолчанию отдают предпочтение англоязычному контенту, создавая эффект лингвистической петли.

Цифровая среда (интернет, социальные сети, метавселенные) выступает не просто как новый канал коммуникации, но как пространство для экспериментов с идентичностью.

В цифровой среде идентичность становится более прозрачной, фрагментированной и управляемой. Пользователь может сознательно формировать части своего «Я», которые он не может или не хочет проявлять в реальном мире.

В нашем исследовании мы понимаем цифровую среду как совокупность всех цифровых технологий, платформ, сервисов и онлайн-пространств, которые опосредуют наше взаимодействие с информацией, другими людьми и самим собой. Это не просто виртуальный мир, а полноценное, хотя и опосредованное, пространство, которое становится неотъемлемой частью нашей жизни. Цифровая среда характеризуется глобальностью и безграничностью, ввиду отсутствия географических и временных ограничений, интерактивностью и опосредованностью, так как взаимодействие происходит через цифровые интерфейсы, зачастую без прямого физического контакта. Следует отметить ее многослойность, как сочетание различных форм коммуникации — текст, аудио, видео, изображения, виртуальные миры, а также анонимность и деперсонализацию, возможность частичного или полного скрывания своей личности, что открывает новые грани самовыражения.

В интернете человек может легко «надеть» англоязычный аватар (в виде профессионального жаргона или сленга), который кажется более эффективным или престижным, но при этом отдаляет его от аутентичной языковой самости. Это усугубляет проблему гибридной идентичности, переводя ее в плоскость постоянного напряжения между быстрой, универсальной цифровой коммуникацией и медленным, глубоким общением на родном языке.

Англоязычная экспансия является мощным двигателем глобальной коммуникации, но она несёт в себе структурную угрозу языковому многообразию и глубине личностной идентичности. Проблема заключается не в самом английском языке, а в асимметрии его использования. Когда доминирование одного языка приводит к упрощению мышления, ослаблению связи с национальной культурой и невозможности полного самовыражения на родном языке, это напрямую подрывает устойчивость личностной идентичности. Задача исследователей и педагогов — найти способы интеграции универсальных инструментов коммуникации, сохраняя при этом когнитивную и культурную полноту родного языка.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва : Искусство, 1986. — С. 7–122.
2. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс. — Молден, Массачусетс : Blackwell Publishers, 2000. — 595 с.

3. Кристал, Д. Язык в XXI веке: какова его судьба? / Д. Кристал ; пер. с англ. — Москва : АСТ, 2003. — 270 с.

4. Сепир, Э. Культура, язык и личность / Э. Сепир // Сепир, Э. Язык, мысль и реальность : избр. тр. : пер. с англ. — Москва : Прогресс, 1993. — С. 139–158.

5. Стейнер, Дж. После Вавилона: литература и трансценденция / Дж. Стейнер. — Москва : Русское феноменологическое общество, 2002. — 592 с.

6. Холл, С. Кому нужна идентичность? // С. Холл. Идентичность ; под ред. Дж. Рэнса ; пер. с англ. — Москва : Идея-Пресс, 2017. — С. 15–41.

Дубровская Д. В.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
Dybrovskayadv@gmail.com

Научный руководитель: Голованова Е. И., Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия. terminolog2011@rambler.ru

Традиции и творчество в метафорической системе научного дискурса В. В. Виноградова

Аннотация. Статья посвящена анализу метафорической системы в научном дискурсе академика В. В. Виноградова. Исследование показывает, как унаследованные филологической традицией образные модели подвергаются индивидуально-авторскому творческому преобразованию, становясь ключевым инструментом концептуализации языка, стиля и образа автора в его лингвистической теории.

Ключевые слова: В. В. Виноградов, научный дискурс, когнитивная метафора, филологическая традиция, идиостиль, языковая личность.

Dybrovskaya D. V.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
Dybrovskayadv@gmail.com

Tradition and Creativity in the Metaphorical System of V. V. Vinogradov's Scientific Discourse

Abstract. The article analyzes the metaphorical system in the scientific discourse of academician V. V. Vinogradov. The study demonstrates how inherited figurative models from the philological tradition undergo individual authorial creative transformation, becoming a key tool for conceptualizing language, style, and the author's image in his linguistic theory.

Keywords: V. V. Vinogradov, scientific discourse, cognitive metaphor, philological tradition, idiolect / individual style, linguistic personality.

Метафора является одним из актуальных механизмов научного познания и применяется в качестве способа описания и номинации новых понятий, явлений и фактов на том этапе, когда специальный термин для данного явления еще отсутствует [6; 3].

Интерес к метафоре в современной лингвистике, как отмечают Т. Г. Попова и Е. В. Сачкова в статье «Метафора в научном стиле», обусловлен сменой научной парадиг-

мы. Переход от структуралистской модели к антропоцентрической поставил в фокус исследований человека как языковую личность. В рамках данного подхода язык трактуется как инструмент познания. В этом контексте метафора выступает одним из базовых способов концептуализации и фиксации нового опыта в языке [8].

Таким образом, современная лингвистика рассматривает метафору не как ритори-

ческую фигуру, а как значимый когнитивный механизм научного мышления. В свете сказанного особый интерес представляет анализ конкретных метафорических систем, формирующих идиостиль отдельных ученых, где общенаучные, традиционные образные модели взаимодействуют с индивидуально-авторскими. Этот подход соответствует пониманию профессиональной личности как комплекса идей, ценностей, взглядов и интересов, сформированного профессиональной субкультурой и влияющего на действия и отношение личности к окружающей действительности [2, с. 157].

Материалом для исследования послужили следующие труды В. В. Виноградова: «Проблема авторства и теория стилей» (1961), «Поэтика и стилистика русской литературы» (1976), «Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя» (1990), «Жду перемен в своей судьбе»: письма к жене из вятской ссылки» (2016).

Мы полагаем, что когнитивные метафоры в научном дискурсе В. В. Виноградова образуют многоуровневую систему, выполняющую концептуализирующую и объяснительную функцию. Эта система представляет собой результат сознательного творческого развития классической филологической традиции, где фундаментальные образы не просто заимствуются, а получают новое наполнение через комбинацию с моделями из других знаковых систем (музыка, естественные науки), демонстрируя синтетический характер его мышления.

На основе анализа текстов В. В. Виноградова нами выделен ряд ключевых метафор, которые структурируют его научный дискурс.

1. Язык как живой организм, стихия, поток. Примеры: «<...> разобраться в том сложном и разнородном, ...не имевшем твердых границ потоке устной народной речи»; «К просторечию подходила, отчасти с ним сливаясь, струя простонародной речи» [5, с. 31]; «Все дальнейшее послекарамзинское развитие русской литературно-языковой культуры представляется в форме единого потока, двигавшегося в русле карамзинской стилистической системы» [6, с. 227]. Язык осмысливается В. В. Виноградовым как нечто динамичное, саморазвивающееся, мощное. Такое сравнение позволяет ученому точно описать исторические изменения языка (движение потока), взаимодействие и взаимовлияние диалектов (слияние ручьев) и

творческую энергию речи («прорвались», «чудодейственная сила»).

2. Язык/текст как произведение искусства, синтез искусств. Примеры: «Быстрая смена красок, острые контрасты освещения накладывают на стиль изображения отпечаток глубокой личной заинтересованности автора» [5, с. 197]; «Так возникла в первый раз на русском языке проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная» [5, с. 9]; «Нет оттенков в словесных красках, не хватает разнообразия в переливах светотени» [5, с. 198]; «Это выразительно указывает на его роль на сцене русской литературы» [5, с. 10]. Художественное творчество (театр, живопись, музыка) является одной из ключевых моделей метафоризации в текстах В. В. Виноградова, она позволяет представить текст как многослойное, эстетически организованное, субъективно окрашенное пространство.

3. Стилистическая система как механизированное производство или химический процесс. Примеры: «Еще более машинизирован в духе В. Ф. Одоевского образ «молчаливой добродетели» [5, с. 208]; «Сейчас для наших целей не существенно значение и механизм комического в целом» [9, с. 382]; «Рисуемые как механизм, распадающийся на части, которые олицетворяются метафорически и поглощают своих обладателей, лица у Гоголя статичны и неодушевленны» [9, с. 322]. Встречаются также естественнонаучные метафоры: «Характер, воспроизводимый Пушкиным, никогда не демонстрируется читателю в анатомическом разрезе» [5, с. 214], Языковые элементы мыслятся ученым как материал, который можно комбинировать, сплавлять, отливать, штамповать. Это подчеркивает системность языка, возможность целенаправленного анализа его «составных частей» и самого процесса создания новых форм («облагородить», «образовать сплавы»).

4. Стилистический анализ как расследование. Примеры: «Тенденция должна быть художественно замаскирована и нейтрализована» [5, с. 215]; «Достоевский попутно занимается также разоблачением “нигилизма”» [9, с. 571]; «Можно найти веские доказательства авторства Пушкина» [9, с. 436]; «Нерешительность и неуверенность в применении современных приемов атрибуции по косвенным данным или «улика» здесь обнаруживается во всей своей наготы» [9, с. 169]. Филолог выступает как следователь или судья, который на основе «улик» (стилистических

признаков) выносит вердикт об авторстве. Эта метафора придает анализу объективный, доказательный характер, но также указывает на сложность и неочевидность задачи («косвенные данные»)

5. Национальный язык / научный труд как ценностный объект. Примеры: «Понятно, что национальный язык, как общее достояние всего народа, становится его драгоценным сокровищем, служит предметом национальной гордости...» [1, с. 187]; «Язык — не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания» [1, с. 188]. В этой метафоре проявляется аксиологический (ценностный) аспект научного дискурса В. В. Виноградова. Язык для него «сокровище» и «предмет гордости», работа лингвиста — «подвиг» (о словаре В. И. Даля), а предшественники — «свет высоких умов». Это создает образ служения высокой цели.

Перечисленные модели служат В. В. Виноградову для концептуализации ключевых понятий его теории. «Слово» осмысливается им как «звено в цепи», элемент «ткани» текста и компонент «сплава» стиля — точка пересечения системных связей. «Стиль» получает у лингвиста многомерное определение через метафоры «системы систем» (механика), «колорита» и «гаммы тональностей» (живопись, музыка), «маски» (театр) и «потока» (стихия), что отражает сложную природу данного феномена. «Образ автора» художественного произведения в трудах ученого конструируется как режиссер, управляющий «масками» рассказчиков и «красками» иронии, чей голос звучит как «голос трибуна» — инстанция, воплощенная в ткани текста.

Система метафор В. В. Виноградова раскрывает его как уникальную языковую личность, сочетающую в себе исследователя, филолога-энциклопедиста, философа языка и человека культуры. Он систематизирует научное знание, выявляет закономерности языка, используя механистические и криминалистические метафоры. Образы потока, родника и сокровища отражают его историко-философский взгляд на язык как живую сущность и хранилище национального духа. Доминирование художественных и театральных метафор свидетельствует о том, что В. В. Виноградов воспринимал язык прежде

всего эстетически, как воплощение русской литературной традиции, которую он анализировал изнутри, мысля ее же категориями. Эти параллели раскрывают творческую природу ученого, его уникальную способность выявлять взаимосвязи между различными знаковыми системами.

Интересно, что в личных письмах академик использует сходные, как правило, чувственно-перцептивные ассоциации: «Мысли мои — как акварель, размытая дождем. Ни контура, ни яркости, все в блеклых тонах» [4, с. 167]; «Пишу о Гоголе, и каждая фраза для меня как скрипичный аккорд: то резкий диссонанс, то вдруг — чистая терция» [4, с. 84]. Говоря о цензуре в литературной среде, он сравнивает науку с оркестром без дирижера, филологию — с балаганом, а себя самого — с «суфлером в пустом театре» [3, с. 40].

Наконец, его когнитивный стиль проявляется в метафорическом синтезе — соединении в одном контексте образов из музыки, живописи, стихии и химии (например, «драматически напрягаясь <...>, маскируясь пестрыми красками, <...> звучит как голос трибуна, произносящего обличительную речь» [5, с. 216]), что свидетельствует о его междисциплинарном ассоциативном мышлении, видении объекта одновременно с разных сторон.

Таким образом, метафорическая система В. В. Виноградова представляет собой продукт его творческого диалога с филологической традицией. Ученый, будучи «человеком академической традиции», укорененным в ее основных образных моделях (язык-поток, текст-театр), не воспроизводит их пассивно, а подвергает творческому преобразованию и синтезу. Он доводит устойчивые образы до высокой сложности, объединяя их («поток», дробящийся на «струи», чтобы образовать с книжным языком «сплавы»). Этот метафорический синтез становится для него главным инструментом концептуализации, позволяя через взаимопроникновение образов из разных семиотических сфер постигать и описывать многомерную природу слова, стиля и образа автора. Метафора у В. В. Виноградова оказывается одновременно и способом познания языка, и формой самовыражения ученого, для которого классическая традиция служила фундаментом индивидуального творчества.

Список литературы

1. Аннушкин, В. И. Индивидуально-авторский стиль академика Виноградова и его последователей / В. И. Аннушкин // Но мы сохраним тебя, русский язык!: кол. моногр., посв. 90-летию академика В. Г. Костомарова / отв. ред. В. И. Карасик. — Москва : Флинта, 2020. — С. 161–199.
2. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — Челябинск : Энциклопедия, 2008. — 180 с.
3. Голованова, Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестник Омского университета. — 2013. — № 1 (67). — С. 69–75.
4. Виноградов, В. В. Жду перемен в своей судьбе: Письма жене из вятской ссылки (1934–1936) / сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой; сопроводит. материалы А. Б. Гуськовой, В. Н. Виноградовой. — Санкт-Петербург : Росток, 2024. — 400 с.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1990. — 388 с.
6. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — Москва : Гослитиздат, 1961. — 613 с.
7. Имашева, О. А. Метафора и ее интерпретация в научном дискурсе / О. А. Имашева // Русский язык. Языки народов России. 2023. № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-i-eyo-interpretatsiya-v-nauchnom-diskurse/viewer> (дата обращения: 30.11.2025).
8. Попова, Т. Г. Метафора в научном стиле / Т. Г. Попова, Е. В. Сачкова // Международный журнал экспериментального образования. — 2016. — № 2–2. — С. 356–360.
9. Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова / отв. ред. М. П. Алексеев. — Ленинград : Наука, 1971. — 462 с.

Иванцов Ю. А.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
20ivantsov20@gmail.com

Научный руководитель: Питина С. А., Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Языковой пуризм как лингвокультурное явление: стратегии сопротивления заимствованиям в русском языке

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен языкового пуризма как реакции на усиление межкультурного. На основе лингвистического и социолингвистического подходов исследуется степень оправданности заимствований в русском языке. Цель работы заключается в выявлении лингвокультурных оснований пуризма на материале английских заимствований в русском языке. Утверждается, что пуризм является не инструментом изоляции от других языков, а механизмом культурной самозащиты, направленной на обеспечение независимости языка для отдельной культуры.

Ключевые слова: языковой пуризм, заимствования, англицизмы, глобализация, языковая идентичность, русский язык.

Supervisor: Pitina S. A., Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

Linguistic Purism as a Linguistic and Cultural Phenomenon: Strategies for Resisting Loan Words in the Russian Language

Abstract. This article examines the phenomenon of linguistic purism as a reaction to the intensification of intercultural communication. The article explores the extent to which loan words in the Russian language are justified based on linguistic and sociolinguistic approaches. The goal of this research is to identify the linguistic and cultural foundations of purism using English loan words in the Russian language. The article determines that purism is not a tool for isolation from other languages but rather a mechanism of cultural self-defense aimed at placing the independence of a language within a particular culture.

Keywords: linguistic purism, loan words, anglicisms, globalization, linguistic identity, Russian language.

Процесс глобализации, несомненно, приносит в общество свои преимущества, такие как культурное разнообразие, повышение уровня образования, осведомлённость о масштабных проблемах всего человечества, создание путей сотрудничества для их дальнейшего решения. С одной стороны, благодаря сети Интернет люди могут узнавать об особенностях других культур через просмотр видео, чтение новостных лент, анализ сайтов, путешествия. С другой стороны, чрезмерное влияние одной культуры на другую порой истощает другую. Таким образом, мы говорим об аксиологической проблеме в социально-культурной сфере не только отдельного человека, но и всего народа.

Эволюция культуры ведёт к обогащению языка. Технологический прогресс, появление новых явлений современности неизбежно несёт в себе создание новых языковых единиц, которые, благодаря диалогу культур, находят своё отражение в других языках. В современном мире именно за английским языком закрепился образ языка международного — около 1,5 миллионов человек в мире говорят на английском. Данный язык изучается по всему миру: на английском написаны инструкции, создаются сайты и программы, ведут общение ведомства различных стран, общаются туристы. Такое внимание язык получил благодаря своей простоте и лаконичности. Однако излишнее употребление англицизмов может привести к стремлению избавиться от них в официальном и неофициальном общении. Такой процесс в лингвистике получил название «пуризм».

Такой процесс в лингвистике получил название «пуризм».

Пуризм представляет собой языковое взаимодействие с участием двух или более языков. С одной стороны — язык «паразит», чьи языковые компоненты, будь то лексемы или граммы, проникают в язык «реципиент». С другой — попытки языка «реципиента» избавиться от вполне заменяемых пришедших слов, сделав язык «чистым». Даже сейчас мы употребляем понятие, основанное на англицизме «pure» — «чистый» [2, с. 109].

С. В. Друговейко-Должанская, российский филолог, даёт следующее определение языковому пуризму: «Языковой пуризм [франц. purisme < от лат. purus — 'чистый'] — неприятие любых языковых изменений или прямое их запрещение: консервативное стремление к «очищению» языка от иноязычных заимствований, неологизмов, от естественного проникновения в литературный язык элементов нелитературной речи (диалектов, просторечия, жаргонов), отрицательное отношение к языковому и речевому новаторству» [4, с. 537].

Пуризм представляет собой не только запрет на использование иностранных слов в языке, но и творческий процесс. Джордж Томас указывает на то, что этот процесс заключается не только в избавлении от заимствований, но и в их замене, тем самым воздействуя все уровни языка [7, с. 10–11]. Такой творческий подход к данному явлению можно проследить и у других учёных. М. В. Ломоносов ещё в 1739 г. в «Письме о правилах рос-

сийского стихотворства» поднимал вопрос о перенятии в русский язык различных слов: «...российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить». По мнению учёного, русский язык — самодостаточная система, которой не нужны «слепые» заимствования. При всём его богатстве, язык способен находить или создавать эквиваленты, используя собственные языковые средства. Стоит отметить, что заимствования, взвешенные и корректные, имеют право на существование: «...надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать» [5, с. 465–466].

Приведём некоторые примеры обоснованных и необоснованных заимствований. Рассматривая пополнение лексического состава русского языка, следует упомянуть Петра Великого и его желание интеграции России в семью европейских государств [1, с. 165]. Одним из знаковых событий правления Петра можно отметить развитие русского флота — выход к Балтийскому и Чёрному морю для безопасности и торговых отношений. Вместе с европейскими «новшествами» в виде кораблестроения в русский язык пришло и множество иностранных слов, которые воспринимались обществом, моряками в частности, позитивно, так как слова были трудно переводимыми на русский язык. Благодаря тесному контакту с европейской культурой русский язык стал богаче: из английского языка появились «мичман», «тендер»; из голландского «матрос», «штурман», «шкипер»; из немецкого «рейс», «вахта» и многие другие. Такие заимствования полностью ассимилировались в языке, и сегодня мы не задумываемся об их иностранном происхождении.

Сейчас обмен языковыми единицами, в особенности лексикой, происходит намного быстрее. Приведём несколько примеров. Слово «газлайтинг» (англ. gaslight) означает «преднамеренное введение человека в заблуждение», то есть искажение человеком объективной реальности. Вероятно, данную лексему можно заменить словами «ложь», «эмоциональное насилие», «манипуляция» и даже «искажение реальности». Однако синонимы не передают точное лексическое значение слова «газлайтинг», ведь оно обозначает постепенное введение в заблуждение жертвы с целью создания в рассудке человека

верной для агрессора реальности. Такого точного понятия не существует в русском языке, тем самым образуется языковая лакуна. По нашему мнению, приведённые синонимы можно использовать только при наличии контекстуального дополнения.

В то же время, вместо иноязычного слова «панкейк», которое активно употребляется в разных гастрономических заведениях нашей страны, можно использовать русские слова «оладья» или «блин» [6, с. 175]. Главным отличием является мало различимая рецептура продукта. В то же время продукт меняет культурное представление, ведь «панкейки» в американской культуре принято подавать сладкими, политыми джемом, кленовым сиропом или арахисовой пастой — продуктами, не закреплёнными в русской культуре, а «блины» и «оладьи», несомненно, отражают в себе русскую культурную особенность данного продукта — трапеза с горячими напитками, икрой, сметаной, маслом, вареньем, мясом и рыбой, подаваемые во время русского праздника Масленица. Трудно себе представить русское масленичное празднование с танцами, песнями и гуляниями, прыжками через костёр и сожжением чучела с приготовлением «панкейков».

Постепенная замена привычных русских слов иностранными заимствованиями может привести к лингвокультурным изменениям, так как слово меняет восприятие не только самого объекта, но и его историю, особенности, традиции.

Н. Я. Данилевский, русский социолог и философ, изложил некоторые законы исторического развития, где третий закон гласит: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [3, с. 6]. Полагаем, что передача культурных особенностей другому народу, с последующим полным принятием этих реалий (религиозных, бытовых, научных, художественных и других) может привести к полному исчезновению культурного наследия этого народа. Несомненно, родной язык является частью культурного достояния каждого народа. Пуризм не является инструментом войны с заимствованиями, а способом защиты своей культурной особенности и права на сосуществование с другими разнообразными, особенными, культурами, с возможностью культурного обмена, а не замены.

Список литературы

1. Брикнер, А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого: в 2 т. Т. 2. / А. Г. Брикнер. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1902–1903. — 294 с.
2. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке: учебное пособие / Р. А. Будагов. — Москва : Добросвет, 2000, 2003. — 144 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Москва : Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
4. Друговейко-Должанская, С. В. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. / С. В. Друговейко-Должанская, Д. Н. Чердаков. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2013. — 585 с.
5. Ломоносов, М. В. Письмо о правилах российского стихотворства. Избранные произведения / М. В. Ломоносов. — Ленинград : Советский писатель, 1986. — С. 465–472.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : пер. с нем. (с доп.) / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1964. — Т. 1. — 562 с.
7. George, T. Linguistic Purism / T. George. — London, New York : Longman, 1991. — 250 с.

Кокорюкин Д. А.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
dmitrykokoryukin98@mail.ru

Научный руководитель: Питина С. А., Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Специфика использования англицизмов в речи подростков на примере компьютерных видеоигр

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей употребления английских заимствований подростками, играющими в компьютерные видеоигры. Рассматриваются основные способы адаптации английских слов в речь русскоязычных подростков, а также особенности их использования. Результаты исследования позволяют сделать выводы о динамике изменений русского языка молодежи и культурном влиянии глобализации в цифровой среде.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, английский язык, русский язык, видеоигры, игровой сленг, подростковая речь.

Kokoryukin D. A.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
dmitrykokoryukin98@mail.ru

Supervisor: Pitina S. A., Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

The specifics of using Anglicisms in the speech of teenagers using computer video games as an example

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of using English borrowings by teenagers playing computer video games. The main ways of adapting English words into the speech of Russian-speaking adolescents and their usage are considered. The results of the research let us conclude about the dynamics of changes in Russian language of teenagers and cultural influence of globalization in the digital environment.

Keywords: anglicisms, borrowings, English language, Russian language, video games, gaming slang, teenage speech.

В современном русском языке наблюдается активное проникновение англицизмов — слов и выражений, заимствованных из английского языка. В частности, использование англицизмов особенно заметно в речи подростков, что обусловлено влиянием различных факторов, например, увлечение компьютерными видеоиграми.

Среди исследователей, внесших значительный вклад в изучение межязыковых контактов и внедрения лексических единиц одного языка в другой, следует выделить Э. Хаугена, У. Вайнрайха, Д. Шульц др. В российской науке изучением слов иноязычного происхождения занимались М. В. Ломоносов, Л. П. Крысин, Э. Ф. Володарская, Р. А. Будагов и др.

Востребованность дальнейших исследований англицизмов в русском языке и их влиянии на коммуникативные практики подтверждается интересом общественности к влиянию процессов глобализации и доминирования английского языка в СМИ и современной культуре.

Актуальность исследования влияния английского языка на речь подростков обусловлена необходимостью понимания механизмов адаптации англицизмов, а также оценки их влияния на языковую идентичность и коммуникативные практики подростков.

Целью работы является определение специфики использования англицизмов в речи подростков, играющих в компьютерные видеоигры.

В настоящей работе для сбора данных о специфике употребления слов английского происхождения в речи подростков были использованы:

1. Анкетирование подростков, играющих в компьютерные видеоигры;
2. Анализ аудиосообщений и текстовых источников, созданных подростками в видеоиграх, мессенджерах и игровых сообществах;
3. Статистический анализ полученных данных.

Для участия были выбраны 20 респондентов 12–18 лет, имеющие опыт игры в компьютерные видеоигры и общения в режиме онлайн. Методы анализа данных включали анализ частоты использования англицизмов, а также анализ текстов для особенностей их адаптации и оценки влияния англицизмов на коммуникативные процессы подростков.

Современные языки находятся в постоянной трансформации в связи с различными факторами, такими как технологический прогресс, глобализация и формирования новых языковых норм в силу воздействия различных социокультурных процессов [4]. Результатом этих процессов является образование и закрепление новых лексических единиц в языке реципиенте. Основными особенностями этого процесса являются:

1. Экономия языковых средств — стремление говорящего передать максимум информации с помощью минимального набора средств.
2. Аналогия — уподобление морфологических форм в ходе исторического развития элементам, которые наиболее частотны.
3. Языковые контакты и миграции — взаимовлияние языков, приводящее к обогащению лексического, фонетического и грамматического запаса [2, с. 78].

Все заимствованные слова входят в язык при различных условиях, поэтому существует ряд способов появления и адаптации новых лексических единиц в принимающем языке. В лингвистике выделяют следующие виды заимствований по форме их вхождения: лексическое, семантическое, морфемное и прямое заимствования, калька, слова-интернационализмы, экзотизмы, иноязычные вкрапления [7, с. 377]. Кроме того, исследователи-лингвисты выделяют следующие виды адаптации иноязычных слов: фонетическая морфологическая, семантическая, адаптация, а также калькирование, усечение и слияние [5, с. 29].

Большая часть слов и выражений из сленга английского происхождения подростков, играющих в онлайн видеоигры, не меняет своего денотативного значения, а написание и произношение максимально схоже со словом-источником. Еще одной чертой этих заимствований является то, что в основу слова берется английское слово практически без изменений, но оно изменяется грамматически по правилам русского языка (в основном склоняются имена существительные и спрягаются глаголы) [8]. По способу адаптации заимствований эти слова можно отнести к калькам или полукалькам [9]. Например: «скиллы» или «скилы» (англ. “skill” — «навык»), «пушить» (англ. “push” — «толкать»), «кастомкать» (англ. “customize” — «настраивать»), «лагать» (англ. “lag” — «отставать»),

«тима» (англ. "team" — «команда»), «хилиться» (англ. "heal" — «исцеляться»), «хэлпануть» (англ. "help" — «помогать»), «эрор» (англ. "error" — «ошибка»).

Однако не все слова могут быть понятны человеку, владеющему английским языком, но не знакомым с миром компьютерных игр. Точнее, эти слова существуют в английском языке, но при вхождении в употребление русскоговорящими подростками их значение изменено. Так, слово «скин», что с английского языка переводится как «кожа» (англ. "skin"), имеет другое значение. В речи подростков это обозначает внешний вид игрока, а также его экипировку и инвентарь. В качестве еще одного примера, можно рассмотреть слова «байт» или «байтить» (англ. "bite" — «кусать»), однако в игровом сообществе оно понимается как «обмануть» или «обман». К этой группе можно отнести слово «нокнуть» (англ. "knock" — «стучать»), что среди геймеров означает «нанести вред».

Существуют и другие способы адаптации английских слов в речи русскоязычных пользователей видеоигр. Одним из них является усечение: «ачивка» (от англ. "achievement" — «достижение»), «аук» (англ. "auction" — «аукцион»). Отметим еще один способ — слияние двух слов. Примерами могут быть слова ваншот (англ. "one shot" — «достижение цели одним выстрелом») и «спидран» (англ. "speed run" — «ускорение движения»).

Выявление особенностей адаптации англицизмов показало, что заимствования адаптируются в речи к грамматическим и фонетическим особенностям русского языка, а также в некоторых случаях изменяют свое семантическое значение для более точного выражения мыслей.

Естественно, что появление англицизмов в коммуникативных практиках подростков не проходит для них бесследно и положительно сказывается на их развитии. Прежде всего, употребление англицизмов способствует

знакомству подрастающего поколения с новой информацией и культурами, особенно это касается сферы информационных технологий, медицины и моды [6]. Также англицизмы дают почувствовать себя частью глобального сообщества, выделяться, продемонстрировать осведомленность, выражать понятия более лаконично. К тому же, наличие слов английского происхождения упрощает изучение иностранных языков, так как учащиеся уже знакомы с рядом слов благодаря видеоиграм и социальным сетям [10].

Однако чрезмерное использование англицизмов делает речь сложной для понимания, а неверное употребление и вытеснение ими родных слов может привести к ухудшению общей языковой грамотности и потере самобытности родного языка. Также в силу наличия множества англицизмов и сленговых выражений в речи подростков может затрудняться коммуникация со старшим поколением, не понимающими эти слова.

Обсуждение возможных последствий использования англицизмов для развития русского языка показывает, что англицизмы способствуют обогащению языка и повышают точность выражения мыслей в определенных сферах. С другой стороны, чрезмерное использование заимствований может привести к обеднению русского языка. Рассмотрение вопроса о сохранении языковой чистоты русского языка в условиях англоязычной экспансии требует усовершенствования норм употребления англицизмов и повышения уровня речевой культуры подростков.

Перспективы дальнейших исследований в этой области связаны с изучением влияния англоязычной лексики на формирование языковой идентичности подростков, а также разработкой рекомендаций по сохранению языковой чистоты и богатства русского языка в условиях глобализации и развития технологий.

Список литературы

1. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. — 1996. — № 3. — С. 32–41.
2. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Наука, 1990. — 110 с.
3. Каверина, Д. А. Англицизмы и американизмы в современном русском языке / Д. А. Каверина // Молодой ученый. — 2014. — № 21. — С. 773–775.
4. Конишевский, Д. В., Кушнарера, Н. В. Адаптация заимствований в языковой картине мира / Д. В. Конишевский, Н. В. Кушнарера // Вестник Омского университета. — 2021. — № 4. — С. 68–72.

5. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в современном русском языке / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1998. — 208 с.
6. Кужубаева, В. В. Влияние англицизмов игрового сленга на повседневную речь подростков / В. В. Кужубаева // Юный ученый. — 2022. — № 3. — С. 1–3.
7. Новиков, Л. А. Современный русский язык / Л. А. Новиков. — 4-е изд. — Москва : Лань, 2003. — 395 с.
8. Новожилова, Д. И., Гогина, Л. П. Коммуникативная роль англицизмов в лексике современного медиатекста / Д. И. Новожилова, Л. П. Гогина // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2021. — № 4. — С. 8–17.
9. Плужников, М. Н. Калькирование как способ заимствования / М. Н. Плужников // Вестник Московского университета. Сер. 9. — 2015. — № 4. — С. 72–76.
10. Подгорная, Е. А. Языковое сознание подростка и интернет-коммуникации / Е. А. Подгорная // Филологические науки. — 2016. — № 5. — С. 123–126.

Кошкарлова Н. Н.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия
nkoshka@rambler.ru

Солопова О. А.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия
o-solopova@bk.ru

.....

**Традиционные ценности стран БРИКС
(по материалам многоязычного словаря метафор)¹**

Аннотация. В статье анализируются традиционные ценности стран БРИКС, репрезентированные в виде концептуальных кластеров: социальная справедливость и многополярный мир, поступательный прогресс, нравственные ориентиры, общие аксиологические принципы реализации установок объединения. Эти принципы образно представлены в полиязычном словаре «БРИКС: дискурсивные метафоры». Метафоры в эмоциональной форме транслируют универсальные и культурно специфичные ценности БРИКС и отдельных стран-участниц объединения.

Ключевые слова: ценности, метафора, концептуальный кластер, лексикография, БРИКС.

Koshkarova N. N.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
nkoshka@rambler.ru

Solopova O. A.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
o-solopova@bk.ru

.....

**Traditional values of the BRICS grouping
(a case study of multilingual dictionary of metaphors)²**

Abstract. The paper deals with the traditional values of BRICS countries, represented as conceptual clusters: social justice and multipolar world, incremental advance, moral guides, general value-based principles of BRICS activities. These principles are figuratively presented in the multilingual dictionary "BRICS: Discursive Metaphors". The metaphors emotionally convey value-based phenomena of universal or culturally specific nature.

Keywords: values, metaphor, conceptual cluster, lexicography, BRICS.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049>.

² The research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049>.

Ценности как аксиологический фундамент существования любого национально-лингвокультурного сообщества определяют картину миру того или иного народа и репрезентируются в языковой форме. Нация (этнос, народность) обладает своим уникальным лингвокультурным кодом, который, с одной стороны, задает самобытные ценностные ориентиры, с другой стороны, является основой для общего понимания мира, даже при возможных противоречиях и отличиях в системе ценностей. С наибольшей силой аксиологический компонент проявляется в деятельности объединения БРИКС, куда входят страны, различные с точки зрения цивилизационной принадлежности, исторического развития, языкового и культурного разнообразия.

Одним из главных приоритетов деятельности БРИКС является построение многополярного мира при помощи «эффективных механизмов и форматов взаимодействия в гуманитарной сфере для консолидации сущностных мировоззренческих ориентиров и укрепления внутренней сплоченности объединения при сохранении идеологической и культурной самобытности» [2, с. 27]. Межгосударственный диалог между странами-членами БРИКС основан на сохранении и поддержании культурно-цивилизационной уникальности, неприкосновенности ценностных постулатов каждого государства, входящего в объединение. Такая цель с успехом реализуется одновременно с формированием общей ценностной платформы, которая «представляет собой амальгаму из различных национальных ценностей, которые могут дополнять друг друга, но не обязаны полностью совпадать» [1, с. 64].

Национальные ценности — это разнообразие традиционных ценностей, которые определяют правила социального поведения и устанавливают нормы социальной жизни. Традиционные ценности формируются на протяжении длительного исторического развития нации или этноса и имеют не только коллективный, но и индивидуальный характер, так как через систему таких ценностей личность (само)идентифицируется с обществом и формирует свою жизненную позицию. К традиционным ценностям, помимо национальных, также относятся консервативные ценности, направленные на поддержание деятельности общественных институтов; религиозные ценности, исповедуемые верую-

щими людьми и влияющие на деятельность государства; духовные ценности, представляющие собой систему нравственных правил и ориентиров.

Каждая страна заинтересована в сохранении традиционных ценностей, так как это укрепляет позиции государства как во внутренней, так и во внешней политике, способствует сохранению суверенитета, обеспечивает преемственность поколений [об этом см., например, 6]. На втором форуме «Традиционные ценности», прошедшем в рамках БРИКС, был официально представлен и утвержден список из двенадцати общих ценностей, объединяющих народы стран-участниц объединения [3]: милосердие, культурный суверенитет и равенство культур, экономическое благополучие и социальная справедливость, многополярный мир, здоровье, ориентация на развитие, ответственность перед будущими поколениями, гуманизм и миролюбие, взаимоуважение, умеренность и избегание фанатизма, солидарность и единство, культура честности. В совокупности эти двенадцать принципов формируют связную мировоззренческую систему, состоящую из четырех концептуальных кластеров, каждому из которых соответствуют универсальные образы, включенные в словарь «БРИКС: дискурсивные метафоры» [8]. В целом необходимо отметить, что метафора является эффективным инструментом трансляции ценностей, так как она делает абстрактные идеи более конкретными, соединяет языковые, мыслительные и культурные процессы на основе культурного кода, на чувственном уровне обогащает понимание внешнего мира и происходящих в нем процессов [4]. Рассмотрим, как метафоры наполняют эти кластеры конкретным содержанием.

Первый кластер задает цель построения нового миропорядка и охватывает принципы справедливости на глобальном и национальном уровнях (многополярный мир, экономическое благополучие и социальная справедливость, культурный суверенитет, равенство культур, культура честности). В совокупности эти ценности утверждают модель международных отношений, основанную не на гегемонии одного государства, а на балансе сил, при котором каждый субъект имеет право на собственный путь развития и гарантию невмешательства в его внутреннюю и внешнюю политику. Внутри государств эти ценности находят воплощение в

идея социальной справедливости, а в межгосударственных отношениях — в честности как фундаментальном принципе взаимодействия. Эти ценности раскрываются с помощью взаимосвязанных метафор: международная система предстает как совокупность суверенных ОРБИТ, совместно выступающих ПРОТИВОВЕСОМ однополярному доминированию; каждая культура — это самостоятельный ДОМ, наделенный правом ГОЛОСА; честность в отношениях выступает надежным КИРПИЧОМ, из которого возводится общее ЗДАНИЕ сотrudничества.

Второй ценностный кластер задает траекторию и моральные основания совместного прогрессивного движения к цели, объединяя идеи развития и ответственности (ориентация на развитие, ответственность перед будущими поколениями, здоровье). Эти принципы утверждают поступательный прогресс в качестве основной цели, неразрывно связывая его с долгосрочной устойчивостью и сохранением жизненных ресурсов для потомков. Здоровье в данной системе координат — будь то здоровье человека, социального организма или природных экосистем — выступает как необходимое предварительное условие развития, как его высшая ценность и, наконец, как главный критерий, по которому измеряется прогрессивность избранного пути. Образный ряд включает метафоры общего ПУТИ в будущее, в котором объединение выступает ДВИГАТЕЛЕМ, ДРАЙВЕРОМ прогресса и ПРОВОДНИКОМ для других стран; ответственное СТРОИТЕЛЬСТВО закладывает прочный ФУНДАМЕНТ для последующих поколений, а здоровье наций трактуется как их основной жизненный ИСТОЧНИК.

Третий кластер устанавливает нравственные основания для любых форм взаимодействия — от межличностных до межгосударственных (гуманизм, миролюбие, милосердие, солидарность и единство), провозглашая высшую ценность человеческой жизни и достоинства, что на практике должно выражаться в отказе от политики конфронтации, в сострадании и сознательном сплочении перед лицом общих вызовов. Именно эти принципы формируют этический фундамент, альтернативный парадигме, основанной на идеях избранности, исключительности и политике доминирования. Во-

площением этих принципов служат метафоры братской СЕМЬИ, прочной ДРУЖБЫ, связующего МОСТА, объединяющего КЛУБА и коллективной СИЛЫ, противостоящей общим вызовам, то есть архетипов, ценностный потенциал которых отражает универсальные моральные доминанты [7].

В четвертом кластере предлагаются ценностные принципы реализации предыдущих установок: умеренность, избегание фанатизма, взаимоуважение. Умеренность выступает как основная ценность и добродетель, сдерживающая политические курсы, экономические стратегии и идеологические доктрины, не допускающая их радикальных отклонений от принципов здравого смысла и устойчивого развития. Практическим следствием и инструментом умеренности является взаимоуважение — признание законного права другого на иную позицию, что является критически важным условием для функционирования декларируемого многополярного мира. Метафорический каркас, оформляющий эти ценности, акцентирует взвешенность и взаимодействие: ПРОТИВОВЕС как гарантия равновесия, открытая для диалога ДВЕРЬ, ОКНО как принятие позиции другого и сознательно выстроенная АРХИТЕКТУРА партнерства.

Представленный в настоящем исследовании краткий анализ метафорического воплощения аксиологического компонента деятельности БРИКС подтверждает мысль В. И. Карасика о том, что «эмоциональная обусловленность ценностей базируется на переживаемой системе культурных приоритетов, а поступки вписываются в стереотипные действия, принятые в соответствующем обществе» [5, с. 9]. Действительно, ценности являются теми ориентирами поведения, которые осознаются и переживаются языковым коллективом, что затем выражается в системе метафорических образов и моделей, базирующихся на аксиологической парадигме. Анализ универсальных и культурно специфических метафор, отражающих систему ценностей БРИКС в целом и (или) того или иного государства, входящего в объединение, дает возможность на материале текстов политического и медиадискурса описать и проанализировать демонстрацию культурно и исторически сложившихся нравственных устоев.

Список литературы

1. Барабанов, О. Н. Эволюция ценностной платформы БРИКС / О. Н. Барабанов. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/evolyutsiya-tsennostnoy-platformy-briks/> (дата обращения: 13.12.2025).
2. Возилов, Д. Л. О работе в рамках БРИКС в сфере традиционных ценностей / Д. Л. Возилов // Аналитические записки ИКСА РАН. — Москва: Институт Китая и современной Азии РАН, 2024. — С. 26–32.
3. В список общих ценностей БРИКС вошло 12 понятия. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/25077333> (дата обращения: 13.12.2025).
4. Калинин, О. И. Метафора и дискурс: методология лингвистических исследований / О. И. Калинин, О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова. — Москва: Издательский дом ВКН, 2025. — 383 с.
5. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. — Москва: Гнозис, 2025. — 592 с.
6. Марасанова, В. М. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 212 с.
7. Солопова, О. А. Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова // Южно-российский журнал социальных наук. — 2024. — Т. 25. — № 4. — С. 39–54.
8. Солопова, О. А. Микроструктура полиязычного словаря «БРИКС: дискурсивные метафоры» / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова // Вопросы лексикографии. — 2025. — № 36. — С. 26–44.

Кузнецова А. А.

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Республика Беларусь
apolinariyakuznecova@gmail.com

Научный руководитель: Филиппенко В. В., Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь. lera3072@mail.ru

Традиции русской речевой культуры в условиях англоязычной экспансии в пространстве Интернет

Аннотация. В статье исследуется влияние в пространстве Интернет английского языка на традиционные нормы русской речевой культуры. Выявляются особенности функционирования русского языка как фундамента русской речевой культуры в глобальной сети Интернет. На основании эмпирических данных, полученных в результате опроса, проведенного в студенческой среде, определяется степень влияния английского языка на русскую речевую культуру молодежи.

Ключевые слова: русская речевая культура, русскоязычная традиция, пространство Интернет, русский язык, англоязычная экспансия.

Supervisor: Filippenko V. V., Belarusian State University of Culture and Arts; Minsk, Republic of Belarus. lera3072@mail.ru

Traditions of russian speech culture in the context of english-language expansion on the Internet

Abstract. This article examines the influence of the english language on traditional norms of russian speech culture on the Internet space. It identifies the characteristics of the russian language as the foundation of russian speech culture on the global Internet. Based on empirical data obtained from a survey conducted among students, the degree of influence of the english language on russian speech culture among young people is determined.

Keywords: russian speech culture, russian-speaking tradition, Internet space, russian language, english-language expansion.

В настоящий момент возрастает актуальность научных исследований, посвященных вопросу сохранения национальных культурных традиций. Особое значение данные исследования приобретают в сфере речевой культуры, фундаментом которой является язык и как вербальное средство определенного народа или этнической группы, и как семиотический базис культуры. Русский язык в современную эпоху культуры экранного типа, для которой характерно быстрое распространение информации во времени и пространстве посредством различных площадок сети Интернет, испытывает англоязычное давление. Традиции русской речевой культуры, восходящие к трудам М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина; идеалам языка А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова; духовно-нравственным ценностям Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского; гражданско-патриотическим и морально-этическим принципам Ю. Б. Левитана и О. Ф. Берггольц, сегодня вынуждена адаптироваться к новой коммуникационной модели. Веками накопленные русским народом традиционные нормы и правила языка, выраженные в его огромном лексическом богатстве, логически выверенном и обоснованном построении текста, изящных и изысканных этикетных формулировках встраиваются в реалии экранной культуры третьего тысячелетия, окрашенной возрастающим англоязычным влиянием в цифровой среде.

Отметим, что согласно мнению российского исследователя О. В. Приходько, речевая культура — это синкретизм знаний, уме-

ний и навыков устной и письменной речи, используемый субъектом в определенной коммуникативной ситуации с учетом соблюдения этики общения для достижения поставленных стратегических коммуникационных задач [1, с. 427]. Следовательно, речевая культура неразрывно связана с различными видами творчества личности, в том числе осуществляемого в глобальной сети Интернет. Непосредственно в пространстве Интернет русская речевая культура подвергается интенсивному воздействию со стороны иных языковых традиций, в частности, со стороны английского языка. Все возрастающая тенденция англоязычной экспансии напрямую определяет новые способы, модели, механизмы использования русского языка, которые зачастую вступают в противоречие с традиционными для русской речевой культуры ценностными установками.

Отметим, что под «англоязычной экспансией» мы понимаем массовое внедрение на информационные площадки пространства Интернет определенных коммуникативных моделей и клише, к которым мы, в частности, относим «post» (ограниченная по количеству знаков и символов статья); «stories» (непродолжительное видео сообщение); «tweet» (сжатый, немногословный текст, зачастую содержащий единичный фото- или видео материал). Данное понимание англоязычной экспансии вытекает из результатов анализа речевых практик в русскоязычных сегментах пространства Интернет, расположенных на интернет-канале «Telegram»; социальной сети «ВКонтакте»; платформе «Дзен»; а так-

же данных, полученных посредством опроса экспериментальной группы, а именно: студентов 2–3 курсов учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (Республика Беларусь, г. Минск), являющихся пользователями глобальной сети Интернет. Осознанная замена емких русскоязычных определений, выражений и дефиниций на короткий англоязычный аналог сегодня целенаправленно производится с лексическими единицами русского языка. Так, «объект искренней симпатии», «объект пылкой любви» заменяется на «краш» («crush»); «срок выполнения работы», «определенный момент времени, к которому должен быть достигнут результат» — на «дедлайн» («deadline»); «информационное содержание страницы пространства Интернет» — на «контент» («content»); «чувство сильной неловкости, стыда или дискомфорта за чьи-то действия» — на «кринж» («cringe»); «краткая презентация идеи» — на «питч» («pitch»); «мне нравится публикация» — на «лайк» («like»); «недоброжелатель», «склочник», «ненавистник» — на «хейтер» («hater»); «смешное действие» — на английскую аббревиатуру «рофл» («ROFL — Rolling on the floor laughing»). Данные лексические замены демонстрируют тенденцию упрощения, насыщенного смыслом русского языка, его многословной описательной конструкции однословной англоязычной. Такая замена не только влечет за собой сужение первоначального значения, но и влияет на потерю эмоционального окраса. Так, богатый спектр русских синонимов для обозначения недоброжелателя («склочник», «ненавистник») сводится к единому термину «хейтер», который не передает все нюансы, глубинный смысл исходных понятий. Вышеозначенная тенденция употребления аналога устоявшихся в русском языке слов и выражений на явно усеченную по смыслу англоязычную лексическую альтернативу не является неосознанной или механической. Происходит активное словообразовательное англо-русское конструирование: суффиксы и префиксы русского языка присоединяются к англоязычной основе и внедряются в коммуникативное пространство глобальной сети Интернет при межличностном, межгрупповом и массовом коммуникативном взаимодействии. Так, слово «юзать» («use»), означающее «использовать», было образовано путём заимствования английского глагола «to use» с добавлением

к нему суффикса «-а» и окончания «-ть». В свою очередь новомодное выражение «загуглить», означающее поиск информации в системе «Google» пространства Интернет, образовано от названия вышеозначенной поисковой системы и добавления русской приставки «за-», придающей значение способа действия («начать поиск с помощью системы «Google»). Используемое повсеместно в молодежной среде популярное «лайкать» образовано в результате английского глагола «like» («нравится») и его адаптации к русской языковой системе посредством добавления суффикса «-а» и окончания «-ть». Таким образом, архитектура древнейшего языка мира — языка великого русского народа — претерпевает не столько адаптацию к новым реалиям, которые привнесла цифровая культура, сколько сознательно разрушается, кромсается, упраздняется. Кроме того, возникшие гибридные каламбуры, например, «мемология», «инфлюенсерствовать», демонстрируют не креативность и творческий полет мысли их создателей, а являются примером незнания норм и правил не только русской, но и английской речевой культуры.

Вышеозначенная языковая краткость, дробление слов входит в противоречие с традиционной для русской языковой культуры ценностью связного, логически выстроенного, эстетически выверенного образного высказывания. Традиционная для русской соборной культуры система обращения с используемыми лексемами «уважаемый», «господин», «товарищ»; обращение к адресату на «Вы» с употреблением имени и отчества в цифровой среде пространства Интернет, как правило, заменяется на «ты», с употреблением имени (так называемого «ника»), которое реципиент посчитал нужным указать или под каким предпочел представиться. Эмоциональная окрашенность речевой интонации в глобальной сети Интернет подменяются на небольшие картинки-символы («эмодзи») или графические изображения («стикеры»), что является своего рода «цифровым переизданием» русской эмоциональной открытости.

Отметим, что произведенный нами опрос студентов, являющихся активными пользователями пространства Интернет, продемонстрировал амбивалентную картину. С одной стороны, 80 % респондентов активно используют англицизмы в коммуникативном взаимодействии на различных площадках пространства Интернет, считая их «удобными» и

«точными», так как заимствованные термины («дедлайн», «кринж») выступают в роли готовых смысловых единиц с высокой степенью узнаваемости; с другой стороны, 46,7 % студентов негативно оценивают чрезмерное, неуместное употребление англицизмов в публичном пространстве; а 72 % опрошенных отметили, что ценят в русской речи её образность и богатство синонимов, которых не хватает в «цифровом сленге». Последнее указывает на то, что выбор молодежью третьего тысячелетия языковых культурных традиций своих предков имеет для современных молодых людей особое, непреходящее ценностно-смысловое значение.

Таким образом, взаимодействие традиций русской речевой культуры с лексемами английского языка в цифровой среде пространства Интернет носит неоднозначный характер. Русский язык и его речевые практики демонстрируют высокую адаптивность, творчески перерабатывая англоязычное влияние в новые текстовые жанры и словообразования. Однако происходит риск

возможной имплантации чуждых русскому языку и русской культуре коммуникативных моделей, основанных на примитивизации мысли и усечении эмоциональной языковой наполненности. В современных условиях информационных войн, которые развязали деструктивные силы коллективного Запада с целью насаждения гражданам Российской Федерации и Республики Беларусь западноевропейских концепций и идей, в целом не отвечают культурно-историческим, духовно-нравственным, морально-этическим, гражданско-патриотическим идеалам двух братских народов.

Анализ данных, полученных в результате в результате опроса студенческой молодежи из числа пользователей глобальной сети Интернет, свидетельствует о достаточной устойчивости многовековой культурной русскоязычной традиции, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать дальнейшее сохранение идентичности русской речевой культуры, не смотря на попытки внедрения в нее англоязычных коммуникативных форм, моделей и практик.

Список литературы

1. Приходько, О. В. Сущность и структура речевой культуры в психолого-педагогической литературе / О. В. Приходько // *Фундаментальные исследования. Педагогические науки.* — 2014. — № 9. — С. 424–428.

Лушпей А. А.

Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Россия
ana1534@ya.ru

Междисциплинарный разрыв: лингвистическая грамотность и музейная практика

Аннотация. Приказ 2017 года Министерства культуры «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации» заложил основу для создания современной цифровой инфраструктуры управления музейными фондами, где языковое оформление карточек стало одним из ключевых элементов стандартизации и систематизации информации. Вместе с тем, сам языковой компонент Госкаталога должен быть оформлен в соответствии с правилами и нормами современного русского литературного языка. Автор статьи считает, что использование цифровых сервисов и искусственного интеллекта позволит музейному работнику создавать тексты, отвечающие лингвистическим параметрам качественного контента.

Ключевые слова: цифровые сервисы, музейный нарратив, нормы современного русского литературного языка, контент.

Interdisciplinary gap: linguistic literacy and museum practice

Abstract. The 2017 Order of the Ministry of Culture «On Approval of the Regulations on the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation» laid the foundation for the creation of a modern digital infrastructure for museum fund management, where the language design of cards has become one of the key elements of standardization and systematization of information. At the same time, the language component of the State Catalog itself must be designed in accordance with the rules and norms of the modern Russian literary language. The author of the article believes that the use of digital services and artificial intelligence will allow a museum employee to create texts that meet the linguistic parameters of high-quality content.

Keywords: digital services, museum narrative, norms of modern Russian literary language, content.

При составлении языкового контента работник музея зачастую сталкивается с проблемой грамотного оформления текста, при этом Сциллой и Харибдой становится верное словоупотребление в аспекте соблюдения речевых норм современного русского языка. Актуальность этой проблемы неоднократно отмечалась автором статьи [2], [3], [4]. Несомненно, богатый словарный запас и внушительный читательский опыт значительно облегчают построение правильного (с точки зрения соблюдения лексических норм) высказывания, предложения. Но даже при наличии достаточно выверенного лексического багажа всегда существует вероятность совершения речевой ошибки. Так, при работе с описанием музейного предмета для Госкаталога (<https://goskatalog.ru/portal/#/>) сотрудник, зачастую не имеющий профессиональной подготовки, иногда допускает ряд ошибок:

- грамматические: «лаптя, низкий обувь», «шаль шерстяной, большой черного света с цветочками», «пинетка детский», «стаканчик, сделанный рыбкой», «с каблуком вместе с галош», «с этой палке на свадьбе приглашали, кто будет танцевать», «портрет черно-белая», «шапка детская, похож на тыкву»;
- орфографические: «черного света», «рукопись из режиссера», «ботинки мужские», «басанножка», «фото-портрет»;
- пунктуационные: «игрушка, из гусяного горлышка», «поделка из дерева, голова первобытного человека, на подставке».

Для проверки орфографической правильности текста и актуализации написания новых слов, лишь недавно появившихся в русском языке, стоит использовать акаде-

мический орфографический ресурс Института русского языка им. В. В. Виноградова <https://orfo.ruslang.ru/>. К достоинствам ресурса следует отнести его доступность, отсутствие регистрации и оплаты, но самым главным является его обновляемость: так, за 2023 год добавлены 214 словарных статей, которые регламентируют написание таких новых слов, как нейросеть, мурал-арт, прокси-война, ИТ-профессия и т. д. В 2024 году — 721 статья со словами, часто используемыми в процессе музейной коммуникации: аватарка, ассоциативно значимый, ассоциативно-эмоциональный, баталёрский, дипфейк, живоподобность, токен. Интересно, что уже в ноябре 2025 года в словарные статьи добавлено 657 элементов, то есть слов, которые наиболее часто встречаются в медиаскурсе, но еще без сложившегося в сознании носителей русского языка орфографического облика: например, айтрекер, даркнет, завирнуть(ся), киберзащита, океюшки, офлайн-мессенджер, пауэрбанк и др. Помимо верного написания слов, ресурс предлагает нормы их произношения, именно поэтому обращение к его материалам позволяет сделать языковой компонент экскурсии нормативным и не вызывающим отторжения у слушателей и посетителей музея. Интерес к онлайн-ресурсам в процессе работы с языковым материалом в частности и к самой организации такой работы определенно существует среди практикующих специалистов [1], [5], что говорит о формировании гибридного подхода к взаимодействию текста и человека.

<https://glvrd.ru> — еще один бесплатный онлайн-ресурс, позволяющий работнику музея при составлении экскурсионного тек-

ста оставаться в рамках кодифицированной лексики и умело ее сочетать. Так, например, при анализе части текста «Андрей Панин родился в Кемеровской области и большую часть своей жизни посвятил искусству. Его творческий путь начался именно здесь, в Сибири, и благодаря таланту и упорству он стал одним из наиболее ярких представителей отечественного кинематографа. Однако мало кому известно, что помимо актерского мастерства Андрей проявлял себя и как художник, создавая удивительные картины и наброски», составленного при помощи русской нейросети <https://giga.chat> на вкладке «Чистота» алгоритм оценивает его в 8,1 баллов из 10. Важно, что происходит не просто оценивание текста, а именно оценивание с комментариями: так, основными проблемами текста являются необъективная оценка («большую часть своей жизни»), усилитель (слово «именно» в таком контексте употреблять не следует, так как «Скорее всего, текст не пострадает, если это слово удалить»), газетный штамп («отечественного кинематографа»), так как «читателю трудно прорываться сквозь статью, в которой много

подобных фраз»). Вкладка «Читаемость» сервиса оценивает текст на 9,4 балла из 10, что позволяет предположить, что он будет легко восприниматься посетителями мемориального комплекса как в письменном, так и в устном варианте. Следовательно, мы можем утверждать, что нейросеть является хорошим инструментом для создания «каркаса» текста, однако его совершенствование остается все еще задачей человека, именно он задает тональность текста и определяет жесткость границ языковых норм.

Таким образом, современный уровень развития вспомогательных онлайн-сервисов не позволяет полностью заменить функцию человека по составлению грамотных текстов (существующие сервисы искусственного интеллекта хотя и частично справляются с этой задачей, однако их конечный продукт всё еще говорит об уникальности человеческого языкового сознания), однако при четком понимании их функционала и возможности их применения специалист учреждений культуры способен создать языковой контент в рамках существующих норм и правил русского языка.

Список литературы

1. Вишленкова, С. Г. Использование цифровых сервисов как средства развития лексических навыков обучающихся старших классов на уроке немецкого языка в средней школе / С. Г. Вишленкова, Н. М. Животов // Языки в меняющемся мире: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Саранск, 20 марта 2025 г. — Саранск: Мордов. гос. пед. ун-т им. М. Е. Евсевьева, 2025. — С. 47–51.
2. Лушпей, А. А. Речевой аспект экскурсионной деятельности / А. А. Лушпей // Сохранение и актуализация культурного наследия: тез. докл. Всерос. науч. музеол. школы, Кемерово, 16 мая 2024 г. — Кемерово : КемГИК, 2024. — С. 35–36.
3. Лушпей, А. А. Особенности работы с цифровыми сервисами для создания языкового контента официальных аккаунтов учреждений культуры / А. А. Лушпей // Диалоги о культуре и искусстве: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Пермь, 12–14 окт. 2022 г. — Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2022. — С. 313–316.
4. Лушпей, А. А. Развитие веб-коммуникации у специалистов учреждений культуры / А. А. Лушпей, О. В. Дворовенко, // Развитие кадрового потенциала библиотек Рос. Федерации в условиях цифровой экономики : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред.: Л. Г. Тараненко, А. Ш. Меркулова, О. В. Дворовенко; Кемеров. гос. ин-т культуры. — Кемерово : Кемеров. гос. ин-т культуры, 2020. — С. 115–121.
5. Радионова, А. С. Управление технологиями: как цифровые сервисы меняют индустрию искусств / А. С. Радионова, Е. Г. Хребтова // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Волгоград, 13 дек. 2024 г. — Курск : Унив. кн., 2025. — С. 101–103.

Мамонова Н. В.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
natalya-mamonova@rambler.ru

Традиции в глобализирующемся мире (на материале российского медиадискурса)

Аннотация. Статья посвящена анализу роли традиции в российском медиадискурсе в условиях глобализации. В фокусе исследования — специфика российского медиадискурса, где «традиция» редко бывает нейтральным понятием и становится ключевым культурно-ценностным инструментом. На примерах медиатекстов показано, как традиция используется для конструирования национальной идентичности, противопоставления «своего» и «чужого» и защиты культурного суверенитета. Делается вывод о том, что медиадискурс становится центральной площадкой концептуальной борьбы за сохранение российских традиционных ценностей и суверенитета в условиях глобальной интеграции.

Ключевые слова: традиция, глобализация, медиадискурс, культурно-ценностные ориентиры.

Mamonova N. V.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
natalya-mamonova@rambler.ru

Traditions in a globalizing world (exemplified on the Russian media discourse)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of tradition in the Russian media discourse in the context of globalization. The research focuses on the specifics of Russian media discourse, where «tradition» is rarely a neutral concept and becomes a key cultural and value tool. The examples of media texts show how tradition is used to construct national identity, contrast «one's own» and «someone else's» and protect cultural sovereignty. It is concluded that media discourse is becoming the central platform of the conceptual struggle for the preservation of Russian traditional values and sovereignty in the context of global integration.

Keywords: tradition, globalization, media discourse, cultural and value orientations.

Глобализация представляет собой процесс усиления интеграции и стандартизации практически всех сфер жизни человека, гражданина любой страны: экономической, политической, культурной и многое другое. Т. Левит отмечает, что «пролетаризация коммуникаций и путешествий» способствовала стандартизации и развитию «универсального языка клиентов и пользователей», что обоснованно породило «стремительный порыв глобализации» [5, р. 4].

Глобализация обладает двойственной природой: с одной стороны, открывается доступ к культурным артефактам и ценностям иных культур, знаниям и благам, с другой, нарушает передачу уникальных этнокультурных традиций, нивелируя национальную идентичность [1; 3; 4]. Медиадискурс достаточно четко передает динамичное равновесие в этом противоречивом единстве, отра-

жая происходящие процессы в обществе и формируя коллективное языковое сознание у реципиентов медиадискурса.

Нивелирование традиций происходит под воздействием нескольких факторов. Во-первых, это экономическая гомогенизация через стандартизацию продуктов, услуг и, как следствие, образа жизни. Экономическая эффективность часто оказывается важнее культурного разнообразия.

Во-вторых, решающую роль играет информационная экспансия. Происходит продвижение и интеграция глобальных культурно-ценностных ориентиров, культурных норм и языковых особенностей посредством медиа-платформ и открытых информационных каналов в языковое сознание локальных идентичностей. Ценности, модели поведения и эстетические идеалы, транслируемые через эти каналы, становятся эталонными для

молодежи повсеместно. Это создает разрыв между поколениями: старшее хранит традиции, а младшее стремится соответствовать глобальным трендам.

В-третьих, развитие и внедрение телекоммуникационных технологий, массовый туризм и миграция, с одной стороны, способствуют межкультурному диалогу, а с другой — стандартизируют культурное наследие. Сакральные ритуалы и обряды превращаются в шоу для туристов, теряя свой первоначальный смысл и глубину. Языки малых народов уступают место английскому как языку международного общения, что ведет к исчезновению уникальных языковых картин мира, закодированных в языке.

Российский медиадискурс является достаточно сложным образованием, многослойным и поляризованным, где осмысливается, конструируется и транслируется отношение к традициям в условиях интеграции и универсализации.

В российском обществе традиция — это система ценностей, укорененная в локальном и национальном контексте. Это могут быть культурные, религиозные, социальные нормы, исторически сложившиеся практики. В российском медиадискурсе традиция редко бывает нейтральным феноменом. Традиция почти всегда вплетена в более широкий идеологический и культурно-ценностный контекст.

В российском медиадискурсе понятие «традиция» редко бывает нейтральным. Оно почти всегда оказывается вписано в более широкий идеологический и ценностный контекст.

Традиция как оплот, защита национальной идентичности. Это характерно для федеральных и государственных СМИ, например, медиаресурсы «Известия», «Царьград» и др. В данных изданиях формируется медиаобраз традиций как основы национальной безопасности и суверенитета. Глобализация воспринимается как источник опасности и причина разрушения национальной культурно-ценностной матрицы, понимаемая как совокупность доминирующих в языковом сознании сообщества культурно-ценностных концептов, которые необходимы для выработки эффективных решений социально значимых задач [2].

В данном разрезе медиа становятся инструментом противостояния глобальной культурно-ценностной матрицы, инстру-

ментом духовно-нравственного просвещения. Эти медиаресурсы освещают преемственность между поколениями в развитии научных и технических достижений России, продвигают идею сохранения исторической памяти и патриотизма. Ср.:

Он отметил, что в стране существуют добрые традиции в области как боевого, так и гражданского авиастроения [Царьград, 19 декабря 2025 21:34].

Белоусов заявил, что освобождение Степногорска стало продолжением героического пути и традиций Воздушно-десантных войск (ВДВ) и навсегда останется символом отваги и стойкости для новых поколений защитников Отечества [Известия, 27 декабря 2025, 21:56].

Депутат Госдумы Виталий Милонов сравнил участников «Тайного Санты» с обезьянами и призвал отказаться от этой традиции. По его мнению, она копирует западные нарративы. Сам депутат предпочитает писать письма Деду Морозу [Царьград, 18 декабря 2025 16:11].

Интеграция прошлого и настоящего посредством фраз «добрые традиции в области» и «стало продолжением героического пути и традиций Воздушно-десантных войск» «выстраивает четкую линию преемственности, связывая достижения советской и российской эпох с современными инновациями. Фраза знание своей культуры, истории, традиций придает проектам оттенок исторической значимости и надежности.

Фраза «сравнил участников “Тайного Санты” с обезьянами» и «призвал отказаться от этой традиции» иллюстрирует границы «свой» — «чужой», призывая отказаться от разрушительного глобального влияния западных ценностей.

Особое внимание отводится традициям, воплощающим семейные ценности, по причине их фундаментальной значимости. Ср.:

Алексей Комов: «Россия — главный оплот традиционных ценностей». Только Россия сегодня способна возглавить всемирное консервативное большинство в борьбе за отстаивание традиционных семейных ценностей [Царьград, 18 июня 2018 20:47].

Одна из главных причин возвращения в том, что люди переживают за своих детей и не готовы посылать их в местные школы. Слава богу, у нас с вами на повестке дня — поддержание традиционных ценностей! [Известия, 19 декабря 2025, 11:04].

В завершение Антропенко подчеркнул, что родители также могут рекомендовать своим

детям просмотр именно советских и российских сказок и мультфильмов, добавляя гармонию и традиции в семейное времяпрепровождение [Царьград, 15 декабря 2025 03:09].

Словосочетание оплот традиционных ценностей создают образ неприступной крепости, защитника, лидера в борьбе с внешним злом, выполняющего исторически важную миссию для всего мира. Сочетания в борьбе за отстаивание, поддержание описывает активную позицию и оборонительный характер действий соответственно, передавая постоянное напряжение в культурно-ценностном противостоянии. Фраза добавляя гармонию и традиции дополняет предыдущие и передает положительный образ традиции, как естественный и правильный выбор.

Таким образом, российские медиа применяют особый стиль коммуникации, который

выходит за рамки простого информирования, тем самым продвигая идеи российского суверенитета и независимость от глобального сообщества.

Глобализация не стирает традиции, а трансформирует это противостояние в глобальное измерение. Медиапространство является центральной площадкой для концептуальной борьбы за ценности и традиции. Медиадискурс эволюционировал из традиционных СМИ в комплексную экосистему, определяющую идентичность, мировоззрение и систему координат для миллионов. Найти равновесие между всеобщей интеграцией и поддержанием уникального культурного наследия и традиции — вот одна из самых сложных задач, которую предстоит решить будущим поколениям.

Список литературы

1. Гриценко, В. П. Культура: взаимодействие глобализации и регионализации / В. П. Гриценко // Культурная жизнь Юга России. — 2013. — № 3 (50). — С. 7–11.
2. Мамонова, Н. В. Культурно-ценностная матрица языкового сознания в условиях глобализации: когнитивно-лингвостергетический аспект (1985–1987 гг.) / Н. В. Мамонова, Н. С. Олизько. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2025. — 170 с.
3. Меняева, М. П. Бренд как культурная форма: да-традиция и нет-традиция её воспроизводства в глобализирующемся мире / М. П. Меняева, Е. Г. Миляева, В. С. Невелева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 4(438). — С. 48–52.
4. Яценко, М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса / М. П. Яценко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 111. — С. 103–110.
5. Levitt, Th. The globalization of markets / Th. Levitt // Harvard Business Review. — 1983. — Vol. 61, № 3. — P. 91–103. — URL: <http://www.lapres.net/levit.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

Озерова Е. Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
ozerova@bsuedu.ru

Механизм аналогии в современной речи

Аннотация. В статье рассматривается механизм аналогии как процесс уподобления одной единицы языка другой, изменение грамматической и словообразовательной формы по стереотипу, а также формирование таких моделей и образцов номинативных единиц, которые имеют формальное и функциональное сходство с узальными лексемами. Механизм аналогии, с одной стороны, иллюстрирует владение словообразовательными моделями говорящего, с другой стороны, заполняет пустующие номинативные лакуны и экспрессивно дополняет узальные конструкции.

Ключевые слова: механизм аналогии, языковая норма, окказиональная номинация.

The mechanism of analogy in modern speech

Abstract. The article examines the mechanism of analogy as the process of comparing one unit of language to another, changing grammatical and word-formation forms according to a stereotype, as well as the formation of such models and patterns of nominative units that have formal and functional similarities with the usual lexemes. The mechanism of analogy, on the one hand, illustrates the speaker's mastery of word-formation models, on the other hand, fills in empty nominative gaps and expressively complements the usual constructions.

Keywords: mechanism of analogy, language norm, occasional nomination.

Механизм аналогии в современной речи нами рассматривается на примере порождения индивидуально-авторских образований и понимается как создание окказиональной формы номинации по аналогии с существующими узуальными формами.

На современном этапе развития русского языка функционирование языковой нормы в большей степени сосредоточено в фокусе взаимодействия кодифицированной фиксации и практического использования в речи, но достаточно частотны в речевой деятельности отклонения от узуальных, нормативных вариантов, что, на наш взгляд, обусловлено влиянием механизма аналогии и традиции при образовании языковых форм и парадигм. Например, в разговорной речи нами зафиксированы следующие формы слов: пирожное (по аналогии со словом мороженое; правильно пирожное), жалюзей, бигудей (по аналогии со словами фонарей, дней; правильно жалюзи, бигуди — нескл.), интригант (по аналогии со словом дилетант; правильно интриган).

Аналогия выступает в речи как отражение тех лингвистических процессов, которые возникают в живом и развивающемся русском языке. Неузуальное слово, образованное по аналогии, отличается тем, что в большей степени является ситуативным и создаётся в конкретной ситуации, также употребление неузуальных грамматических форм заполняет пространство пустующих лакун. «Из нескольких тысяч морфем, существующих в морфологической системе русского языка, можно образовать гораздо большее количество слов, чем их содержится во всех словарях вместе взятых» (Кузнецова 1989: 18).

Механизм аналогии раскрывает характерные тенденции развития языковой нормы, но в то же время является и причиной отклоне-

ния от кодификации в функционировании форм слова: грейпфрут — грейпфрукт; жвачка — жевачка; наём — найм, поскользнуться — подскользнуться; насмехаться — надсмехаться.

Следует отметить, что стабильности орфоэпической нормы препятствует отсутствие буквы ё в печатной традиции: новоро́жденный (правильно новорождённый), све́клá (правильно свёкла), осу́женный (правильно осуждённый). В некоторых случаях, наоборот, ударный звук э неправоммерно заменяют эвуком ó: лёска (правильно леска), опёка (правильно опека), афёра (правильно афера),

Механизм аналогии в качестве фиксатора отклонений от языковой нормы ярко проявляется при функционировании акцентологических норм современного русского языка: нефтепрово́д — нефтепрóвод, трубопрово́д — трубопрóвод. Принцип аналогии действует в тех случаях, когда акцент перемещается или, наоборот, сохраняется в различных грамматических формах: торт — то́ртами, шарф — ша́рфами, но шкаф — шкафа́ми, директор — директорáми.

В некоторых ситуациях именно отклонения от языковой нормы, образованные по аналогии, характеризуются устойчивостью неузуального употребления, которое впоследствии становится кодификацией. Например, нормативной акцентологической нормой до 2009 года являлась форма йогурт, впоследствии разговорный вариант был зафиксирован в качестве языковой нормы — йогурт.

Номинативная презентация слова в детской речи может быть представлена грамматическими формами неузуальных конструкций: дворница — женщина-дворник; креманица (вместо узуального креманка) по аналогии со словом сахарница.

Следует отметить, что неузуальные формы заполняют несуществующее, пустое пространство тех слов, которые имеют неполную грамматическую парадигму, что демонстрирует употребление существительных в форме родительного падежа множественного числа. Частотно ненормативное использование таких слов, как тамада, мечта: двое лучших тамадов Белгорода, много мечт-фантазий, всех мечтей и не вспомнить.

Ненормативно функционируют компаративные конструкции: комплексное употребление аналитической и синтетической формы стало использоваться не только в устной, но и в письменной речи: из самой тончайшей шерсти; наиболее лучшие, самые прекраснейшие, более красивейшие.

Комплексный анализ функционирования окказиональных номинаций в детской и художественной речи демонстрирует совпадения неузуальных номинативных единиц: широкошумные дубравы (А. С. Пушкин) — широкошумный звук (детская речь); тяжело-звонкое скаканье (А. С. Пушкин) — тяжело-звонкая походка (детская речь); громокипящий кубок (Ф. И. Тютчев) — громокипящий чайник (детская речь); парадно-нарядное хозяйство (С. Н. Есин) — парадно-нарядные девочки (детская речь). Неузуальное словотворчество значительно расширяет границы экспрессивности речи, даёт возможность творческой интерпретации действительности, что позволяет активно использовать неузуальные конструкции в средствах массовой информации, так как окказиональные формы слова способствуют эмотивному восприятию слова. Большим разнообразием неузуальных моделей представлены индивидуальные ин-

новации, которые, несмотря на отклонения от существующей нормы, расширяют пространство действующих в языке словообразовательных типов, создавая арсенал речевых изобразительных средств. Лидирующее место занимают контаминированные формы: тимошенничество → Тимошенко + мошеничество, обманизация → обман + монетизация, мучёба → мучение + учёба, хрущоба → Хрущёв + трущоба, дурукраты → дураки + бюрукраты, овощехоронилице → овощи + хоронить,

Именно окказиональные номинации порождают коннотативные оттенки смысла и экспрессии: рублепад, бензобезумие, автообдираловка, набигудиться, «Россия опять объевровиделась», врачи-долларологи, развод и СНГ-вичью фамилию.

Таким образом, языковая аналогия — это процесс уподобления одной единицы языка другой, изменение грамматической формы по образцу стереотипной формы, а также формирование таких моделей номинативных единиц, которые имеют формальное и функциональное сходство с узуальными лексемами. Механизм аналогии, с одной стороны, иллюстрирует владение словообразовательными моделями говорящего, с другой стороны, заполняет пустующие номинативные лакуны и экспрессивно дополняет узуальные конструкции. Особенностью функционирования неузуальных форм в детской речи является опора на конкретные и фоновые ситуации общения, что достаточно частотно приводит к оживлению внутренней формы слова и возникновению образного и смыслового эффекта.

Список литературы

1. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. — Москва : [б. и.], 1989. — 232 с.
2. Озерова, Е. Г., Харченко, В. К. Сложные слова в детской речи: оригинальные слова, которые создают дети: структура, семантика, эстетическое и функциональное своеобразие / Е. Г. Озерова, В. К. Харченко. — Москва : URSS, 2024. — 200 с.

Передриенко Т. Ю.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия
peredrienkoti@susu.ru

Вкусный запах: вербализация полимодального и синестетического восприятия в русской лингвокультуре

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой вербализации взаимосвязи вкусовой и обонятельной модальностей в русском языке. В работе рассматриваются особенности полимодального и синестетического восприятия.

Ключевые слова: полимодальность, вкус, обоняние, синестезия, перцептивная лексика, лингвосенсорика.

Peredrienko T. Yu.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
peredrienkoti@susu.ru

Delicious smell: verbalization of multimodal and synesthetic perception in Russian linguistic culture

Abstract. The article aims to analyze the linguistic verbalization of the relationship between gustatory and olfactory modalities in Russian language. The paper examines the features of polymodal and synesthetic perception.

Keywords: polymodality, taste, smell, synesthesia, perceptual vocabulary, linguosensorics.

В современной лингвистике вопросы изучения взаимосвязи ощущений и их вербализации в языке приобретают все большую актуальность. Исследование интеграции и взаимодействия перцептивных модальностей расширяет представление о формировании целостного образа предмета или явления. Наиболее тесная связь наблюдается между вкусовой и обонятельной модальностями, к которым, как считают многие ученые, необходим системный подход [3, 4, 5]. Л. Малгожата отмечает «размытость позиций обоняния и вкуса», что приводит к появлению не ощущений, а соощущений [4, с. 152]. Физиологическая взаимосвязь этих двух модальностей объясняется тем, что кроме ортоназального, то есть «прямого» обоняния, существует также ретроназальное или «ротовое обоняние», при котором запах попадает в носовую полость из ротовой во время приема пищи [5, с. 92]. В языковом выражении области вкуса и запаха также взаимосвязаны, что проявляется в «широком наборе общих атрибутов» [3, с. 183].

Целью написания статьи является анализ языковой вербализации взаимосвязи вкусовой и обонятельной модальностей в русском языке. В качестве материала исследования

используются данные Национального корпуса русского языка — НКРЯ (<https://ruscorpora.ru>).

Вкусовая и обонятельная модальности имеют ряд общих характеристик. Обе модальности считаются периферийными перцепциями, то есть объем информации, получаемой через них, несравненно мал по сравнению со зрительным и слуховым каналами восприятия. Вкус и обоняние в большей мере считаются субъективными чувствами, поскольку зависят от индивидуальных особенностей восприятия, основанных на перцептивном опыте каждого человека [1]. Обе модальности являются оценочными, а ситуации восприятия запаха и вкуса предполагают участие объекта восприятия и одушевленного субъекта.

В языке близость вкуса и запаха выражается через частое использованием в качестве однородных членов в предложении (все, что находится в посуде из фарфора и керамики, отлично сохраняет свой вкус и запах; запах и вкус — мультифруктовые, с оттенком манго) [НКРЯ]. Кроме того, объекты обонятельного и вкусового восприятия характеризуются аналогичными прилагательными (нежный вкус и нежный запах; тонкий вкус и тонкий

запах; характерный вкус и характерный запах; особый вкус и особый запах; неприятный вкус и неприятный запах; скверный вкус и скверный запах).

Процесс восприятия субъектом запахов и вкусов выражается общемодальными перцептивными глаголами (чувствовать, воспринимать, различать, ощущать), в значении которых выделяются два компонента, указывающие на получение информации и на ее оценку [6, с. 115]. Действия, осуществляемые объектами обонятельного и вкусового восприятия, также имеют совпадения в форме выражения, вкус и запах могут меняться, проявляться, совпадать и смешиваться.

Несмотря на ряд общих характеристик обоняние и вкус все-таки остаются самостоятельными модальностями, имеющими дифференцирующие признаки. Л. Малгожата уточняет, что вкус является «контактным, то есть принадлежащим к interoцептивному полю, а обоняние дистантным, а значит относящимся к екстероцептивному полю» [4, с. 151]. На основании данного отличия, обоняние получило название «вкуса на расстоянии» для вербализации «вкусовых запахов», то есть запахов, появляющихся при приготовлении пищи [4, с. 151].

Ситуации восприятия вкуса и запаха описываются отдельными лексическими единицами, и их количество достаточно ограничено. Это приводит к тому, что носителям языка приходится искать дополнительные способы выражения своего перцептивного опыта. Одним из таких способов номинации является синестетический перенос, при котором лексическая единица, связанная с одной перцептивной модальностью, употребляется для описания другой модальности.

Синестетический перенос отличается от полимодального описания тем, что в данных словосочетаниях легко дифференцируется первичное ощущение, признаки которого переходят на другую модальность. В то время как при полимодальности «один и тот же атрибут объективно, а не метафорически относится к нескольким ощущениям» [2, с. 1308]. Синестетический перенос происходит по модели: ощущение одной сенсорной модальности рождает ассоциации с другой сенсорной

модальностью. Например, в коллокации сладкий запах использование прилагательного из вкусовой сферы для описания запаха переносит ассоциации с приятными ощущениями от сладких блюд (фруктов, выпечки) в обонятельную сферу. Сладкий описывает не физическое свойство запаха, а эмоциональное восприятие, которое оно вызывает.

Анализ данных Национального корпуса русского языка показывает, что фиксируется частый перенос характеристик вкусовой модальности в семантическую область обонятельной модальности. Анализ коллокаций выявил использование вкусовых прилагательных (вкусный / сладкий (сладковатый) / аппетитный / пряный / горький (горьковатый) запах) и глагола (горчить — запах горчица) для обозначения обонятельных признаков. В данном переносе отражается реальная связь между вкусом пищи и ее запахом (Из кухни доносился вкусный запах чуть-чуть подгорелой мамалыги; Сладкий запах свежего хлеба щекотал ноздри — даже голова кружилась от этого запаха) [НКРЯ].

Частотное употребление синестетических метафор приводит к тому, что они становятся «стертыми», и далее происходит повторное переосмысление и перенос значения в новую область. Например, в словосочетании сладкий запах победы прилагательное сладкий обозначает приятное или радостное событие, существительное запах показывает, что описываемое чувство наполняет пространство и его можно воспринимать. Таким образом передается идея того, что победа приносит не только физическое удовольствие, но и яркие положительные эмоции,

Интересно отметить, что переноса признаков из области обоняния в область вкуса выявлено не было. Данный факт подтверждает теорию Дж. Уильямса о том, что синестетические переносы осуществляются по направлению от «низших» к «высшим», то есть от осязания к вкусу, далее к запаху, к слуху и зрению [7].

Проведенный анализ показал, что обонятельная и вкусовая модальности тесно связаны как физиологически, так и в языковом выражении, а для изучения их вербализации необходим системный подход.

Список литературы

1. Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. — Москва : Литературное обозрение, 2010. — 616 с.

2. Брылева, Р. Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестетических переносов / Р. Ф. Брылева // Вестник Башкирского университета. — 2011. — № 4 (16). — С. 107–110.
3. Колупаева, А. А. Когнитивные и языковые механизмы формирования знаний о запахах / А. А. Колупаева // Вестник Томского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2008. — № 4 (60). — С. 182–184.
4. Малгожата, Л. «Вкус на расстоянии» как проявление синестетических ощущений (на материале русского и польского языков) / Л. Малгожата // Вестник науки Сибири. — 2013 — № 2 (8) — С. 151–154.
5. Опенков, М. Ю. Философия запаха и вкуса / М. Ю. Опенков, Н. Б. Тетенков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2025. — № 5 (25). — С. 89–97.
6. Передриенко, Т. Ю. Семантика перцептивных глаголов / Т. Ю. Передриенко // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2022. — № 4 (8). — С. 112–119
7. Williams, J. M. Synaesthetic adjectives: a possible law of semantic change / J. M. Williams // Language. — 1976. — № 2 (52). — Pp. 461 — 478.

Питина С. А.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
sap.pitina@rambler.ru

Особенности реализации метафоры в городском ономастиконе

Аннотация. Статья затрагивает вопросы реализации метафоры в городском ландшафте Челябинска. Рассмотрены официальные и неофициальные метафорические номинации городского пространства. Выявлены основные тенденции метафоризации, показано, что для городской метафоры характерны креативность, эмотивность, стремление к оригинальности, ирония.

Ключевые слова: городской ономастикон, метафора, народные топонимы.

Pitina S. A.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
sap.pitina@rambler.ru

Peculiarities of metaphor realization in a city onomasticon

Abstract. The article touches upon the issues of metaphor realization in Chelyabinsk city space. Official and unofficial metaphorical nominations have been analyzed. The main tendencies of metaphorization include creativity, emotiveness, originality, irony.

Keywords: city onomasticon, metaphor, folk place names.

Городской ономастикон является открытой системой микротопонимов, его изучению посвящены работы ряда отечественных и зарубежных лингвистов. Сопоставительный анализ городского ономастикона крупнейших городов мира представлен в работе E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni [4]. Много работ посвящено анализу топонимов как значимой составляющей городского пространства, включая исследования Т. А. Голиковой [1], М. В. Голомидовой [2] и многих других, в которых авторы изучают в основном топонимы отдельных городов. Т. В. Шмелева

выделяет ориентирующие и характеризующие названия улиц [3]. Метафора занимает существенное место в языковом ландшафте города, реализуя универсальную тенденцию образной репрезентации действительности, а также особенности регионального креативного мышления, своеобразных маркеров региональной идентичности. Целью настоящей работы является выявление именно региональных особенностей метафоризации на материале челябинских микротопонимов. Рассмотрено около 300 регионализмов, образованных на основе метафорического пе-

реноса значения. Эмпирический материал получен при помощи сплошной выборки с официальных сайтов Челябинска [5] и в результате анкетирования 200 респондентов-жителей города. Если универсальные метафоричные названия городских объектов понятны всем, повторяются и лишены оригинальности: Чижик, Апельсин, Пятерочка, Монетка и многие др., то уникальные номинации понятны зачастую только жителям города. Такие названия могут репрезентировать уже несуществующие реалии, включая неофициальные и полуофициальные названия: Черный кофе (от рекламы кофе на крыше магазина), Тополинка (жилой район на северо-западе Челябинска, где раньше была тополияная аллея), Синегорье (здание торгового комплекса у вокзала с крышами синего цвета, похожими на горы). Неофициальные метафорические названия характерны не только для эргонимов, но и для топонима Челябинск: Чикаго, Чикагинск (связь с беспокойным в прошлом в криминальном плане американским городом Чикаго), отрицательно коннотированные народные топонимы Чердачинск или город Ч (по ассоциации с чрезвычайной ситуацией). Образное, зачастую употребляющиеся как субстантивированное прилагательное, название города Суровый часто встречается в анкетах респондентов и характеризует настроение жителей промышленного города со многими экологическими и прочими проблемами. Региональные метафоры могут как надолго войти в региональный ономастикон, так и быть кратковременными, исчезая по мере исчезновения обозначаемого ими объекта: район с неблагозвучным метафорическим неофициальным названием Кирсарай, который раньше был неблагополучным местом, застроенным бедными домами жителей, занимающихся изготовлением кирпичей у реки Миасс, в настоящее время застроен многоэтажными зданиями и получил другое название Теплотех, а старый народный топоним знаком только представителям старшего поколения. Закрепившееся в языковом сознании горожан прецедентное название микрорайона Три тополя (от одноименного переименованного в настоящее время магазина и трех многоэтажных жилых домов на бывшей окраине города) также свидетельствует о живучести городской метафоры, переносимой с одного городского объекта на другой. Анализ практического материала показал, что метафорические регионализмы наиболее продуктивны в офи-

циальных микротопонимах, неофициальных топонимах и микротопонимах. Рассмотрим полученные результаты подробнее.

1. Неофициальные метафоричные топонимы Челябинска включают Танкоград, ставший положительно коннотированным синонимом для обозначения целого города, а не завода, выпускающего танки во время Великой отечественной войны. Почти половина респондентов знакома с этим названием Челябинска. Орленок, Танкист неофициальные коммеморативные названия памятников являются одними из многих метафорических номинаций городских объектов данной группы.

2. Официальные метафоричные микротопонимы-годонимы с прозрачной мотивацией все чаще появляются на карте города вместо повторяющихся нередко идеологизированных названий улиц: нереалистично звучащие Изумрудная, Пальмовая, Абрикосовая, более привязанные к действительности, но не отражающие существующий городской ландшафт Березовая, Акаций, Липовая, Рябиновая. Такие метафоричные названия присваиваются чаще всего улицам в новостройках.

3. Официальные метафоричные названия эргонимов, включая торговые центры: Горки, Кольцо, Куба и др. Многие из них появились на месте бывших заводов и названы по форме зданий. Форма здания нередко приводит к возникновению неофициальных названий: Шкапушкой называют челябинский театр Юных зрителей, Башней — дом на ул. Горького, Пентагоном — народное название огромного дома на северо-западе города, Манхэттен — на улице Кирова. Некоторые магазины обобщенно называют Стекляшками и Кишкой. Стекляшки также являются неофициальными названиями университетских аудиторий ЧелГУ, построенных в рекреациях учебных корпусов.

4. Если официальные метафоричные названия городских объектов всегда положительно окрашены, то неофициальные номинации могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации: Колупаевка (от фамилии жителя, но из-за неустроенности негативно воспринимающийся район города с официальным названием поселок Урицкого), народные названия дворов: Топоры, Мухоморы, Пьяный, Переселенка и ряд др.

Отметим, что языковая игра, креативность, нередко ирония характерны для городской метафоры, делая ее узнаваемой для местных жителей, оригинальной составляющей городского ономастикона.

Список литературы

1. Голикова, Т. А. Официальные vs неофициальные топонимы Москвы: модели трансформации / Т. А. Голикова // Научный диалог. — 2014. — № 9 (33). — С. 24–36.
2. Голомидова, М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2022. — № 9 (1). — С. 160–179.
3. Шмелева, Т. В. Современная топонимия: семантика и семиотика / Т. В. Шмелева // Лингвистическое краеведение. — Пермь, 1991. — С. 337.
4. Shohamy, E., Ben-Rafael, E. & Barni, M. (Eds.). Linguistic Landscape in the City. — Bristol : Multilingual Matters. Retrieved from, 2010.

Полякова Ю. В.

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия
yulia_love95@mail.ru

Научный руководитель: Абукаева Л. А., Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия. sylne@mail.ru

Образная номинация рывыж 'лиса' в марийском художественном тексте

Аннотация. Культурно значимым компонентом любого языка являются зооморфизмы, в которых находят воплощение аксиологические, символические и мифологические коннотации слов. В данной работе рассматриваются компаративные конструкции с номинацией рывыж 'лиса' в художественном стиле на основе материалов корпуса марийского языка. В ходе исследования индивидуально-авторских образных сравнений были рассмотрены семантические и структурные особенности компаративных конструкций. Установлено, что номинация рывыж 'лиса' в сравнениях дает возможность авторам в образах персонажей раскрывать внешние (ловкость, гибкость, пронзительный взгляд) и психологические (хитрость, терпеливость, находчивость) особенности, физиологические и эмоциональные состояния. Умелое использование прецедентных текстов, развернутых сравнений и метафор позволяет мастерам художественного слова избегать шаблонных моделей и смыслов.

Ключевые слова: марийский язык, сравнение, компаративные конструкции, зооморфное сравнение, объект сравнения, лиса.

Polyakova Yu. V.

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia
yulia_love95@mail.ru

Supervisor: Abukaeva L. A., Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia. sylne@mail.ru

The figurative nomination rvyvzh 'fox' in Mari literary texts

Abstract. Zoomorphisms are a culturally significant component of any language, as they embody the axiological, symbolic, and mythological connotations of words. This paper examines comparative constructions with the nomination rvyvzh 'fox' in the artistic style based on the materials of the Mari language corpus. The study of individual authorial figurative comparisons reveals the semantic and structural features of comparative constructions. It has been established that the nomination 'fox' in comparisons allows authors to reveal the external (agility, flexibility, piercing gaze) and psychological (cunning, patience, resourcefulness) features, as well as physiological and emotional states, in the

characters. The skillful use of precedent texts, extended comparisons, and metaphors enables literary masters to avoid using standard models and meanings.

Keywords: Mari language, comparison, comparative constructions, zoomorphic comparison, object of comparison, fox.

Сравнения возникают на основе ассоциаций по сходству, по смежности, по противоположности, по смыслу. У каждой языковой личности ассоциации индивидуальны, благодаря этому по особенностям использования компаративных конструкций можно определить специфику мировидения творческой личности [1, с. 20]. Данный фактор и помогает определить актуальность статьи.

Компаративные конструкции, в которых в марийском языке в качестве объекта сравнения выступает лексема рывыж 'лиса', представлены как устойчивыми, так и свободными сочетаниями. В данной работе анализу подвергнуты свободные словосочетания с индивидуально-авторскими сравнениями как наиболее продуктивные и раскрывающие потенциал марийского языка. Кроме того, такие образные сравнения позволяют репрезентировать особенности индивидуального стиля писателей, что может быть использовано в качестве примеров и образцов для начинающих писателей, журналистов.

В анализируемых конструкциях обнаружены модели, в которых представлены и субъект, и объект, и основание сравнения, а также модели, где основание сравнения не названо [4].

В материалах национального корпуса марийского языка в конструкциях, в которых объектом сравнения выступает слово рывыж 'лиса', в качестве субъекта сравнения в большинстве случаев употребляются слова, обозначающие человека или группу людей [3]. Зооморфные сравнения, в составе которых акцентируется признак объекта путем сопоставления с человеком, раскрывают образ героя художественного произведения, характеризуя его внешние черты, внутреннее состояние, демонстрируют отношение автора к персонажу [2].

Прозаики, описывая внешний вид человека, в образе лисы находят такие детали, которые указывают на поразительное сходство животного и человека: Кенежымат, тельмат пушенге кугыжаныште илен, Чортан шкежат чодыра рывыж гаяк лийын пытен: тугаяк чуйака шүргывылышан, шүтен ончышо чоя ончалтышан, йошкар пондашан. В. Осипов-Ярча. 'Живя в лесу и летом, и зимой, Чортан

и сам стал как лесная лиса: с таким же продолговатым лицом, пронзительным, хитрым взглядом, красной бородой'. Благодаря подобным сравнениям в художественном тексте актуализируются такие компоненты экспрессивности, как образность, эмоциональность и оценочность.

Физическое состояние и физиологические особенности человека связаны с его психическим состоянием, характером. Мастера слова, используя сравнения, одновременно умело отмечают в своих героях особенности походки и хитрость, обращаясь к образу лисы: Теве пасу велым, рывыжла чоян ошкылын, Сопром Епрем толеш. Н. Лекайн. 'Вот со стороны поля, шагая хитро, как лиса, идёт Сопром Епрем'.

В целом, любое напоминание о лисей внешности наводит читателя на мысль, что лиса — это то животное, которое даже внешне — воплощение хитрости для многих народов: А йошкаргырак тусан үпшө да тореш шогышо кошар мучашан пылышыже рывыж гай койышан улмыжым палдара. Н. Лекайн. 'А рыжеватые волосы и торчащие острые уши свидетельствуют о его лисьем характере'. Эмоционально-оценочная оценка персонажей в таких сравнительных конструкциях представляется в определенной степени шаблонной, образность стирается.

Образные сравнения демонстрируют, что поведение и походка лисы не только образец хитрости, но и ловкости, терпения: Төрштен кытеле да, мераным ваныше рывыжла койын, окнашке ончале. А. Юзыкайн. (Мигыта) 'Вскочил и, как лиса, подкарауливающая зайца, посмотрел в окно'; Нуно чывым ну малше рывыж семын ванат, пире гай шорык үмба ончат. Н. Лекайн. 'Они караулят, как лиса, таскающая кур, смотрят, как волки на овец'. Образы животных в таких конструкциях служат для художественного воплощения инстинктивных начал в личности человека.

Образное описание собственно психических характеристик персонажей с использованием сравнений отмечает главным образом такие черты человека, как хитрость, лживость: Корак умша гыч туарам рывыж семын ондален налнет. Н. Лекайн. 'Хочешь обманом забрать, как лиса сыр из клюва вороны'. Обращение к прецедентному тексту

(к басне «Ворона и лисица») пробуждает ассоциативные реакции читателей и отсылает не только к содержанию басни, но и к ее морали, позволяет писателям кратко и в то же время емко обрисовать типичные жизненные ситуации.

К такому приему марийские писатели обращаются также с целью раскрыть социальное поведение персонажа, его взаимоотношения с окружающими: Генерал тўрлө амал дене йодыштеш, шыман кутыра, рывыж кайык деке мийыме гай мия але вўд воктелан авыралтше пача дене мутланыше пире гай строгын кычкырал колта. Н. Лекайн. 'Генерал допрашивает по-разному, говорит спокойно, подбирается, как лиса к птице, или кричит строго, точно волк говорит с ягнёнком, застав его у воды'.

Указывая на оценочно-поведенческие характеристики человека, писатели умело используют и материалы паремиологического фонда марийского языка: Мый шке кышам рывыж семынак куктышым. Г. Ефруш. 'Я запутал свой след, точно лиса'.

В корпусе марийского языка представлены конструкции с имплицитным основанием сравнения, для анализа которых необходим более широкий контекст: Рывыжла тўрлыжымат шонкалем. М. Шкетан. 'Как лиса, я о разном думаю'. Определители могут содержать семы, которые помогают интерпретировать сравнение: Тунам ял поян-влак чоя рывыжла толашышт. М. Шкетан. 'Тогда деревенские богачи вели себя подобно хитрой лисе'. Распространители в таких конструкциях привносят важную дополнительную информацию, которая выполняет индивидуализирующую функцию, то есть характеризует предмет, выделяя его конкретный признак.

Названия явлений живой и неживой природы, предметов в качестве субъектов сравнения в рассматриваемых компаративных конструкциях не отличаются частотностью. Для поэтов и прозаиков при создании образных сравнений с использованием лексемы рывыж 'лиса' наиболее актуальной является цветовая характеристика: Мландымбал сайремрывыж пун гай йошкарген. М.-Азмекей. 'Земля порыжела, как мех степной лисицы'; Шыже — пешак чоя шўртнў рывыж. В. Колумб. 'Осень — очень хитрая золотая лиса'.

Сравнения в таких конструкциях используются в составе развернутых сравнений и метафор: Чодыра дене чоя рывыж семын почшо дене модылден ўжара. О. Ипай. 'С лесом заря играла, как хитрая лиса со своим хвостом'; Тул тўс, рывыж гай койышла-нен, чодыраш да олыкыш кудале. И. Попов. 'Огненный цвет, кривляясь, как лиса, поскакал на дуга и леса'; Рывыж почла тылзе кылмен пижын шинчын. В. Колумб. 'Как лисий хвост, месяц примёрз (к небу)'; Пўртла ўмба-к рывыж почла кынелыт шикш менте-влак. Ю. Галютин. 'Над домами поднимаются столбы дыма, подобные лисьему хвосту'.

Таким образом, в марийском языке в составе образной номинации с лексемой рывыж 'лиса' наиболее часто в качестве субъекта сравнения употребляются слова, обозначающие человека или группу людей. Номинация рывыж 'лиса' в марийском языке связывается с образом хитрого, осторожного, терпеливого, умного животного. Мастера художественного слова, обращаясь к этому образу, используют общепринятые модели, привнося в них индивидуальные особенности, обращаясь к прецедентным текстам, создавая более сложные образы в составе развернутых сравнений и метафор.

Список литературы

1. Абукаева, Л. А. Компаративные конструкции и образы в произведениях С. Г. Чавайна / Л. А. Абукаева // Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха. Сб. науч. трудов. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ. — 2020. — С. 20–30.
2. Абукаева, Л. А. Принципы и опыт составления словаря образных сравнений марийского языка / Л. А. Абукаева, Ю. В. Полякова, А. А. Митрускова, А. В. Чемышев // Вестник Марийского государственного университета. — 2024. — № 2. — С. 213–220.
3. Корпус марийского языка. — URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).
4. Полякова, Ю. В. Номинация маска 'медведь' и ее функции как объекта сравнения в марийской лингвокультуре / Ю. В. Полякова // Вестник Марийского государственного университета. — 2025. — № 3. — С. 415–423.

Садакова А. И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
aisadakova@yandex.ru

.....
Научный руководитель: Солнышкина М. И., Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. mesoln@yandex.ru
.....

Средства связности в учебном тексте (на материале естественно-научных текстов на русском языке)

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ средств лексической связанности на материале текстов учебников по биологии 10–11 класса. Цель работы — выявление средств лексической связности в учебных текстах. Средства связи были извлечены из текста при помощи анализатора RuLingva, объем корпуса составил 109761 слов. Выявлено, что преимущественным средством объективации связности является повтор термина. Результаты исследования могут быть полезны для лингвистической экспертизы школьных естественно-научных текстов.

Ключевые слова: связанность, средства связанности, лексическая связанность, учебный текст, RuLingva.

Sadakova A. I.

Kazan Federal University, Kazan, Russia
aisadakova@yandex.ru

.....
Supervisor: Solnyshkina M. I., Kazan Federal University; Kazan, Russia. mesoln@yandex.ru
.....

Coherence tools in educational texts (based on natural science texts in Russian)

Abstract. This article presents a complex analysis of lexical cohesion aimed to identify the most typical cohesive devices in the corpus of 10th- and 11th-grade biology textbooks with the total size of 109,761 words. The corpus was mined for cohesive devices using the text profiler RuLingva. The research revealed the term overlap as the predominant cohesive device. The results of the study are applicable in linguistic expertise of natural science textbooks.

Keywords: cohesion, cohesion tools, lexical cohesion, academic text, RuLingva.

Учебный текст, являясь одним из ключевых инструментов трансляции знаний, предъявляет особые требования к ясности, логичности и системности изложения. Его эффективность напрямую зависит от того, насколько структурирована информация для обучающихся. Первостепенную роль в этом играют средства связности (когезии), обеспечивающие логические переходы между частями текста, объединяющие отдельные высказывания в единый текст. Особый интерес для изучения представляют естественно-научные тексты, учебные тексты по биологии, химии, физике и географии, т. к. они оперируют абстрактными понятиями, объективируют причинно-следственные отношения, содержат описания сложных процессов

и классификаций. Обеспечение логической связности в учебных текстах — не просто стилистическая задача, но обязательная характеристика текста.

Представленное исследование осуществлено с целью выявления лексических средств связности в учебном тексте. Гипотезой послужило утверждение о том, что необходимость повтора как средства закрепления в сознании обучающихся терминологического аппарата учебного предмета обеспечивает условия для использования авторами учебника высокой частотности терминов [4].

Когезия трактуется в современной науке как особый вид связи, обеспечивающий континуум, т. е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную)

взаимосвязь отдельных сообщений, фактов и действий [1, с. 74]. Когезия — это особый вид связей, которые обеспечивают логическую последовательность и взаимосвязь между отдельными элементами текста.

Классификация форм когезии (связности) включает лексическую, грамматическую и референциальную когезии. Лексическая когезия предполагает использование семантически связанных слов для номинации одного и того же понятия. Грамматическая когезия предусматривает использование согласованных грамматических форм и связей между различными частями предложения. Референциальная когезия связана с использованием указателей и средств для отсылок к предыдущим частям или элементам текста [2, с. 42]. Выделяют локальный и глобальный тип когезии. Локальная — есть связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), а глобальная связность обеспечивает единство текста, его внутреннюю целостность. Локальная связность обеспечивается межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видовременными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.). Глобальная связность проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты [3, с. 213].

Материалом исследования послужили тексты учебников по биологии за 10 и 11 класс под редакцией В. В. Пасечника (2025) (далее Б10, Б11). Для дальнейшей работы тексты были сегментированы на фрагменты по 1000 слов для последующего количественного анализа местоимений и повторов при помощи онлайн-анализатор RuLingva

[5]. Синонимические средства связности извлекались из текста вручную.

Особенность изученного корпуса составляет структурирование материала по тематическим группам, переходы от частных тем к общим и наоборот. В Б10 зафиксированы две основные тематические группы: «Молекулярная биология» (белок, ДНК, аминокислота, фермент, синтез); «Биология клетки» (клетка, ядро, мембрана, митохондрия).

В Б11 термины сгруппированы по следующим тематическим группам: Размножение и онтогенез (размножение, половой, бесполой, клетка, гамета, оплодотворение, онтогенез, эмбриональный, зародыш); Генетика (наследственность, ген, хромосома, аллель, Мендель, законы Менделя, гибридизация, генотип, фенотип, доминирование); Изменчивость и мутации (изменчивость, мутация, мутаген, хромосомный); Эволюция (вид, популяция, критерий, генофонд, Дарвин, естественный отбор, видообразование, макроэволюция, адаптация); Экология и биосфера (экосистема, сообщество, популяция, пищевая цепь, биосфера, круговорот, биогеоценоз, фактор, биотический); Антропогенез (человек, антропогенез, раса, экологический кризис).

Результаты выгрузки свидетельствуют об использовании повторов слов в качестве средства связанности, например, в Б10: «Генофонд — это совокупность всех генных вариаций (аллелей) определённой популяции или вида. Изучение состава генофонда позволяет <...>». В Б11: «При половом процессе происходит слияние двух специализированных клеток — гамет. <...> Гаметы формируются в особых органах мужской и женской особей». «<...> в гомологичных хромосомах одинаковые аллели, т. е. или два доминантных, или два рецессивных (AA или aa) аллеля. <...>

Локальные повторы (Биологии, 10 кл., Пасечник В.В., 2025 г.) (фрагмент)

№ предложения	№ предложения	Повторы
2	3	знание, каждый, который
3	4	знание, который, этот
4	5	его, который, окружать, он, человек
5	6	в, деятельность, же, и, окружать, человек
6	7	биологический, биология, в, вы, живой, и, о, природа, роль, формирование, человек
7	8	биология, в
10	11	биология, наука
25	26	адаптация, в, и, к, который, обладать, они, организм
26	27	в, жизнь, земля, и, на, обладать, природа, процесс, эволюция

организм, имеющий различные аллельные гены (Аа)». «При геномных мутациях в ... Чаще всего такие мутации возникают тогда<...>».

Высокую степень фиксации в Б10 и Б11 имеют лексические повторы, в том числе повторы термина или терминологического сочетания в смежных предложениях. В таблице представлен фрагмент выгрузки локальных повторов в Б10, демонстрирующий плотную сеть лексических повторов в смежных предложениях, обеспечивающих последовательное раскрытие научных понятий, с одной стороны, и связность, с другой. Например, повтор термина «адаптация» обеспечивает связность предложений 25 и 26 в Б10: «Все эти организмы обладают различными жизненными приспособлениями (адаптациями) ... поколениям. Данные адаптации, как и сами обладающие ими организмы...». Б11: «Древнейшим способом размножения на нашей планете было бесполое размножение <...> Главная особенность такого размножения <...> В бесполом размножении может...». Многочисленные цепочки повторов как логические скрепы способствуют цельности, тематической связности текста, обеспечивают плавность перехода между темами.

Отдельную группу средств лексической связанности составляют лексические варианты. Например, Б10: «Важной структурой подавляющего большинства клеток эукариотов является ядро. ... в нём содержится генетический аппарат клетки, клеточное ядро.

Высокая частотность зафиксирована еще для одного средства объективации лексической связанности — анафоры. Например, Б10: «На рис. 1 показаны представители флоры и фауны <...> Их относят к различным видам». Б11: <...> применяется метод вегетативного размножения сельскохозяйственных растений культурой тканей. Он позволяет <...>.

Термины-синонимы вводятся в изучаемых учебных текстах как дублиеты — в скобках. Например, Б10: ...чтобы проверить имеющиеся у него научные предположения (гипотезы).

Контекстуальные синонимы используются в учебных текстах значительно реже и, как правило, не в смежных предложениях, усложняя текст и обеспечивая необходимость инференции. Например, Мы часто пред-

ставляем себе учёного ... совершающего какие-нибудь сенсационные открытия. <...> Результаты исследования практически не будут иметь никакой ценности.

В Б11 спектр терминологических замен значительно шире. Авторы используют транслитерированные иноязычные дублиеты (...явление обмена участками ДНК между двумя гомологичными хромосомами получило название перекрёста (кроссинговера)); гиперонимы (расположен в половой хромосоме<...>. Например, у человека в X-хромосоме расположен ген белка...), перифразы (...обладательнице такого варианта называют носительницей); повторы и дефиниции (Некоторые живые существа могут менять пол... характерным и постоянным набором хромосом — кариотипом. Кариотип — это совокупность признаков... полного набора хромосом...).

Что касается частотности, то ключевые, базовые термины, имеют большое количество вхождений. Например, «организм», «изменчивость» зафиксированы в Б11 511 и 71 раз, соответственно.

Однако ряд терминов имеют крайне низкий уровень фиксации в тексте учебника: 1–2 вхождения. Например, название вещества бензопирен, лат. *Bangiomorpha rubescens*, использовано единожды. Недостаточное количество вхождений зафиксировано и для некоторых терминов, представленных в списке обязательных к изучению в глоссарии к учебнику: количество их вхождений, 1–4, не обеспечивает повторяемость и, соответственно, интеграцию термина в долгосрочную память. Например, зафиксировано только 3 вхождения терминов, теплокровность и domestикация обязательных, по требованию ФГОС, к изучению. Их размещение в смежных абзацах одного параграфа не обеспечит их запоминания и последующего использования.

Осуществленный анализ позволяет заключить, что тексты учебников по биологии используют широкий комплекс средств лексической связанности, обеспечивающих основу для восприятия и понимания текста. Терминологические повторы в широком спектре своих вариантов (дублиеты, лексические варианты, перифразы, синонимические замены и др.) снижают уровень когнитивной сложности текста.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 3-е изд., стер. — Москва : Эдиториал УРСС, 2005. — 139 с. — (Лингвистическое наследие XX века).
2. Демурчев, А. В. Когезия и когерентность как основные текстовые категории / А. В. Демурчев // Лексикография и коммуникация — 2024 : сб. материалов X Междунар. науч. конф. (Белгород, 18–19 апреля 2024 г.). — Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. — С. 42–46.
3. Яхиббаева, Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста / Л. М. Яхиббаева // Лингвокультурология. — 2008. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-tselnosti-tselostnosti-i-svyaznosti-kak-osnovnye-priznaki-teksta> (дата обращения: 11.01.2026). — Текст : электронный.
4. Perfetti, C. A. The Acquisition of Reading Comprehension Skill / C. A. Perfetti, N. Landi, J. Oakhill // The Science of Reading: A Handbook / ed. by M. J. Snowling, C. Hulme. — Oxford : Blackwell, 2005. — P. 227–247.
5. Платформа-агрегатор RuLingva / Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Текст : электронный // RuLingva. — URL: <https://rulex.kpfu.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).

Сироткина Т. А.

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия
sirotkina71@mail.ru

Информация о регионе в учебных пособиях по русскому языку как неродному

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования текстов и заданий, основанных на текстах о регионе, в учебных пособиях по русскому языку как неродному. Делается вывод о том, что такие методические продукты будут способствовать не только языковой, но и социокультурной адаптации данной категории обучающихся.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, ХМАО-Югра, учебные пособия, русский язык как неродной.

Sirotkina T. A.

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
sirotkina71@mail.ru

Information about the region in textbooks on Russian as a second language

Abstract. This article examines the potential of using texts and tasks based on regional texts in Russian as a second language teaching aids. It concludes that such methodological tools will facilitate not only the linguistic but also the sociocultural adaptation of this category of students.

Keywords: sociocultural adaptation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, teaching aids, Russian as a second language.

По справедливим наблюдениям специалистов, «методика русского языка как неродного — это обучение инофона, сформировавшегося под частичным влиянием русской языковой среды», с целью «овладения государственным русским языком» [1, с. 12].

Однако для детей с миграционной исто-

рией важной задачей является не только развитие их языковых компетенций, но и адаптация в новом для них социокультурном пространстве. Решению этой задачи призваны способствовать изданные в 2024–2025 годах в Сургутском государственном педагогическом университете учебные пособия

«Мой край, моя Югра», «Сургутский алфавит», «Даша путешествует по Югре», «Даша путешествует по России».

В каждом из названных пособий представлены как тексты о нашем регионе, так и задания к ним. На примере двух из названных пособий рассмотрим, какие тексты и задания могут способствовать социокультурной адаптации обучающихся.

Учебное пособие «Даша путешествует по Югре» [2] представляет собой книгу для чтения и задания для обучающихся, владеющих русским языком на уровне В1. В нем представлены следующие задания, связанные с анализом регионоведческой информации:

- описание гербов городов Югры: «Рассмотрите герб Белоярского. Расскажите, что на нем изображено»;
- поиск информации о местной флоре и фауне: «На сайте когалымском оранжереи «7 садов» найдите информацию об одном из них, расскажите одноклассникам о растениях, представленных в нем»;
- установление этимологии названий городов Югры: «Узнайте в интернете этимологию названия города Лангепас. Посмотрите на герб города и скульптуру, расположенную на одной из его улиц, они помогут вам выбрать правильную версию»;
- знакомство с коллекциями местных музеев: «Прочитайте текст о Лянторском хантыйском этнографическом музее. На сайте музея найдите вкладку «Коллекция». Расскажите о предметах одной из этих коллекций одноклассникам»;
- просмотр видео, представляющих музыкальную культуру региона: «Посмотрите репортаж о музыкальном театре Мегиона (дается ссылка). Ответьте на вопросы: о новогоднем представлении какого жанра рассказывается в репортаже? Что является символом театра?»;
- анализ поэтических текстов региональных авторов: «Прочитайте стихотворение нефтеюганской поэтессы Валентины Морковкиной «Толковый словарь». Объясните значение выделенных слов»;
- проведение всех видов разбора с использованием текстов региональной тематики: «Прочитайте текст о скульптурах школьника и школьницы, установленных в Нижневартовске. Выполните задания: Сделайте фонетический

разбор слова «будто». Разберите по составу слово «фотографировать». Выполните синтаксический разбор второго предложения третьего абзаца»;

- сочинение-описание по картинам местных художников: «Рассмотрите картину Василия Дмитриевича Круцкевича «Уголок леса», хранящуюся в краеведческом музее города Покачи. Напишите по ней сочинение-описание».

Учебное пособие «Мой край, моя Югра» [3] рассчитано на обучающихся, владеющих русским языком на уровне В2. Поэтому в нем представлено еще больше разнообразных заданий на основе региональных текстов. Это:

- работа с контурной картой: «Подпишите на контурной карте (приводится ниже) название нашего округа, названия крупных городов и рек»;
- звукобуквенный анализ: «Сколько звуков и сколько букв в словах Обь, Югра? Назовите их»;
- составление этикетных текстов: «Составьте свое поздравление Югре на 10 декабря или России на 12 июня»;
- работа с антропонимами и топонимами: «Прочитайте топонимы. Какие из них являются официальными, а какой — авторским неологизмом? Ростов-на-Дону, Славянск-на-Кубани, Сургут-на-Оби. Прочитайте отрывок из рассказа сургутской писательницы Маргариты Сладковой «Сургут-на-Оби». Ответьте на вопрос: почему изменилось настроение героини после прогулки на Обь?»;
- ответы на вопросы викторины: «Ответьте на вопросы викторины «Мы живем в Югре»»;
- анализ публицистических текстов о национальной культуре коренных этносов региона: «Прочитайте текст. Расскажите, что умела девочка ханты в 10 лет. Сравните с вашими представлениями о том, что умеют современные девочки в этом возрасте»;
- просмотр мультфильмов о национальных праздниках коренных этносов: «Посмотрите мультфильм «Воронья песня». Ответьте на вопросы: Что такое нарты? Когда ханты отмечают Вороний праздник?»;
- составление словарика незнакомых слов: «Знаете ли вы, кто такие шаманы? Прочитайте текст о бубнах шаманов. Составьте словарик незнакомых слов,

- которые встретились вам в тексте»;
- анализ текстов национального фольклора: «Прочитайте пословицы. Как вы думаете, какие из них относятся к русскому, а какие — к хантыйскому фольклору? О каких чертах русского и хантыйского народа говорит эта пословица?»;
 - анализ и составление текстов разных жанров: «Прочитайте сказку, написанную Анастасией Матвейчук, одной из победительниц детского конкурса «Добрые сказки Югры». Найдите предложения в прямой речи. Сформулируй-

те правила ее оформления. Придумайте и запишите фрагмент своей сказки, в котором будет использоваться прямая речь героев».

Таким образом, социокультурной адаптации обучающихся, изучающих русский язык как неродной, могут способствовать тексты о регионе. Включение таких текстов в учебные пособия направлено как на развитие языковой компетенции детей с миграционной историей, так и их погружение в культуру и традиции той местности, в которой они проживают на данный момент.

Список литературы

1. Бреусова, Е. И. Методика обучения русскому языку как неродному, второму, иностранному : учеб.-метод. пособие для учителей общеобразоват. школ и студентов / Е. И. Бреусова, О. В. Руднева, А. С. Донченко. — Сургут : РИО СурГПУ, 2024. — 94 с.
2. Даша путешествует по Югре: книга для внеклассного чтения: рус. яз. как неродной. Уровень В1 / авт.-сост. Т. А. Сироткина. — Сургут : РИО СурГПУ, 2025. — 46 с.
3. Мой край, моя Югра : учеб. пособие по рус. яз. как неродному / Т. А. Сироткина, О. В. Руднева. — Сургут : РИО СурГПУ, 2024. — 88 с.

Цзен Бо

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Научный руководитель: Баландина Е. С., Южно-Уральский государственный университет (НИУ), г. Челябинск, Россия. balandinaes@susu.ru

Образ «История Китая» в русском языковом сознании

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа «история Китая» в языковом сознании русских студентов. Материалом для анализа послужили данные, собранные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди 100 респондентов. Все полученные ответы были сгруппированы по следующим семантическим полям: семантическое поле характеристик, конфликтов, культуры, политики, изобретений, географических объектов и исторических мест.

Ключевые слова: языковое сознание, образ, ассоциативный эксперимент, Китай, семантическое поле.

Zeng Bo

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Supervisor: Balandina E. S., South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. balandinaes@susu.ru

The image «history of China» in Russian linguistic consciousness

Abstract. The article is devoted to the investigation of image «history of China» in linguistic consciousness of Russian students. The material for analysis was collected by means of associative experiment that was arranged among 100 respondents. The received data allowed constructing key semantic

fields that are connected with characteristics, conflicts, culture, politics, inventions, geographical objects and historical sites.

Keywords: language consciousness, image, associative experiment, China, semantic field.

The long-standing relationship between Russia and China, characterized by cooperation and cultural exchange, necessitates an understanding of the perception of the concept «China» in Russian lingvoculture. Therefore, it is crucial for effective communication to investigate various aspects of this concept in order to reduce potential conflicts arising from stereotypes and prejudices between these two countries. The study of concepts presupposes the detailed analysis of linguistic consciousness, which is defined as the cognitive and cultural framework through which individuals interpret reality via language, bridging individual cognition with collective cultural memory [6]. Moreover, linguistic consciousness encompasses socially shared meanings and personalized interpretations that encode a community's historical and cultural identity. It operates through associative-verbal networks that interconnects linguistic units like words, phrases, and concepts within the mental lexicon of speakers.

Mental lexicon is structured of various concepts that are formed in the consciousness of a certain society under the influence of national cultural events [9]. There are different approaches to the concept analysis such as lingvocognitive, lingvocultural and psycholinguistic. Lingvocognitive approach to concept analysis views the concept as a mental unit that is formed in the course of human cognitive activity [2, 7, 11]. Lingvocultural approach is the study of relationship between language and culture through the analysis of concepts that carry cultural values [3, 4, 8]. Psycholinguistic approach investigates how mental structures of concept are processed and perceived by human [1, 5, 10]. In this work the model of psycholinguistic analysis is used which presupposes the detailed investigation of certain images in linguistic consciousness of different nations through associations.

The aim of the article is to analyze the image «history of China» in linguistic consciousness of Russian students (18–22 years old). The relevance of the study is explained by significant contribution to avoidance of cross-cultural miscommunication. To receive and analyse data the methods of psycholinguistic and lingvocultural analyses were applied. In the course of the experiment, 100 reactions to the stimulus «history of China» were collected and then classified into

the following groups: semantic field of characteristics, semantic field of war and conflict, semantic field of culture, semantic field of politics, semantic field of ancient inventions, semantic field of geographical objects, semantic field of historical sites.

– semantic field of characteristics (31 %): interesting (6), ancient (5), great (5), rich (3), long (3), powerful (2), rich in events (2), important (2), intricate (1), the oldest (1), longest lasting civilization (1).

The presented group highlights positive features that constitute the largest part in the analyzed linguistic consciousness. Most of the answers point to the duration of Chinese development: ancient, long, longest-lasting civilization and the uniqueness of the country full of various events: rich, rich in events. The absence of negative reactions indicates that Russian students have formed a positive perception of Chinese history.

– semantic field of war and conflict (16 %): Opium Wars (4), Hiroshima (3), war (3), civil wars (2), genocide (1), Tea Wars (1), Sino-Japanese war (1), Art of War (1).

The second group comes with the reactions that reflect the historical past related to wars and conflicts of the tumultuous years of China. It can be observed that the answers related to war and conflict such as Opium Wars, Tea Wars, genocide, Sino-Japanese war and civil wars indicate the Russian students' awareness of the darkest aspects of Chinese history, suggesting that respondents associate this country not only with cultural achievements but also with historical struggles and conflicts. Nevertheless, the interesting thing is that Russian students confused between Chinese war history and Japanese one, as Hiroshima is a Japanese city bombed by the United States during World War II. However, this reaction was mentioned only twice. Moreover, we can highlight one specific answer such as Art of War that comes to be the title of an ancient book of Chinese military treatise dating from the late Spring and Autumn Period (roughly 5th century BC) suggesting a long history of Chinese culture with an appreciation for philosophical and strategic contributions to global thought.

– semantic field of culture (13 %): dragons (4), samurai (3), martial arts (2), traditions (1), national costumes (1), legends (1), anime bars (1).

This group presents the history of China through various cultural phenomena such as dragons, martial arts, national costumes, traditions, and legends. Interestingly, the word collocation anime bars illustrates the confusion between national culture of China and Japan which arose from the blend of traditional and contemporary influences. A particular attention in this case should be also given to the reaction samurai (3) that shows a limited knowledge of Chinese military history. In fact, samurai refers to the unique warrior class in Japan and is not directly related to any culture aspects of China. Hence it can be concluded that there is a certain level of misunderstanding of cultural symbols by the Russian students.

– semantic field of politics (12 %): Empire (3), Mao Zedong's Revolution (3), Communism (2), Qin Dynasty (2), Soviet Union collaboration (1), Jin Dynasty (1).

The next group is connected with Chinese politics. Russian students mentioned that China was initially considered to be the greatest Empire in the world with long lasting Dynasties (Qin Dynasty, Jin Dynasty). The students also underlined the leader of the 20th century and his contribution to Chinese history (Mao Zedong's Revolution). Moreover, we can observe such response as Communism, that suggests a recognition of the ideological framework that influences governance and social values in China. Among these reactions, a particular attention was given to the response Soviet Union collaboration, indicating the importance of international relations for China. These reactions illustrate geopolitical influence of China, historical alliances, and ongoing international relations. Thus, we can conclude that the interviewees know about past ties of China with the Soviet Union that played a great role in shaping diplomatic relations between countries.

– semantic field of ancient inventions (12 %): paper (4), compass (3), gunpowder (3), porcelain, paper money.

The group mentioned above reflects the main inventions of China that exist in linguistic consciousness of Russian students. The participants reflect the key symbols of advanced science and technology of ancient China (paper, compass, gunpowder), which played a great role in the life of the mankind. Additionally, there were some other responses that also reveal vital

points of Chinese development such as porcelain, and paper money.

– semantic field of geographical objects (8 %): Yellow River (5), Yangtze River (2), green fields.

The next group of reactions represents the most relevant geographical objects which highlight the idea of Chinese nature. The Yangtze River and the Yellow River, like two living giant dragons winding their way across the vast expanse of China's sacred land have been nourishing the Chinese mainland since immemorial time, giving birth to Chinese civilization. The Yellow River, also known as the «Cradle of China» is crucial for its natural contributions, cultural heritage and historical impact, despite frequent floods and environmental challenges. The Yangtze River, being the longest in China and third-longest globally, plays a vital role in ecosystem, transportation and agriculture in China.

– semantic field of historical sites (8 %): Great Wall (5), Terracotta Army (3).

The next group is related to the historical heritage sites associated with China which are listed as the UNESCO World Heritage. These answers reflect interviewees' knowledge of the most valuable tangible symbols of Chinese history. The Great Wall serves as a national symbol of the strength and resilience of the nation, while Terracotta Army is a symbol of the power left in the afterlife.

Russian students have formed positive perception (interesting, great, rich, powerful) of Chinese history. At the same time, they are aware of the darkest aspects of its development connected with wars and conflicts. In the semantic field of culture such images as dragons, martial arts and national costumes are revealed, but there are some cases of misunderstanding of Chinese cultural symbols. The group of politics highlights the long lasting dynasties (Qin Dynasty, Jin Dynasty) in the country's history and tight relations with Soviet Union. The semantic field of ancient inventions specifies the greatest contributions of China to the development of mankind such as paper, compass, gunpowder, porcelain, paper money. The key geographical objects associated with this country are Yangtze River and Yellow River which enable the land of China to be nourished both literally and figuratively. The semantic field of historical sites presents only two reactions but both of them are listed as the UNESCO World Heritage (Great Wall, Terracotta Army).

Список литературы

1. Баландина, Е. С. «Европеизация» образа бабушки в русском языковом сознании / Е. С. Баландина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. — 2011. — № 22 (239). — С. 82–87.
2. Боброва, Т. О. Когнитивный анализ концепта «wind» в английских концептуальных метафорах, относящихся к семантическому полю «метеорология» / Т. О. Боброва, Е. Н. Кузнецова // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 3 (88). — С. 540–542.
3. Борисова, С. А. Моделирование структуры концепта «власть» / «power» / С. А. Борисова, А. А. Шабанова // Симбирский научный вестник. — 2011. — № 2 (4). — С. 176–180.
4. Вань, Г. Концепт «справедливость» в понимании русского и китайского народов / Г. Вань // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — № 02 (2). — С. 93–96.
5. Гринева, О. М. Психолингвистический анализ концепта «смысл коммуникации» / О. М. Гринева // Вопросы психолингвистики. — 2020. — № 4 (46). — С. 21–34.
6. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методология современной психолингвистики: сборник статей. — Москва; Барнаул: Изд-во Алтайского университета. — 2003. — С. 25–34.
7. Ли, С. Концепт «дождь» в художественной картине мира Б. Л. Пастернака / С. Ли // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 1 (92). — С. 274–276.
8. Передриенко, Т. Ю. Модели концептуального анализа / Т. Ю. Передриенко // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Материалы Всероссийской научной конференции / под ред. Л. Г. Бабенко. — 2005. — С. 119–124.
9. Передриенко, Т. Ю. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе / Т. Ю. Передриенко, Е. С. Баландина // Вопросы лексикографии. — 2020. — № 17. — С. 51–73.
10. Подкопаева, О. И. Психолингвистический подход к изучению концептов в отечественном языкознании / О. И. Подкопаева // Казанская наука. — 2021. — № 12. — С. 175–177.
11. Ян, Б. Когнитивный анализ концепта «русалка» с точки зрения русской традиции / Б. Ян // Современный мир: опыт, проблемы и перспективы развития. — 2016. — № 1 (1). — С. 5–8.

Цзэн Лин

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Россия
1719219795@qq.com

Каблукова Н. В.

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Россия
natashakabl@mail.ru

Художественный текст как средство обучения устаревшей лексике русского языка на занятиях по РКИ

Аннотация. Статья посвящена изучению устаревшей лексики русского языка на уроках РКИ на примере художественных текстов.

Ключевые слова: художественный текст, обучение РКИ, устаревшая лексика, средства обучения.

Tseng Lin

Blagoveshchensk Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia
1719219795@qq.com

Kablukova N. V.

Blagoveshchensk Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia
natashakabl@mail.ru

Artistic text as a means of teaching outdated vocabulary of the Russian language in Russian language lessons

Abstract. The article is devoted to the study of outdated vocabulary of the Russian language in the lessons of the Russian Language on the example of literary texts.

Keywords: artistic text, RCT training, outdated vocabulary, teaching tools.

Обучение иностранных студентов — сложный многогранный процесс, требующий понимания особенностей учеников, не являющихся носителями языка, и особого подхода к преподаванию. Ведь иностранцам нужно не только изучить грамматику и орфографию, но и знакомиться с историей, культурой изучаемого языка, особенностями употребления разных слов. В русском языке богатый тезаурус, много различных групп лексики: устаревших слов, неологизмов, национально-маркированных единиц, профессионализмов, диалектизмов, жаргонизмов и т. д. Изучить особенности различных видов лексики помогает текст художественного произведения. Художественный текст позволяет погрузиться в язык без ограничений, понять значение слов и их репрезентацию в речи. В отличие от диалогов и небольших текстов в учебниках, художественные тексты помогают ученикам познакомиться с особенностями употребления различной лексики.

Современные методисты Н. Е. Петрова, И. В. Савицкая, У. М. Княгичева, Ж. А. Крылова отмечают важность отбора художественных текстов для иностранной аудитории, учитывающего различные критерии и сложность текстов.

Н. Е. Петрова, И. В. Савицкая описывают критерии отбора текста: «Во-первых, посильность и доступность текста. <...> Во-вторых, художественный текст должен быть актуальным для обучающихся вузов, соответствовать возрастным особенностям студентов, профилю вуза. <...> В-третьих, тематика и проблематика текста должны быть интересны студентам». [1]

Исходя из перечисленных критериев, выбор текста — важная работа для препода-

вателя, от этого зависит интерес учеников, а также их активное погружение в текст. Преподаватель должен отобрать тексты для решения конкретных целей обучения, учитывать уровень знания языка, а также возможность адаптирования текста. Адаптирование включает в себя упрощение текста или возможность перевода на язык учащихся.

В статье представлены тексты и упражнения к ним для изучения устаревшей лексики. Устаревшие слова в русском языке используются в литературе, пословицах, поговорках. Их понимание позволяет читать как фольклорные, так и художественные тексты, знакомиться с особенностями русской культуры. Устаревшие слова также позволяют понять часть современных слов и выражений, в основе которой лежат устаревшая лексика. Устаревшие слова зачастую называют предметы исторического быта и культуры русского народа.

Представленные упражнения предлагаются для студентов вузов филологических специальностей с высоким уровнем владения русским языком.

Для упражнений отобраны тексты с большим количеством устаревших слов, но при этом легкие для понимания. Это тексты произведений А. С. Пушкина. С творчеством А. С. Пушкина знаком практически каждый русский человек, его наследие активно изучается и влияет и на сегодняшнюю литературу, язык, а также сюжеты новых книг и фильмов. Изучение творчества Пушкина — обязательная часть изучения русской литературы и культуры. Поэтому изучение произведений поэта позволит не только познакомиться с устаревшей лексикой, но и творчеством писателя, его особым стилем, сюжетами произведений, повсеместно известных в России.

Упражнения можно использовать в качестве разминок, для творческих заданий, в рамках изучения темы устаревшей лексики, а также на уроках литературы (изучение фольклора, авторских сказок, творчества А.С. Пушкина, изучения русского стихосложения).

Упражнение 1

Прочитайте отрывок из сказки А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, гляючи
С белой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля [2].

Вопросы к ученикам:

Поняли ли вы, о чем идет речь в приведенном отрывке? (об отъезде царя и ожидании его царицей)

Какие слова показались вам сложными? (в путь-дорогу снарядился, ждёт-пождёт, инда очи, гляючи, зори, белёшенька).

Слышали ли вы такие слова в речи знакомых, учителей, на улице? (Нет)

Такие слова называются устаревшими, их употребляли очень давно, а сегодня они сохранились в литературе, фольклоре, идиоматических выражениях. Разберем каждое слово.

В упражнении можно использовать толковые словари, обращая внимание на пометы к слову, устаревшее, разговорное, высокое и т. д., а затем разделить слова по пометам. Можно использовать вариант лингвокультурологического комментария учителя, представленный ниже.

В путь-дорогу снарядился — выражение означает, что человек собрал все необходимое для дальнейшей поездки. В современном русском языке употребляется как разговорное слово.

Ждёт-пождёт — это разговорная форма, поэтическая форма, означающая, долгое ожидание.

Инда очи — выражение состоит из двух слов союза инда, означающего «так что», «так что даже», и слова очи — устаревшее слово, обозначающее глаза, в русском языке есть слово око, то есть глаз.

Гляючи — разговорная форма слова глядеть.

Зори — зоря — устаревший вариант слова заря, то есть рассветное время, утро.

Белёшенька — означает очень белый цвет, чистый. Слово устаревшее и сохранилось в художественных текстах.

Вопросы:

Скажите, все ли сложные слова являются устаревшими? (нет, часть слов является разговорной лексикой).

Важно понимать, какое слово перед вами, устаревшее или разговорное, для чего нужно использовать словарь.

Задание: используя синонимы устаревших слов, запишите адаптированный текст. (Царь с царицею простился, / И собрался уезжать, / И царица у окна / Села ждать его одна. / Очень долго ждет — с утра до ночи, / Смотрит в поле, так что даже глаза / Разболелись, когда она смотрит / С самого утра и до ночи / Не видать милого друга! / Только видит: вьётся вьюга, / Снег валится на поля, / Вся земля белая от снега).

Вопросы:

Стал ли текст понятнее?

В каких известных русских текстах употребляется слово очи? (например, романс «Очи черные»).

Упражнение 2

Прочитайте известный отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»:

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей [2].

Вопросы:

Знакомы ли вы с данным текстом?

Какие слова являются сложными для вас? (У лукоморья, золотая, песнь заводит, на неведомых дорожках, следы невиданных зверей).

Разберем эти слова.

У лукоморья — слово лукоморье состоит из двух слов: лука и море, то есть излучина морского берега.

Золотая — устаревшая форма слова золотой.

Песнь заводит — поет песню, слово заводит в значении речь, разговор используется и сегодня.

На неведомых дорожках — то есть тех, кто никто не знает — не ведает. Глагол ведасть — устаревшее слово.

Следы невиданных зверей — то есть необычных, которых никто не видел.

Какие из сложных слов являются устаревшими? (слова золотой, ведасть).

Какие слова являются культурно-маркированными? (лукоморье — сказочное

место, леший, русалка, избушка на курьих ножках).

Слышали ли вы устаревшие слова золотой и ведасть? Составьте с ними словосочетания или предложения, сравните с современными вариантами. (золотой перстень — золотой перстень, золотые волосы, золотые волосы, ведасть науку — знать науку — изучать науку, ведасть характер человека — знать характер человека).

Скажите, в паре слов младой — молодой какое слово является устаревшим? (младой)

Таким образом, упражнения, направленные на изучение устаревшей лексики, должны:

- научить студентов различать разные группы лексики: устаревшие слова, разговорные, поэтические, культурно-маркированные;
- работать с толковыми словарями;
- понимать устаревшие слова в художественном тексте и в современной речи;
- подбирать синонимы к словам.

Список литературы

1. Петрова, Н. Е. Художественный текст в аспекте методики преподавания русского языка как иностранного / Н. Е. Петрова, И. В. Савицкая. — URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/58273/1/Petrova_Hudozhestvennyj_tekst.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

2. Пушкин, А. С. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Сказки / А. С. Пушкин. — Москва : Эксмо, 2002. — 582 с.

Чжао Вэйчэн

Хэйлунцзянский институт иностранных языков, г. Харбин, Китайская Народная Республика
zhaoweicheng@hiu.edu.cn

Дискурс-анализ академической лекции (на материале занятия по теории литературы в китайском университете)

Аннотация. В данной статье на основе теории дискурс-анализа проводится кейс-исследование 90-минутной записи урока. Исследование показывает, что учитель У использовал в классе эмоциональный, философский и простой для понимания языка преподавания. Этот комплексный педагогический язык повысил эффективность обучения и предоставил материал и ориентиры для оптимизации языка преподавания.

Ключевые слова: учебный дискурс, язык учителя, языковые формы, тематические исследования, анализ речи.

Discourse analysis of an academic lecture (based on the material of a literary theory class at a Chinese university)

Abstract. Based on discourse analysis theory, this article conducts a case study on a 90-minute classroom video recording. The study finds that Professor Y used emotional, philosophical, and Popular teaching language in the classroom. This comprehensive teacher language effectively enhances classroom teaching efficiency, providing material and reference for optimizing teaching language.

Keywords: teaching discourse, teacher language, language form, case studies, discourse analysis.

Introduction

Teachers convey knowledge, inspire students to think, and help them build their own values through teaching language. Analyzing and researching teaching language has theoretical and practical significance. Its theoretical significance is to describe and explain the use of professional language by teachers, explain the underlying laws, and promote linguistic research. Its practical significance is to enrich people's language knowledge, help young teachers regulate and standardize their language, enhance their awareness of professional language, and improve their ability to use professional language [3, p. 19]. Analyzing teaching discourse in real classrooms is important because it connects abstract language teaching theories with classroom practices, providing irreplaceable empirical evidence and reflective references.

On the basis of summarizing discourse analysis theory and research methods, this article adopts a case study approach to conduct teaching discourse analysis on a university Chinese language and literature major classroom, with the aim of identifying the characteristics of language and helping teachers improve their teaching language proficiency and optimize teaching quality.

Theoretical basis and research methods of discourse analysis

In 1952, American structuralist linguist Z. S. Harris first proposed the concept of «discourse analysis». Since the 1970s, many foreign scholars have begun to study teacher language. By the end of the 1980s, research on teacher language had focused on the study of teachers' instructional language. Based on the traditional definition of discourse concept, Xu Jiajin categorizes discourse analysis into a research perspective of structure and function [4, p. 5]. Simply

put, «discourse analysis» is the study of how language is used to understand the dialogue in people's communication [2, p. 94].

There is a wealth of research on classroom teaching language, mainly focusing on the characteristics, constituent elements, educational functions, existing problems, and strategies of teaching language. It is difficult to achieve research on the language of teachers' classroom tutorials solely based on theory, as the expression of teaching language is constantly changing. Each teacher's teaching language is a living individual language. Therefore, this study adopts a case study approach to analyze the teaching language of teachers in the classroom. Case study method is the study of a specific behavior or problem by an individual or organization, focusing on exploring current events or problems, particularly emphasizing in-depth and detailed exploration of the truth of the event, the causes of the problem, and other aspects. The aim is to explore the nature of the activities of each case in a specific context, in order to understand its uniqueness and complexity [1, p. 428].

Examples of Discourse Analysis in Chinese Language and Literature Major Courses in Universities

The case analyzed in this article comes from a classroom video of the literature theory course of the Chinese Language and Literature major in China University of Labor Relations. Professor Y, who teaches, is a Chinese man, and there are 34 students majoring in Chinese Language and Literature in the classroom. The total duration of the video is 90 minutes (The online link to the classroom video is provided at the end of the article). Next, this article will analyze Professor Y's classroom teaching language based on

the teaching language styles that appear in the classroom [5, p. 11].

(1) Analysis of Professor Y's Emotional Teaching Language

Teachers can create a classroom atmosphere that is suitable for the teaching content by using emotional teaching language to teach the learning content, making the originally dull classroom lively and interesting.

Professor Y's classroom teaching clip:

Professor Y: «When I read a literature, I will laugh happily and be moved to tears. But at this point, I activate the second layer mechanism and wonder what tricks the author used to make me cry? When I read this literature, I immerse myself in an aesthetic experience and derive pleasure from it. But when I analyzed why it gave me this aesthetic experience, I got another kind of pleasure. I can experience a double pleasure. This is the benefit that professional reflective reading brings us».

Professor Y vividly expressed the dual pleasure of reading works through emotional teaching language, enabling students to have a clear understanding of the difference between popularization and specialization in reading. Through professional learning, students can achieve reflective reading and experience the dual pleasure that ordinary readers cannot, thereby stimulating their interest in learning professional knowledge.

In this class, Professor Y used emotional words such as romantic, cold, love, happy, breathtaking and so on. In the classroom, there were a total of 4 examples of using emotional teaching language to achieve emotional resonance among students.

(2) Analysis of Professor Y's Philosophical Teaching Language

In the book «Heart: Inamori Kazuo's Life Instructions» written by Inamori Kazuo, it is mentioned that «If the worldview is correct, then the world is right». Professor Y impregnates students through philosophical teaching and helps students build correct values. Professor Y's classroom teaching clip:

Professor Y: «How is a person's values constructed? It is often not what the teacher teaches you in the textbook, but what you get from doing something relaxing and joyful in private, such as listening to Joker Xue's songs, watching Chinese palace drama, reading BL novels, etc. It will build your understanding of the world».

Professor Y intends to break the traditional teaching of «textbooks» as the only source of val-

ues, and transfer the source of values to easy and resonant daily practices that resonate with students. The teacher's language expression has the characteristics of concretization and life oriented, and is easily accepted by young students. Enable students to have a clearer, more vivid, and concrete understanding of the construction of values.

In the video class, Professor Y cited Shakespeare's classic sentence «There are a thousand Hamlets in a thousand people's eyes». to interpret the difference between the author's meaning and the reader's meaning; He explained the «philosophy» in literature by introducing the philosophical story «Do you see a chicken?» in the book nature of film. In the classroom, there were a total of five examples of using philosophical teaching language, which helped students better understand the «philosophy» in literature, effectively improving classroom learning effectiveness, and also helping students construct correct values.

(3) Analysis of Professor Y's Popular Teaching Language

Popular teaching language is the process of transforming the written language of a subject into spoken language that students can understand, making the learning content simple and easy to comprehend. This kind of teaching does not view textbooks as interpretations of the Bible, but places great emphasis on the return of textbook knowledge to daily life.

Professor Y's classroom teaching clip:

Professor Y: «Aesthetics is a human activity, and aesthetics is a discipline that studies aesthetic activities. The concept of aesthetics and aesthetics can be explained through a small incident in daily life. A few female classmates went shopping together and everyone thought a dress looked good. This is everyone's aesthetic activity. And the theory behind why these female classmates all think this dress looks good is called aesthetics».

Professor Y used popular and life oriented teaching language to explain the concepts of «aesthetics» and «the philosophy of beauty», transforming abstract concepts into content that students can relate to their existing experiences, allowing students to focus on understanding the core ideas and achieving more efficient teaching objectives.

In the video classroom, Professor Y used the popular online game «King of Glory» as an example to illustrate the ability to think deeply. The popularized vocabulary used by Professor Y includes current popular words, colloqui-

al words, and interdisciplinary professional words to help students better understand abstract knowledge points of literary theory, such as high-energy warning, great god, nonsense, cool, approximately equal, etc. In the classroom, there were a total of 5 examples of using popular teaching language, which helped students better understand professional terminology and effectively improved the teaching efficiency of the classroom.

Conclusion

By analyzing the teaching language of the video classroom, it is reflected that Professor Y

uses language that is easy to understand, and employs many well structured expressions and appropriate teaching examples. Such as «the female classmates' aesthetic appreciation of the same dress» etc. Through the emotional, philosophical and popular teaching language, Professor Y not only enables students to better understand knowledge, but also stimulates students' thinking and effectively improves classroom learning efficiency. Research has shown that this comprehensive teacher language effectively improves classroom teaching efficiency and provides materials and references for optimizing teaching language.

References

1. Lin, R. Educational research methodology / R. Lin. — Taipei : Yangzhi Culture, 2002. — P. 428.
2. McCarthy, M. Discourse analysis for language teachers / M. McCarthy. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. — P. 93–95.
3. Tang, Y. Y. Pragmatic analysis of teacher language / Y. Y. Tang, S. Z. Liu // Foreign languages and foreign language teaching. — 2003. — No. 1. — P. 19–23.
4. Xu, J. J. Various methods of discourse analysis research from the perspectives of structure and function / J. J. Xu // Journal of the PLA Foreign Language Institute. — 2004. — No 3. — P. 1–5.
5. Xie, N. A case study of high school Chinese language teachers' classroom teaching language / N. Xie. — Guangxi : Guangxi Normal Univ., 2015. — P. 1–44.
6. The online link to the classroom video. — URL: https://www.bilibili.com/video/BV-1LE411e7NE/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click (дата обращения: 20.12.2025).

РАЗДЕЛ 7

ОБЩЕМИРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ: ДЕЛОВОЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Викулов К. В.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
vikulov-2003@mail.ru

Научный руководитель: Новиков И. А., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия. novikovia69@mail.ru

Изменения и новые подходы в организации работы на Бакальских рудниках в Челябинской области в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 год)

Аннотация. В статье рассмотрены изменения, произошедшие на Бакальских рудниках в 1941–1942 году после эвакуации предприятий и жителей Криворожья. Данные события привели к смене руководящего состава рудников, а также к новой политике по организации труда и быта на производстве, что в дальнейшем привело к увеличению добычи руды.

Ключевые слова: Бакал, Бакальские рудники, Саткинский район, эвакуированное население, эвакуация, Великая Отечественная война.

Vikulov K. V.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
vikulov-2003@mail.ru

Supervisor: Novikov I. A., South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. novikovia69@mail.ru

Changes and new approaches in the organization of work at the Bakal mines in the Chelyabinsk region in the initial period of the Great Patriotic War (1941–1942)

Abstract. The article considers the changes that occurred at the Bakal mines in 1941–1942 after the evacuation of enterprises and residents of Kryvyi Rih. These events led to a change in the management of the mines, as well as to a new policy on the organization of labor and life in production, which subsequently led to an increase in ore production.

Keywords: Bakal, Bakal mines, Satka district, evacuated population, evacuation, Great Patriotic War.

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на функционирование многих отраслей промышленности. Начался массовой перевод производства на военные рельсы, для сохранения производственных мощностей многие предприятия были эвакуированы вглубь страны. Эвакуация затронула не только оборудование, но и рабочие

кадры. Перед ними появилась новая задача: суметь перестроиться и приспособиться к новым условиям труда и жизни. В своем исследовании доктор исторических наук М. Н. Потемкина отметила, что к началу эвакуации не было готового механизма и четкого плана, как она должна проходить, что создавало проблемы производственного и бытового характера [18, с. 52]. Она выделила 4 этапа развития эвакуационной политики. Для нашего исследования характерны первый и второй этапы. Первый: июнь — декабрь 1941 года, когда не было специальной политики и эвакуация ощущалась как временное событие. Второй этап с января 1942 по январь 1943 года, когда начинают создаваться структуры по организации жизни эвакуонаселения [18, с. 83].

Большой пласт материала по эвакуации содержится в сборнике документов «Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», при подготовке которого составители выявили, что на территорию Челябинской области было эвакуировано 329 предприятий [19, с. 6]. В вводной статье сборника М. Н. Потемкина отмечает, что полного списка эвакуированных предприятий за годы войны нет [19, с. 7].

Тема эвакуации до сих пор является не до конца исследованной, так как в научный оборот не введен полный объем документов по эвакуированным предприятиям и территориям, на которых они размещались. Многие аспекты эвакуации исследовала в своих работах М. Н. Потемкина, в том числе вышедших за последнее время [16; 17], также вопросы эвакуации в Саткинский район рассмотрел Н. А. Антипин [1]. Историей Бакальских рудников, в том числе в годы Великой Отечественной войны, занимался краевед Е. П. Трофимов [20]. Данная тема находит отражение и в современных методических пособиях для школ Челябинской области [7, с. 58], а также в курсе «История нашего края» [6, с. 13, 29].

Основой для нашего исследования послужили материалы Объединенного государственного архива Челябинской области: фонды Челябинского обкома партии, Саткинского райкома партии и статистического управления Челябинской области, а также газета «Саткинский рабочий» за 1941–1942 год.

С прибытием эвакуированных криворожцев на Бакальских рудниках начинают про-

исходить изменения в руководстве. Так, бакальский краевед Е. П. Трофимов отмечает, что более 90 % руководящих должностей на рудниках начинают занимать криворожцы, замещая коренных бакальцев, что у многих стало вызывать недовольство [20, с. 341]. Первый эшелон вместе с горняками из Кривого Рога прибыл 21 августа 1941 года [5, с. 158], а уже с 20 сентября новым управляющим становится И. Ф. Медведев — управляющий рудоуправлением им. Дзержинского в Кривом Роге с 1933 по 1941 годы [13, л. 3]. Всего из Кривого Рога в поселок Бакал было эвакуировано 1674 человека [2].

На пленуме Саткинского райкома 30 ноября 1941 года И. Ф. Медведев, выступая с докладом, сказал: «Работа Бакальского рудоуправления не отличается ничем от работы мирного времени». Он отметил, что есть ряд проблем, которыми руководство займется в будущем [14, л. 59]. На его слова отреагировала секретарь районного комитета ВЛКСМ Шишкина, которая сделала акцент на то, что хозяйственные вопросы важны, но еще важнее иметь трудовые резервы, которые формируются на основе обучения в Бакальской школе ФЗО № 12, но в ней не созданы условия для нормальной учебы и работы [14, л. 64].

С начала января 1942 года ситуация начала меняться: «Саткинский рабочий» писал, что за предыдущий год был произведен второй выпуск 178 рабочих кадров в школе ФЗО. Они должны заменить тех, кто ушел на фронт. Также было отмечено, что условия обучения улучшились по сравнению с 1941 годом [11]. 18 января газета отмечает, что вместо четырех специальностей будет восемь, строятся новые общежития и происходит подготовка оборудования для обучения, при этом было замечено недостаточное количество инструмента и столовых приборов [9].

Слабую дисциплину рабочих, плохие условия труда, не позволяющие массово выполнять план, а также слабую охрану предприятий отметили знатный бурщик страны А. И. Семиволос и начальник милиции Балин. Особое внимание они обратили на работу с беспартийным активом, чтобы как можно больше достойных людей стали кандидатами, а затем членами партии [14, л. 74].

Многие криворожцы не были готовы к новым условиям труда, так как они сильно отличались от того, к чему они привыкли ранее. Так, на заседании райкома 12 декабря 1941 года начальник Объединенного рудни-

ка Д. И. Боровик говорил: «Меня обвиняли, что я занял неправильную политику, но это неверно, старое руководство рудника занимало неправильную политику. Я в Кривом Роге применял циклический метод работы, но здесь не получается этого сделать» [14, л. 78].

Схожие мысли высказывали и буржники: Загорулько: «За полтора месяца и по сей день работаю не так как работал раньше, ибо для высокопроизводительной работы не созданы условия. Руководство неоднократно обещало создать условия, но обещания не выполняются» [14, л. 79] и А. И. Семиволос: «Порода богатая, а добыча бедная», а все из-за прослойки глины [4, с. 47].

В протоколах заседания Саткинского райкома партии представлены ответы руководителей Бакальских рудников на вопросы по поводу их работы: «Мы люди новые, за старое время не отвечаем, и вообще на Бакальских рудниках до нашего приезда никакого учета не велось» [14, л. 83]. Можем сказать, что новое руководство видело и понимало, что проблем на производстве много, тем более в условиях военного времени, но конкретных действий для их решений не предпринимало, а ответственность за все проблемы и недоработки перекладывало на предыдущее руководство. Это не исключает того факта, что предшественники могли запустить производство, но принять меры по исправлению ситуации, взять ответственность за доверенные должности должны были новые управляющие.

Негативную оценку за свою деятельность получил секретарь партбюро Бакальских рудников В. Булатов. О нем на заседании райкома высказался заведующий организационно-инструкторского отдела Гурин, что от Булатова невозможно получить ни одного отчета о его деятельности по агитации и привлечению в партию, ни по выпуску стенгазет, ни по организации социалистического соревнования среди рабочих. А когда Гурин прибыл в Бакал, чтобы лично встретиться с Булатовым, то был негативно им встречен и не смог добиться целей своей поездки [14, л. 84]. Секретарь райкома партии Губенко подводя итог собрания сказал: «Нездоровым явлением на Бакале является то, что приехавшие сюда товарищи заявляют: «Кто-то тут натворил, а мы будем исправлять». Это неправильные взгляды. Надо взяться за работу по-большевистски, устранить недостатки и не прикрываться тем, что кто-то что-то натворил» [14, л. 86].

Со временем ситуация на рудниках стала меняться, что привело к положительным изменениям на производстве и в работе комсомольской организации. В процентном соотношении добыча к концу 1941 года была выше, чем в 1940 году. Так, общий объем подземных работ составил 209 561 м³ (55,5 %), что больше 1940 года на 60 %, объем открытых работ составил 498 606 м³ (90,4 %), на 8 % больше, а общий объем добычи на 19,8 % [15, л. 3].

На начало четвертого квартала 1941 года на Бакальских рудниках было около 1350 рабочих, из них 258 стахановцев и 460 ударников [15, л. 11]. Количество стахановцев-тысячников в период с 1942 по 1943 год возросло с 50 до 80 человек [12, л. 3]. Личным примером для всех в социалистическом соревновании и вахтах «Всё для фронта! Всё для победы!» стал буржик А. И. Семиволос, благодаря которому число ударников увеличилось. Так, в ночь на 1 января 1942 года он выполнил норму на 1406 % [3], 5 января был замечен рост производительности у других стахановцев: В. Ф. Кривонос выполнил норму на 150 %, П. Г. Куриленко — 286 % [8]. Рост стахановского движения и социалистического соревнования будет наблюдаться в течение всего 1942 года, это говорит о том, что руководство стало больше времени уделять производству и создавать условия для рабочих.

Если осень 1941 — зима 1942 года носили явно критический и негативный оттенок, то к весне 1942 года ситуация стала улучшаться. Были запущены новые шахты, кварцитный рудник, дробильная фабрика, построены железнодорожные пути, которые позволили перевозить руду с карьеров и шахт [10].

Таким образом, на Бакальских рудниках после начала Великой Отечественной войны сложилась неблагоприятная обстановка, связанная с резкой сменой кадров и занятием руководящих постов эвакуированными криворожцами, которые не предпринимали необходимых действий для решения проблем производства, а лишь перекладывали ответственность на предыдущих управленцев. После обсуждения всех проблем на пленуме Саткинского райкома партии руководство Бакальскими рудниками сделало необходимые выводы и направило силы на решение проблем: развитие получит социалистическое соревнование, работа Бакальской школы ФЗО, результативнее станет работа комсомольских организаций.

Список литературы

1. Антипин, Н. А. Эвакуация предприятий и населения в Сатку в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Антипин // Горное сердце Евразии: сб. избранных материалов I Всерос. науч.-практ. краевед. конф., посвящённой 95-летию Саткинского муниципального района (Сатка, Челябинская область, 1–2 февраля 2022 г.): науч.-аналит. материалы и историко-научные публикации / отв. ред., сост. А. Л. Рычков. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. — С. 64–67.
2. База данных «Эвакуированные в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны» // ОГАЧО. — URL: <https://dbases.archive74.ru/evacuation> (дата обращения: 26.11.2025).
3. Боровик, Д. Новогодний подарок Алексея Семиволоса / Д. Боровик // Саткинский рабочий. — 1942. — 4 января.
4. Викулов, К. В. «Знатный бурщик страны Алексей Семиволос» — герой Криворожских и Бакальских рудников / К. В. Викулов // Генеалогия и архивы: материалы седьмой Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 кн. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Кн. 2. — Челябинск, 2025. — С. 43–50.
5. Город моей родины Бакал: к 265-летию города / Администрация городского поселения Бакал. — Бакал, 2022. — 252 с.
6. История нашего края. Южный Урал из древности в XXI век: программа учебного курса для общеобразовательных организаций Челябинской области (основное общее образование) / ред. П. А. Глинских, В. М. Кузнецова. — Челябинск : Край Ра, 2025. — 34 с.
7. История родного края. Челябинская область (Южный Урал): концепция преподавания и региональный историко-культурный стандарт / под ред. В. М. Кузнецова. — Челябинск : Край Ра, 2022. — 84 с.
8. Кин, А. Свыше двух норм / А. Кин // Саткинский рабочий. — 1942. — 7 января.
9. Конилов. Образцово подготовиться к новому набору в школу ФЗО / Конилов // Саткинский рабочий. — 1942. — 18 января.
10. Музей Бакальского рудоуправления: папка «Бакал в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».
11. Неганов, П. Кузница кадров / П. Неганов // Саткинский рабочий. — 1942. — 11 января.
12. ОГАЧО. — Ф. П-288. — Оп. 8. — Д. 118.
13. ОГАЧО. — Ф. П-288. — Оп. 69. — Д. 1082.
14. ОГАЧО. — Ф. П-319. — Оп. 17. — Д. 19.
15. ОГАЧО. — Ф. Р-485. — Оп. 8. — Д. 151.
16. Потемкина, М. Н. Опыт интеграции эвакуированного промышленного оборудования в экономику Уральского тыла (осень 1941 — весна 1942 гг.) / М. Н. Потемкина // Технолог. — 2024. — № 2. — С. 51–59.
17. Потемкина, М. Н. Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941 — 1942 гг.: проблемы и результаты / М. Н. Потемкина // Уральский исторический вестник. — 2025. — № 1. — С. 62–70.
18. Потемкина, М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы / М. Н. Потемкина. — Магнитогорск : МаГУ, 2002. — 265 с.
19. Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. / редкол.: Н. А. Антипин и др. — Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2020. — 400 с.
20. Трофимов, Е. П. Бакал сквозь призму лет / Е. П. Трофимов. — Челябинск : Челяб. Дом печати, 1998. — 365 с.

Исаков М. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
maksim200211@mail.ru

Научный руководитель: Новиков И. А., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия. novikovia69@mail.ru

Челябинское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: создание и первые годы работы

Аннотация. В работе рассматривается период организации и первых лет работы Челябинского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. По мнению автора, хотя отделение Общества не смогло выполнить всех поставленных задач, оно сыграло значительную роль в краеведческой деятельности области.

Ключевые слова: Челябинская область, Челябинское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, краеведение, А. И. Лазарев, С. И. Загребин.

Isakov M. A.

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
maksim200211@mail.ru

Supervisor: Novikov I. A., South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. novikovia69@mail.ru

Chelyabinsk Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: creation and Early Years

Abstract. This paper examines the organization and early years of the Chelyabinsk Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments. The author believes that although the Society was unable to fulfill all of its stated objectives, it played a significant role in the region's regional history activities

Keywords: Chelyabinsk region, Chelyabinsk regional branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, local history, A. I. Lazarev, S. I. Zagrebina.

В середине 1960-х гг. осуществился подъем деятельности по охране исторических памятников. В целях привлечения широкой ответственности к активному участию в охране памятников истории и культуры Совет Министров РСФСР 23 июля 1965 г. принял постановление об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) [13].

Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был утвержден постановлением Совета Министров СССР в июле 1966 г. [14]. Согласно Уставу, задачей общества было не только сохранение

памятников историко-культурного наследия, но и массовая научно-просветительская работа с населением, что в названии отражалось термином «пропаганда». Сохраненные, отреставрированные, облагороженные памятники рассматривались как средство просвещения населения, позволяющее раскрывать страницы истории. Предполагалось, что участники Общества, кроме сохранения памятников, будут изучать увековеченные события или личности, проводить лекции и другие просветительские мероприятия с использованием памятников, способствуя формированию их значимости.

Челябинское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры проработало более 30 лет, но его история слабо отражена в работах исследователей. Наиболее широко история Челябинского отделения Общества затронута в кандидатской диссертации И. Г. Свичкарь, которая рассматривала его как одно из общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале [15, с. 75–91]. Кроме этого, истории отделения посвящены некоторые статьи С. И. Загребина (одна из которых не опубликована) [1; 2], Ю. В. Латышева [3]. Названные работы далеко не полностью раскрывают деятельность достаточно крупной организации с продолжительной историей. Данной статьей мы попытаемся начать заполнение образовавшихся лакун, обратившись к организационному периоду развития отделения Общества.

В ноябре 1965 г. исполнительным комитетом Челябинского областного Совета депутатов трудящихся было принято решение «О создании областного отделения Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории» [12, лл. 329–330]. Согласно этому решению 20 декабря 1965 г. в г. Челябинске должна была проведена Учредительная конференция по созданию областного отделения общества [4, лл. 1–2], состоявшаяся 31 января 1966 г. председателем отделения был избран кандидат филологических наук А. И. Лазарев. Он являлся председателем до 1997 г. — почти весь период существования отделения.

Дальнейшим организационным этапом служит пленум областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 15 сентября 1966 г., который вынес решение создать следующие секции областного отделения [4, л. 41–43; 5, л. 13–15]:

1. Секция по охране исторических памятников. Ее задачей являлось установление на научной основе значимости того или иного исторического памятника для его сохранения, а также различных событий и личностей в истории, заслуживающих увековечивания. Секция занималась составлением полного перечня исторических памятников, находящихся на территории области, изданием книг, брошюр и плакатов, отражающих героическое прошлое Южного Урала. Первый состав секции: А. И. Александров, Д. И. Вахрушев, В. П. Епифанов, В. С. Замниус,

И. А. Искра, М. Г. Новоселов, В. Е. Четин (председатель), Ф. Н. Яблонский, В. П. Степанов.

2. Секция по охране архитектурных, художественных и этнографических памятников. Занималась составлением перечня строений и художественных произведений, нуждающихся в реставрации и ремонте, вынесением этого перечня на утверждение Областного исполнительного комитета, осуществляла контроль за сносом старых зданий, сотрудничала с музеями в деле сбора материально-художественных ценностей. Первый состав секции: А. И. Аникеев, Е. В. Александров, (председатель), Л. Н. Головницкий, К. Д. Евтеев, Н. П. Казанцева, Н. В. Ласточкин, М. Г. Семенов, В. П. Чертовиков, П. П. Шагинов.

3. Секция по охране историко-литературных и фольклорных памятников. Главными задачами секции являлось обеспечение сохранности рукописей местных литераторов и деятелей культуры, сбор фольклорных и этнографических материалов, их публикация. Первый состав секции: С. К. Власова (председатель), А. И. Лазарев, А. П. Песков, В. М. Натюкова, А. Я. Темерова.

4. Юношеская секция. Задачей секции являлось воспитание на примере «героических подвигов отцов» [4, л. 42] посредством организации шефства учащихся над историко-культурными памятниками, разработки маршрутов туристических походов школьников по историко-революционным памятникам и памятным местам области, участия в организации походов по местам трудовой и боевой славы. Первый состав секции: В. П. Галич, Ю. П. Кропотов, Е. Я. Туник (председатель), Л. В. Шульгин.

5. Секция по пропаганде историко-культурных памятников. Осуществляла публикацию материалов на страницах областных газет, издание тематических плакатов и брошюр типа «Памятное место Челябинска», чтение лекций, организацию передач по телевидению и радио. Первый состав секции: И. М. Данько (председатель), В. К. Егоров, Р. И. Жогалева, З. В. Жиганова, П. В. Коробов.

Согласно постановлению первого пленума в Челябинской области должно было быть образовано 37 местных отделений ВО-ОПИК, в том числе 18 районных отделений и 19 городских [4, л. 14]. Массовое открытие местных отделений произошло в следующем 1967 г. [4, лл. 10–35], в июне 1967 г. решени-

ем Исполнительного комитета Челябинского городского Совета депутатов было организовано Челябинское городское отделение [11, л. 40].

Согласно уставу Общества оно должно быть массовым, что было необходимо в первую очередь для его материального обеспечения, так как формирование бюджета происходило преимущественно за счет членских взносов (вступительный взнос составлял 15 копеек, а ежегодный членский взнос — 30 копеек, членам юношеских секций — 10 копеек). Ввиду этого в первые годы первоочередной задачей Общества было увеличение членства, Челябинское областное отделение справлялось с ней лишь частично, хотя его численность быстро росла. За первые 5 лет в области было создано 899 первичных организаций, где состояло 118 709 индивидуальных членов, в коллективные члены вступило 600 предприятий, учреждений, организаций [8, л. 12], но по отношению к населению процент индивидуального членства составлял 3,34 %, а требовалось 10 % [8, л. 16]. При этом Кыштымское, Златоустовское, Копейское, Еткульское, Каслинское и ряд других местных отделений за 1970 г. уменьшили свою численность [8, л. 13]. Причиной такого положения С. И. Загребин (с 19.01.1968 г. заместитель председателя Президиума совета ВООПИК [10, л. 21]) называл слабую работу, что подтверждалось снижением количества лекций, прочитанных членами Общества, статистика приведена в таблице.

Несмотря на негативные моменты в первые годы работы областного отделения Общества, уже в этот период она взялось на масштабные проекты. В июле 1969 г. был

поставлен вопрос о консервации «Башни Тамерлана», затем Общество сыграло ключевую роль в его реставрации. К сожалению, остался неосуществленным грандиозный проект Общества по созданию Челябинского архитектурно-этнографического музея под открытым небом, проект которого был утвержден на заседании Президиума областного совета Общества 16 марта 1972 г. [9, л. 14] Отделение Общества также включалось в организацию крупных юбилеев: 100-летие со дня рождения В. И. Ленина [6, л. 16], 200 лет Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева [7, л. 20], 50 лет образованию СССР [9, лл. 30–31].

Количество лекций, прочитанных членами местных отделений

Населенный пункт	1969 г.	1970 г.
Кыштым	230	143
Златоуст	49	25
Еткуль	58	29

Челябинское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры не смогло в полной мере справиться со своей задачей: не достигнута необходимая численность членства, продолжали разрушаться и даже сноситься памятники, не все просветительские проекты были реализованы. Тем не менее, благодаря его работе многие памятники истории были сохранены, а его научно-просветительская деятельность играла значительную роль в краеведческой работе в регионе, в чем несомненная роль его основателя и на протяжении многих лет руководителя А. И. Лазарева.

Список литературы

1. Загребин, С. И. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры: Челябинское областное отделение / С. И. Загребин // Челябинская область: энциклопедия / ред. кол. К. Н. Бочкарев. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — Т. 1. — С. 758.
2. Загребин, С. И. Хранители памяти. К истории Челябинского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры / С. И. Загребин // ОГАЧО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 51.
3. Латышев, Ю. В. Челябинское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (55 лет со дня образования) / Ю. В. Латышев // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2021. — Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2020. — С. 120–131.
4. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1. — Д. 1.
5. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1. — Д. 3.
6. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1. — Д. 24.
7. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1. — Д. 33.
8. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1. — Д. 50.
9. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1. — Д. 60.

10. ОГАЧО. — Ф. П-4. — Оп. 1л. — Д. 1.
11. ОГАЧО. — Ф. Р-220. — Оп. 19. — Д. 49.
12. ОГАЧО. — Ф. Р-274. — Оп. 10. — Д. 813.

13. Постановление Совета Министров РСФСР «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» от 23 июля 1966 г. № 882. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/885206031> (дата обращения: 14.12.2025).

14. Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении Устава Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» от 6 июля 1966 г. №589. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42080#o6HWa8VgNRXAKLBk> (дата обращения: 14.12.2025).

15. Свичкарь, И. Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х — начале 2010-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Илюзя Гасимзяновна Свичкарь. — Челябинск, 2014. — 209 с.

Кемпинская В. А.

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия
veronika.kempinskaya@yandex.ru

Научный руководитель: Степанова И. В., Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия. inna7778@bk.ru

Орден Святого Георгия как фундамент Дня Героев Отечества: историческая преемственность и геральдический код

Аннотация. Автор статьи исследует геральдический код Ордена Святого Георгия, раскрывая символическое значение его элементов, а также обращает внимание на важность сохранения культурных ценностей и формирования национальной идентичности с помощью государственной политики в области воинских наград и учреждения памятных дат.

Ключевые слова: историческая преемственность, орден, геральдический код, День Героев Отечества.

Kempinskaya V. A.

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
veronika.kempinskaya@yandex.ru

Supervisor: Stepanova I. V., Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia. inna7778@bk.ru

The Order of St. George as the Foundation of the Heroes of the Fatherland Day: Historical Continuity and the Heraldic Code

Abstract. The author explores the heraldic code of the Order of St. George, revealing the symbolic meaning of its elements, and highlights the importance of preserving cultural values and shaping national identity through state policy in the sphere of military awards and the establishment of commemorative dates.

Keywords: historical continuity, order, heraldic code, Heroes of the Fatherland Day.

Историческая преемственность воинских наград и связанных с ними памятных дат является важным инструментом сохранения культурных ценностей и формирования на-

циональной идентичности. В нашей стране одним из ярких проявлений такой политики на государственном уровне является установление 9 декабря Днем Героев Отечества, который закреплен в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России».

Памятная дата «День Героев Отечества» установлена Федеральным законом РФ от 28 февраля 2007 года, однако история этого довольно «молодого» праздника, уходит корнями в 1769 года, когда императрицей Екатериной II был учрежден орден святого великомученика и победоносца Георгия четырех классов [1].

Как свидетельствует отечественный историк А. В. Манько, данная награда стала первым знаком военного отличия в период правления Екатерины Великой [8].

При учреждении ордена была предусмотрена четкая система градации степеней, начиная с низшей четвертой ступени, постепенно переходящей к высшей первой степени.

Получателями высших степеней становились выдающиеся военные деятели своего времени, такие как граф П. П. Румянцев-Задунайский и князь Г. А. Потемкин-Таврический. Всего за всю историю существования ордена первую степень получили всего около двадцати пяти человек, а полных кавалеров, обладавших всеми четырьмя степенями, насчитывалось всего четверо.

С середины XIX века началось официальное занесение имен кавалеров ордена на мраморные доски в Георгиевском зале Большого Николаевского дворца Московского Кремля. Такое признание обеспечивало обладателям особого статуса и ряда социальных преимуществ, что дополнительно подтверждает значимость награды [14].

В результате революции 1917 года орден был упразднен, однако спустя десятилетия, в августе 2000 года, указом президента Российской Федерации орден вновь введен в систему государственных наград как высшую награду за особые заслуги в боевых действиях.

Внешнее оформление ордена детально регламентировано Указом Президента Российской Федерации от 8 августа 2000 года № 1463. Согласно этому документу, Орден Святого Георгия I и II степени имеет знак и звезду, III и IV степени — только знак. Лента ордена шелковая, муаровая, из чередующихся равношироких трех черных и двух оранжевых полос [13].

Далее обратимся к анализу геральдического кода Ордена Святого Георгия и рассмотрим каждый его элемент по отдельности.

Знак ордена — золотой равноконечный крест с расширяющимися концами, покрытый белой эмалью. В центре — круглый медальон красной эмали с изображением Святого Георгия на коне, поражающего копьём чёрного змея.

Георгий Победоносец занимает особое место в геральдике России [2]. Облик Георгия Победоносца в христианской вере сочетает в себе, с одной стороны, черты великомученика за веру, с другой — непобедимого воина. Эта двойственность символизирует единство духовных и воинских идеалов, формируя основу русского национального характера.

Отдельно заслуживает внимания специальная версия ордена для представителей иных конфессий, которая отличается заменой центральной фигуры на государственный герб Российской Федерации (двуглавый орел).

Подобная модификация награды позволяет учитывать религиозные предпочтения ее получателей [10].

Змей. В геральдическом коде Ордена Святого Георгия изображение Змея символизирует воплощение абсолютного зла, коварства и свирепости. Особое внимание стоит обратить на крылья Змия. Очевидно, что их функция не в физическом полете, а в глубокой символике. Они, наряду с искаженными до уродства головой и лапами, подчеркивают нереальность животного и помогают создать образ лжесущества, чья внешность отражает внутреннюю сущность. Всё это усиливает контраст между добром и злом, подчеркивая победу святого Георгия над силами тьмы [6].

Конь. На ордене Святой Георгий изображен всадником на белоснежном коне. Здесь может возникнуть ошибочная интерпретация белого коня, как аналога апокалиптического «бледного коня». Однако стоит обратить внимание на то, что это не белый, а «блистающий белизной» конь, символизирующий ослепительный, божественный свет, проникающий в людской мир. Именно поэтому изображение белого коня символизирует не что иное, как силу Божию, побеждающую зло [4].

Копье. Еще одна, незаметная на первый взгляд, но очень символическая деталь. В избразительном ряду, относящимся к святым воинам-змееборцам, наблюдается устойчи-

вая иконографическая деталь: святой, восседающий на коне, поражает зло копьем, а не мечом. Интересно, что в момент нанесения удара в руке всадника нет видимого напряжения, что указывает на легкость и стремительность победы.

Такая «победа без особых усилий» противоречит доводу академика Д. С. Лихачева, в котором говорится о том, что «копье было оружием первой стычки и почти всегда ломалось в ней».

Это несоответствие также имеет свое значение. Молниеносный триумф Святого обусловлен не столько физическим превосходством воина, сколько Божьей силой и верой.

Крест. Первоначально, при разработке проекта военного ордена, рассматривалась форма Мальтийского креста. Этот восьмиконечный крест, который служил отличительным рыцарским знаком. Такой выбор был обусловлен отсутствием иных форм крестов среди исключительно военных наград.

Однако, в силу своей принадлежности к католической религии, Мальтийский крест оказался неприемлемым для учреждения его в качестве российского ордена.

Впоследствии для отечественной наградной системы была выбрана форма Лапчатого креста. Этот четырехконечный прямой крест с расширяющимися концами, который позаимствовали у ордена Святого Александра Невского. Хотя орден Святого Александра Невского не является исключительно военной наградой, его символика полностью соответствует канонам православной веры и подчеркивает связь защитников Отечества с религией [12].

Георгиевская лента. Лента ордена сочетает черный и оранжевый цвета; именно цветовая гамма ленты является, пожалуй, самой узнаваемой частью награды. Выбор цветов для Георгиевской ленты не случаен и отражает культурно-исторические ценности.

Далее приведем два варианта трактования цветов, которые, на наш взгляд, не противоречат друг другу, а дополняют и помогают передать истинную ценность ордена.

1. Название лента получила от имени Георгия Победоносца. На Руси Святого Георгия почитали все слои общества, как покровителя и воинов, и монархов [3]. Эта сакральная связь с царской властью нашла отражение в выборе «императорских» цветов — черного и желтого, традиционно ассоциирующихся с Российской империей.

2. Существует и наиболее образное толкование, которое предложила императрица Екатерина II. Она утвердила для воинского ордена ленту, символизирующую «дым и пламя» — метафору, передающую суть военного подвига, его опасность и героическую страсть. Эта символическая трактовка представлена и в геральдическом словаре [11].

Обратим внимание, что не только сам знак Ордена Святого Георгия, но и его части в отдельности, являются самостоятельными примерами преемственности поколений. В начале XIX века георгиевская лента стала неотъемлемой частью воинских знамен и солдатских Георгиевских крестов. Особое значение она приобрела и в годы Великой Отечественной войны, став символом преемственности героических традиций.

Исследование геральдического кода ордена демонстрирует сложную структуру смыслов и взаимосвязанность визуального представления награды с историей и ценностями российского народа.

Как уже упоминалось ранее, в 2000 году был сделан важный шаг по возрождению ордена как высшей военной награды нашей страны [13]. Важно отметить, что его внешний вид сохранил оригинальный образец, учрежденный Екатериной II. Такой подход подчеркивает неразрывную связь между прошлым и настоящим, укрепляя традиции воинской доблести в современной России.

Однако с момента восстановления ордена до 2008 года награждения не производились. Это обусловлено строгим соответствием статуту ордена, который присуждался исключительно за выдающиеся боевые заслуги, совершенные в условиях агрессии со стороны внешнего противника.

Стоит вспомнить, что в дореволюционной России чествование кавалеров ордена Святого Георгия имело строгий церемониал. Основным событием торжества был прием в стенах Зимнего дворца. Программа церемонии включала в себя торжественное богослужение, праздничный обед и артиллерийский салют. Особое внимание отводилось сервировке стола: для этих случаев использовался екатерининский сервиз, каждый элемент которого был украшен изображениями орденских знаков и георгиевской ленты, и подчеркивал исключительный статус события [9].

Сегодня традиции воинской доблести и служения Отечеству также находят отражение в торжественных церемониях. Ежегодно

9 декабря в Георгиевском зале Кремля проводится церемония чествования Героев Отечества. Интересно, что имена новых присутствующих кавалеров, не разглашаются публично, что обусловлено их деятельностью, связанной с государственной тайной.

Помимо этого, Президент РФ подписал Указ «О некоторых мерах по совершенствованию государственной наградной символике Российской Федерации», согласно которому «В случае присвоения лицу звания Героя РФ ...на его родине или по месту фактического проживания ... в ознаменование подвига устанавливается бронзовый бюст с соответствующей надписью». Эта традиция пред-

ставляет собой не только преемственность в чествовании героев, но и сохранение исторической памяти для будущих поколений.

Возрождение ордена Святого Георгия и учреждение Дня Героев Отечества свидетельствуют о стремлении государства сохранить исторические корни и национальную идентичность, одновременно утверждая традиционные российские ценности мужества, чести и преданности Родине. Геральдический код ордена, наполненный глубокими символическими смыслами, служит наглядным примером связи прошлого и настоящего, отражая исторический путь России и её воинскую славу.

Список литературы

1. Георгиевская страница. Статут военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия. — URL: <https://web.archive.org/web/20080221132706/http://george-orden.nm.ru/statut1769.html> (дата обращения 29.12.2025)
2. Георгий, великомученик. Православная энциклопедия. — Т. 10. — Москва, 2005. — С. 665–692.
3. День Героев Отечества // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. — URL: <https://pravoslavie.ru/136.html?ysclid=mkfsqr96gb114465590#11> (дата обращения: 14.01.2026).
4. Дионисий, А. Святого Дионисия Ареопагита о небесной иерархии / А. Дионисий. — Москва : Синод тип., 1898. — С. 60–61.
5. Кирилин, А. В. Высшая военная награда Российской империи: к 250-летию учреждения Императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия (Орден Святого Георгия) / А. В. Кирилин // Военно-исторический журнал. — 2019. — № 11 (715). — С. 90–95.
6. Кутковой, В. С. О древнерусских иконах «Чудо Св. Георгия о Змие» / В. С. Кутковой. — URL: <https://pravoslavie.ru/136.html> (дата обращения 10.01.2026).
7. Лихачев, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Художественная литература, 1985. — С. 207
8. Манько, А. В. Российская монархия: символика и атрибуты: страницы истории государственности / А. В. Манько. — Москва : Вече, 2005. — 352 с.
9. Подготовка праздников в императорских резиденциях // История государства: сайт. — URL: <https://statehistory.ru/books/TSarskaya-rabota--XIX---nachalo-XX-v/51> (дата обращения: 16.01.2026).
10. Седунова, Т. В. Церковь святого Георгия Победоносца в здании Главного штаба: храм, памятник, символ / Т. В. Седунова // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2009. — Т. 185. — С. 151–159.
11. Стародубцев, Н. Н. Иллюстрированный словарь по геральдике: 1005 терминов на русском, украинском, английском, эсперанто, французском, немецком, латинском языках / Н. Н. Стародубцев. — Донецк, 1996. — 345 с.
12. Орден Святого Георгия: генезис // Журнал коллекция. История, искусство, выставки. — URL: <https://sammlung.ru/?p=98757> (дата обращения 24.01.2026).
13. Указ Президента РФ № 1463 от 8 августа 2000 года «Об утверждении статута ордена Святого Георгия, положения о знаке отличия — Георгиевском кресте и их описаний». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15947> (дата обращения 25.12.2025).
14. Шепелев, Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи / Л. Е. Шепелев. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. — 222 с.

Колесникова А. А.

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия
redikaltseva@inbox.ru

.....
Научный руководитель: Татарова С. П., Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия. svetlana.tatar@inbox.ru
.....

Формирование имиджа Республики Бурятия: роль государственных структур в условиях конкурентного развития

Аннотация. В статье анализируется влияние государственных структур на формирование имиджа Республики Бурятия на основе компонентного подхода. Выявляется амбивалентность имиджа, обусловленная противоречиями между уникальным природно-культурным потенциалом и социально-экономическими ограничениями. Обосновывается необходимость сбалансированной стратегии позиционирования для усиления конкурентоспособности региона.

Ключевые слова: имидж региона, Республика Бурятия, государственные структуры, компоненты имиджа, территориальный брендинг.

Kolesnikova A. A.

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia
redikaltseva@inbox.ru

.....
Supervisor: Tatarova S. P., East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia. Svetlana.tatar@inbox.ru
.....

Shaping the image of the Republic of Buryatia: the role of government agencies in a competitive environment

Abstract. The article analyzes the influence of state structures on the image formation of the Republic of Buryatia using a component-based approach. The ambivalence of the image is revealed, stemming from the contradictions between unique natural and cultural assets and existing socio-economic constraints. The study substantiates the need for a balanced positioning strategy to enhance the region's competitiveness.

Keywords: regional image, Republic of Buryatia, state structures, image components, territorial branding.

Современная парадигма регионального развития характеризуется усилением конкуренции между территориями за инвестиционные ресурсы, человеческий капитал и туристические потоки [1]. В этих условиях целенаправленное формирование позитивного имиджа региона становится стратегическим приоритетом, оказывающим непосредственное влияние на его социально-экономическое развитие. Как справедливо отмечает А. П. Панкрухин, имидж территории представляет собой целостное, эмоционально окрашенное и социально значимое представление, формирующееся

в общественном сознании под воздействием комплекса факторов [2, с. 9]. При этом, в отличие от кратковременного образа, имидж региона характеризуется устойчивостью и оказывает прямое влияние на инвестиционные потоки, туристическую привлекательность и кадровый потенциал территории. Поэтому так важно целенаправленно и стратегически формировать позитивный, устойчивый имидж, способный стать ключевым конкурентным преимуществом региона. Это формирование невозможно без системного влияния государственных структур, под которыми понимаются органы публичной вла-

сти и управления всех уровней (федеральные министерства и агентства, региональные правительства и ведомства, муниципальные администрации), а также подведомственные им учреждения и госкомпании. Именно эти институты через свою политику, нормативное регулирование, бюджетные решения, управленческие практики и публичные коммуникации выступают главными архитекторами регионального имиджа, непосредственно воздействуя на все его составляющие — от инвестиционного климата до культурного восприятия территории.

Практическая реализация этой архитекторской роли сталкивается с разными условиями в различных субъектах РФ. В некоторых регионах синергия между уникальными активами и эффективной государственной политикой создает однозначно позитивный образ. В других — действия властей протекают в сложной среде, где конкурентные преимущества соседствуют с глубокими системными проблемами, что приводит к формированию амбивалентного и противоречивого имиджа.

Республика Бурятия представляет в этом отношении особый интерес, поскольку сочетает в себе уникальные конкурентные преимущества с комплексом системных проблем, что создает специфические условия для формирования ее амбивалентного имиджа. Как отмечают исследователи Бурятского научного центра СО РАН, регион характеризуется одновременно как территория с глобальными природными активами, так и как проблемный регион с признаками депрессивности [3]. Целью данной статьи является анализ структурных компонентов имиджа Республики Бурятия через призму современных научных подходов и на этой основе выявление стратегических направлений его совершенствования под влиянием государственных структур.

Анализ научных исследований позволяет выделить ключевые компоненты имиджа территории, значимые для оценки влияния государственных структур. Классические подходы задают базовые каналы этого влияния. Так, А. Е. Кирюнин определяет фундаментальные элементы, формируемые в том числе через политику в области охраны природы и поддержки культуры: природно-географический, культурный и исторический компоненты [4, с. 60]. Иными словами, именно государство выступает ключевым ре-

гулятором и промоутером этих активов. И. С. Важенина расширяет это понимание, акцентируя социально-экономический компонент как основу рационального восприятия, формируемого через оценку качества жизни и экономического развития [5, с. 49]. Данный компонент находится в прямой зависимости от бюджетной, налоговой и социальной политики государственных институтов. Д. А. Свистунова выделяет политико-управленческий компонент, напрямую связанный с деятельностью самих властных структур и имиджем политического лидера, что акцентирует роль политических институтов как активных творцов имиджа [6, с. 90].

Наиболее комплексный и операциональный для нашего анализа подход предлагают М. В. Терских и Е. Д. Малёнова, рассматривающие имидж региона как многоуровневую систему, включающую экономический, социальный, политический, культурно-исторический и природно-географический компоненты [7]. Данная аналитическая матрица служит инструментом для декомпозиции сложного имиджа региона и позволяет перейти от общих констатаций к конкретному анализу управленческих практик, бюджетных решений и коммуникационных стратегий, формирующих итоговый образ территории. Таким образом, предложенная модель является релевантным инструментарием для структурированного изучения имиджа Республики Бурятия.

Применительно к Республике Бурятия, экономический и социальный компоненты имиджа в значительной степени определяются бюджетной и инфраструктурной политикой. Действия власти в этой сфере формируют двойственный имидж. С одной стороны, продвижение инвестиционных площадок (ТОСЭР «Байкальская гавань») позиционирует регион как территорию возможностей. С другой — бюджетная политика формирует устойчивый образ дотационности и отсталости: значительный объем безвозмездных поступлений (53,6 % при 19,0 % в среднем по РФ) и критически низкие инвестиции в инфраструктуру (31,4 тыс. руб. на душу населения против 106,9 тыс. руб. в среднем по РФ) свидетельствуют о глубокой зависимости от федеральной поддержки и недостаточной эффективности в решении проблем [8]. Непосредственным следствием этого ресурсного дефицита становится острая инфраструктурная ограниченность в приоритетных отраслях, таких как туризм. Как

показывают экспертные оценки, недостаточное развитие гостиничной сети, транспортного обслуживания и сопутствующей инфраструктуры существенно сдерживает туристический поток и снижает качество предоставляемых услуг [9]. Таким образом, разрыв между декларируемыми целями и ресурсным обеспечением не только фиксируется в статистике, но и материализуется в ключевых секторах, подрывая рациональную основу позитивного восприятия региона [5].

В свою очередь, регулирование уникальных активов сосредоточено в рамках природно-географического и культурно-исторического компонентов. Природный потенциал, включающий озеро Байкал, является основополагающим элементом имиджа Бурятии [4]. Федеральное законодательство об охране Байкальской природной территории формирует имидж региона как объекта всемирного значения с высочайшими экологическими стандартами. Однако, как отмечают эксперты, недостаточная гибкость регулирования и слабая синхронизация с программами экономической поддержки создают параллельный образ «зарегулированной» территории, где уникальный актив становится барьером для развития, усиливая черты проблемного региона [3]. Этот диссонанс между строгостью формальных норм и реальной управленческой практикой проявляется в ряде системных проблем. Несмотря на особый статус, актуальными остаются проблемы антропогенного загрязнения прибрежных зон, а усилия по их ликвидации носят зачастую точечный и несистемный характер — например, зависимость от немногочисленных волонтерских акций при дефиците постоянной инфраструктуры обращения с отходами. Кроме того, эффективность природоохранных мер зачастую снижается из-за бюрократических дисфункций, когда ключевые механизмы, такие как система мониторинга и отчетности о состоянии байкальских вод, демонстрируют формальный характер работы, не обеспечивая реального управленческого воздействия. Государственное продвижение культурных брендов (буддизм, этнические традиции) дополняет этот образ, но не компенсирует социально-экономические диссонансы, возникающие из-за противоречий между консервацией природного потенциала и потребностями локального развития.

Наконец, ключевым для целостного восприятия является политико-управленческий

компонент, отражающий эффективность и коммуникации власти. Влияние государственных структур здесь также амбивалентно. С одной стороны, активная цифровая коммуникация руководства республики формирует имидж открытой, современной власти [6]. С другой — управленческие практики (частая ротация кадров, низкая координация между уровнями власти, формальный подход к реализации программ) формируют представление о недостаточной эффективности и стабильности управления [8; 9]. Особенно показательны случаи реализации федеральных программ (например, «Формирование комфортной городской среды»), когда при формальном освоении средств не достигается качественного преобразования среды. Низкое качество проектного управления (продлонгация сроков, отсутствие комплексного подхода, технологические нарушения) формирует у граждан образ власти, занимающейся показной, нерациональной активностью, что подрывает доверие к декларируемым целям.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложном, многогранном характере имиджа Республики Бурятия. С одной стороны, регион обладает уникальным сочетанием природных активов, имеющих глобальную значимость. С другой стороны, социально-экономические вызовы и инфраструктурные ограничения создают существенные барьеры для формирования однозначно позитивного восприятия территории. В этих условиях ключевой задачей органов государственной власти становится разработка и последовательная реализация сбалансированной стратегии позиционирования, учитывающей как сильные стороны региона, так и направления для улучшения. К предлагаемым направлениям можно отнести разработку целостного бренда «Бурятия: энергия Байкала», внедрение отраслевых стандартов качества «Бурятское гостеприимство», а также использование транзитного потенциала и инструментов «мягкой силы». Такой подход, сочетающий системное продвижение конкурентных преимуществ с целенаправленной работой по устранению инфраструктурных и управленческих ограничений, представляется наиболее перспективным для формирования устойчивого позитивного имиджа Республики Бурятия в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Регионы России: социально-экономические показатели. 2023 : стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1152 с.
2. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий / А. П. Панкрухин. — Москва : РАГС, 2008. — 328 с.
3. Убонова, Д. З. Особые режимы деятельности как фактор развития региона / Д. З. Убонова // Региональная экономика. — 2023. — № 2. — С. 34–48.
4. Кирюнин, А. Е. Имидж региона как интериоризация культуры / А. Е. Кирюнин — Москва : Книжный дом «Университет», 2000. — 144 с.
5. Важенина, И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде / И. С. Важенина // Маркетинг в России и за рубежом. — 2006. — № 6. — С. 49–57.
6. Свистунова, Д. А. СМИ и имидж региона — взаимодействие / Д. А. Свистунова // Идеи и новации. — 2018. — Т. 6, № 1. — С. 89–94.
7. Терских, М. В. Имидж региона: теоретический аспект / М. В. Терских, Е. Д. Малёнова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2. — С. 154–163.
8. Дондоков, З. Б.-Д. Исследование экономики Республики Бурятия как проблемного региона / З. Б.-Д. Дондоков, Д. З. Убонова // Вестник БГУ. — 2022. — № 4. — С. 47–55.
9. Материалы Комитета по туризму Республики Бурятия. — 2023. — URL: <https://tourism.govrb.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

Лазарев С. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
lazarevsa@cspu.ru

Челябинское отделение Государственного банка Российской империи на рубеже XIX–XX веков

Аннотация. Статья посвящена истории становления Челябинского отделения Государственного банка Российской империи. Показана его роль в развитии хозяйства региона. Дана краткая характеристика вексельным и хлебозалоговым операциям отделения. Благодаря умелой тарифной политике Челябинск превратился в крупнейший хлеботорговый и мукомольный центр страны.

Ключевые слова: челябинское отделение Государственного банка, учетно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам, «Зауральское Чикаго», «Челябинский тарифный перелом», К. Е. Жуков.

Lazarev S. A.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
lazarevsa@cspu.ru

Chelyabinsk branch of the State Bank of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries

Abstract. This article examines the development of the Chelyabinsk branch of the State Bank of the Russian Empire. Its role in the regional economic development is explored. A brief description of the branch's bill and grain collateral transactions is provided. Thanks to a skillful tariff policy, Chelyabinsk has become the country's largest grain trading and flour-milling center.

Keywords: Chelyabinsk branch of the State Bank, accounting and loan committee for trade and industrial loans, «Trans-Ural Chicago», «Chelyabinsk tariff turning point», K. E. Zhukov.

Челябинское отделение Государственно- 5 (17) июля 1893 года и начало осуществлять
го банка Российской империи открылось свою деятельность в соответствии с Уставом

Государственного банка от 31 мая (12 июня) 1860 года и Уставом контор Государственного банка от 1862 года.

Но уже в 1895 году была проведена реорганизация банковской системы России, в соответствии с которой отделения Государственного банка были разделены на 3 разряда, в зависимости от объема проводимых операций. Челябинскому отделению был присвоен статус отделения III (низшего) разряда, сохранявшийся до января 1917 года, когда отделение было переведено в состав II-го разряда.

Руководство отделением осуществлялось управляющим и контролером. На управляющего, помимо общего руководства, возлагались обязанности заведующего кассой. Контролер же отвечал за правильность расходов и ведение счетоводства. Штат отделения определялся по расписанию, утверждаемому Правлением Государственного банка. Первым управляющим Челябинским отделением в 1893 году был назначен статский советник Семен Петрович Иванов.

К 1900 году, помимо управляющего и контролера в штат отделения входили: помощник контролера, помощники кассира 1-го разряда и 2-го разряда, счетный чиновник 1-го разряда, 2 счетных чиновника 2-го разряда и 2 канцелярских служащих.

Для размещения отделения Государственного банка был арендован дом купца А. А. Жемчужникова, находившийся на углу Исетской (ныне улица К. Маркса) и Мастерской улиц (ул. Пушкина). Второй этаж здания был отведен под квартиру управляющего, а на первом располагались кладовая и операционная комната.

Теснота помещения, судя по отчетам управляющих, приводила к многочисленным кражам у клиентов, доходивших до 300 рублей, а близость пересыльной тюрьмы способствовала «политической агитации служащих», особенно после событий 1905 года, когда «из окон тюрьмы доносились революционные песни и лозунги» (РГИА, ф. 587, оп. 47, д. 36, л. 513–522).

Но решение о постройке нового каменного здания на углу улиц Уфимской (ныне ул. Кирова) и Болгарской (западная часть проспекта Ленина) из-за недостатка средств было принято только в 1909 году. Автором проекта стал губернский инженер М. И. Баллог. С 1912 года отделение размещалось в собственном здании, которое, согласно описанию современников, являлось одним из

самых лучших в городе (в настоящее время в здании Челябинского отделения Государственного банка расположено Законодательное собрание области).

В 1894 году, в рамках реформ, проводимых С. Ю. Витте, был принят новый Устав Государственного банка, призванный усилить его роль в развитии хозяйства страны. Именно в рамках этого документа Челябинское отделение стало снабжать «оборотным и разменным капиталом» все подотчетные ему Казначейства, в частности Челябинское, Миасское, Троицкое, Кустанайское, Куртамышское, а также неподотчетные — Верхнеуральское и Курганское.

Тесное взаимодействие отделения Государственного банка и Казначейств было особенно важно в период осуществления денежной реформы 1895 года, когда в России было введено металлическое обращение золотой и серебряной монеты.

Основной коммерческой операцией Челябинского отделения Госбанка был учет векселей как местных, так и иногородних, а также выдача ссуд под векселя. Причем вследствие бурного экономического развития региона объемы этих операций активно росли. К учету принимались векселя не только крупных фирм, но и купцов, ремесленников и кустарей. Заемный капитал им был нужен для покупки домашнего скота и семян, постройки и ремонта жилья, торговой и промысловой деятельности и т. д.

Обоснованность учета векселей частных обществ, компаний и товариществ, а также их целесообразность рассматривалась на заседаниях учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам. Он же осуществлял предварительную оценку стоимости товаров, предложенных под залог.

В комитет входили управляющий отделением, представители дворянства, купечества, фабрикантов, а также других сословий.

Перед началом своей работы они давали «клятвенное обещание» о верности престолу и подписку о неразглашении банковских тайн. Свое членство в комитете они не должны были совмещать с участием в работе других ведомств (например, податного присутствия, присутствия по квартирному налогу и т. д.). Большое внимание уделялось и деловой репутации кандидатов.

Несмотря на то, что за весь период существования Челябинского отделения в нем так и не был создан комитет по сельскохо-

зяйственным кредитам, направленность кредитования не была сугубо торгово-промышленной. Отделением практически с момента создания выдавались ссуды под залог хлеба, сельскохозяйственных орудий.

Несомненное влияние на их развитие оказало введение в эксплуатацию в 1896 году среднего участка Сибирской железнодорожной магистрали и принятие специального тарифа на сибирский хлеб, известного под названием «Челябинского тарифного перелома», цель которого заключалась в защите производителей центральных сельскохозяйственных районов России от дешевого сибирского хлеба. Стремление избежать «наложения на тариф» привело к миграции в челябинский мукомольный район капитала из других районов, в частности из Екатеринбурга.

В результате за короткое время Челябинск превратился в крупнейший хлеботорговый и мукомольный центр страны. В городе открылась торговая биржа, занимавшая 1-е место по обороту хлебных сделок среди городов Зауралья и Сибири. Обосновывались здесь и крупные российские купеческие конторы, занимавшиеся закупкой и продажей хлеба на внутреннем рынке (концерн Стаханова, фирмы Холодова, Павлова, Крашенинникова, Кандакова, Чиркова и др.), а также 22 иностранные фирмы, участвовавшие в торговле хлебом. За бурный рост Челябинск в это время получил название «Зауральского Чикаго» [7, с. 993].

Хлебозалоговые операции Государственного банка Российской империи, представлявшие собой выдачу кредитов (в основном крестьянам) под залог зерна стали активно развиваться на рубеже XIX–XX веков. В конце 1900-х годов на такие ссуды приходилось от 11 % до 18 % общей суммы кредитов Государственного банка [6, с. 11]. В этой связи министром финансов В. Н. Коковцовым был разработан проект широкомасштабного строительства зернохранилищ на средства и под контролем Государственного банка Российской империи. Окончательное решение о постройке Государственным банком сети казенных элеваторов было принято Советом министров 25 ноября 1910 года [5, с. 9].

В числе регионов, в которых предполагалось в первую очередь начать возведение элеваторов, были Оренбургская и Уфимская губернии. При этом одним из основных критериев отбора городов для строительства зернохранилищ было наличие удобных железнодорожных подводных путей.

Совещание представителей городского самоуправления, Челябинского биржевого комитета и учетного комитета Челябинского отделения Государственного банка по вопросу строительства элеватора в городе Челябинске состоялось в феврале 1913 года. На нем также было принято решение об отводе под его строительство земельного участка площадью 22 десятины около городского сада Общественного собрания [2, с. 1019].

Поскольку Государственный банк требовал соответствия проектов элеваторов последним мировым технологиям, к их сооружению привлекались талантливые инженеры и архитекторы (как российские, так и иностранные). В числе таких инженеров был Константин Ефимович Жуков (1882–1958), сын крепостного крестьянина Рязанской губернии, сумевший в 1910 году с отличием закончить Петербургский институт инженеров путей сообщения. Именно ему было доверено строительство элеватора в городе Челябинске [4, с. 2].

Он прибыл в город в апреле 1913 года, осмотрел отведенное для строительства зернохранилища место и предложил рассмотреть вопрос о выделении земельного участка для его возведения бесплатно (это должно было существенно ускорить процесс строительства). Биржевой комитет, опираясь на это мнение, вышел с предложением в Городскую думу о бесплатном выделении участка размером в 3 десятины. Вопрос был решен положительно.

Начавшееся в 1914 году сооружение элеватора емкостью 1 млн. пудов должно было способствовать развитию экономики региона, прежде всего, — пресекать деятельность спекулянтов-перекупщиков и давать возможность производителям, включая сельскохозяйственные кооперативы, напрямую, без посредников, осуществлять операции с зерном. Как отмечалось в одном из статистических обзоров деятельности Государственного банка, «в основу деятельности зернохранилищ было положено стремление приблизить их к широким кругам населения и сделать возможно доступными для производителей хлеба, и притом самых мелких» [3, с. 138].

Кроме того, постоянно расширялся перечень операций, проводимых Государственным банком через сеть его элеваторных отделений. Первоначально это были комиссионные услуги по хранению, сортировке, очистке, просушке, страхованию и продаже зерна; выдача ссуд

под складские свидетельства. Со временем была внедрена и система гарантийных свидетельств, что позволяло клиентам сдавать зерно в одно зернохранилище, а получать зерно такого же качества в другом зернохранилище, удаленном от первого.

Однако планы строительства элеваторной сети скорректировала Первая мировая война. В изменившихся экономических и политических условиях Государственный банк стал сворачивать свою коммерческую деятельность, переориентируясь на наполнение военного бюджета страны. Всего в 1914 году им было открыто 9 элеваторов из намеченных 34 [1, с. 218].

Вместе с тем финансирование строительства сети зернохранилищ хоть и было сокра-

щено, но не прекратилось. В 1916 году Государственный банк закончил строительство 6 элеваторов. Тогда же под руководством К. Е. Жукова, курировавшего к тому времени строительство зернохранилищ по всему Заволжскому району, был закончен и главный корпус элеватора в г. Челябинске. В нем были установлены современные жернова, появилась и надпись на фасаде «Челябинский элеватор Государственного банка».

Полное оснащение элеватора необходимым оборудованием для хранения и сортировки зерна, измерения его влажности и просушки, несмотря на все тяготы Гражданской войны, было завершено к 1919 году [15, с. 34].

Список литературы

1. Беляев, С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. / С. Г. Беляев. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. — 620 с.
2. Боже, В. С. Элеватор / В. С. Боже // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. — Челябинск : Каменный пояс, 2001. — С. 1060.
3. Грацианский, И. Уставы о службе гражданской для руководства учреждений Министерства финансов. Кн. 1 / И. Грацианский. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1885. — 190 с.
4. Коверда, И. Судьба инженера Жукова / И. Коверда // Тагильский металлург. — 2005. — 16 августа. — С. 4.
5. Коншин, А. В. Сооружение Государственным банком сети собственных зернохранилищ : (речь управляющего Государственным банком А. В. Коншина на открытии элеватора банка при ст. Грязи Юго-Восточных железных дорог 18 ноября 1912 г.) / А. В. Коншин. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Орбита», 1912. — 17 с.
6. Чернавский, Н. М. Сжатый очерк развития гор. Челябинска / Н. М. Чернавский // Материалы к прошлому города Челябинска. — Челябинск : [б. и.], 1926. — С. 7–22.
7. Янгирова, И. С. Челябинский тарифный перелом / И. С. Янгирова // Челябинск : Энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. — Челябинск : Каменный пояс, 2001. — С. 1112.

Напалкова И. Е.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
nair183@mail.ru

К вопросу о национально-культурной идентичности кельтских регионов современной Великобритании

Аннотация. В статье представлены результаты исследования динамики национальных и этнических идентичностей кельтских районов (Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс) современной Великобритании. С середины XX века большинство стран с полиэтничным населением переживает трансформацию традиционных моделей коллективной идентичности, в соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии этот процесс усложнился обострением локальных идентичностей кельтских районов. Особый интерес в этой связи представляет анализ данных переписей населения за последние 20 лет, а также сопоставление данных многочисленных опросов.

Ключевые слова: Великобритания, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, кельтские регионы, мультикультурализм, иммиграция, национальная идентичность, британскость, английскость.

Napalkova I. E.

South Ural State University for the Humanities and Pedagogical Sciences,
Chelyabinsk, Russia
nair183@mail.ru

On the issue of national and cultural identity of the Celtic regions of modern Great Britain

Abstract. This article presents the results of a study on the dynamics of national and ethnic identities in the Celtic regions (Scotland, Northern Ireland, and Wales) of contemporary Great Britain. Since the mid-20th century, most countries with multiethnic populations have been experiencing a transformation of traditional models of collective identity. In the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, this process has been complicated by the intensification of local identities in Celtic regions. Of particular interest in this regard is the analysis of census data over the past 20 years, as well as the comparison of data from numerous surveys.

Keywords: Great Britain, Scotland, Wales, Northern Ireland, Celtic regions, multiculturalism, immigration, national identity, brutishness, englishness.

Феномен национальной идентичности отличается сложностью и многоаспектностью: он объединяет государственную, гражданскую, этническую и социокультурную составляющие. Исследователи пока не выработали единого подхода к изучению этого понятия. Период с середины XX века по настоящее время можно рассматривать двояко: с одной стороны, как кризис этнической и национальной идентичности, с другой — как испытание для традиционных моделей коллективной идентичности.

В эпоху глобализации складывание мирового рынка и упрощение визовых режимов способствовало массовым миграциям трудоспособного населения. Культура также претерпела изменения, происходило «размывание границ», распространение массовой унифицированной культуры. Идеология либерализма, с ее пропагандой толерантности, стала господствующей в Западной Европе и США. Это побудило политиков и экспертов искать оптимальные стратегии для предотвращения сегрегации и дискриминации по любым признакам, таким как пол, возраст, расовая, этническая и национальная принадлежность. Казалось бы, проблема этнической самоидентификации, по крайней мере, для Западной Европы, должна была утратить свою актуальность. Тем не менее, в настоящие дни в мире сложилась весьма неоднозначная обстановка. На протяжении XXI века все отчетливее проявлялось желание различных этнических групп сберечь свою уникаль-

ную культуру, цивилизационную идентичность и право на самоопределение. Наиболее остро эта проблема проявилась в многонациональных европейских странах, имеющих унитарное государственное устройство. Они столкнулись с такими нежелательными явлениями, как усиление «местной этнической идентичности» и тенденцией регионов к увеличению своей автономии. Примером таких процессов, может служить Великобритания, где остро встала проблема «кельтских регионов» (Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс). В конце 1960-х–1970-х годов произошел всплеск национализма и национального терроризма, сопровождающийся обострением проблемы этнической самоидентификации кельтских регионов. Достаточно успешный опыт деволюции Испании и Франции подтолкнул британских политиков к мысли о необходимости проведения конституционной реформы. Со второй половины 90-х гг. XX века с приходом к власти Лейбористской партии во главе с Э. Блэром был дан старт региональной реформе Соединенного Королевства. Первые 15 лет реформ принесли положительные результаты. Местные Ассамблеи и правительства заработали, теракты прекратились, националистические организации сложили оружие.

Тогда же в 1990-е годы, с началом региональной реформы, вновь возникли дискуссии о том, что «значит быть британцем». Суть полемики состояла в соотношении сверхнациональной, национальной и региональной

идентичностей. Существует два ключевых понятия для обозначения идентичности «жителей туманного Альбиона»: «englishness» и «britishness». «Английскость» предполагает совокупность культурных и этнических ценностей, присущих англосаксам, а «британскость» скорее относится к определению надрегиональной и гражданской идентичности. Консерваторы традиционно стремились создать идентичность вокруг «английскости», за что подвергались критике со стороны лейбористов.

Для прекращения этих дискуссий лейбористская партия активно продвигала концепцию «четырех наций» мультикультурной Великобритании (англичане, шотландцы, ирландцы и валлийцы). В рамках этой программы была предпринята попытка «деанглицизации» британской истории и культуры. Создание единого мультикультурного социума предполагало включение в нее и иммигрантов различного происхождения¹.

В конце 1990-х годов, с началом региональной реформы, в Британии стали регулярно проводиться социологические исследования, посвященные национальной идентичности британцев. Одним из таких исследований стало «Исследование социальных установок» от NatCen Social Research (BSA), проводимое ежегодно с применением одной и той же методики. Опрос включает в себя практически неизменные вопросы о национальной идентичности и об отношении к тому, как следует организовать работу исполнительной власти. Для Шотландии было организовано отдельное исследование от NatCen — «Scottish Social Attitudes Survey» (SSA). Наиболее репрезентативными в этом отношении являются данные за первое десятилетие 2000-х годов, поскольку в последующие годы опросы проводились либо по телефону, либо в интернете.² В течение десятилетия, с 1999 по 2009 год, в Англии наблюдался рост числа жителей, ставящих свою английскую идентичность выше британской: если в начале этого периода таковых насчитывалось 14 %, то к концу — уже 16 %. Одновременно с этим, доля тех, кто ощущал себя в равной степени и англичанами, и британцами, колебалась в диапазоне от

31 % до 42 %. Аналогичные тенденции прослеживались и в результатах опросов, проведенных в Шотландии. Доля респондентов, идентифицирующих себя как «шотландцы, но не британцы», демонстрировала следующие показатели: 23 % в 1997 году, 32 % в 1999 году, 27 % в 2009 году и 31 % в 2011 году. В то же время, процент шотландцев, считающих себя «больше шотландцами, чем британцами», составлял 38 % в 1997 году, 35 % в 1999 году, 31 % в 2009 году и 34 % в 2011 году.³

В начале XXI века в Шотландии вновь зазвучали голоса сторонников выхода из состава королевства (сецессии). Возглавила это движение правящая в регионе Шотландская национальная партия (SNP). Партия вступила в длительные переговоры с британским правительством, завершившиеся подписанием в октябре 2012 г. Эдинбургского соглашения. Оно устанавливало, что референдум о судьбе Шотландии должен состояться в 2014 г. и состоять из одного вопроса, предполагающего недвусмысленный ответ. Проведение референдума о независимости Шотландии в сентябре 2014 года показало наличие реальной угрозы разделения страны. Начальные прогнозы указывали на крайне низкую долю сторонников отделения, едва превышавшую 20 % от общего населения Королевства. Никто не предполагал, что референдум превратится в настоящее напряженное противостояние, где исход будет неясен до самого последнего момента. Результаты голосования оказались горькими для сторонников независимости Шотландии: 55 % участников высказались «против», в то время как 45 % высказались «за». Кроме того, явка была рекордно высокой — 85 %⁴.

В последующие годы ситуация только усложнялась. Дискуссии и политические процессы, связанные с выходом Соединенного Королевства из Европейского союза («Брекзит»), обострили все вопросы, связанные с идентичностью, и породили всплеск национализма в регионах. Согласно проведенному референдуму, большинство граждан (51,89 %) высказались в пользу выхода из Европейского союза, а 48,11 % — против. Однако стоит отметить, что большинство жителей Шотлан-

¹ Robbins, K. Great Britain: Identities, Institutions, and the Idea of Britishness. New York : Routledge, 1998. P. 212

² Curtice J. Future Identities: Changing identities in the UK — the next 10 years. National Centre for Social Research Strathclyde University, 2013. P. 35

³ NatCen International — Annual Report: statistics of the identity of the Celtic districts. London : NatCen, 2011.

⁴ Scottish Independence Referendum Report on the referendum held on 18 September 2014 — The Electoral Commission, December 2014. URL: https://www.electoralcommission.org.uk/sites/default/files/pdf_file/Scottish-independence-referendum-report.pdf

дии (62 %) и Северной Ирландии (55,8 %) поддержали сохранение членства в Евросоюзе.¹ В Шотландии вновь активизировала деятельность ШНП, новый лидер которой партии Никола Стерджен заявила о необходимости проведения повторного референдума о независимости региона.² Вопрос о проведении повторного референдума несколько раз откладывался в связи с пандемией COVID-19. Националисты между тем пришли к власти не только в Шотландии. На очередных выборах в Северной Ирландии победила партия Шинн Фейн, в Уэльсе значительно усилила свои позиции партия Плайд Камри. Судьбу повторного шотландского референдума решил Верховный суд Королевства, который 23 ноября 2022 года принял решение о его незаконности. Хотя споры вокруг референдума поутихли, они, вероятно, не завершены окончательно.

Перепись населения в Королевстве проводится каждые 10 лет с 1801 года. Организацией и проведением переписей занимаются Управление национальной статистики (ONS) в Англии и Уэльсе, Агентство статистики и исследований Северной Ирландии (NISRA) и Национальный архив Шотландии. Анализ данных переписей позволяет сделать вывод о том, что особенно остро вопрос национальной идентификации стоит именно для кельтских районов. Например, в 2011 году жителям Уэльса впервые предоставили возможность самоидентифицировать себя как «валлиец». И тут же почти две трети жителей Уэльса определили себя как валлийцы.³ В Северной Ирландии вопрос этнонациональной идентичности является очень болезненным, т. к. тесно переплетен с религиозной, гражданской и политической идентичностями. По результатам недавнего опроса 25 % жителей региона идентифицировали себя как ирландцы, 21 % — как североирландцы.⁴

В 2021 году была проведена очередная перепись населения, которая в отличие от двух предыдущих проводилась преимуще-

ственно онлайн. В результате проведенного исследования выяснилось, что 90,3 % опрошенных идентифицировали себя, по крайней мере, с одной национальной идентичностью Великобритании. Группа респондентов, определивших себя как представители одной британской и одной небританской идентичностей, увеличилась с 0,9 % в 2011 году до 2,0 % в 2021 году. Те, кто выбрал небританскую идентичность, составляли 9,7 % от общей численности населения, что выше, чем 8,0 % населения в 2011 году. Показательно, что 83 % жителей Шотландии определили себя как шотландцы. В Уэльсе «валлиец» остался по-прежнему наиболее популярным ответом, как и в 2011 году.⁵ Таким образом, данные переписи населения 2021 года подтвердили общую тенденцию в изменении национальной идентичности с «британской» на локальную.

Практика организации взаимодействия между различными общественными группами, в том числе этническими меньшинствами, в западных странах часто служит примером для подражания. Однако первоначальные достижения британской деволюции столкнулись со сложностями. Деволюция сосредоточена в основном на политических и экономических аспектах. Проблемы этнического и национального самоопределения гораздо глубже и затрагивают историческую память, культуру, язык, религию и процессы социализации. В современной Великобритании наблюдается кризис общенациональной идентичности. Жители разных регионов все чаще идентифицируют себя с местной этнической принадлежностью. Кельтские регионы находятся в зоне риска, и любой кризис может усилить местную идентичность и националистические настроения. Чуть ли не единственным сдерживающим фактором для этих регионов остается финансовая зависимость от Лондона. Однако в условиях глобальной нестабильности остается неясным, сможет ли Лондон и дальше контролировать ситуацию в регионах.

¹ Results and turnout at the EU referendum. URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/whowe-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eureferendum/results-and-turnout-eu-referendum>.

² Охошин О. В. Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне Брекзита // Современная Европа. 2019. № 6. С. 57–67 URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2019/6-2019/6.pdf>.

³ 2011 Census: Key Statistics for Wales, March 2011. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/bulletins/2011censuskeystatisticsforwales/2012-12-11#tab---Ethnic-group-and-identity>.

⁴ Census 2011: Key Statistics at Northern Ireland and LGD level, February 2013. URL: <http://www.niassembly.gov.uk/globalassets/documents/raise/publications/2013/general/russell3013.pdf>.

⁵ National identity, England and Wales: Census 2021 URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/nationalidentityenglandandwales/census2021>.

Список литературы

1. Bryant, C. The Nations of Britain / C. Bryant. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — P. 23–44. — URL: https://openlibrary.org/books/OL3407309M/The_nations_of_Britain (дата обращения: 12.01. 2026).
2. Curtice, J. Future Identities: Changing identities in the UK — the next 10 years / John Curtice. — National Centre for Social Research Strathclyde University, 2013.
3. Robbins, K. Great Britain: Identities, Institutions, and the Idea of Britishness / K. Robbins. — New York : Routledge, 1998. — P. 212. — URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2019/6-2019/6.pdf> (дата обращения: 10.01. 2026).
4. Липкин, М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности/ М. Ф/ Липкин // Национализм в мировой истории: сборник / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН ; ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. — Москва : Наука, 2007. — С. 122–124.
5. Охошин, О. В. Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне Брекзита // Современная Европа. — 2019. — №6. — С. 57–67.
6. Харитонова, Е. М. Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии // Политическая наука. — 2016. — № 1.– С. 224–235.

Новиков И. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
lnovikovia69@mail.ru

Литературно-фольклорное отражение подвига комсомольско-молодежных фронтовых бригад Танкограда в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье рассмотрен трудовой подвиг комсомольско-молодежных фронтовых бригад Кировского завода в г. Челябинске в годы Великой Отечественной войны через отражение в поэтических строках. Выявлены примеры-посвящения некоторым передовым рабочим и бригадирам Танкограда. Определено, что литературные и фольклорные посвящения значимый пример отражения подвига танкоградцев и необходимость его сохранения для будущих поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Челябинск, Кировский завод, Танкоград, комсомольско-молодежные бригады, тысячники, литература, фольклор.

Novikov I. A.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
novikovia69@mail.ru

Literary and folklore reflection of the feat of the Komsomol-Youth front-line brigades of Tankograd during the years of the Great Patriotic War

Abstract. The article examines the labor feat of the Komsomol-Youth front-line brigades of the Kirov Plant in Chelyabinsk during the Great Patriotic War, as reflected in poetic lines. It identifies examples of dedications to some of the leading workers and foremen of Tankograd. The article concludes that literary and folklore dedications are significant examples of the Tankogradites' heroic deeds and the need to preserve them for future generations.

Keywords: Great Patriotic War, Chelyabinsk, Kirov Plant, Tankograd, Komsomol and Youth Brigades, Thousands, Literature, Folklore.

Челябинск — Город трудовой доблести, по праву заслуживший это почетное звание за невероятный подвиг его жителей в годы Великой Отечественной войны. В год 85-летия ее начала и создание 6 октября 1941 года Кировского завода Наркомтанкопрома в г. Челябинске — легендарного Танкограда, мы обратимся к истории одного из уникальных феноменов трудового героизма танкоградцев — комсомольско-молодежных фронтовых бригад и отражению их подвига литературной строкой.

О вкладе Челябинска и комсомольско-молодежных бригад в победу в Великой Отечественной войне опубликовано большое число работ разных поколений советских и современных исследователей как научных [1; 18], так и литературно-художественных [4; 9; 10], в том числе и Александром Ивановичем Лазаревым совместно с А. А. Мордасовым «Баллада о Танкограде»: драмы, материалы, размышления [11], но при этом отражение подвига в агитационных материалах все же недостаточно исследовано. Это особенно важно в современных условиях, в том числе и при реализации нового учебного курса «История нашего края. Челябинская область» [8, с. 55–61].

Возникший благодаря писателю Л. В. Никулину в очерке «Танкоград» 7 мая 1942 года в газете «Известия» [12] термин-топоним как отражение героического труда на уральском танковом заводе, а затем и в последующих очерках, придуманное им самим или услышанное в разговорах среди рабочих Кировского завода в Челябинске, литературно обработанное, приобрело в последующем мифическо-эпическую окраску в самых разнообразных жанрах.

Всеобщим правилом на предприятиях, в том числе и на Кировском заводе в Челябинске стали слова первой строчки стихотворения А. Я. Гольдберга: «Всюду, где ты стоишь, — фронт!»:

В цех, как на бой,
Темпы утрой,
Подвигом доблестным
Родину радуй,
Не отступай,
Силы отдай,
Сердце отдай за страну. ...
Все для страны,
Все для бойцов,
Все для отчизны
И все для победы [5].

Первые успехи Красной Армии и разгром немецко-фашистских войск под Москвой стимулировал успехи и подъем производительности труда в тылу. Появляются стахановцы военного времени: двухсотники, трехсотники, тысячники. 23 февраля 1942 года, в честь 24-й годовщины Красной Армии, Мария Позднякова выполнила дневное задание на 323 %. Этому событию на стендах цехов завода появились листовки об ее успехе:

Сегодня мы сил не жалеем своих,
И Родина-мать говорит патриоту —
На фронте дерется боец за троих,
А ты за троих налегай на работу
[13, л. 5 об].

Первым тысячником Челябинской области стал Владимир Иванович Тарасов, работавший механиком на заводе № 549 г. Челябинска. 26 марта 1942 года он выполнил норму на 1500 % [17, с. 3]. Спустя месяц, на Кировском заводе, Григорий Ехлаков выполнил норму на 1018 %, став первым тысячником завода [13, л. 5].

Поэт Михаил Львов посвятил первым тысячникам проникновенные строки посвящения «Богатыри»:

И с юга до тайги дальневосточной,
Для фронта нагружают поезда
Оружием безошибочным и точным
Богатыри победного труда.
Стахановцы победного Урала,
Как возле пушек, стали у станков,
И посылает смерть врагам Завьялов,
Тарасов, Водопьянов, Ковалев
[17, с. 26].

По итогам организованного по инициативе Кировского завода в Челябинске Всесоюзного социалистического соревнования цех МХ-2 под руководством начальника К. Е. Титова выполнил месячное задание 26 мая 1942 года в 17 ч 30 мин и стал его первым победителем. Этому событию неизвестный автор в заводской газете «За трудовую доблесть», подписавшийся «Дядя Саша», написал посвящение «Первым победителям»:

Это лучше всякой песни
В наших буднях заводских:
Труд упорный, труд чудесный
Патриотов боевых.
Если прозой скажем: верно

Цех Титова не подвел,
Он одним из самых первых
Славно к финишу пришел [15].

В разгар Сталинградской битвы, когда сводки Совинформбюро не всегда сообщали победные известия, именно трудовые подвиги вселяли уверенность в будущую победу. комсомолка одного из цехов Мария Еварович написала введенным лицевым счетам для рабочих поэтическое посвящение, а, придавая им особую важность для каждого кировца, «За трудовую доблесть» опубликовала его:

Я счет лицевой сберегу горделиво,
Как память о днях, напоенных борьбой.
За подвиг в работе, за танк для фронта,
За нашу победу над вражьей ордой!
Я кировцев вспомню трудом знаменитых:
Яблонскую, Немцева, Ваню Толстых,
Друзей-комсомольцев — товарищей верных.
Слагать будут песни поэты о них!
О тех, кто себя не жалея работал,
О тех, кто, как воин, на вахте стоял,
О тех, кто упорным трудом вдохновенным
Бойцам Сталинграда победу ковал! [7]

В преддверие 25-летия Октябрьской революции «За трудовую доблесть» напечатала дружеские шаржи на известных челябинских кировцев, особенно отличившихся в 1942 году, и юмористические стихи, написанные поэтами А. Я. Гольдбергом и Ф. Ф. Майским. Первому тысячнику завода они посвятили следующие слова:

Умело юный Ехлаков
Своим трудом разит врагов.
Он каждый день и каждый час
Фашистов бьет и в бровь, и в глаз.
Ему страна дает наказ:
Еще сильнее их бить сейчас.
Кировцы бьют фрицев [6].

Начальнику лучшего цеха Кировского завода в Челябинске К. Е. Титову:

Он памятник воздвиг себе не...стихотворный,
Хоть с ним порою рифма и дружна.
За труд танкостроителя упорный
Страна ему вручает ордена.
В дни праздника портрет его даем,
Чтоб он и в будни славил цех трудом [6].

На инициатора создания первой женской комсомольско-молодежной бригады имени Героя Советского Союза капитана Н. Ф. Гастелло в цехе нормалей Анну Пашнину:

Средь девушек слывет она,
Прославленная Пашнина.
Она упорными делами
Завоевала с честью знамя,
Бригадам многим не подстать
Ее в работе обогнать [6].

На трудовой подвиг легендарной бригады Александра Саламатова в юмористическом четверостишии «Три богатыря»:

Перед вами три богатыря —
Отчизны племя боевое.
Мы показали их не зря,
Они доподлинно герои.
Упорство, натиск и сноровка
Приносят честь и славу им.
Они холодную штамповку
Согрели подвигом своим [6].

Перед предстоящим летним наступлением Красной Армии 1943 года, когда Кировский завод в Челябинске работал особенно в напряженном ритме, чтобы к предстоящим боям выпустить как можно больше танков и сила агитации, проникновенные строки известных поэтов и безыизвестных авторов больше вселяли уверенность в перевыполнение плана и в будущий разгром врага. 9 июня 1943 года на комсомольской конференции завода выступил секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ Л. М. Петров и в своем докладе привел строки о девушках-комсомолках, стахановках из заводской рукописной газеты «Танкоград»:

Чтоб комсомольцев не меркла слава,
Сгинула свастики хищной тень, —
Трудись, комсомол, как Рыбалова Клава,
Тысячу с лишним процентов в день,
Поднялась молодость силой единой,
Буря любая ее не собьет,
Трудись, комсомол, как Данилова Зина —
Тысячу триста она дает [14, л. 19].

Наиболее известному танкоградцу, многократному победителю заводского, городского, областного и Всесоюзного соревнования Василию Гусеву и возглавляемой им бригады поэт Б. С. Ласкин посвятил четверостишия,

на которые композитор Н. В. Богословский сочинил музыку и вскоре по Всесоюзному радио прозвучала песня «Василий Васильевич», которая облетела всю страну [3, с. 221]. 1 октября 1944 года текст песни и ноты к ней были опубликованы в газете «Комсомольская правда», один из куплетов которой звучит:

В великой русской кузнице
За каменной горой
Стоит, гудит, работает
Заводик номерной.
Туда Василь Васильевич
Приходит чуть заря
И весело командует:
«За дело, токаря!» [2]

8 августа 1945 года «За трудовую доблесть» опубликовала слова песни «Марш кировцев» известной в будущем советской уральской поэтессы Л. К. Татьяничевой и музыку к ней

композитора М. Я. Черняка. В ней есть строка, которая в полной мере отражает феномен подвига комсомольско-молодежных фронтовых бригад:

Повержен враг, утихла канонада,
Горит над миром золотой рассвет.
Героям битв, героям Танкограда... [16]

Таким образом, большую роль, по нашему мнению, в годы Великой Отечественной войны в увеличении выпуска продукции на заводах, в повышении производительности комсомольско-молодежных фронтовых бригад на Кировском заводе в Челябинске играла наглядная агитация: «Доски почета», плакаты, слова-призывы и незамысловатые литературные и фольклорные строки, которые сыграли важную роль в приближении Победы в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Антипин, Н. А. Город трудовой доблести: Челябинск — Танкоград / Н. А. Антипин, И. А. Новиков // Архивы Урала. — 2021. — № 25. — С. 303–311.
2. Богословский, Н. Василий Васильевич / Н. Богословский, Б. Ласкин // Комсомольская правда. — 1944. — 1 окт.
3. Воспоминания. 1941–1945 год: 75 лет ЧТЗ посвящается / В. А. Осинцев. — Челябинск, 2008. — С. 141–148.
4. Головин, А. Д. Мой Танкоград: поэма / А. Д. Головин. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. — 102 с.
5. Гольдберг, А. Всюду, где ты стоишь, — фронт! // Наш трактор. — 1942. — 13 февраля.
6. Гольдберг, А. Кировцы бьют фрицев / А. Гольдберг, Ф. Майский // За трудовую доблесть. — 1942. — 6 ноября.
7. Еварович, М. Наша гордость / М. Еварович // За трудовую доблесть. — 1942. — 25 сентября.
8. История родного края. Челябинская область (Южный Урал): концепция преподавания и региональный историко-культурный стандарт / под ред. В. М. Кузнецова. — Челябинск : Край Ра, 2022. — 84 с.
9. Кожейкин, А. В. Танкоград / А. В. Кожейкин. — Челябинск : Абрис, 2014. — 192 с.
10. Королев, Г. А. «Белые лебеди» Танкограда / Г. А. Королев. — Челябинск, 1999. — 327 с.
11. Лазарев, А. И. Баллада о Танкограде: драмы, материалы, размышления / А. И. Лазарев, А. А. Мордасов. — Челябинск : ЧГАКИ, 2015. — 276 с.
12. Никулин, Л. Танкоград / Л. Никулин // Известия. — 1942. — 7 мая.
13. ОГАЧО. — Ф. П-485. — Оп. 1. — Д. 1015.
14. ОГАЧО. — Ф. П-1463. — Оп. 1. — Д. 14 А.
15. Первым победителям // Наш трактор. — 1942. — 29 мая.
16. Татьяничева, Л. К. Марш кировцев / Л. К. Татьяничева, М. Я. Черняк // За трудовую доблесть. — 1945. — 8 августа.
17. Тысячники Южного Урала. — Челябинск: Изд. ред. «Челяб. рабочий», 1942. — 52 с.
18. Шмакова, Н. П. Танкоград: исторический очерк / Н. П. Шмакова // Вопросы истории. — 1984. — № 12. — С. 73–85.

Павлова О. Ю.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
o.yu.pavlova@mail.ru

Гонконг: перекресток культур Востока и Запада

Аннотация. В статье рассматривается сочетание восточных и западных черт в культуре Гонконга, проистекающее из особого исторического пути этого города. Отмечается, что после перехода Гонконга под юрисдикцию Китайской Народной Республики (1997 г.) это сочетание сохраняется, но при постепенном усилении восточных (китайских) компонентов.

Ключевые слова: Гонконг, КНР, Великобритания, восточная и западная культура, взаимодействие.

Pavlova O. Yu.

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
o.yu.pavlova@mail.ru

Hong Kong: A Crossroads of Eastern and Western Cultures

Abstract. This article is focused on the combination of Eastern and Western features in Hong Kong culture, which stems from the city's unique historical path. The author stresses that after Hong Kong came under the jurisdiction of the People's Republic of China (1997), this combination was retained, but with a gradual strengthening of the eastern (Chinese) components.

Keywords: Hong Kong, China, United Kingdom, Eastern and Western culture, interaction.

Гонконг, долгое время находившийся под властью Великобритании (1841–1997 гг.) и ставший затем специальным административным районом (САР) Китайской Народной Республики (см., напр.: [1]), представляет собой во многом уникальное явление в политическом и экономическом плане. Роль Гонконга как финансового центра неоднократно затрагивалась и автором данной работы, например, в связи деятельностью британского (а ранее гонконгского) банка HSBC [3]. Но не менее интересной представляется и культурная жизнь Гонконга, в которой, вследствие своеобразной истории города, гармонично соединились восточные и западные черты.

Наиболее широкое представление о культурной жизни Гонконга дает лингвистическая ситуация. Согласно действующему с 1997 г. Основному закону, официальными языками на этой территории являются китайский и английский. При этом в данной части Китая исторически доминировал кантонский диалект китайского языка, до сих пор сохраняющий лидирующие позиции в Гонконге на уровне повседневной разговорной речи. В то же время власти КНР поощряют всё более широкое распространение официального

языка путунхуа [4, с. 54], изначально сложившегося в Пекине и преобладающего сегодня в огромном китайском государстве. Учитывая очень большие различия между кантонским и путунхуа (при единой письменности), а также все еще сильные позиции английского, можно говорить о существенном влиянии в современном Гонконге даже не двух, а фактически трех языков.

Очень важным представляется в этой связи и вопрос о культурной самоидентификации местного населения. По данным исследования, проведенного в 2023 г. американским социологическим центром «Pew Research», 53 % опрошенных определяли себя в качестве китайцев и гонконгцев, 36 % назвали себя только гонконгцами, а еще 10 % — только китайцами [6]. С учетом более ранних замеров это же исследование зафиксировало важную тенденцию — некоторый рост общекитайской самоидентификации. Несомненно, эти сдвиги связаны с произошедшим отъездом в Европу и США той части населения, которая ностальгировала по британскому Гонконгу и не хотела бы интегрироваться в КНР.

Соотношение британского и китайского начала существенно различается от одного к

другому компоненту культурной жизни Гонконга. Пожалуй, в наибольшей мере британское прошлое этой территории проявляется в топонимике (в таких названиях, как Бухта Виктория, Темпл-стрит, Лэддер-стрит, Куинз-роуд и др.) и в архитектуре.

При британском правлении на протяжении XIX в. обычно строились здания в викторианском, а в начале XX в. — в эдвардианском стиле. Одним из самых ярких примером является здание Верховного Суда, построенное в 1912 г. и включенное с 1970-х гг. в реестр основных объектов культурного наследия Гонконга. В 1930-е гг. в Гонконге, как и в самой Великобритании, заметное распространение получил функционализм, а после Второй мировой войны — интернациональный стиль [12, р. 40–67; 14, р. 3–17].

Следует заметить, что на протяжении 1950-х — 1990-х гг. неуклонно возрастало значение Гонконга как одного из крупнейших финансовых центров мира. Это было связано с политической стабильностью территории, очень благоприятным для бизнеса британским законодательством и судопроизводством, с общим подъемом финансового дела в тихоокеанском регионе и т. д. (см., напр.: [2, 11]). Именно по заказам финансового сектора строились самые значительные здания, например, центральный офис банка HSBC (по проекту выдающегося британского архитектора Нормана Фостера, 1985 г.), ставшее одним из первых и самых известных в мире примеров зодчества в стиле «хай-тек». В эстетике более поздних сооружений (таких, как здание «Bank of China» (арх. Ио Мин Пэй, 1990 г.) и Международный финансовый центр (арх. Сезар Пелли, 1996 г.) уже появились некоторые отсылки к традиционной китайской культуре, но в целом сохранилось преобладание транснациональных подходов [14, р. 139–197].

Еще одним видом искусства, в котором представлены выраженные западные компоненты, является кинематограф. Так, после Второй мировой войны большой популярности у европейских и американских зрителей, а также коммерческого успеха добились многочисленные гонконгские боевики. Однако в дальнейшем «поэтическое кино» Вонга Карвая, несущее в себе элементы местного колорита, и творчество некоторых других режиссеров открыло миру новые грани гонконгского искусства [13, р. 19–112, 276, 289–296, 305].

В других случаях разворот в сторону Китая (включая как местные традиции, так и культуру основной части страны) выражен заметно сильнее.

Очень показательна в этом плане ситуация в местном музейном сообществе. К числу его самых известных и уважаемых представителей относится Гонконгский музей искусств (НКМА), основанный еще при британской администрации в 1962 г. [9]. Некоторое время он уделял внимание работам европейских мастеров, но в дальнейшем явным приоритетом при пополнении фондов стало китайское искусство. Сегодня НКМА привлекает посетителей превосходными коллекциями традиционной китайской живописи, каллиграфии, керамики и чайной посуды. Для основанного в 1975 г. (то есть также при британском правлении) Гонконгского исторического музея [10] колониальный период является очень важной, но далеко не единственной частью экспозиции. Данный музей, обладая замечательными этнографическими фондами, рассказывает о традиционной культуре жителей южного Китая. Еще более выраженной патриотической линией отличается основанный в постколониальное время (2005 г.) Гонконгский морской музей [8]. Неизбежно уделяя внимание британскому периоду, музей вместе с тем подробно освещает очень глубокую историю китайского мореходства, начиная со времен Империи Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.).

Любопытная ситуация наблюдается в музыкальном мире Гонконга. Неизменно высокой репутацией пользуются местные коллективы, основанные в британский период и исполняющие классическую европейскую музыку, в особенности Гонконгский филармонический оркестр и Гонконгская симфонietta. Вместе с тем в Гонконге, а еще раньше в соседних с ним южно-китайских городах на протяжении веков развивалось традиционное синтетическое искусство кантонской оперы, имеющее заметные отличия от более известной в мире пекинской оперы. При всем значении европейской классики, власти Гонконга рассматривают кантонскую оперу как особое культурное достояние и стремятся обеспечивать ее приоритетную поддержку при помощи специально созданного в 2005 г. благотворительного фонда [5].

Наконец, стоит обратить внимание и на официальный календарь праздничных дней в специальном административном районе.

Гонконг сохраняет пришедшую при британцах традицию широкого празднования Рождества и Пасхи (что, конечно, не практикуется в материковой КНР). Но при этом очень большой и возрастающей популярностью в САР пользуются исторические китайские праздники — встреча Нового года по лунному календарю (или Праздник весны), День драконьих лодок, Праздник Луны (или Праздник середины осени). Чередуясь и каждый раз привлекая множество жителей Гонконга, праздники служат особенно ярким отражением того взаимного уважения между культурными традициями Запада и Востока,

которым в силу своей истории отличается сегодня этот семимиллионный город.

Основанная в 2000 г. Гонконгская комиссия по культуре, являющаяся частью администрации САР, называет в числе официальных базовых принципов своей культурной политики партнерство и плюрализм [7]. С высокой вероятностью можно утверждать, что и дальнейшее развитие будет происходить в этом достаточно гармоничном и добрососедском русле, но все же при постепенном усилении китайских компонентов в яркой и многообразной культуре современного Гонконга.

Список литературы

1. Жоров, Е. А. Долгое расставание: Гонконг под властью Великобритании (1982–1997 гг.) / Е. А. Жоров // *Imagines Mundi. Альманах исследований по всеобщей истории XVI–XX вв.* — 2013. — Т. 8. — № 4. — С. 192–204.
2. Никитин, Л. В. Финансовые бури на Тихом океане: соперничество США и Японии в банковской сфере (1970–2020 годы) / Л. В. Никитин // *Вестник Пермского университета. История.* — 2022. — № 4 (59). — С. 51–61.
3. Павлова, О. Ю. Холдинг HSBC — лидер современной банковской системы Великобритании / О. Ю. Павлова // *Российский экономический интернет-журнал.* — 2023. — № 3.
4. Семенова, Е. С. Преодоление колониального наследия Гонконга как одна из целей современной политики Китая: вызовы, процессы, перспективы / Е. С. Семенова, Д. О. Прыжков // *Современная Азия: политика, экономика, общество.* — 2024. — № 4. — С. 49–58.
5. Cantonese Opera Development Fund. — URL: https://www.coac-codf.org.hk/en/codf/codf_index.html (дата обращения: 14.11.2025).
6. Corichi, M. How People in Hong Kong View Mainland China and their Own Identity (Pew Research Center) / M. Corichi, C. Huang. — URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/12/05/how-people-in-hong-kong-view-mainland-china-and-their-own-identity> (дата обращения: 15.11.2025).
7. Hong Kong Culture and Heritage Commission. Policy Recommendation Report: Government Response. — URL: https://www.legco.gov.hk/yr04-5/english/hc/sub_com/hs02/papers/hs020316cb1-wkcd86-e.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
8. Hong Kong Maritime Museum (HKMM). — URL: <https://www.hkmaritimemuseum.org> (дата обращения: 14.11.2025).
9. Hong Kong Museum of Art (HKMA). — URL: <https://hk.art.museum/en/web/ma/home.html> (дата обращения: 15.11.2025).
10. Hong Kong Museum of History (HKMH). — URL: <https://hk.history.museum/en/web/mh/about-us/introduction.html> (дата обращения: 14.11.2025).
11. Nikitin, L.V. The Greenwich Meridian of Finance: London's Struggle to Maintain its Role in the Global Banking (1970s — early 2020s) / L.V. Nikitin // *Perm University Herald. History.* — 2024. — № 2 (65). — P. 181–193.
12. Shelton, B. The Making of Hong Kong: from Vertical to Volumetric / B. Shelton, J. Karakiewicz, T. Kwan. — London : Routledge, 2013. — 193 p.
13. The Cinema of Hong Kong: History, Arts, Identity / Eds.: P. Fu, D. Desser. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 348 p.
14. Xue, C. Hong Kong Architecture 1945 — 2015: from Colonial to the Global / C. Xue. — Singapore : Springer, 2016. — 339 p.

Панин А. С.

Челябинский институт развития образования, г. Челябинск, Россия
Pandit71@yandex.ru

Координаты добра и зла: этнокультурное образовательное пространство Челябинского региона

Аннотация. В статье говорится о значимых особенностях этнокультурного образовательного пространства. На основании данных исследования делается вывод о важности языка и культуры для этнической идентичности, и необходимости развития этнопедагогике в школах Челябинского региона.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнопедагогика, Челябинский регион.

Panin A. S.

Chelyabinsk Institute for Education Development, Chelyabinsk, Russia
Pandit71@yandex.ru

Coordinates of Good and Evil: The Ethnocultural Educational Space of the Chelyabinsk Region

Abstract. This article discusses the significant features of the ethnocultural educational space. Based on the research data, a conclusion is drawn about the importance of language and culture for ethnic identity and the need to develop ethnopedagogy in schools in the Chelyabinsk region.

Keywords: ethnic identity, ethnopedagogy, Chelyabinsk region.

Сегодня вопросы бытования национальных культур выходят далеко за рамки академической науки. В отношении России определение «многонациональная» было определяющим на протяжении всей отечественной истории, а в последнее историческое время приобрело характер злободневного.

Елена Омельченко, современный историк и исследователь, утверждает, что в последние двадцать пять лет (по 2016 год включительно) перемещения многонационального населения стали особенно заметны:

«Именно на этот временной период приходится серьезная активизация миграционных процессов не только в России...» [3]

Актуальность вопросов, связанных с усиливающимся взаимодействием представителей разных наций в одном культурном пространстве, заставляет обратить внимание на самые разные стороны современной российской повседневности и не в последнюю очередь — на ситуацию в школьном образовании.

«С каждым годом все более актуализируется проблема образования мигрантов в крупных мегаполисах, со всей остротой осознаются задачи аккультурации приезжих...» [1, с. 111].

Южный Урал не остаётся в стороне от вызовов времени, такой крупный мегаполис как Челябинск в последнее время всё больше внимания уделяет вопросам этнокультурного образования.

«В силу разрушения традиционных ценностей сегодня реально возникает опасность, что сформируется личность и общество, в котором стерты координаты добра и зла... потребительская и агрессивная жизненная позиция людей преобладает над творческой, созидательной, а культурная идентичность разрушается или деформируется. Проблема преодоления отчуждения человека от культурно-исторического наследия своего этноса есть основная проблема этнокультурного образования» [1, с. 106].

Под этнокультурным образованием можно понимать систематизированную передачу учащимся историко-культурных знаний, социальных норм и воспитательных установок соответствующего этноса, что, кроме прочего, формирует устойчивость мировоззренческой ориентации и укрепляет национальную идентичность.

Для того, чтобы определить уровень знакомства школьников с культурой своего народа, в 2024–2025 учебном году в школах

Челябинского региона при посредстве Челябинского института развития образования был проведён опрос [4].

Опрашивались все участники образовательного процесса, от учащихся до педагогов не минуя родителей, с помощью простых анкет выяснялись представления всех причастных о национальных культурах и, собственно, имеющееся на сегодняшний момент состояние этнокультурного образования в регионе.

Интереснее всего ответы учащихся, формирующихся личностей, находящихся в процессе приобретения культурной («этнокультурной») идентичности. Поскольку большую часть культурных представлений и навыков дети получают в семье, есть смысл также коротко остановиться на ответах родителей.

В общей сложности на вопросы анкеты отвечало около тысячи школьников (951) из пяти учебных организаций, учащиеся среднего и старшего звена (5–9 классы).

Респонденты отвечали на восемь вопросов и самый первый предлагал определиться с национальной идентичностью.

Большинство опрошенных обозначили себя как «русский» (73 %). Одинаковое количество респондентов (9 %) выбрали такие национальности как «башкир» и «татарин». Из оставшихся школьников (и школьниц) половина (3 %) ответила «не знаю», а вторая половина (3 %) определили себя в соответствии с такими национальностями как: «азербайджанец», «метис», «таджик», «белорус», «дагестанец», «еврей», «казах», «украинец», «кореец», «латыш», «марийка», «армянин», «африканец», «грузин», «монгол», «немец», «узбек», «цыган».

Что заставляет школьников отнести себя к «африканцам» или «монголам», называть себя «русский» или «немец»? Следующий вопрос позволял респондентам выбрать критерий национальной идентичности. Чуть больше половины опрошенных (64 %), отметили что считают себя представителями выбранной национальности «по происхождению». Половина (51 %) — главным критерием национальной идентичности назвала «родной язык». Среди других критериев, представляющих для школьников важные признаки национальности, треть (28 %) как необходимое отметила знание культуры своего народа (и также любовь к своему народу). Примерно столько же (23 %) просто сказали о важности народной культуры для национальной идентичности.

Какой язык является для школьников привычным и своим? Подавляющее большинство (76 %) заявило, что дома языком общения является русский язык. Около трети респондентов (21 %) отметили, что в семье говорят на русском, хотя этот язык для них не родной и совсем небольшое количество школьников (3 %) обозначила как обиходный собственно свой родной язык.

С культурой своего народа школьники из числа опрошенных знакомы чуть лучше. Больше половины (58 %) утверждают, что в их семьях знают и соблюдают национальные традиции, примерно треть (27 %) не знают, что сказать и некоторое количество (15 %) признаётся, что никакие национальные традиции у них дома не проявляются.

Одной из самых консервативных традиций специалисты считают народную кухню — однако в ответах респондентов трудно уловить национальную специфику в любимых блюдах. Знакомые большинству (27 %) блины и борщ (12 %) (равно как и пельмени, шашлык, картофель, и даже чак-чак) трудно однозначно отнести к одной национальной кулинарной традиции — даже чак-чак является лакомством многих тюркских народов от татар до узбеков (и не только). Довольно много школьников (10 %) ответили, что не знают, какое у них «любимое блюдо».

Очевидно, за гастрономические пристрастия детей (и не только) ответственность несут прежде всего их родители. В проведённом исследовании для большей полноты картины опросили 1060 родителей, учащихся тех же классов, тех же школ Челябинской области.

Из ответов взрослых на девять вопросов анкеты здесь отметим те, что пересекаются с вышеприведёнными ответами школьников. По утверждениям старших респондентов половина из них (51 %) национальные традиции и обряды вспоминают только «от случая к случаю», больше трети (39 %) придерживается традиционных норм национальной культуры всегда, и совсем немногие (10 %) заявляют, что никогда ничего такого не делают.

При этом большинство взрослых (83 %) считают, что национальная культура — это хорошо и знакомить подрастающее поколение с «национальными традициями и обрядами» необходимо. Правда, некоторое количество (12 %) не знает зачем это нужно, а убеждённое меньшинство (4 %) против любого приобщения ребёнка к национальной культуре.

Хотя большинство взрослых всё-таки за приобщение детей к национальному наследию, на практике уже несколько меньшее количество (34 %) делают это на постоянной основе, большинство (58 %) занимаются этим при случае, а некоторое количество (8 %) таких случаев припомнить вовсе не может (или даже не считает нужным искать).

Частью культурно-исторического наследия народа можно считать язык, но даже те из взрослых, которые подчёркивали значение национальной культуры, в кругу семьи предпочитают говорить на русском как на родном (83 %). Некоторое количество респондентов называет русский язык языком общения, не считая его родным (14 %).

Обращает на себя внимание, что большинство опрошенных школьников (73 %) называют себя русскими, но по происхождению с определённой нацией соотносят себя 64 % респондентов — то есть примерно 10 % опрошенных считают себя русскими не «по рождению», но «по выбору», на основании прежде всего «родного» языка (так идентифицируют себя с определённой национальностью 51 % респондентов). Также большинство опрошенных (58 %) отметили, что в их семьях соблюдаются национальные традиции и обряды, то есть для национальной идентичности половины опрошенных школьников наиболее важными оказываются язык и культура.

Если сопоставить ответы учащихся с ответами родителей школьников, то значение языка для национальной самоидентификации окажется ещё выше: большинство родителей из числа опрошенных (83 %) ответили, что общаются в семье на русском языке, который является родным, а ещё 14 % общаются на русском, хотя родной язык при этом для

них другой. Уже здесь можно увидеть некоторое несовпадение с ответами школьников, но следующее разночтение кажется наиболее значимым — 58 % опрошенных взрослых отметили, что знакомят ребенка с культурными традициями и обычаями своего народа редко, от случая к случаю (хотя подавляющее большинство опрошенных (84 %) считают это нужным).

Язык и культура принципиально важны для отнесения себя к той или иной нации — и судя по всему, в школах Челябинской области больше всего тех, кто считает себя русскими, даже не будучи таковыми по происхождению. Но на лицо противоречие — значение языка для школьников уже меньше, чем для их родителей, а знание культуры хотя и считается важным оказывается именно тем, на что меньше всего обращают внимания в семьях учащихся. На русском языке говорят, но забывают напомнить о его важности, национальную культуру декларативно считают важной, но плохо понимают, что это такое (недаром среди любимых блюд школьников на первых местах универсальные блины и интернациональные пельмени).

«Как-то выдающийся специалист по мифам Дж. Кэмпбелл [Joseph John Campbell] в книге «Сила мифа» сказал, что агрессивность молодежи сегодня связана с отсутствием представлений о пути развития, то есть о мифах. Они творят собственные, подчас очень неудачно... Педагогика нуждается в обновлении этнопедагогического знания...» [2].

Остаётся только добавить, что педагогам и всем причастным сегодня нужно «этнопедагогическое знание» чтобы лучше представлять какими «координатами добра и зла» руководствуются школьники. И не всегда это мифы. И не только в школе.

Список литературы

1. Афанасьева, А. Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки / А. Б. Афанасьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 68. — С. 100–116.
2. Комарова, И. И. Этнокультурное образование детей дошкольного возраста / И. И. Комарова // СДО. — 2021. — № 2 (104). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-obrazovanie-detey-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Омельченко, Е. А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество: теория и практика в реалиях современной системы образования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Омельченко. — Москва, 2019. — 54 с.
4. Основные черты педагогической системы в области этнокультурного образования: по данным научно-прикладного исследования по изучению передового опыта развития этнокультурного образования в Челябинской области / Ю. Г. Маковецкая, Ю. О. Полянко, А. С. Панин, А. Г. Донской // Современное педагогическое образование. — 2025. — № 9. — С. 54–60.

Петушко Н. Е.

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Республика Беларусь
natalia.petushko@gmail.com

Направления и формы реализации внешней культурной политики государства (из опыта Китайской Народной Республики)

Аннотация. Статья затрагивает вопросы выработки внешней культурной политики КНР. Внешняя культурная политика предполагает использование культуры и культурных связей для усиления международного имиджа страны, популяризацию китайской культуры и языка в мире, развитие туристической индустрии. В статье подчеркивается, что межведомственное сотрудничество и кооперация между субъектами международного культурного сотрудничества способствуют определению актуальных направлений и форм внешней культурной политики.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, КНР, внешняя культурная политика государства, культурные связи, межведомственное сотрудничество, китайская культура, международное культурное сотрудничество.

Petushko N. E.

Belarusian State University of Culture and Arts, Republic of Belarus, Minsk
natalia.petushko@gmail.com

Directions and forms of implementing the state's foreign cultural policy (based on the experience of the People's Republic of China)

Abstract. The article addresses the development of China's foreign cultural policy. The foreign cultural policy involves using culture and cultural ties to enhance the country's international image, promote Chinese culture and language worldwide, and develop the tourism industry. The article emphasizes that interdepartmental cooperation and collaboration between international cultural cooperation actors contribute to the development of relevant areas and forms of foreign cultural policy.

Keywords: People's Republic of China, PRC, foreign cultural policy of the state, cultural ties, interdepartmental cooperation, Chinese culture, international cultural cooperation.

Внешняя культурная политика — нематериальный актив и конкурентное преимущество любого государства. Китайская Народная Республика (далее — КНР) не является исключением. Государство сотрудничает со многими странами на основе двусторонних и многосторонних договоров и активно использует потенциал культуры в качестве определенного ресурса для трансляции собственных национальных интересов на мировой арене. Эти и иные вопросы находятся в центре внимания научного сообщества. Особого внимания заслуживают исследования ученых по вопросам культурной политики Китая (Н. А. Абрамова, Т. А. Ерёмкина, Е. П. Борзова, И. И. Бурдукова, Ю. Л. Говоров, А. В. Горбатов, О. В. Ким, А. С. Двуреченская, Т. Е. Сиволап, С. В. Виватенко, К. А. Тарабар-

ко, Е. И. Тарасова, А. В. Найденко, Е. А. Шитова, Янь Шуфан, Инь Кэхан, Цзинь Шибинь, Ху Хуэйлинь и др.). Анализ их работ позволяет говорить о том, что формирование государственной культурной политики неразрывно связано со становлением государственного устройства страны, а также с политической системой и социально-экономическим развитием КНР.

Современная система государственного управления КНР носит централизованный характер и предполагает иерархию соподчинения в рамках государственного и регионального уровней. Эта система распространяется и на управление культурой. Решения в области культурной политики принимаются Коммунистической партией Китая, Всекитайским собранием народных пред-

ставителей и Государственным советом. За управление политикой и её реализацию на местном уровне отвечают центральные и региональные министерства и комиссии.

В разработке центральной культурной политики участвуют различные министерства и комитеты. Однако ключевая роль отведена Министерству культуры и туризма КНР (кит. 中华人民共和国文化和旅游部, Ministry of culture and tourism of the people's Republic of China) [3]. Является государственным органом и осуществляет функцию государственного управления культурой и туризмом. Выполняет задачи и полномочия, предусмотренные Конституцией КНР, постановлениями Центрального народного правительства КНР и Государственного совета. Основные обязанности Министерства и его организационно-функциональная структура утверждены в документе «Положение о распределении функций, внутренних структурах и штатном расписании Министерства культуры и туризма КНР» (кит. 中共中央办公厅, 办公厅国务院, 2018) и размещено на сайте Центрального народного правительства КНР (кит. 中华人民共和国中央人民政府) [2].

Для эффективного управления культурой и туризмом органы разных ветвей власти и разных уровней координируют свои действия друг с другом, как на уровне горизонтальных связей, так и на вертикальном уровне. Например, от Всекитайского собрания народных представителей (Однопалатный Парламент) в МКТ для исполнения поступают законы и постановления по вопросам развития культуры и туризма в стране. От МКТ в Парламент в свою очередь поступает информация о текущем состоянии сферы культуры и туризма Китая и перспективах развития, отчеты о деятельности учреждений культуры и туризма, предложения о необходимости разработки новых законодательных законов и/или внесении изменений и дополнений в действующие и иные предложения.

В рамках межведомственного сотрудничества аналогичный уровень координации находит отражение во взаимодействии с Министерством иностранных дел КНР, Государственным комитетом по делам национальностей КНР, Главным государственным управлением по делам телевидения и радио, Государственным управлением по развитию международного сотрудничества, Министерством образования КНР и др. Например, Секретариат Национальной комиссии КНР по

делам ЮНЕСКО при Министерстве образования КНР и Департамент нематериального культурного наследия Министерства культуры и туризма КНР координируют работу по включению в Список всемирного культурного наследия новых объектов.

Примером вертикальной координации взаимодействия внутри правительства Китая, служит создание научно-исследовательской лаборатории по делам туризма города Санья провинции Хайнань. Это подведомственная лаборатория Министерства культуры и туризма КНР, деятельность которой направлена на оказание содействия инновациям в туристической сфере Китая и стимулирование ее развития в соответствии с передовыми международными стандартами. В свою очередь, изучение больших массивов данных, сбор информации о туристических ресурсах города Санья, а также осуществление контроля за их эксплуатацией содействует тесному взаимодействию между центральными и региональными властями, сектором туристического рынка, сферой образования и сегментом коммерческих услуг в сфере развития яхтенного туризма и пляжного отдыха в Китае.

Отметим, что межведомственное управление в сфере культуры и туризма представляет собой сложную систему взаимодействия органов государственной власти, местного управления, министерств и ведомств. Каждый орган обладает определенным уровнем полномочий в реализации внутренней и внешней культурной политики.

Своеобразием внешней культурной политики КНР служит то, что ее содержание опирается на философские концепции и конкретные социально-этические рекомендации китайских мыслителей, а также идейно основывается на «Размышлениях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи» [1, с. 159]. Основные параметры китайской культурной политики базируются на конфуцианстве, концепции «трех сил» культуры (способность притягивать, способность влиять и способность вносить вклад в развитие других культур) и концепции «мягкой силы», как важного ресурса государственной мощи страны. Эти параметры в итоге определяют ключевые направления и формы реализации международного сотрудничества в сфере культуры, а именно:

- популяризация и распространение китайской культуры и языка в мире, а также в странах, где проживают большие

- китайские общины (например, посредством проведения дней культуры с зарубежными государствами);
- создание более тесных связей между культурной и экономической деятельностью за рубежом (особенно в области информационных технологий, гастрономии, туризма);
 - открытие культурных китайских центров, а также институтов и классов Конфуция за рубежом;
 - популяризация творчества китайцев за рубежом и проведение крупных культурных мероприятий (например, международные фестивали и встречи, посвящённые вопросам искусства, художественные выставки на тему «Один пояс — один путь» и др.);
 - позиционирование Китая на международной арене (например, организация

выставок китайского творчества, демонстрация показа продукции киноиндустрии КНР, издательская деятельность КНР и др.);

- поддержка участия представителей Китая в международных форумах (например, ЮНЕСКО и др.) и программах;
- создание национальных культурных брендов международного уровня.

Таким образом, сделаем вывод о том, что культура стала одним из приоритетных направлений диалога и значительным ресурсом «мягкой силы» КНР. Самое общее предназначение внешней культурной политики КНР заключается в формировании ее позитивного образа в мире, и именно национальная культура Китая во всем ее разнообразии служит действенным средством этого предназначения.

Список литературы

1. Тарасова, Е. И. Современная культурная политика Китая: цели и векторы развития / Е. И. Тарасова, А. В. Найдено // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — Вып. 11 (879). — С. 158–165. — URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/11_879_H.pdf/ Современная культурная политика Китая: цели и векторы развития.pdf (дата обращения: 06.01.2025).
2. Central People's Government of the People's Republic of China: [website]. — [Beijing], 2025. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-09/10/content_5320818.html (дата обращения: 12.01.2025).
3. Ministry of culture and tourism of the people's Republic of China: [website]. — [Beijing], 2025. — URL: <https://www.mct.gov.cn> (дата обращения: 12.01.2025).

Татаркина А. Р.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
tatarkinaar@cspu.ru

Изучение обрядов инициаций у традиционных народов Южного Урала на основе литературных источников

Аннотация. В статье рассматривается сущность обрядов инициаций традиционных народов Южного Урала на примере башкирского этноса. Основным источником исследования выступает башкирский эпос «Урал-батыр». Через анализ ключевых сюжетных линий, символики испытаний и архетипических образов выявляются основные структурные элементы обрядов-инициаций: символическая смерть, прохождение через пороговые пространства, получение сакральных знаний и возвращение в коллектив.

Ключевые слова: обряды инициации, эпос, ритуалы перехода, традиционное общество, «Урал-батыр».

Study of initiation rites among traditional peoples of the Southern Urals based on literary sources

Abstract. The article examines the essence of the rites of initiation of the traditional peoples of the Southern Urals using the example of the Bashkir ethnic group. The main source of research is the Bashkir epic «Ural-Batyr». Through the analysis of key storylines, symbolism of trials and archetypal images, the main structural elements of initiation rites are revealed: symbolic death, passing through threshold spaces, obtaining sacred knowledge and returning to the team.

Keywords: initiation rites, epic, transition rituals, traditional society, «Ural-batyr».

Для начала нужно разобраться с понятием инициация и какой смысл заключался в его проведении. Обряд инициации (от лат. *initiatio* — «посвящение», «совершение таинства») — это ритуал перехода, знаменующий собой изменение социального статуса, возраста или духовного состояния человека. Это церемония, через которую человек проходит, чтобы быть признанным полноправным членом новой социальной группы (взрослых, воинов, женатых людей, членов тайного общества и т. д.). Проще говоря, это символическая «черта», которую нужно переступить, чтобы перейти из одной категории в другую. Французский историк-этнограф и фолклорист Арнольд ван Геннеп сформулировал три обязательные стадии в обрядах перехода:

1. Прелиминарная (отделение, сепарация) — символическое отделение индивида от его прежнего социального статуса. Ритуалы на этой стадии часто связаны с уходом, изоляцией, лишением прежних признаков. Человек как бы «умирает» для старой жизни. Например, изоляция невесты перед свадьбой (как в традиционных башкирских и русских обрядах).

2. Лиминарная (от лат. *limen* — порог), пороговая, промежуточная стадия — период между старым и новым статусом, когда человек находится в состоянии неопределённости. Человек уже не принадлежит старому статусу, но еще не обрел новый. Он находится в подвешенном, пограничном состоянии.

3. Постлиминарная (включение) — окончательное включение индивида в новое социальное состояние с подтверждением нового статуса [1, с. 15].

Эти стадии могут иметь разную степень выраженности в разных обрядах, но вместе они строго структурируют процесс перехо-

да. Примеры обрядов включают рождение, достижение социальной зрелости, свадьбу, инициацию и смерть. Цель обрядов — обеспечить формальное закрепление нового социального статуса и обеспечить плавный переход между этапами жизни.

Цель нашего исследования заключается не в описании обрядов и ритуальных действий, а в объяснении и понимании того глубокого значения, которое является фундаментом самой традиции обряда инициации. Для успешной реализации поставленной цели необходимо обратиться к первоисточнику — легендарному башкирскому эпосу «Урал-батыр».

«Урал-батыр» представляет собой крупное эпическое произведение в стихотворной форме, основой которого являются древнейшие мифы и героическое предание, демиурге и культурном герое [2, с. 5]. Необходимо отметить, что систематизация мифологических песен в единое собрание состоялось в начале XX века, благодаря М. А. Бурангулову.

Рассмотрим наиболее распространенные обряды перехода в нашем крае. Коренными жителями Южного Урала являются башкиры, особенностями верований которых было удивительное переплетение древнейших тенгрианских представлений и ислама. Доисламские верования исходили из понимания тесной взаимосвязи природы и человека. Р. А. Султангареева в своем исследовании «Жизнь человека в обряде» отмечает, что по представлениям башкир, жизнь человека составляет несколько циклов, каждый из которых длится 12 лет:

- первый цикл — детство (с 1 года до 12 лет);
- второй цикл — подростковый, молодой возраст (с 13 до 24 лет);

- третий цикл — новый период жизни (с 25 до 36 лет);
- четвертый период — средний возраст (с 37 до 48 лет);
- пятый период — старость (с 49 до 60 лет и т. д.) [3, с. 27].

Каждый этап характеризуется физиологическими, социальными изменениями и сопровождается особой практикой инициации:

В годик ничего не понимал я,
 В десять лет наиграться не мог я,
 В шестьдесят волком матерым буду я,
 В семьдесят лису догнать, забить не смогу я,
 В восемьдесят на коня вскочить не смогу я,
 В девяносто от дел всех оторвусь я,
 В сто лет солнцеликим стану я...

[3, с. 31]

Число 12 имеет сакральное значение, например, год состоит из 12 циклов, человеческое тело имеет 12 жизненно важных органов (голова, сердце, грудь, глаза, язык, руки, ноги, поясница, половые органы). В традиционных представлениях башкир детство человека заканчивается в 12 лет (укрепляется стан, обновляются зубы, появляется удаль и т. д.). В знаменитом башкирском эпосе «Урал-батыр» мы находим подтверждение о возрастном рубеже. Перешагнув за 10-летний возраст, братья Шульген и Урал готовы стать охотниками, как их отец и мать. А старший брат Шульген в 12 лет нарушает родительский запрет, вкусив взрослый напиток [4, с. 68]. Нарушение табу свидетельствует о достижении переходного возраста, о готовности братьев пройти через испытания, чтобы стать частью взрослого мира. Опираясь на периодизацию А. ван Геннепа, рассмотрим инициатические мотивы башкирского этноса, отраженные в героическом эпосе.

Первый этап — уход из мира детства, который наступает по достижению 12 летнего возраста. Братья Шульген и Урал по велению своего отца Янбирде отправляются в путешествие, чтобы найти «живой родник» и победить Смерть. Этот уход из родного дома и привычной среды является классическим мотивом начала инициатического путешествия. Момент отправления братьев в путь представляет собой пересечение границы между детством и взрослой жизнью, между известностью и неизвестностью, привычным миром и враждебным пространством, наполненным испытаниями.

Второй этап — прохождение испытаний и получение нового знания. В эпосе — это центральная и наиболее развернутая часть эпического повествования, непосредственно моделирующая инициатические испытания. Герои последовательно сталкиваются со змеями, дивами, царями птиц, зверей и рыб, Кахкахой (олицетворением сил хаоса). Каждая победа — не просто физический подвиг, а акт познания мира, преодоления страха и обретения силы. Борьба с чудовищами символизирует преодоление внутренних страхов и «детских» слабостей. А овладение волшебными предметами и существами (булатный меч, конь Акбузат) отражают ритуальную передачу сакрального знания о мире [4, с. 89]. Таким образом, показан путь физического и ментального взросления героя. Эволюция физического взросления Урала-батыра представлена через описания его многочисленных подвигов на пути к обретению родника с живой водой. Достигнув своей конечной цели, главный герой получает главное знание о мире — круге жизни, в котором смерть является естественным этапом:

Каждый в свой срок — цветы умирают.
 Сад с каждым сроком себя обновляет
 И становится еще краше...
 В этом и есть бессмертие наше,
 Всей земли бессмертие — в этом!

[4, с. 107].

Эпизод с Живой водой показывает нам эволюцию ментального взросления Урала, в ходе которого мы видим его окончательное преобразование в сильного, бескорыстного героя, бесконечно преданного своему народу. Таким образом, главным испытанием является экзистенциальный выбор между эгоизмом и альтруизмом. Шульген, соблазненный личным бессмертием и властью, переходит на сторону сил Зла. Урал, сделавший выбор в пользу Добра, спасения народа и продолжения жизни на земле (эпизод с разбрызгиванием Живой воды), демонстрирует успешное прохождение высшего испытания на зрелость и социальную ответственность. Этот выбор маркирует окончательное разделение статусов: Шульген остается в лиминальной, маргинальной позиции «изгоя», а Урал обретает черты культурного героя.

Третий этап — возвращение и получение нового статуса. В конце эпоса Урал становится Батыром, культурным героем, основателем

нового миропорядка. Его тело, погребенное соплеменниками, превращается в Уральские горы — символ Родины, вечности и защиты.

Таким образом, эпос служит не только литературным памятником, но и уникальным этнографическим источником для понимания процесса ритуальной практики социализации.

Он позволяет реконструировать мировоззренческие основы древнебашкирского общества, где инициация была центральным механизмом воспроизводства культурных ценностей: мужества, мудрости, самопожертвования и ответственности за свой род и окружающий мир.

Список литературы

1. Геннеп, А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. — Москва : Восточная литература, 1999. — 198 с.
2. Котов, В. Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы / В. Г. Котов. — Уфа : Гилем, 2006. — 408 с.
3. Султангареева, Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов / Р. А. Султангареева. — Уфа : Гилем, 2005. — 344 с.
4. Урал-батыр. Башкирский народный эпос // Библиотека всемирной литературы. — Сер. 1. — Т. 1. Героический эпос народов СССР. — Москва : Художественная литература, 1975. — 590 с.

Темборовский Е. Ю.

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия
mr.tembor@mail.ru

Научный руководитель: Соковиков С. С., Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия. sokovik49@mail.ru

Образно-исторические аспекты культуры горнозаводского Урала: от мифа к проектированию

Аннотация. Статья посвящена актуальности использования образно-исторических аспектов при проектировании объектов, связанных с горнозаводской культурой Урала XVIII–XIX вв., в современной социокультурной практике. Подчеркивается, что осмысление этой культуры должно выходить за рамки традиционных исторических подходов. Предлагается использовать метод образно-игрового моделирования для создания поликонтекстуальных иммерсивных пространств, способствующих укреплению региональной идентичности.

Ключевые слова: горнозаводская культура, горнозаводская цивилизация, индустриальное наследие, образно-игровое моделирование, социокультурный дизайн.

Temborovsky E. Yu.

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
mr.tembor@mail.ru

Supervisor: Sokovikov S. S., Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia. sokovik49@mail.ru

Imaginative and historical aspects of the culture of the mining Urals: from myth to modeling

Abstract. The article is devoted to the relevance of using imaginative-historical aspects in the design of objects related to the mining culture of the Urals of the XVIII–XIX centuries in modern socio-cultural

tural practice. It is emphasized that the understanding of this culture should go beyond traditional historical approaches. It is proposed to use the method of imaginary-game modeling to create multi-contextual immersive spaces that contribute to strengthening regional identity.

Keywords: mining culture, mining civilization, industrial heritage, imaginary-game modeling, sociocultural design.

Актуальность обращения к образно-историческим аспектам горнозаводской культуры обусловлена рядом факторов. Во-первых, традиционные исторические подходы к изучению индустриального наследия часто ограничиваются фактографическим описанием, оставляя в стороне «живую» сторону этого явления. Во-вторых, региональная идентичность, формируемая образами горнозаводского прошлого, требует не просто сохранения памяти о нем, но и активного культурного переосмысления в контексте современных социокультурных задач. В-третьих, существует разрыв между исследованием горнозаводской цивилизации и ее репрезентацией в современных культурных практиках, включая дизайнерскую и туристическую деятельность, а также музейные экспозиции.

Горнозаводская цивилизация, как ее часто называют ученые [3, с. 23; 4, с. 315; 8, с. 126, 130, 134] в дискурсе, посвященном индустриальному наследию Урала, возникла на основе городов-заводов в XVIII в. [3], образуя целостную систему горно-металлургических предприятий. Вслед за Е. В. Алексеевой, Т. Ю. Быстровой, В. В. Литовским и С. А. Патрушевым необходимо рассматривать промышленное наследие Урала не только как часть культуры нашей страны, но и «как часть глобального наследия индустриальной цивилизации» [2, с. 14], однако обладающее неповторимым «локальным символическим капиталом», выраженным в особой структуре, где «каждый горнозаводской округ был сформирован как самостоятельное образование» [8, с. 126]. Об этом также пишет Н. Н. Алеврас, представляя горнозаводской Урал как «особый мир социокультурных ценностей» и определяя горнозаводскую культуру как локальную, сформированную на основе горно-окружной организации промышленности [1, с. 11].

По мнению большинства исследователей [3, с. 23; 4, с. 315; 8, с. 130; 9, с. 52], понятие «горнозаводская цивилизация» впервые использовал профессор П. С. Богословский, указывая на существование культуры, созданной «в условиях крепостничества, трудами народа по заданиям и в интересах владельцев заводов <...>» [5, с. 35]. Как отмечал П. С. Бо-

гословский, с развитием промышленности на Урале наблюдался значительный демографический рост, обусловленный переселением десятков тысяч крестьян из различных регионов Европейской России. Этот процесс привел к притоку разнообразных этнических и социальных групп, которые привнесли свои культурные особенности, диалекты и фольклорные традиции, лишь частично растворившиеся в общей среде заводских общин [5, с. 35].

Как подчеркивают В. А. Шкерин и С. В. Голикова: «главным фактором консолидации уральской горнозаводской общности <...> выступал промышленный труд, осознанный ею как фундаментальная ценность и основа ее образа жизни» [7, с. 123]. Вообще, характер труда и особое отношение к нему у горнозаводского населения является одной из сторон горнозаводской культуры, наряду с «характером ее представителей» и «формами декоративно-прикладного искусства» [11, с. 314]. С. В. Голикова отмечает, что в горнозаводском фольклоре стало уделяться больше внимания социальным и производственным условиям жизни на заводах, что привело к созданию оригинальных сюжетов, мотивов, тем, героев и целостной образной системы [6, с. 39].

Горнозаводская культура, включающая в себя не только материальные активы индустриального наследия, но и широкий спектр нематериальных образно-исторических аспектов: технические знания, социальные практики, мифологию и другие отмеченные выше ценности, требует специальных методов осмысления, которые позволят показать и транслировать то, что «не уловить в иной исследовательской оптике» [12, с. 104]. Таким методом может служить образно-игровое моделирование, описанное С. С. Соковиковым, которое «целесообразно использовать в исследовательских ситуациях, в которых схематизированные, рационально-фактографические представления о социокультурных объектах требуется дополнить динамичными образами происходящих в них процессов» [12, с. 112]. Именно такой подход необходим для активного культурного переосмысления

регионального промышленного наследия в контексте различных социокультурных задач, в том числе — в формах образной репрезентации его потенциала через проектные разработки.

С. С. Соковиков отмечает, что метод образно-игрового моделирования продуктивен и в работе с индустриальным наследием, в этом случае он «включает „анимирование“ представлений о прошлом объектов, проясняющее их историческое значение и аспекты бытования; действенный анализ актуальной ситуации в контексте современного культурного ландшафта; проективно-игровое видение объектов с возможностями преобразования их в иммерсивный артефакт» [12, с. 112].

Г. Е. Гун, акцентируя внимание на том, что исторические города-заводы являются главными самобытными объектами культурного наследия Южного Урала, констатирует их потенциал развития благодаря уникальным культурно-историческим ресурсам, «которые способны превратить каждый из них в бренд» [9, с. 52, 54]. К этим ресурсам, на наш взгляд, относятся образно-исторические аспекты, рассмотренные ранее в статье. Как подчеркивают Л. Б. Зубанова и С. Б. Синецкий, культура — особенно художественная, выступающая в роли знаково-символической репрезентации наиболее ценных образцов культурного опыта, — должна рассматриваться как конвертируемый ресурс, позволяющий совмещать традиции и инновации в развитии территорий, а также эффективно транслировать образ региона [10, с. 611].

Например, сказы П. П. Бажова, работы А. В. Иванова и Л. В. Баньковского [4] представляют собой пример рефлексии региональной культуры Урала. Они не просто описывают исторический уклад горнозаводской цивилизации, но и формируют региональную мифологию, которая служит основой для идентичности региона в контексте идей культурной географии. Эти идеи позволяют рассматривать уральскую культуру как систему, где пространство наполнено символами и мифами. Так, П. П. Бажов, собирая уральский фольклор, создал богатый мифологический мир, отражающий реальную жизнь и духовные ценности горнозаводского населения. Несмотря на довольно «поэтично-воображаемые» концепции «певца пермско-сти» А. В. Иванова, они отражают актуальное стремление к осмыслению уральской куль-

туры в новых ракурсах, отвечающих современным запросам общества. Произведения этих авторов могут быть использованы как материалы для социокультурного дизайна и воплощения образно-исторических аспектов в современных культурных практиках при помощи метода образно-игрового моделирования.

Этот метод позволяет создать поликонтекстуальное представление о горнозаводской цивилизации, соединяя фактографические данные, образы, эмоции и смыслы. Такой поликонтекстуальный подход [13] открывает возможность разыгрывания конкретных образно-исторических контекстов, например, образа города-завода как особого пространства, исторической темы насильственного переселения крестьян из разных регионов, образа Данилы-мастера, воплощающего этическое измерение труда, локальных и этнических текстов как образов (для образно-игрового моделирования это означает потенциал проигрывания локальных вариантов горнозаводской культуры) и др.

Именно через эти многослойные контексты рождается подлинное образно-историческое восприятие Урала. Привычное пространство утрачивает свою нейтральность, преображаясь в насыщенный культурный текст. Образы прошлого, связанные с историей и фольклором, могут (и должны) становиться ресурсом для социокультурного дизайна объектов промышленного наследия и образно-игрового моделирования, позволяя создать иммерсивные пространства, где можно не просто наблюдать, а «переживать» эпоху. О. В. Крутеева и О. Ю. Минина отмечают «возрождение интереса к феномену горнозаводской цивилизации», особенно в современном декоративно-прикладном искусстве, но находят его недостаточным в сувенирной продукции, в интерьерах и социально-культурных практиках индустрии туризма и гостеприимства [11, с. 312, 314], с чем нельзя не согласиться. Стоит также дополнить перечень такими плодотворными для работы направлениями, как разработка малых архитектурных форм для городской среды, создание музейных экспозиций, арт-объектов, стрит-арта, графического дизайна полиграфической продукции и др.

Культура горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. представляет собой динамичную систему, выходящую за рамки традиционных

исторических подходов. Метод образно-игрового моделирования может обеспечить ее многомерное осмысление, открыть перспективы для образной репрезентации, создания образовательных программ и социокультурных проектов, обеспечивая более глубокое понимание и актуализацию этого феномена в современном контексте.

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. Локальная культура горнозаводского населения дореволюционного Урала в контексте исторических свидетельств и фольклорных произведений / Н. Н. Алеврас // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 20 (274). — С. 11–17.
2. Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбурга / Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, В. В. Литовский, С. А. Патрушев. — Екатеринбург : TATLIN, 2024. — 400 с.
3. Баньковский, Л. В. Города-заводы Верхнекамья в системе Уральской горнозаводской цивилизации XVIII — 1-й пол. XIX вв. / Л. В. Баньковский, Р. М. Лотарева // Малые города Верхнекамья: Экономика. Экология. Культура. — Березники, 1994. — С. 18–24.
4. Баньковский, Л. В. Пермистика / Л. В. Баньковский, В. М. Раков, А. В. Иванов; предисл. Д. Г. Ризов. — Пермь : Июль-Медиа : Мастер-ключ, 2009. — 352 с.
5. Богословский, П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала / П. С. Богословский // Уральское краеведение. — Вып. 1. — Свердловск : Уральское бюро краеведения, 1927. — С. 33–37.
6. Голикова, С. В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII-XIX вв.: жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / С. В. Голикова. — Екатеринбург, 2005. — 46 с.
7. Голикова, С. В. Формирование горнозаводского населения Урала как социокультурной общности (XVIII-XIX вв.) / С. В. Голикова, В. А. Шкерин // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 2 (47). — С. 118–124.
8. Горнозаводская и равнинно-фабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность / О. Шипицына, Н. Солонина, К. Бугров [и др.] // Городские исследования и практики. — 2021. — Т. 6, № 1. — С. 125–144.
9. Гун, Г. Е. Исторические города-заводы как феномен культурного наследия (на материале южно-уральских городов) / Г. Е. Гун // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 5 (79). — С. 51–55.
10. Зубанова, Л. Б. Культура как ресурс имиджевой привлекательности региона: стратегические ориентиры культурной политики / Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты : материалы V Тюменского междунар. социологического форума, Тюмень, 05–06 октября 2017 г. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 2017. — С. 609–613.
11. Крутеева, О. В. Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций / О. В. Крутеева, О. Ю. Минина // Культура и цивилизация. — 2016. — Т. 6, № 5А. — С. 305–316.
12. Соковиков, С. С. О применимости метода образно-игрового моделирования в исследованиях культуры / С. С. Соковиков // Культурный код. — 2025. — № 3. — С. 104–118.
13. Соковиков, С. С. Поликонтекстуальный подход в транзитивной методологии исследований культуры / С. С. Соковиков, Л. Б. Зубанова, Н. В. Долдо // Культурология в пространстве гуманитарного знания : сборник тезисов, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2025 г. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2025. — С. 82–85.

Фейгин В. Е.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия
feiginvit@mail.ru

Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке: исторический пример делового и культурного синтеза

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения в 1930-е гг. и последующего развития нью-йоркского многофункционального комплекса «Рокфеллеровский центр», входящего в федеральный реестр исторических достопримечательностей США. Отмечается, что успех Рокфеллеровского центра основан на удачном сочетании и взаимном дополнении деловых и культурных функций.

Ключевые слова: Рокфеллеровский центр, архитектура, ар-деко, культурные и коммерческие функции.

Feigin V. E.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
feiginvit@mail.ru

Rockefeller Center in New York City: A Historic Example of Business and Cultural Synthesis

Abstract. This article examines the emergence in the 1930s and subsequent development of the multifunctional complex Rockefeller Center (New York City), which is included in the federal register of US historical landmarks. The author notes that the success of the Rockefeller Center is based on the combination and mutual influence of business and cultural functions.

Keywords: Rockefeller Center, architecture, Art Deco, cultural and commercial functions.

Летом 1931 г. в центральной части Манхэттена, в одном из самых перспективных районов Нью-Йорка, развернулось строительство, выглядевшее уникальным даже по меркам этого огромного города. На пространстве, составлявшем порядка восьми гектаров и не имевшем на тот момент ценной застройки, на средства Джона Дэвисона Рокфеллера (ключевой фигуры во втором поколении выдающейся предпринимательской династии) началось возведение комплекса из 14 зданий различной высоты, имевших широкое общественное и коммерческое назначение. Очень важно, что на данном этапе США переживали самый тяжелый экономический кризис за всю свою историю. Для тысяч американцев «стройка века» на Манхэттене означала возможность получить долгожданную работу и надежный источник существования. Так начиналась история Рокфеллеровского центра (Rockefeller Center), построенного в изначально запланированном объеме за восемь лет и ставшего одним из главных культурных и деловых символов Америки на многие десятилетия.

Конечно, сам Дж. Рокфеллер и другие инвесторы надеялись со временем вернуть капиталовложения и получить прибыль. Рокфеллеровский центр состоял в первую очередь из коммерческой недвижимости и предназначался для сдачи в аренду под офисные помещения. Однако Дж. Рокфеллер, являвшийся известным меценатом, еще на этапе проектирования решил добавить к деловым функциям будущего комплекса и мощные эстетические составляющие [11, р. 54].

Современников с самого начала привлек яркий архитектурный образ комплекса, построенного в стиле ар-деко по проектам выдающихся нью-йоркских зодчих Рэймонда Худа, Джона Тодда и Уоллеса Харрисона. Отличительными чертами Рокфеллеровского центра стали открытые и подземные торговые площади, общедоступные прогулочные зоны, зеленые пространства на крышах и террасах, скульптурные композиции (самые известные среди них — «Прометей» работы Пола Мэншипа и «Атлант» работы Ли Лоури) и т. д. Особое значение в плане усиления общественного интереса к комплексу имело

использование одного из открытых участков в зимнее время в качестве катка, а также появившаяся с 1933 г. традиция установки там же огромной рождественской елки (которая сразу стала «главной елкой» Нью-Йорка). На верхних уровнях самого высокого из построенных зданий (70 этажей) разместилась смотровая площадка, доступная для публики за умеренную плату. Был хорошо продуман и вопрос о транспортных связях: непосредственно в пределах Рокфеллеровского центра открылся вход на одну из станций нью-йоркского метрополитена.

В культурный ландшафт гигантского комплекса, хотя и не входя в число его 14 зданий, фактически был интегрирован расположенный по соседству Музей современного искусства (он был основан в 1929 г. супругой Дж. Рокфеллера — Эбби Олдрич Рокфеллер) [7, р. 19–21].

Кроме этого, и коммерческое направление в деятельности Рокфеллеровского центра также имело важную особенность. Еще до старта основных строительных работ определились два базовых арендатора: одним из них стала знаменитая радиовещательная корпорация «Ар-си-эй», начинавшая в 1930-е гг. экспериментировать и с телевидением, а другим — группа «Ар-кей-оу», занимавшаяся выпуском кинофильмов и владевшая большой сетью кинотеатров в Нью-Йорке и других городах США. Соглашение с этими арендаторами стало для Дж. Рокфеллера «поворотным пунктом», спасавшим пока еще очень рискованный проект [11, р. 55]. Особенно большое значение имело сотрудничество с «Ар-си-эй», которая не только разместила в комплексе свои офисные помещения, но и открыла гигантский концертный зал с названием «Мюзик-холл Радио-сити» [5, р. 92–94], прославившийся впоследствии многими танцевальными шоу, балетными и оперными спектаклями, кинопремьерами, а затем и выдающимися событиями в мире телевидения. Вслед за «Ар-си-эй» и «Ар-кей-оу», очень крупным арендатором стал издательский трест «Тайм», выпускавший качественную общественно-политическую и научно-популярную прессу. Таким образом, деловой профиль Рокфеллеровского центра определяли корпорации, в работе которых, при всей ориентации на получение прибыли, имелись выраженные творческие компоненты.

Новый комплекс, соединявший бизнес и искусство, очень быстро стал одной из важ-

нейших достопримечательностей Нью-Йорка и начал привлекать множество посетителей с теми или иными интересами. Несмотря на сохранявшиеся проблемы в национальной экономике, Рокфеллеровский центр впервые стал приносить прибыль уже к концу 1930-х гг. [9, р. 100].

Вслед за осторожными коммерческими успехами первого десятилетия пришел настоящий расцвет комплекса в период послевоенного экономического бума. Огромный спрос на офисные помещения был удовлетворен в 1960-е гг. за счет расширения территории Рокфеллеровского центра и строительства четырех новых небоскребов, которые представляли собой примеры уже не ар-деко, а быстро набравшего популярность интернационального стиля. Некоторые трудности возникли позднее, на фоне нефтяных шоков, стагфляции и других проблем 1970-х гг. Однако и на этом этапе Нью-Йорк оставался важнейшим деловым и, в особенности, финансовым узлом США [2, с. 28; 4, с. 66], что, конечно, было благоприятным фактором для деятельности Рокфеллеровского центра.

В 1980-е гг. новой проблемой для американского бизнеса стало усилившееся конкурентное давление со стороны японских корпораций, наблюдавшееся во многих отраслях [3]. Своеобразным отражением этого процесса стала произошедшая в 1989 г. продажа Рокфеллеровского центра японскому конгломерату «Мицубиси», вызвавшая в США беспокойство за судьбу «национального достояния». Правда, уже в 1995 г. группа американских и европейских инвесторов, включая представителей семьи Рокфеллеров, выкупила знаменитый центр у «Мицубиси» [1, с. 54–56].

Несколько ранее произошло также очень важное и, безусловно, положительное событие: весь комплекс Рокфеллеровского центра был включен в Национальный реестр исторических достопримечательностей США [10].

Появление в этом списке того или иного объекта всегда становится крупным достижением не только по соображениям престижа. Официальный статус исторической достопримечательности радикально повышает шансы на дальнейшее сохранение объекта, а также на бережное и корректное проведение любых его реноваций. Именно так в дальнейшем и обстояли дела в Рокфеллеровском центре, в том числе и при смене собственников. В различных зданиях гигантско-

го комплекса неоднократно проводились и проводятся в настоящее время всевозможные реставрационные работы (см., напр. [6; 8]), и почти каждый раз качество и деликатность проведенных работ, строго ориентированных на первоначальный облик, вызывают очень высокие оценки.

Приближаясь к своему столетнему юбилею, Рокфеллеровский центр сохраняет популярность и не теряет яркий первоначальный образ. Комплекс, как это и задумывалось еще перед началом строительства, продолжает гармонично сочетать в себе деловую (то есть основную) функцию с многоплановой культурной миссией. Она же в свою очередь состоит не только из постоянных компонентов (архитектурный памятник эпохи ар-деко, театральная деятельность, Музей

современного искусства и т. д.), но и включает в себя гибкую выставочную активность, причем, чаще всего, с открытым и бесплатным доступом к экспозиционным объектам для всех желающих. Детальную информацию о подобных событиях всегда содержит официальный сайт Рокфеллеровского центра [12].

Опыт нью-йоркского Рокфеллеровского центра, столь успешно соединившего деловое и культурное начало, нашел продолжение в лице не таких грандиозных, но тоже масштабных проектов в других городах США — Чикаго, Питтсбурге, Миннеаполисе, Сиэтле, Сан-Франциско и др. Вполне вероятно, что различные позитивные аспекты такого американского опыта будут находить применение и в других странах, включая Россию.

Список литературы

1. Никитин, Л. В. Финансовые бури на Тихом океане: соперничество США и Японии в банковской сфере (1970–2020 годы) / Л. В. Никитин // Вестник Пермского университета. История. — 2022. — № 4 (59). — С. 51–61.
2. Никитин, Л. В. Конкуренция штатов в банковской системе США: от «Революции Рейгана» до реформ Обамы / Л. В. Никитин // Американский ежегодник. — 2012. — № 2012. — С. 26–43.
3. Носов, М. Г. США — Япония: от «шоков Никсона» к «битью Японии» при Рейгане (1974–1989) / М. Г. Носов // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2020. — № 7. — С. 61–78.
4. Смирнягин, Л. В. Районы США: портрет современной Америки / Л. В. Смирнягин. — Москва : Мысль, 1989. — 379 с.
5. Balfour, A. Rockefeller Center: Architecture as Theatre / A. Balfour. — New York : McGraw — Hill, 1978. — 256 p.
6. Baron, J. A Glistening Makeover for a Rockefeller Center Icon / J. Baron // The New York Times. — Oct., 27, 2025.
7. Bee, H. Art in Our Time: A Chronicle of the Museum of Modern Art / H. Bee, M. Elligott. — New York : The Museum of Modern Art, 2004. — 240 p.
8. Collins, G. Rockefeller Center is Turning its Underground Concourse into a Shiny New Shopping Zone / G. Collins // The New York Times. — Feb. 21, 1999.
9. Krinsky, C.H. Rockefeller Center / C.H. Krinsky. — Oxford : Oxford University Press, 1978. — 223 p.
10. National Historical Landmarks. List of NHLs by State. — URL: <https://www.nps.gov/subjects/nationalhistoricallandmarks/list-of-nhls-by-state.htm> (дата обращения: 20.11.2025).
11. Rockefeller, D. Memoirs / D. Rockefeller. — New York : Random House, 2003. — 532 p.
12. Rockefeller Center. Events. Art in Focus. — URL: <https://www.rockefellercenter.com/events/art-in-focus> (дата обращения: 18.11.2025).

Черткова Е. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия
152lenad@mail.ru

Роль высшего образования в трансформации культурной идентичности студентов в тихоокеанских штатах США

Аннотация. В статье рассматривается роль высшего образования как инструмента трансформации культурной идентичности в условиях глобализации на примере тихоокеанских штатов США — Калифорнии, Орегона и Вашингтона. Анализируется процесс интеграции студентами глобальных норм с локальными традициями, формирующий гибридные идентичности.

Ключевые слова: высшее образование, тихоокеанские штаты, глобализация, идентичность, культурная трансформация.

Chertkova E. A.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
152lenad@mail.ru

The Role of the Higher Education in the Transformation of Student Cultural Identity in the US Pacific States

Abstract. This article explores the role of higher education as an instrument of cultural identity transformation under globalization, focusing on the U.S. Pacific states of California, Oregon, and Washington. The analysis centers on how students integrate global norms with local traditions to forge hybrid identities.

Keywords: higher education, Pacific states, globalization, identity, cultural transformation.

Тихоокеанские штаты США — Калифорния, Орегон и Вашингтон — исторически представляют собой регион высокого культурного плюрализма. На этой территории сосуществуют потомки коренных американских народов, латиноамериканские сообщества с глубокими корнями в испанском колониальном периоде, массовые азиатские диаспоры (китайские, японские, филиппинские, индийские), а также волны европейской иммиграции XX века. Каждая из этих групп привносила свои культурные, языковые и ценностные системы, формируя сложный этнокультурный ландшафт.

В последние десятилетия в университетах этого региона происходят значительные трансформационные процессы, связанные с глобализацией высшего образования. Занимая весомые позиции в мировых университетских рейтингах [7], университеты Калифорнии, Орегона и Вашингтона становятся узлами глобальной системы образования, в которой национальные и локальные иден-

тичности переосмысляются и переформируются через призму универсальных норм научной рациональности.

Вместе с тем следует отметить, что речь идёт не о полном вытеснении локальных традиций, а о сложном процессе взаимодействия глобального и локального. Студенты активно конструируют гибридные идентичности, сохраняя связи с культурными корнями при одновременной интеграции в глобальный академический контекст.

Университеты тихоокеанских штатов стали центрами глобализации образования не только благодаря академическому престижу, но и встроенности в глобальную экономику — прежде всего через Кремниевую долину и технологические экосистемы Сиэтла [5, с. 4].

По данным Стэнфордского центра институциональных исследований (IRDS) за осень 2023 г., международные студенты-бакалавры составляли около 11,5 % от всего бакалаврского контингента, а в программах магистратуры и аспирантуры их доля достигала

приблизительно 30–35 % [4]. Несмотря на эту демографическую неоднородность, образовательный нарратив университета остаётся неизменным: инновация, предпринимательство, технологический прогресс.

Студенты из штатов Вашингтон и Орегон, изучающие компьютерные науки, проходят социализацию вместе с сокурсниками из Индии, Китая или Западной Европы. Их объединяет не региональная культура или этническое происхождение, а общий код, основанный на культуре инноваций и предпринимательства. Однако следует отметить, что этот единый нарратив интерпретируется студентами неоднозначно: многие находят способы вплетать элементы своей исходной культуры в эту глобальную логику.

Говоря в законодательном историческом контексте, отметим, что университеты стали внедрять программы этнических, гендерных и постколониальных исследований в ответ на социальные движения второй половины XX в., а далее развивать политику разнообразия и инклюзивности [1, с. 141]. В наши дни значительным поворотным моментом в эволюции университетской политики разнообразия стало решение Верховного суда США от 29 июня 2023 г. [6]. Суд постановил, что использование расовых факторов в процессе зачисления студентов нарушает XIV поправку к Конституции США и Закон о гражданских правах 1964 г. Для университетов тихоокеанских штатов это решение создало вызов ускорения уже идущего процесса переориентации критериев отбора. Лишившись возможности прямо учитывать расовую принадлежность, университеты переориентировались на расово-нейтральные критерии отбора: академические достижения (GPA, SAT/ACT), внеклассные мероприятия, эссе о личных достижениях и рекомендации.

Однако важно подчеркнуть, что университеты продолжают использовать альтернативные механизмы для достижения разнообразия. В частности, они разработали целевые стипендиальные программы для студентов из недостаточно представленных сообществ, расширили информационные кампании в этих регионах и учитывают опыт жизни в определённых географических и социально-экономических контекстах.

Системная концентрация на программах STEM (естественные науки, технология, инженерия, математика) представляет собой значимый аспект трансформации образо-

вательного ландшафта. В Стэнфорде более 70 % студентов сконцентрированы в STEM-направлениях и программах Школы бизнеса [4]. В Калифорнийском университете в Беркли (UC Berkeley) из десяти наиболее популярных специальностей семь относятся к STEM-областям [8]. Аналогичная тенденция наблюдается в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA) и Университете Вашингтона, где компьютерные науки и инженерия входят в топ-5 направлений [9, 10].

Следует, однако, отметить, что эта тенденция отражает не только культурную политику университетов, но и глобальный спрос на технологические компетенции. Кроме того, за последние два десятилетия женщины значительно увеличили своё представительство в STEM-специальностях, что демонстрирует сложную картину социальной мобильности и экономических ожиданий студентов.

Тем не менее, маргинализация гуманитарных наук — традиционных хранителей культурного наследия и локальных способов осмысления человеческого опыта — остаётся серьёзной проблемой. Это касается не только количества студентов, но и престижа и финансирования этих дисциплин в структуре университета.

Анализ состояния программ обучения языкам коренных народов в калифорнийских университетах демонстрирует более сложную картину, чем простая унификация. Действительно, глобальные языки (китайский, испанский) демонстрируют устойчивый рост в программах языкового образования [3]. Однако одновременно наблюдается и другой процесс: университеты активно разрабатывают программы по сохранению и возрождению языков коренных народов.

Эти инициативы иллюстрируют важный момент: глобализацию образования не следует рассматривать как однонаправленный процесс унификации. Наоборот, она формирует пространство для критического осмысления и активного сохранения местных культурных традиций. Множество студентов, относящихся к коренным народам и маргинализированным сообществам, используют предлагаемые глобальным университетом ресурсы для укрепления и сохранения своих культурных практик. Часто из этого получается то, что исследователи называют «третьим пространством», где студенты совмещают элементы своей исходной культуры с новыми компетенциями, полученными в

университете [2]. Такие гибридные идентичности не являются ни простым воспроизведением локальных традиций, ни полным поглощением их глобальной логикой. Их можно определить как творческий синтез, который позволяет студентам двигаться в глобализованном мире, сохраняя смысловые связи со своими корнями — отправными культурными фонами.

Карьерный трек развития выпускников демонстрирует встроенность университетов в международные экономические структуры. По данным Стэнфордского центра предпринимательства, выпускники университета основали более 39900 активных компаний, генерирующих свыше 2,7 трлн. долл. годового дохода. Эти компании распределены по всему миру, создавая глобальную, а не локальную экономическую экосистему. Аналогично, по данным UCLA, около 58 % выпускников работают в крупных международных корпорациях или стартапах, в основном в технологическом секторе. Эта глобализация карьерных перспектив неизбежно влияет на образовательные ценности и приоритеты студентов.

Однако необходимо отметить, что растущая интеграция выпускников в глобальные экономические структуры не исключает их способность к поддержанию культурных

связей. Многие выпускники основывают компании, которые активно привлекают представителей из своих культурных сообществ, разрабатывают продукты, адаптированные к локальным рынкам, и участвуют в благотворительных инициативах в своих исходных регионах.

Глобализация высшего образования встроена в систему глобального капитализма и воспроизводит его иерархии, где некоторые знания (технологические, управленческие) получают высокую ценность, в то время как другие (традиционные, культурные) маргинализируются. Процесс этот асимметричен, однако более точным будет рассматривать его не как простой колониализм, а как сложную конфигурацию власти, в которой локальные сообщества активно участвуют в переосмыслении глобальных норм [5].

Университеты тихоокеанских штатов имеют значительный потенциал для выполнения этого двойного проекта. Развитие программ коренных языков, усиление критического анализа в STEM-образовании, включение локальной истории и культуры в учебные программы, а также активное вовлечение сообществ в принятие решений об образовательной политике — всё это может способствовать созданию более справедливого и плюралистического высшего образования.

Список литературы

1. Образ и реальность современного университета / под ред. Е. Г. Прилуковой. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2020. — 175 с.
2. Hurtado, S., Ponjuan, L., Alanis, M. Realizing America's Future: Identifying Barriers and Improving Outcomes for Latino Students in Higher Education // UCLA Chicano Studies Research Center, 2015. — URL: <https://www.chicano.ucla.edu> (дата обращения: 08.12.2025).
3. National Center for Education Statistics. First-Generation College Students. Washington, D. C.: U. S. Department of Education, Institute of Education Sciences, 2022. — URL: <https://nces.ed.gov> (дата обращения: 08.12.2025).
4. Stanford Institutional Research & Decision Support. Enrollment Data. Fall 2023. Stanford, CA: Stanford University, 2024. — URL: <https://irds.stanford.edu> (дата обращения: 08.12.2025).
5. Stein, S., Andreotti, V.O. Higher Education and the Modern/Colonial Global Imaginary // Decolonization: Indigeneity, Education & Society. — 2016. — Vol. 5, No. 1. — P. 1–19.
6. Students for Fair Admissions, Inc. v. President and Fellows of Harvard College: syllabus and opinions of the Supreme Court of the United States, No. 20–1199, decided June 29, 2023. — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/22pdf/20-1199_hgci.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
7. THE World University Rankings 2025. London: Times Higher Education, 2024. — URL: <https://www.timeshighereducation.com> (дата обращения: 08.12.2025).
8. UC Berkeley Institutional Research. Student Majors and Enrollment Statistics. Berkeley, CA: UC Berkeley, 2024. — URL: <https://isc.berkeley.edu> (дата обращения: 08.12.2025).
9. UCLA Office of Institutional Research. Major Selection and Enrollment Data. Los Angeles, CA: UCLA, 2024. — URL: <https://apb.ucla.edu> (дата обращения: 08.12.2025).
10. University of Washington. Office of Institutional Research. Official Enrollment Statistics 2023–2024. — URL: <https://oir.washington.edu/> (дата обращения: 10.12.2025).

РАЗДЕЛ 8

ТРАДИЦИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ: ХАРАКТЕР И СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Баландина Е. С.

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), г. Челябинск, Россия
balandinaes@susu.ru

Жанровые особенности географических очерков

Аннотация. Статья посвящена анализу жанровых характеристик географических очерков. Материалом исследования послужили тексты географического описания XIX века, опубликованные на русском языке. В ходе изучения были выделены следующие ключевые особенности географических очерков: гибридность, документальность, фактологичность, многоплановость, композиционная однородность, описательность, авторское присутствие.

Ключевые слова: жанр, географический очерк, дискурс, текст, гибридность.

Balandina E. S.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
balandinaes@susu.ru

Genre peculiarities of geographical essays

Abstract. The article analyses key peculiarities and characteristics of geographical essays. The research is based on the material of geographical descriptions published in XIX century. The following points were identified in the course of the study: hybridity, documentary nature, factuality, multidimensionality, compositional homogeneity, descriptiveness and authorial presence.

Keywords: genre, geographical essay, discourse, text, hybridity.

Понятие пространства является одним из центральных ментальных категорий, моделирующих универсальную картину мира носителей разных культур [1]. Представление о нем формируется у человека в течение жизни посредством различных ощущений и реакций на окружающую действительность. Однако данные ощущения и реакции могут быть вызваны не только при непосредственном соприкосновении с внешней средой или пространством, но и при знакомстве с определенными текстовыми источниками, репрезентирующими географические образы. В этой связи особенно актуальным становится вопрос изучения дискурса географического описания, который является источником изучения и осмысления пространства.

Дискурс географического описания представляет особый вид институционального дискурса, совокупность устных, текстовых и визуальных репрезентаций географического пространства, которые формируют представления об определённых территориях и их особенностях. Цель текстов данного типа состоит в распространении знаний о природной, экономической и хозяйственной специфике различных земель. Письменный дискурс географического описания может быть представлен разнообразными видами текстом.

В данной статье мы хотим остановиться на анализе географических очерков XIX века, а именно на изучении их жанровых характеристик. Географические очерки имеют высокую научную ценность для исследовате-

ля поскольку позволяют реконструировать пространственные образы того времени, выделить ключевые черты их репрезентации и восприятия носителями русской культуры. Для изучения материала комбинируются предметно-тематический, дискурсивный анализ, а также возможности корпусной лингвистики, что позволяет значительно снизить уровень субъективности при анализе [2].

В основе жанрового своеобразия данных очерков лежит их гибридность, которая предполагает смешение научного и художественного дискурсов, соединение фактических данных с образным описанием. При этом следует отметить, что подобное сочетание двух противоположных дискурсов в описании географической территории является довольно разнородным, что приводит к тому, что на протяжении текста в большей или меньшей степени раскрывается тот или иной дискурс-компаньон, формирующий гибридно-дискурсивное пространство. Подобное единение дискурсов во многом определяет дальнейшие жанровые особенности географических очерков.

Документальность и фактологичность выступают неотъемлемыми элементами дискурса географического описания. Документальность текста реализуется в его строгой привязке к описанию определенной местности или пространства, по средствам предоставления читателю точных топонимических сведений, географических данных и координат. Фактологичность, в свою очередь, обеспечивается за счет включения в текст различных терминологических единиц, детального описания ландшафта местности, производства и быта народа, населяющего ту или иную территорию.

Подобное глубокое освещение разнообразных аспектов, формирующих образ пространства, позволяет говорить о многоплановости, характерной для дискурса географических очерков. Очень часто описание территории начинается с исторической справки, в которую могут быть вплетены различные мифологические повествования или древние представления об особенностях той или иной земли, а также людей ее населяющих. Далее, как правило, следует физико-географическое описание местности — её рельефа, климата, природных характеристик, гидрографии. Одновременно с этим очерки знакомят читателя с местным населением, акцентируя внимание на особенно-

стях внешности, нравах, бытовом устройстве жизни, тем самым, формируя определенное представление о хозяйственной деятельности и социальном устройстве общества. Кроме этого, географические очерки часто включают авторское повествование, с прямыми рассуждениями и впечатлениями, что придает тексту не только художественную ценность, но и дополнительный план содержания, для которого характерна эмоциональность и личностная оценка.

Несмотря на выраженную многоплановость и авторские особенности повествования географические очерки характеризуются определенной композиционной однородностью. Эта однородность проявляется в устойчивой последовательности изложения материала, позволяющего читателю с легкостью ориентироваться в структуре текста. Подобная очередность в описании от исторической ретроспективы к особенностям природного ландшафта местности и далее к хозяйственной деятельности населения обеспечивает строгость и систематичность изложения, что позволяет читателю получить полное представление о пространстве и составить определенный образ в его языковом сознании. Более того, композиционная однородность облегчает анализ и сравнение различных особенностей географических территорий, обеспечивает узнаваемость и жанровое своеобразие текстов.

Следующим значимым аспектом, характеризующим географические очерки, выступает описательность, которая позволяет не сводить повествование к сухому перечислению фактов, географических и статистических данных. Именно через использование образной речи, различных оценочных лексических единиц, эмоционально-окрашенной лексики авторам удается воссоздать уникальный образ территории, а читателю погрузиться в атмосферу описываемого пространства и больше узнать о его особенностях.

Отдельного внимания заслуживает специфика географических очерков, выражающаяся в авторском присутствии. Образ автора может проявляться в текстах либо в качестве стороннего наблюдателя, либо в качестве активного участника повествования. В случае если автор занимает удаленную позицию в стремлении объективного научного описания географического пространства, его авторское «Я» раскрывается непосредственно через выбор лексических единиц, используемых им

при описании местности. В случае если автор является непосредственным участником описываемых событий, его образ дополняется через включения личных наблюдений, впечатлений и рассуждений.

Таким образом, географические очерки XIX века представляют собой гибридную форму дискурса, в котором сочетаются жанровые характеристики научного и художе-

ственного текстов. Доминантой выступают черты, относящиеся к научным традициям изложения материала, что во многом определяется целью и задачами дискурса географического описания. Элементы художественности помогают преодолеть сухость научного повествования и превратить очерк в познавательное и ценностно-художественное произведение.

Список литературы

1. Замятин, Д. Н. Феноменология географических очерков / Д. Н. Замятин // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 20–25.

2. Баландина, Е. С., Передриенко, Т. Ю. Дискурс-анализ медиатекстов о системе образования: возможности корпусного и когнитивного исследования / Е. С. Баландина, Т. Ю. Передриенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». — 2022. — № 2. — Т. 19. — С. 5–14.

Белоусова Е. Г.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
belouelena@gmail.com

Шахматова Д. А.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
shakhmatov74@mail.ru

Образ дома в художественной вселенной романа М. Петросян «Дом, в котором...»

Аннотация. На материале романа М. Петросян «Дом, в котором...» в статье рассматриваются особенности воплощения Дома как вечного образа. Раскрывается амбивалентная природа образа, внутреннее устройство Дома и связь с другими топосами романа. Делается вывод о миромоделирующей функции образа Дома в романе.

Ключевые слова: образ Дома, М. Петросян, мифопоэтика, литература young adult.

Belousova E. G.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
belouelena@gmail.com

Shakhmatova D. A.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
shakhmatov74@mail.ru

The image of a House in the artistic universe of the novel «The House in which» by M. Petrosyan

Abstract. Based on the novel «The House in which ...» (2009) by M. Petrosyan, the article examines the features of the embodiment of the House as an eternal image. The ambivalent nature of the image, the internal structure of the House and the connection with other toposes of the novel are revealed. The conclusion is made about the world-modeling function of the House image in the novel.

Keywords: the image of the House, M. Petrosyan, mythopoetics, young adult literature.

Дом — одна из важнейших культурных универсалий, уходящих корнями в глубины мифологической архаики. Это объясняет неослабевающий интерес к образу дома писателей, по-своему осмысляющих и выражающих с его помощью актуальные представления о мире и способе его освоения человеком.

Рассмотрим, как это делает М. Петросян в романе «Дом, в котором...». Опубликованный в 2009 году, он стал заметным явлением современной русской прозы¹ и до сих пор остается одним из самых читаемых произведений той ее ветви, что получила название *young adult*» [1].

Сфокусированная на проблемах взросления и самоидентификации, литература для «молодых взрослых» (дословный перевод) вовсе не является «легким чтивом». Как правило, она предлагает подростку откровенный разговор на самые трудные темы, в том числе тему инклюзии, которую так остро и самообитно ставит в своей книге М. Петросян, рассказывающая об обитателях Дома инвалидов и их отношениях с окружающим миром. И конечно, смысловым и структурным центром романного мира является вынесенный в заглавие образ Дома. Он имеет амбивалентный характер и реализуется на различных уровнях художественной структуры романа.

На *реальном уровне*² художественного пространства Дом представлен как конкретный локус. Это интернат для детей-инвалидов, расположенный на окраине города и по форме напоминающий типовое школьное здание (чаще всего в виде букв «Н» или «П»). Будучи пространством «других», Дом отделен физическими, ментальными и психологическими барьерами от внешнего мира. Он «противопоставляется окружающему миру как пространство *закрытое* — открытому, *безопасное* — опасному, *внутреннее* — внешнему» [11, с. 168].

При этом пространство Дома хорошо структурировано по вертикали (три этажа) и горизонтали: Дом включает в себя два корпуса (для мальчиков и девочек), соединенных лестницей, и ряд внутренних помещений, которые прописаны с разной степенью детализации и различаются по функционалу.

Одни выполняют вполне определенные и традиционные для заведений такого

типа функции: Перекресток — рекреация, Могильник — больничное крыло, Клетка — изолятор. К монофункциональным пространствам также можно отнести столовую, актовый зал, спортивный зал, учебные кабинеты, туалеты и Кофейник — небольшое кафе, где ребята могут выпить чаю или кофе. Другие — жилые комнаты мальчиков — полифункциональны, т. е. одновременно выполняют функции столовой, спальни, а также служат местом для проведения досуга.

Но на самом деле устройство Дома не столь однозначно, как и функционал его локусов. На *перцептивном уровне* (в восприятии детей и автора) многие из них имеют совершенно иной смысл и назначение. Клетка воспринимается как местный курорт, а Могильник — самое страшное место, аналог мира мертвых. Стены служат не столько средством разграничения пространства, сколько «носителями актуальной текущей информации (стена как своего рода газета), пространством памяти (сохраняют надписи и рисунки живших в доме людей), хранителями традиций (своеобразный аналог книги, где фиксируются правила и особые ритуалы)» [3, с.176].

Перекресток и коридоры оказываются порталами в Изнанку, т. е. *максимально расширяют пространство Дома*, позволяя ему выйти за свои материальные и физические границы. Эту способность Дома М. С. Ремизова объясняет, проводя параллели с мировой утробой: «Пространство Дома стремится к бесконечности — еще бы, ведь мировая утроба — это мифологическая параллель мировому яйцу, из которого и была создана вся Вселенная, которое, строго говоря, этой Вселенной и является» [10].

И действительно границы Дома и его внутренних локусов определить достаточно сложно, тем более что сведения о них в различных главах романа не совпадают. Как следствие, несмотря на все старания, фанатам книги до сих пор не удалось воссоздать детальную планировку Дома [8, 9].

Несовпадение внутреннего пространства Дома с его внешним видом проявляется и в изображении жилых комнат, которые на самом деле являются местом обитания стай или племен [4]. Фазанов, Крыс, Птиц, Псов, Бандерлогов и др. отличает не просто общность территории, но особая идентификация

¹ Победитель «Русской премии» в номинации «Крупная проза» (2009); 3 место в номинации «Приз зрительских симпатий» премии «Большая книга» (2009); победитель премии «Студенческий Букер» (2010) и др.

² Здесь и далее, в том числе и в цитатах, выделено нами — Е. Б., Д. Ш.

(по названию и внешним признакам), уклад жизни и модель взаимоотношений по типу семьи.

Всех Фазанов, например, объединяет любовь к чистоте и порядку. На подушках — белые салфетки, на стенах — плакаты с лозунгами, представители стаи всегда одеты в белые рубашки и черные брюки. Антиподами Фазанов являются Крысы — «помесь панков с клоунами» [7]. Двери их комнаты оскальиваются синими черепами, всюду разбросан мусор, представителей стаи легко узнать по ярким солнечным очкам, цветным ирокезам и бусам.

Самобытность стай остро чувствует Курильщик, когда покидает территорию Фазанов и заезжает на территорию Крыс «Я храбро пересек ее, въехал в коридор за вестибюлем, и оказался совсем в другом мире» [7].

И поскольку Дом — это пространство, в котором сосуществуют несколько племен, можно утверждать, что в романе Петросян Дом относится к закрытым и открытым структурам одновременно, т. е. является не только локусом, но и топосом. Для обитателей интерната Дом и есть Мир, точнее особая модель мира, объясняющая и упорядочивающая сущие в нем явления и процессы, определяющая связь между ними.

Он имеет свои обряды, в частности обряд инициации — крещение, при котором старожил придумывает имя новичку (Слепой, Сфинкс, Курильщик...), и свою иерархию, которая представлена в трех формах — пространственной, социальной и семейной.

Смысл пространственной иерархии раскрывает А. А. Булгакова: «Вертикально Дом выстроен как трехуровневая система: подвал (низший уровень, где прячутся отвергнутые Домом, аналог преисподней, бессознательных структур человеческой психики); жилая зона и стены (срединный уровень, уровень жизни, человеческой памяти, истории); чердак / крыша (высший уровень, небеса, сверхсознание)» [3, с. 173].

Социальная иерархия предполагает выделение из основной массы «домовцев» вожаков стай и вожака всего дома. Основной механизм смены вожака — убийство (еще один вариант обряда инициации [4]). В романе мы видим убийство Слепым Помпея и нападение на Рыжего.

Семейная иерархия раскрывается в рассуждениях Шакала Табаки, называющего Сфинкса матерью Дома и его обитателей.

Герой берет на себя ответственность в непростых ситуациях, воспитывает своих соплеменников и утешает их.

Границы, которыми Дом отгородился от внешнего мира, тоже оказываются весьма условными и проницаемыми. Как следствие Дом соотносится с другими мирами и топосами романа — Наружностью и Изнанкой. С первым — по принципу противопоставления, со вторым — по принципу дополнения [3, с. 173].

Мир Наружности неодушевленный, он представлен многоэтажными домами (Расческой) и пустырями и враждебен по отношению к «домовцам». «Серый Дом не любят. Никто не скажет об этом вслух, но жители Расчесок предпочли бы не иметь его рядом. Они предпочли бы, чтобы его не было вообще» [7].

В Наружности все подчиняется законам взрослых, тогда как Дом существует по правилам, придуманными детьми: «Они заключали между собой браки и усыновляли друг друга. Не было надежды проникнуть в их мир. Они его придумали сами. Свой мир, свою войну и свои роли» [7].

Если обитателей пансиона представляют собой отклонение от нормы, то Наружность — ее воплощение. Множество однотипных серых бетонных домов делают нормальный мир Наружности стандартным и безликим, а пестрота стай и их жилищ подчеркивают особенность пространства Дома, его уникальность.

Осознавая, что внешний мир для них чужой, дети испытывают страх, прячутся от него, уничтожая хрупкие границы, например, закрашивают окна черной краской. На перцептивном уровне Наружность — это не столько инобытие, сколько небытие, и потому об ушедших в Наружность здесь говорят как о покойниках.

И тем не менее Дом тесно связан с Наружностью. Летуны отправляются в нее, чтобы раздобыть нужные вещи; ушедшими («потерявшимися») в Наружность детям напоминаем о Доме служит особая форма сыпи (Болезнь Потерявшихся); надписи и рисунки, появляющиеся на стенах Дома, способствуют возвращению тех, которого Дом и дети не хотят отпускать.

Изнанка — своеобразное продолжение и углубление пространства Дома. Это ирреальный, мистический мир, в который попадают избранные герои, имеющие осо-

бенно тесную, ментальную связь с Домом — ходоки (Лорд, Слепой, Сфинкс...), наделенные способностью перемещаться туда по собственной воле, и прыгуны, попавшие в Изнанку случайно — в минуты сильного потрясения или наркотического опьянения. Для тех же, кто тяготеет к Наружности и не разбирается в тонких материях — Псы, Фазаны, Изнанка навсегда закрыта.

В отличие от Наружности, Изнанка прописана в романе более подробно, в частности включает в себя ряд топосов: Лес изображается как сказочное пространство, городок Чернолес с трассой и закусочной, напоминают одноэтажную Америку.

Как видим, пространство Изнанки не однородно, но главное его свойство — воплощать подсознание детей. Здесь исчезают увечья и физические ограничения — «домовцы» больше не чувствуют себя неполноценными людьми. В этом плане Изнанка осмысливается как «иное» пространство, противоположное не Дому, а материальной Наружности. Д. А. Мельник справедливо видит в Изнанке разновидность онирического пространства, которое по большей части формируется на основании литературных источников (например, текстов Д. Стейнбека) [6, с. 65].

Изнанка тоже неразрывно связана с Домом, и связи эти разнообразны: посредством слова (Ночь Сказок, песни, надписи на стенах) или паранормальных способностей героев. Но ключевая роль здесь принадлежит Шакалу Табаки, который является Творцом

мифа о Доме, хранителем времени и истории Дома. Именно он собирает топосы Дома, Наружности и Изнанки воедино, в бесконечную Вселенную романа.

Итак, образ Дома является структурным и смысловым центром романа. Он раскрывается на различных уровнях художественной структуры — реальном (объективном), перцептивном (субъективном) и концептуальном. Являя собой архетип, Дом накапливает и передает знание об окружающем мире, его истории и традициях, способствуя духовному, социальному и психологическому взрослению героев.

Вместе с тем образ Дома является маркером социокультурных, мировоззренческих и ментальных изменений в обществе. Это духовная проекция личности М. Петросян, устремленной к поиску неизменных оснований в период социальной нестабильности и смены эпох. Амбивалентная природа Дома связывает его с Наружностью и Изнанкой, определяет роль Дома как буферной зоны между противоположными мирами, способствуя их соположению.

Такая модель мира максимально способствует раскрытию проблематики и идеи произведения, дает надежду на преодоление антиномичности между Наружностью (окружающим миром) и Домом (миром особенных детей), учит воспринимать каждого человека как единственную и неповторимую личность с набором симпатичных и несимпатичных черт, как это делают обитатели Дома.

Список литературы

1. Березина, А. В. Young adult как направление художественной литературы для старшеклассников / А. В. Березина, А. В. Бочарова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/young-adult-kak-napravlenie-hudozhestvennoy-literatury-dlya-starsheklassnikov/viewer> (дата обращения 06.01.2026).
2. Биякаева, А. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте современной магической прозы: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Биякаева Алина Викторовна. — Омск, 2017. — 20 с.
3. Булгакова, А. А. Топос «дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...» / А. А. Булгакова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26, № 2. — С. 167–180.
4. Галина, М. С. Дом, наружность и лес / М. С. Галина. — URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/4/dom-naruzhnost-i-les.html (дата обращения: 06.01.2026).
5. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь : сайт. — URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/kritika/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/hudozhestvennoe-prostranstvo-v-proze-gogolya.htm> (дата обращения: 06.01.2026).
6. Мельник, Д. А. Рассказывание историй в романе «Дом, в котором...» Мариам Петросян: смысловые уровни / Д. А. Мельник // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература — 2013. — № 3. — С. 63–67.

7. Петросян, М. С. Дом, в котором... / М. С. Петросян. — URL: <https://knizhnik.org/mariam-petrosjan/dom-v-kotorom/1> (дата обращения: 06.01.2026).
8. План Дома № 1 // Вконтакте. — URL: https://vk.com/wall-18667132_75588 (дата обращения: 06. 01. 2026).
9. План Дома № 2. — URL: <https://fandom-vdk.blogspot.com/2021/07/blog-post.html> (дата обращения: 06. 01. 2026).
10. Ремизова, М. С. Времени нет / М. С. Ремезова. — URL: <https://magazines.gorky.media/october/2012/4/vremeni-net.html> (дата обращения: 06.01.2026).
11. Топорков, А. Л. Дом / А. Л. Топорков // Славянская мифология : энцикл. слов. — Москва : Эллис Лак, 1995. — С. 168–169.

Дубовцева У. В.

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Россия
dub.liubov2013@yandex.ru

Старицына Ю. А.

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Россия
y.a.staritsyna@struust.ru

Особенности числовой символики и хронотопа в европейских и русских сказках XII–XXI веков

Аннотация. В статье рассматриваются значимые детали меры, объёма, веса, чисел, хронотопа, их функции в текстах европейских и русских сказок. В ходе исследования раскрывается функциональное и смысловое поле числовой символики и хронотопа, их особенности, своеобразие.

Ключевые слова: мера, число, количество, расстояние, вес, объём.

Dubovtseva U. V.

Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak, Russia
dub.liubov2013@yandex.ru,

Staritsyna Yu. A.

Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak, Russia
y.a.staritsyna@struust.ru

Numerical Symbolism and Chronotope in European and Russian Fairy Tales from the 12th to 21st Centuries

Abstract. The article examines significant details of measure, volume, weight, numbers, and chronotope, as well as their functions in the texts of European and Russian fairy tales. The study reveals the functional and semantic field of numerical symbolism and chronotope, as well as their specific features and uniqueness.

Keywords: measure, number, quantity, distance, weight, volume.

Современные исследователи все чаще обращаются к анализу авторских сказок XVII–XIX веков. Например, в статье С. В. Фаттаховой «К вопросу о некоторых особенностях поэтики сказок Ш. Перро» произведения французского писателя семнадцатого века

рассматриваются с точки зрения их связи с фольклором, нравоучительного аспекта, жанровых особенностей, светского характера произведений [8]. Дорофеева Людмила Григорьевна в статье «Христианский контекст сказок Г. Х. Андерсена: к вопросу жанровой специфики» рассматривает жанровые особенности и границы произведений писателя, связи с религией, отсылки к библейским сюжетам, идейно-смысловому содержанию сказок [5]. Исследователь С. Биркхойзер-Оэри указывает на то, что в повторяющихся мотивах и образах сказок запечатлена информация о жизни, которая проявляется в материальном, социальном и духовном компонентах, поэтому мы обратимся к анализу сказок русских и европейских писателей XVII–XXI вв. с точки зрения значимых деталей меры, объёма, веса, размера, расстояния, массы, длины.

Так, в сказке Шарля Перро «Подарки феи» любовь матери к старшей дочери оценивается автором и описывается как «чересчур сильная, неоправданная»: «без ума» [6]. Это логично, учитывая, что основание для «распределения» материнской заботы и ласки происходит по причине «похожести на себя». Автор «измеряет» степень грубости матери и старшей дочери, где своеобразной «мерой» становится отношение других людей к героиням: «до того грубы... что все люди... старались держаться от них подальше» [6]. Здесь не приводится конкретное исчисление, но общая оценка выражается в словах «много», «сильно невоспитанные» [6].

С помощью некоторых величин автор показывает, каково жилось младшей дочери в родном доме. В определении тяжести её жизни используется мера расстояния, которое девушка обязана преодолевать, и объёма носимой ноши: «в двух часах ходьбы» [6], «большой, полный доверху кувшин воды» [6]. Помимо этого, она выполняет ещё множество других «прочих дел...» [6] Младшая дочь много трудится, непрерывно работает, автор подчёркивает это, давая характеристику персонажа и используя различные величины. Ей противопоставлена Фаншон, которая, отправляясь к источнику, берёт кувшин небольшого размера: «серебряный кувшинчик» [6]. Эта деталь позволяет охарактеризовать девушку как ленивую, избегающую тяжёлого труда, а также сравнить сестёр.

У источника Фея оценивает степень воспитанности и благонравия младшей дочери:

«Ты так хороша... что...» [6] Она прибегает к той же конструкции измерения, что и в случае определения грубости матери и старшей дочери. Словно на весах, фея измеряет любезность и полагающуюся за неё награду. Она обращается к старшей дочери: «какова услуга, такова и награда» [6].

В дальнейшем подобным образом оценивает младшую дочь принц, выбирая её в качестве невесты. Он приходит к выводу, что подарок феи «стоит дороже любого приданного» [6].

Так, различные способы изменений (физические предметы, абстрактные понятия, конкретные величины) в сказках Шарля Перро выполняют важную художественно-эстетическую и дидактическую функцию. Они позволяют автору создавать яркие образы, подчеркивать характер персонажей, развивать сюжет и передавать моральные уроки читателям. Через метаморфозы героев и обстановки сказки обретают многослойность, делая повествование увлекательным и познавательным одновременно.

Братья Гримм тоже используют различные способы и формы измерения. Например, сказка «Ленивая пряжа» начинается со слов: «Много лет назад...» [4]. Здесь зачин выполняет ту же функцию, как и в устной народной традиции, он не указывает лишь на время и место действия.

Три раза муж собирается рубить дерево, и три раза спрятавшаяся жена громко проговаривает пугающее предупреждение, чтобы остановить его: «Но и в третий раз опять кто-то громко закричал» [4].

В произведении поддаётся измерению настойчивость мужа, который в первый и во второй раз решает закончить дело, но после третьего раза отказывается от своего намерения: «Этого было достаточно, чтобы он потерял всякую охоту рубить» [4]. Наречие меры и степени «достаточно» указывает на предел целеустремлённости героя.

В сказке Ганса Христиана Андерсена «Соловей» повторяется число два. Два раза первый министр приходит к императору по поручению о соловье; два раза придворные в лесу ошибаются, приняв голоса животных за песню соловья. С помощью чисел автор показывает невежество людей. «Одиннадцать сыновей мелочных торговцев» [2] назвали именем соловья, хотя для этого не имелось никаких оснований, родители сделали это исключительно из-за «моды».

Золотой соловей с драгоценными камнями поёт тридцать три раза, затем в тридцать четвёртый «...искусственному соловью пришлось петь опять, и все в тридцать четвёртый раз услышали одну и ту же песенку» [2]. Тридцать три года — возраст Иисуса Христа. Автор намеренно указывает эту цифру, а после добавляет к ней единицу, чтобы показать, что искусственный соловей вовсе не «божественен», не настолько искусен, как живая птица. Год императорский двор слушал песни золотой птицы, после чего на протяжении пяти лет механизм заводили только один раз в год.

В произведении даётся представление соловья о своей награде за пение. Птица измеряет слёзы императора, как лучшую плату: «Нет награды дороже для сердца певца» [2].

В сказке Павла Петровича Бажова «Серебряное копытце» числа тоже помогают раскрытию образов героев. В начале произведения используется словосочетание «старик один» [3]. Оно в данном контексте имеет несколько значений: первое — некий, какой-то старик, второе — жил один старик, в одиночестве. Слово «один» находится в тексте рядом с прозвищем героя — Кокованя, созвучным русскому слову «куковать», то есть находится в одиночестве[1].

Число три повторяется в произведении: герои живут втроём: «Вот и стало их в балагане трое» [3], три раза Серебряное копытце подходит к избушке с Дарёнкой, три дня Кокованя отсутствовал в лесной хижине. Здесь обнаруживается связь с фольклорной традицией.

Кокованя успеваешь собрать шапку драгоценных камней, которых им было достаточно: «Ну, им и того хватило» [3]. Примечательно, что мериллом драгоценностей выступает обыкновенная мужицкая шапка. Здесь можно провести параллель с текстом Петра Павловича Ершова «Конёк-Горбунок», в котором Иванушка меряет серебро своим головным убором.

В сказке современной писательницы Елены Ульевой «Надежда» из сборника «Что ты чувствуешь?» изменение/перевоплощение размера/роста становится центральным мотивом. Слононок хочет подрасти, стать боль-

шим: «Папа, — говорил он, — я не хочу быть маленьким. Я хочу быть как ты» [7]. Слононок перечисляет то, что бы он желал уметь и что делает значимым его отца: «Доставать апельсины с самых высоких деревьев. Поднимать самые тяжёлые брёвна» [7]. Отец Слона, выступающий в роли мудрого наставника, советует ребёнку тренироваться, то есть совершать те действия, о которых мечтает сын: «тянуться за апельсинами, поднимать брёвна» [7].

Ключевые действия в сюжете обозначены с помощью меры веса, объёма, размера, высоты: апельсины высоки, брёвна тяжёлые. Трудности, с которыми сталкивается слонёнок также очерчены с помощью меры веса, объёма: «Как же ему было тяжело!» [7]

Под размером взрослого слона подразумевается не физическая величина роста, а жизненный опыт, то, что отличает взрослого от ребёнка. На это указывает совет, данный отцом-слоном: расти не только физически (больше есть), а совершать «взрослые» поступки, приобретая жизненный опыт. Соответственно различные физические характеристики объектов (вес, высота) — это различные виды опыта.

В истории «Ревность» происходит измерение объектов по принципу много/мало, хватает/не хватает. В начале сказки главный герой, цыплёнок, заявляет, что ему мама даёт мало ласки, каши и объятий: «Мама всем даёт много каши, а мне — совсем чуть-чуть!» [7, с. 32]. В конце главный герой измерил полученную ласку и кашу как достаточно, даже слишком много: «Теперь хватает! — тоже засмеялся цыплёнок. — Я лопну, если всё это съем» [7, с. 33]. Когда цыплёнку еды и любви стало «достаточно», он перестал испытывать отрицательное чувство — ревность: «Когда много любви и тепла, не нужно их делить. На всех хватит» [7, с. 34].

Таким образом, измерение, мера лежат в основе дидактического сюжета произведения и служат образному выражению важных моральных, духовно-нравственных понятий. Согласно логике сказки «Ревность», с помощью меры объектов внешнего мира можно контролировать переживания.

Список литературы

1. Академик : словари и энциклопедии. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: 22.11.2025).

2. Андерсен, Г. Х. Соловей / Г. Х. Андерсен // Nukadeti.ru : детский литературный портал. — URL: <https://nukadeti.ru/skazki/andersen-solovej> (дата обращения: 22.11.2025).
3. Бажов, П. П. Серебряное копытце / П. П. Бажов // Deti-online.com : детская библиотека. — URL: <https://deti-online.com/skazki/serebryanoe-kopytce/> (дата обращения: 22.11.2025).
4. Гримм, В. Сказки / В. Гримм, Я. Гримм ; пер. Г. Петникова ; ил. Ф. Грот Иоганна, Р. Лейвебер. — Москва : Эксмо, 2004. — 544 с.
5. Дорофеева, Л. Г. Христианский контекст сказок Г. Х. Андерсена: к вопросу жанровой специфики / Л. Г. Дорофеева. — Текст : электронный // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-kontekst-skazok-g-h-andersena-k-voprosu-zhanrovoy-spetsifiki> (дата обращения: 22.11.2025).
6. Перро, Ш. Подарки феи / Ш. Перро // Nukadeti.ru : детский литературный портал. — URL: <https://nukadeti.ru/skazki/perro-podarki-fei> (дата обращения: 22.11.2025).
7. Ульева, Е. Что ты чувствуешь? : энциклопедия для малышей в сказках / Е. Ульева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2025. — 46 с.
8. Фаттахова, С. В. К вопросу о некоторых особенностях поэтики сказок Ш. Перро / С. В. Фаттахова // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nekotoryh-osobennostyah-poetiki-skazok-sh-perro> (дата обращения: 22.11.2025).

Ершова М. Е.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
masha.ershova.00@bk.ru

Научный руководитель: Голованова Е. И., Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия. terminolog2011@rambler.ru

Традиционные и новые черты женского образа в песенных текстах группы «Колибри»

Аннотация. В статье рассматриваются постоянные и меняющиеся с течением времени черты женского образа в литературе и песенных текстах, выявляются особенности песен, написанных в переходный период, который мог отразиться на восприятии женщины самой себя. В качестве материала для исследования выбраны песни петербургской группы «Колибри», вошедшие в альбом «Манера поведения». Применяя элементы концептуального анализа, автор статьи выделяет ключевые для песенных текстов концепты: «сон», «безумие», «танец», «зима», «весна», «день», «вечер», «ночь».

Ключевые слова: традиция, женский образ, песня, группа «Колибри», языковая картина мира, концепт.

Supervisor: Golovanova E. I., Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. terminolog2011@rambler.ru

Traditional and new features of the female image in the songs of the group «Kolibri»

Abstract. The article examines constant and time-dependent traits of the female image in literature and song lyrics. It identifies the characteristics of songs written during the transition from an old to a new consciousness, which could affect a woman's self-perception and, consequently, influence the texts she creates. The songs by the St. Petersburg band «Kolibri» from the album «Manerapovedeniya» were chosen as the material for the study. Using elements of conceptual analysis, the author of the article highlights key concepts in the band's song lyrics: dream, madness, dance, winter, spring, afternoon, evening, night.

Keywords: tradition, female image, song, the band Kolibri, linguistic worldview, concept.

Женские образы в русской литературе занимают особое место и неразрывно связаны с такими темами, как семья и любовь. Истоки женских образов мы находим в фольклорных текстах, прежде всего в сказках, где женщина — это героиня, наделенная особым знанием: Василиса Премудрая, Крошечка Хаврошечка, жена-отгадчица и др. Знание женщины нередко имеет скрытую природу, связано с иным миром. В этом знании велика роль интуиции.

Образ женщины раскрывается и в народных песнях — обрядовых и лирических. В них выражена особая эмоциональность, чуткость женщины, показана связь ее переживаний с природной символикой: происходящее в природе усиливает тяжелое состояние лирической героини, нередко вторит ее чувствам (см. об этом: [1, с. 540–544]).

С принятием на Руси христианства женщина связывается прежде всего с материнством, образ богородицы становится наиболее значимым. Параллельно в литературе возникает традиция изображения женщины как верной жены, во всем помогающей своему мужу, сопровождающей его («Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Слово о полку Игореве»).

В литературе сентиментализма женщина часто выступает главной героиней, а предметом наблюдения автора являются ее душевные переживания («Бедная Лиза»). Девушка предстает как страдающий персонаж, поступки которого идут вразрез с разумом, но при этом вызваны глубоким чувством, под-

сказывающим героине правильность ее действий. Судьба девушки принадлежит ей не в полной мере — героиня поступает, влекомая чувством или эмоцией, не осознавая при этом их силу.

В эпоху романтизма и реализма образ женщины связан в первую очередь с любовной линией. Героиня, выступающая в качестве объекта интереса главного героя, нередко предстает как самодостаточная, сильная личность, способная на решительные поступки, которые все еще спровоцированы сильным чувством, однако уравновешены ее рассудительностью. Перевес в сторону разума или чувства рождает новые типы героинь: холодную одинокую женщину (Анна Одинцова, Лида из «Дома с мезонином») или, напротив, роковую страстную натуру (Настасья Филипповна, Катерина Измайлова).

Образ женщины-матери в литературе романтизма и реализма редко является центральным. Мать смягчает строгого, мудрого и наставляющего на верный жизненный путь суровыми методами отца.

Заметим, что до XX века образ женщины в русской литературе был практически полностью сформирован мужчинами — писателями и поэтами, воспевающими женскую красоту, нежность, чувственность, природное начало.

В XX веке с приходом авторов-женщин в литературу и искусство намечается новый вектор развития женских образов, когда на женщину можно смотреть глазами самой женщины, с ее непосредственным жизнен-

ным опытом, переживаниями и мечтами. Героиня предстает как хрупкое, готовое любить всех вокруг, но чуждое этому миру существо («Повесть о Сонечке» М. И. Цветаевой) или взбалмошная, безумная и страстная особа, нарочно привлекающая к себе внимание окружающих своим экстравагантным поведением («Демоническая женщина» Н. А. Тэффи). При этом можно видеть, как один и тот же тип роковой женщины кардинально отличается у авторов-мужчин и авторов-женщин. Так, в «Чистом понедельник» И. А. Бунина героиня окутана романтической тайной, неразрешимой загадкой и потому становится очарованием для героя. В тексте Н. А. Тэффи тот же тип женщины читатель воспринимает не глазами влюбленного мужчины, а в передаче третьего, независимого лица: здесь возникает мотив наигранности и искусственности, неискренности, поэтому снижается и становится карикатурной «тайна» героини.

На каждом историческом этапе образ женщины в литературе и песенных текстах менялся в связи с культурными и социальными условиями [3]. Важную роль в создании этого образа играет нарратор. В связи с этим возникает интерес к образу женщины в переломные эпохи (как, например, в конце восьмидесятых — начале девяностых прошлого века) и именно в песенных текстах, отражающих восприятие женщиной самой себя.

В качестве материала для исследования были выбраны песни петербургской группы «Колибри», вошедшие в альбом «Манера поведения» (записан в период с 1989 по 1991 год, был выпущен в 1991 году), причем именно те песни, которые были написаны участницами группы, то есть все песни альбома, кроме «Трамвая» и «Орландины». Отличительной чертой группы было то, что каждая из пяти вокалисток участвовала в написании песен [5, с. 381–384], поэтому тексты не привязаны к картине мира лишь одной из девушек. Концептуальный анализ текстов [2] позволит сделать вывод о том, как женщина ощущает себя в обществе и наедине с собой, какой образ она транслирует (возможно, на бессознательном уровне), насколько этот образ соответствует представленному в фольклоре и литературе предыдущих эпох и что нового женщина рубежа веков, творящая на стыке двух идеологий — уходящего социализма и идеологии новой страны, черты которой только намечаются, — может принести в портрет женщины.

В большинстве песенных текстов альбома воспроизводится мотив сна: «Я сплю, а он [голос] с ума меня сводит», «Себе я не давала спать / Боялась пропустить приход весны / А сны / Меня пытались заманить...», «А Фудзи еще не спит / А Фудзи еще не ложилась». Мотив сна тесно связан с набором повторяющихся из композиции в композицию лексем: «сон», «спать», «проснуться», «устать», «вечер», «ночь», которые относятся к категориям времени и состояния человека.

Сон в песнях сопряжен с такими смыслами, как безумие («сойти с ума»), болезнь, танец, мечта. Особую значимость для авторов песен имеют ощущения перехода в пограничное состояние. Этот переход осуществляется через ощущение лирической героиней болезненности окружающего спящего города и своего болезненного состояния («Я давно не умею спать / Я не помню где ночь, где день, где утро / Только вечер голодный, танец безумный, / Пляска больных огней»), через осознание безумности происходящего и понимание своего нахождения на грани безумия («Невозможно дует от окна / С добрым утром, ты опять одна / Нет, я все-таки сойду с ума», «Я опять неправа / Я всегда неправа, я знаю / Не сойти бы с ума / Но вряд ли это меня пугает»), через обрядовый сакральный танец («Сними скорей свой карнавальный траурный костюм / Танцуй, танцуй со мной, танцуй»), через «чуждость» событий, происходящих во сне, событий желанных, о которых грезит лирическая героиня («А сны / Меня пытались заманить / И за собою увести в страну одну / Где плещутся волны у скал и цветов / Ароматом и зеленью трав наши души полны»).

Примечательно, что пограничные состояния отражаются на восприятии лирической героиней времени. Значительное место занимает категория времени и репрезентирующие ее лексемы: зима, весна; утро, день, вечер, ночь; поздно, рано; навсегда, всегда, снова, опять, вновь и др.

Наиболее часто в песнях группы актуализируются концептуальные единства «зима — весна», «день — ночь», которые транслируют нахождение лирической героини во тьме, холоде и одиночестве и вместе с тем ее стремление попасть в мир любви и радости, который непременно скоро наступит («Провал», «Я устал»). Однако ей нравится пребывать в ночном застывшем во времени пространстве, свободном от надоевших красок дня и наполненных иной прелестью — будь то уединение

и созерцание (песни «О чем поет тропическая птица», «Голос», «Город», «Фудзи еще не спит») или поиск ярких ощущений («Париж», «Танцуй со мной»).

Лексические повторы опять, снова, вновь указывают на осознание повторяемости одних и тех же событий в жизни. Лирическая героиня заранее знает, что произойдет, как она будет себя чувствовать. Наиболее показательный пример — текст песни «Манера поведения», который имеет кольцевую композицию. Героиня знает, что произойдет, но при этом не стремится что-либо изменить, доверяется своему чувству и течению жизни.

Интересно отношение лирической героини к противоположному полу. С одной стороны, она жаждет любви и грезит о ней, с другой — образ партнера нечеток, это, скорее, мечта об идеале, нежели о реальном человеке; поэтому его образ возникает во снах и мечтах («Фудзи еще не ложилась», «Манера поведения»). В любви ей важен не партнер, а переполняющие ее чувства, позволяющие ей в одном случае останавливать мгновение, в другом — ощущать течение жизни. Именно поэтому в песнях отсутствуют описания мужчин, они упоминаются как нечто мимолетное, неважное.

Особое место занимает песня «Ему не нужна американская жена» — в ней отношения с мужчиной, которому нужна «такая, что служит и пищу готовит», представлены как рабство для женщины, которая не ограничена ролью матери, жены или «музы», а представляется как самостоятельная личность, способная к самовыражению [4]. Свобода для такой женщины — высшая ценность, а одиночество для нее не так страшно, как быть рабыней такого мужчины. В этой песне лирическая героиня не описывает свои переживания, а «наблюдает» поведение мужчины со стороны, отношение к нему становится отстраненным и потому более объективным и убедительным.

Таким образом, женщина в песенных текстах группы «Колибри» все так же чувствительна и внимательна к своим ощущениям, она, как и героиня русских сказок, обладает особым знанием о мире, его законах и циклах. Состояние сна и ночь ей, как творческой свободной натуре, ближе, чем наполненный бытовой суетой день. Такая женщина на первое место ставит свою свободу и чувства, однако она готова любить, поскольку любить для нее — это жить в гармонии с собой и миром.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 2004. — 734 с.
2. Голованова, Е. И. Эвристический потенциал когнитивных терминов и развитие терминоведения / Е. И. Голованова // Терминология и знание: материалы I Международного симпозиума. — Москва : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009. — С. 51–64.
3. Головина, Е. В. Типология женских образов в русской литературе конца XIX — начала XX века / Е. В. Головина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 3-1 (69). — С. 12–15.
4. Крыкбаева, А. Т. Эволюция женских образов под влиянием феминизма в русской литературе / А. Т. Крыкбаева, Г. К. Кожугулова // Вестник науки. — 2025. — Т. 5, № 8 (89). — С. 157–163.
5. Кушнир, А. И. 100 магнитоальбомов советского рока: Избранные страницы истории отечественного рока. 1977–1991. 15 лет подпольной звукозаписи / А. И. Кушнир. — Москва : Омега-Д, 2009. — 400 с.

Жеребцова Е. Е.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
helena12@list.ru

Специфика антитезы в рассказе А. П. Чехова «Архиерей»

Аннотация: В статье анализируется один из известных поздних рассказов А. П. Чехова «Архиерей» с точки зрения использования антитезы как ключевой поэтической особенности текста.

Доказывается, что антитеза проявляется на разных уровнях рассказа, формируя его содержательные и стилиевые особенности.

Ключевые слова: А. П. Чехов; проза; антитеза; стиль; «Архиерей».

Zherebtsova E. E.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
helena12@list.ru

The specifics of antithesis in A. P. Chekhov's short story «The Bishop»

Abstract. The article analyzes one of the well-known late stories by A. P. Chekhov «The Bishop» from the point of view of using antithesis as a key poetic feature of the text. It is proved that antithesis manifests itself at different levels of the story, forming its content and stylistic features.

Keywords: A. P. Chekhov; prose; antithesis; style; «Bishop».

О чеховской прозе написано много: константами чеховедения стали сюжет «душевного перелома», открытый финал, композиционная и характерологическая роль детали, лаконизм повествования, сочетание комического, иронического и лирического. Однако трудно найти в русской литературе писателя, чьё творчество и мировоззрение получили столь противоположные оценки. Касается это и конкретных произведений, одним из которых стал рассказ «Архиерей» (1902), вызывавший и до сих пор вызывающий множество порой взаимоисключающих интерпретаций. Так, Б. Зайцев почувствовал в «Архиерее» тоску Чехова по божеству, свет религиозности, просветлённость: «...над всем ровный свет, озаряющий всех» [4, с. 380]. Н. Я. Берковский полагал, что «Архиерей» — «один из самых грустных рассказов Чехова» [2, с. 78]. Г. А. Бялый, напротив, видел в рассказе «радостный мотив близкого изменения жизни, назревающего обновления» [5, с. 476].

Много сказано и об идейно-художественном своеобразии произведения. По мнению В. Б. Катаева, в «Архиерее» «завершились многие чеховские темы и образы» [7, с. 279]. В. И. Тюпа отметил «драматически напряжённый, драматически открытый финал» [10, с. 95], а также обозначил центральное событие рассказа как «воскресение Павла» [9, с. 52]. Н. В. Капустин трактовал смерть героя как смерть «христианского праведника» [6, с. 99], а Н. Е. Разумова определила цель автора в рассказе как «выход за рамки личной организации жизни и выяснение «трансцендентного» значения человека» [8, с. 40]. Ю. В. Доманский назвал «телесную смерть» «духовным (воз)рождением» героя [3, с. 41].

На наш взгляд, ведущей чертой поэтики рассказа является антитеза, которая носит и содержательный, и формальный характер. По принципу полярности сочетаются основные темы и мотивы текста: жизнь и смерть, прошлое и настоящее, память и забвение, радость и страдание. Центральная тема рассказа — осмысление жизни и смерти — уже «рубежна», предельна, экзистенциальна по своей сути. Помещение героя в «пограничную» ситуацию позволяет автору до предела активизировать сознание героя, а читателю увидеть изображённую автором полярность мира. Причём сочетание полярных характеристик напрямую отражается на лексическом, синтаксическом и интонационном уровнях «Архиерея».

Так, антитеза организует лексико-синтаксический уровень текста. Противоположные лексически (антонимы) и по смыслу («контекстуальные» антонимы), слова могут «сталкиваться» в одном предложении. Это столкновение передаётся также с помощью противительных союзов и авторского тире. Вот несколько примеров: «Белые стены, белые кресты на могилах, белые берёзы и чёрные тени и далёкая луна на небе, стоявшая как раз над монастырём, казалось теперь, жили своей особой жизнью, непонятной, но близкой человеку» [11, с. 187]; «мать улыбнулась, просияла, но тотчас же сделала серьёзное лицо...» [11, с. 192]; «на душе было покойно, всё было благополучно, но он неподвижно глядел на левый клирос, где читали, где в вечерней мгле уже нельзя было узнать ни одного человека, и — плакал» [11, с. 186].

Противоположные начала «уживаются» в тексте рассказа и в соседних предложениях,

причём, помимо лексико-смыслового противопоставления, часто наблюдается и видовое (чередование глаголов несовершенного и совершенного видов): «Лавки были уже закрыты, и только у купца Еракина, миллионера, пробовали электрическое освещение, которое сильно мигало, и около толпился народ. Потом пошли широкие, тёмные улицы, одна за другою, безлюдные <...> И вдруг выросла перед глазами белая зубчатая стена, а за нею высокая колокольня, вся залитая светом <...> Карета въехала в ворота, скрипя по песку, кое-где в лунном свете замелькали чёрные монашеские фигуры...» [11, с. 187]. Данный пример доказывает не просто наличие в тексте рассказа противоположных начал и их разведение, но, что более важно, постоянные переходы полярных характеристик друг в друга. Эти взаимопереходы и определяют всю логику повествования «Архиерея». Например, по «диалектическому» принципу организовано световое решение рассказа. Отметим последовательную смену солнечного и лунного света, темноты и освещённости: «Луна глядела в окно, пол был освещён, и на нём лежали тени» [11, с. 189]; «Во время обеда в окна со двора всё время смотрело веселее солнышко и весело светилось на белой скатерти, в рыжих волосах Кати» [11, с. 190]; «а там зазвонили к вечерне, солнце опустилось за лесом, и день прошёл <...> Лунный свет беспокоил его...» [11, с. 192]; «когда в церкви кончилась служба и народ расходился по домам, то было солнечно, тепло, весело...» [11, с. 196]; «в спальне стало сумрачно» [11, с. 196]. Результатом такой «диалектики» является мысль о сосуществовании противоположных начал в мире и в жизни человека. Причём это сосуществование намечено и «по горизонтали», и «по вертикали». Приведённые выше примеры как раз и показывают не только «горизонтальную», но и «вертикальную» антитезу: противопоставлены явления как одной плоскости, так и разных (небо, солнце/луна — земля/пол), а в результате создаётся очень ёмкий образ мира. Основным законом существования этого мира являются циклические переходы полярных характеристик и категорий: светлого и тёмного, жизни и смерти, настоящего и прошлого.

Однако эти переходы подчиняются, на наш взгляд, нескольким законам. Так, они происходят у Чехова «вдруг». Это наречие употребляется часто в рассказе, «сопровождая» и противопоставленные понятия: «На-

строение переменялось у него как-то вдруг <...> Стало грустно, досадно» [11, с. 192]; «Потом пошли широкие тёмные улицы <...> И вдруг выросла перед глазами белая зубчатая стена...» [11, с. 187]. В результате возникает эффект неожиданности, непредсказуемости и случайности происходящего. Это не только характеризует содержательный аспект рассказа, но и стилевой. Например, можно обнаружить неожиданное соединение-противопоставление фраз-лейтмотивов: по контрасту с общеупотребительным глаголом «засмеялся», отражающим радость архиерея после приезда матери, звучит просторечная «любимая» реплика отца Сисоя: «Не ндравится!» Также в ряде предложений автор неожиданно «сталкивает» разностилевую лексику: рядом соседствуют метафоричные выражения и просторечные: «На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса» [11, с. 201]. Непредсказуема и неожиданна для читателя и смена интонационного звучания фраз. Самый яркий пример — «перебивка» воспоминаний архиерея диалогом Сисоя и Марьи Тимофеевны: «Когда ему было 32 года, его сделали ректором семинарии, посвятили в архимандриты, и тогда жизнь была такой лёгкой, приятной, казалась длинной-длинной, конца не было видно. Тогда же он стал болеть, похудел очень, едва не ослеп и, по совету докторов, должен был бросить всё и уехать за границу.

— А потом что? — спросил Сисой в соседней комнате.

— А потом чай пили... — ответила Марья Тимофеевна» [11, с. 192–193].

По принципу «вдруг» противопоставлены и некоторые топосы рассказа: с «возвышенными» пространствами церкви и праздничного пасхального города соседствует «сниженный» локус — выгон, на котором мать архиерея робко рассказывает о своём сыне.

Однако, несмотря на указанные резкие противопоставления, проза Чехова не оставляет впечатления острых углов. Этот эффект достигается следующей особенностью использования антитезы: она будто намеренно «смягчается» автором. Так, уже в начале рассказа антитеза «я» (архиерей)/ толпа гармонируется временем действия (импрессионистскими «сумерками») и такой деталью, как туман. Кстати, эта деталь будет варьироваться в дальнейшем повествовании, смягчая

антитезу настоящее/прошлое. При всей выпуклости противопоставления времён в рассказе есть моменты, снимающие предельную полярность: «Но вот минуло восемь лет, и его вызвали в Россию, и теперь он уже состоит викарным архиереем, и всё прошлое ушло куда-то далеко, в туман, как будто снилось...» [11, с. 193]. Существительное «туман», неопределённое местоимение, сравнительный союз, глагол со значением сна — всё создаёт несколько «призрачное» восприятие антитезы. Описывая путь архиерея домой после всеобщей, автор обращает внимание на смену погоды, но как «мягко» он это делает: «Был апрель в начале, и после тёплого весеннего дня стало прохладно, слегка подморозило, и в мягком холодном воздухе чувствовалось дыхание весны» [11, с. 187]. Смягчения антитез Чехов добивается также при помощи неопределённых местоимений, вводных слов со значением неопределённости и глаголов «кажется» и «мешались»: «Отчего оно, это наве-

ки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется светлее, праздничнее и богаче, чем было на самом деле?» [10, с. 188], «и теперь молитвы мешались с воспоминаниями...» [11, с. 188], «как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем» [11, с. 201].

Итак, антитезы, организующие повествование «Архиерея», живут по следующим законам: 1) полярные характеристики циклично, но неожиданно, «вдруг» переходят друг в друга; 2) подчёркивая полярные категории, автор их одновременно смягчает, гармонизирует, примиряет. В этом причудливом синтезе цикличности и неожиданности, разведения и смягчения и состоит парадоксальная природа чеховской антитезы. А результатом этого авторского стиля становится восприятие рассказа, в котором мы видим отражение закономерностей и странностей мира, его логичности и алогичности, гармоничное столкновение-сосуществование противоположностей.

Список литературы

1. Альми, И. Л. О новелле А. П. Чехова «Архиерей» / И. Л. Альми // Литература в школе. — 2004. — № 7. — С. 9–12.
2. Берковский, Н. Я. Литература и театр / Н. Я. Берковский. — Москва, 1969. — С. 48–174.
3. Доманский, Ю. В. Особенности финала чеховского «Архиерея» / Ю. В. Доманский // Чеховские чтения в Твери. — Тверь, 2003. — С. 29–41.
4. Зайцев, Б. Чехов // Б. Зайцев. Далёкое : сборник. — Москва, 1991. — С. 277–396.
5. История русской литературы. — Москва; Ленинград, 1956. — Т. 9. — Ч. 2. — С. 470–495.
6. Капустин, Н. В. «Земля» и «небо» в рассказе А. П. Чехова «Архиерей» / Н. В. Капустин // Филологические науки. — 1999. — № 2. — С. 93–101.
7. Катаев, В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. — Москва, 1979. — 326 с.
8. Разумова, Н. Е. Пространственная модель мира в творчестве А. П. Чехова: автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук / Н. Е. Разумова. — Томск, 2001. — 45 с.
9. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь, 2001. — 58 с.
10. Тюпа, В. И. Художественность чеховского рассказа / В. И. Тюпа. — Москва, 1989. — 135 с.
11. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 10./ А. П. Чехов. — Москва, 1974–1986. — С. 186–201.

Креницына Е. С.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
katerina-krin@yandex.ru

Традиции «русской идеи» в романе М. А. Булгакова «Театральный роман»

Аннотация. В статье рассматриваются традиции «русской идеи» Н. А. Бердяева, представленные в творчестве М. А. Булгакова. По мнению автора, «русская идея» отражает в равной мере особенности русского творческого сознания и русского народа в целом. Лингвокультурный типаж писателя отражает универсальные черты культуры своей страны.

Ключевые слова: русская идея, писатель, мессианство, дуалистический характер, лингвокультурный типаж.

Krinityna E. S.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
katerina-krin@yandex.ru

Tradition of «the Russian idea» in «A Theatrical Novel» by Mikhail Bulgakov

Abstract. The article considers the traditions of «the Russian idea» by Berdyaev N. A. presented in the work of Bulgakov M. A. In author's opinion «the Russian idea» represents peculiarities of creative consciousness and Russian folk equally. Linguacultural type writer represents universal features of his/her country.

Keywords: the Russian idea, writer, messianism, dualistic character, linguacultural type.

В настоящее время существенно возрос интерес к изучению русской души и русской культуры. В рамках современных условий наметилась ориентация на развитие традиционных духовно-нравственных ценностей России. В связи с этим изучение контекста «русской идеи» является актуальным вопросом.

Исследованием «русской идеи» занимались такие ученые как: В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев и многие другие. Впервые данный термин появился в трудах Ф. М. Достоевского [1, с. 37].

«Русская идея» в концепции философа включает в себя такие сущностные признаки, как универсализм, «коммунотарность», трансцендентальность смысла истории и мессианско-эсхатологическая перспектива [4, с. 112]. Коммунотарность или соборность предполагает единение народа с помощью Бога, а не посредством религиозных институтов. Идея мессианства и эсхатологизма заключается в преобразении мира с помощью творческого начала. Кроме того, философ выделяет еще одну черту русского народа — дуализм (поляризованность), обусловленный

геополитическим расположением России — соединением Востока и Запада, что, в свою очередь, не могло не отразиться на национальной специфике.

В рамках данной работы мы будем изучать концепцию «русской идеи», разработанную Н. А. Бердяевым, и проследим особенности ее реализации в работе современника философа — М. А. Булгакова «Театральный роман». Исследование проводится в русле изучения лингвокультурного типажа «писатель». Герой книги «Театральный роман» автобиографичен. Существует версия, что фамилия персонажа происходит от домашнего прозвища Булгакова — «Мака». Согласно другой теории, «Максуд» происходит от тюркского «Бул-гак». Целесообразность использования понятия лингвокультурный типаж по отношению к исследованию типизируемой личности писателя обусловлено, в первую очередь, непосредственной причастностью писателя к созданию культурного аспекта, а также неоднозначностью социокультурной маркировки данного вида деятельности.

В своей работе Н. А. Бердяев утверждает, что задачей русского мессианского сознания

заключается в том, чтобы «изобразить божественное откровение» и «создать обновленное крещение» [1, с. 551]. Кроме того, философ также говорит о мессианской идее, присущей русскому творческому сознанию: «У русских художников будет жажда перейти от творчества художественных произведений к творчеству совершенной жизни» [1, с. 555].

Главный герой романа — писатель и драматург Сергей Леонтьевич Максудов. Писатель предстает перед читателями в образе истинного художника, который живет в своем творческом мире, оторванном от реального.

Работая в газете «Вестник пароходства», Максудов ощущает внутреннюю необходимость создания настоящего произведения искусства. Сам процесс написания романа «Черный снег» можно сравнить с искрой божьей, неким сакральным действием: «мне снился родной город, снег, зима, гражданская война...» [2, с. 250]. Закончив писать роман, автор сталкивается с реальным миром, в котором не ценится «истинность» творческого начала. В результате роман «Черный снег» подвергся критике и не был издан. В современном мире литераторов того периода приоритетную позицию занимала литература «повседневности» [10, с. 250]. Таким образом, мессианская составляющая творчества Максудова столкнулась с непониманием и неприятием в среде литературы, не содержащей философской глубины.

Согласно философским воззрениям Н. А. Бердяева, «русская идея» также заключается в «неоднородности» души русского человека: «С одной стороны — смирение, отречение; с другой — бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны — сострадательность, жалостливость; с другой — возможность жестокости; с одной стороны — любовь к свободе, с другой стороны — склонность к рабству» [1, с. 686].

Такой дуалистической природой характеризуется главное действующее лицо произведения. С одной стороны, Максудов представлен как борец за свободу творчества,

пытающийся доказать истинное предназначение искусства. С другой стороны, он встречается с миром реальным, обыденным, где ему приходится подстраиваться под рамки, выстроенные режиссером Независимого театра Иваном Василевичем Ильчиным. После неудачной попытки написания «настоящего» романа Максудов впадает в творческий кризис и снова возвращается к работе публициста. Но как истинного Творца божественное провидение снова посещает его во снах, и герой приступает к написанию литературного произведения, избрав новую форму — пьесу.

Максудов предпринимает попытки борьбы с системой, которая заставляет структурировать весь спектр жизни по устоявшимся шаблонам современного творчества. Однако драматург вынужден подчиниться указаниям режиссера театра, и в конечном итоге полностью изменить первоначальную идею произведения. Для героя «Театрального романа» непризнание его «творческого я» обрывается трагедией. Пьеса, написанная им, претерпевает большое количество правок и в конечном итоге только отдаленно напоминает оригинал, написанный Максудовым. Пьеса так и не была поставлена. Сопrotивление системе и защита свободы творческой мысли потерпели неудачи. В результате внутренняя борьба настоящего художника приводит к печальному исходу событий.

В романе М. А. Булгакова представлены традиции «русской идеи» Н. А. Бердяева. Творческая натура главного героя романа — писателя Максудова отличается мессианством, а именно попыткой изображения истинности искусства. Также Максудов характеризуется двойственной и противоборствующей природой своего характера, которая свойственна русским деятелям искусства, а также русскому народу в целом. Таким образом, лингвокультурный типаж писателя отражает универсальные черты культуры страны, которой он принадлежит по происхождению и в которой он создаёт свои произведения.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Судьба России; Самопознание; Русская идея / Н. А. Бердяев. — Москва : Эксмо, 2025. — 688 с.
2. Булгаков, М. А. Театральный роман / М. А. Булгаков. — Москва : АСТ, 2019. — 256 с.
3. Достоевский, Ф. М. Сочинения. Т. 18 / Ф. М. Достоевский. — Москва, 1986. — 544 с.
4. Шевченко, О. В. Философия русской идеи в творчестве Н. А. Бердяева / О. В. Шевченко // Общество: философия, история, культура. — 2025. — № 5. — С. 107–112.

5. Яблоков, Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е. А. Яблоков. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 424 с.

Лысанова Н. А.

Союз писателей России, Союз журналистов России, г. Челябинск, Россия
lysanova58@mail.ru

Необычная композиция легенды «Баймаган» Д. Н. Мамина-Сибиряка

Аннотация. В данной статье рассматривается легенда в фольклоре и художественной литературе как жанр. Подчеркивается особая заинтересованность Д. Н. Мамина-Сибиряка фольклором Южного Урала. Исследуется композиция легенды «Баймаган» уральского писателя.

Ключевые слова: жанр, легенда, композиция, фольклор, традиции, Южный Урал, Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Lysanova N. A.

Union of Writers of Russia, Union of Journalists of Russia, Chelyabinsk, Russia
lysanova58@mail.ru

An unusual composition of the legend «Baimagan» by D. N. Mamin-Sibiryak

Abstract. This article examines legend as a genre in folklore and fiction. D. N. Mamin-Sibiryak's particular interest in the folklore of the Southern Urals is emphasized. The composition of the Ural writer's legend «Baimagan» is explored.

Keywords: genre, legend, composition, folklore, traditions, Southern Urals, D. N. Mamin-Sibiryak.

Русские писатели уделяли всегда пристальное внимание устному народному творчеству. Авторы и сегодня достаточно активно включают фольклор в свои произведения — он дополняет художественный текст, приближает читателя к теме, красоте слова, созданной народом. Вспомним знаменитые сказы П. П. Бажова, которые были написаны благодаря сохранившимся невероятным историям в рабочей среде. Народными преданиями наполнено творчество С. К. Власовой. Нередко писатели выбирали народную легенду для основы своего произведения. В легендах Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912) четко просматривается восточная тема.

Еще студентом он напишет первые остро сюжетные рассказы о беглых крепостных и солдатах, разбойниках, обитателях старообрядческих скитов, напоминающие художественно обработанные уголовные хроники с фольклорным колоритом: «Старцы», «Старик», «В горах», «Красная шапка», «Русалки», «Тайны зеленого леса» (1875–1877). Несмотря на талантливую литературную обработку бытующих на Урале «полуфольклорных,

полуподлинных историй, умение развивать занимательный сюжет, прочно связанный с уральским материалом, произведения этого периода следует признать скорее ученической «пробой пера», критика на них почти не отреагировала» [3, с. 1107]. Однако рассказы эти и последующие произведения для писателя стали своеобразным началом глубокого изучения народного творчества. В произведении «От Урала до Москвы» Дмитрий Наркисович включил предания, которые услышал на уральских заводах. Путешествуя по Чусовой, он узнал историю, бытующую в народной среде, о скале Олений камень. А на Южном Урале услышал легенду о горе Ирмель.

полуподлинных историй, умение развивать занимательный сюжет, прочно связанный с уральским материалом, произведения этого периода следует признать скорее ученической «пробой пера», критика на них почти не отреагировала» [3, с. 1107]. Однако рассказы эти и последующие произведения для писателя стали своеобразным началом глубокого изучения народного творчества. В произведении «От Урала до Москвы» Дмитрий Наркисович включил предания, которые услышал на уральских заводах. Путешествуя по Чусовой, он узнал историю, бытующую в народной среде, о скале Олений камень. А на Южном Урале услышал легенду о горе Ирмель.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Народные предания остались в его романах, повестях, рассказах, очерках.

В фольклористике легенды — особенный жанр. «В русской поэтике под словом жанр разумеется определенный вид литературных произведений, принадлежащих одному и тому же роду» [4, с. 109]. В прозе «понятием “жанр” обозначается единство группы художественных произведений по присутствующим во всех произведениях этой группы признакам. Признаки жанра указывают на внешнее и внутреннее сходство одной группы произведений, ее отличие от других групп» [1, с. 66]. Народная легенда похожа на сказку, но она не сказка. Она — вымысел о чем-то невероятном, в основе ее присутствует происшествие (событие), которое было на самом деле.

А как рождается художественное произведение у писателя, которое он называет тоже легендой? Услышанная история оставляет глубокое впечатление в душе автора, приближая его к созданию произведения. Он кропотливо работает над каждым словом, смыслом. Он, конечно, одухотворен. Используя профессиональные навыки, вносит свои понятия, углубляет идею легенды. Автор подходит к услышанной истории как к народному достоянию, добавляя свои образы и сюжеты, слышит ее звучание, идущее от предков, бережно предоставляет возможность ей жить по-новому, но с тем, прежним, местным или национальным ярким колоритом.

У Мамина-Сибиряка было увлеченное и длительное знакомство с Южным Уралом, а подробное изучение с 1886–1887 по 1891 год — так считают многие исследователи. В своей работе «Мамин-Сибиряк. По кыштымским местам» [7, с. 83–84] я доказала, что пристальное изучение Южного Урала писатель начал раньше, с поездок на озеро Увильды в 1885 году (даже раньше).

Возвращение писателя на Урал из Петербурга литературоведы считают новым этапом в его жизни и творчестве. Он предпринял «хождение в народ»: добирался до степей, гостил в башкирских стойбищах, пил кумыс, слушал рассказы о Пугачеве, Салавате Юлаеве, старых временах. Мамин-Сибиряк познавал древний, дореформенный Урал, учился его чувствовать, понимать. Очень сокрушался по поводу истребления нажитой народом старины. Потому торопился сохранять фольклор предков. Он влюбился в степные просторы, удивительные закаты, печальные песни кочевников.

В 1886 году писатель направил академику Н. С. Тихонравову легенду «Баймаган» [9, с. 7–17] для сборника «Общества любителей российской словесности». В общество Дмитрий Наркисович был принят 22 марта 1886 года по представлению профессоров Московского университета. Общий сборник вышел в 1891 году. В 1898 году был издан сборник «Восточные легенды» Мамина-Сибиряка. В него вошли произведения: «Слезы царицы» (1889), «Баймаган» (1891), «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» (1891), «Лебедь Хантыгая» (1892), «Майя» (1892), «Ак-Бозат» (1895). Напомню, что восточной темой Дмитрий Наркисович заинтересовался раньше, еще в 1881 году он работал над произведением «Грѣза Востока», но не завершил его.

В XIX веке писатели были увлечены Востоком, знакомили читателей с иным мировоззрением, философией, религией. Сборник авторских легенд Мамина-Сибиряка легко вошел в это направление. Но автору пришлось отстаивать свою самостоятельность. В письме В. А. Гольцеву, юристу, публицисту, редактору, от 31 мая 1898 года [2, с. 313] он сообщал, что содержание легенды «Баймаган», характеристики действующих лиц, типы и завязки принадлежат ему, он не пользовался посторонними материалами. Конечно, это авторская легенда, но в ней писатель запечатлел свои наблюдения за жизнью киргизов (кочевников).

Композиция произведения необычная: легенда в легенде — это авторский стиль. В своем литературоведческом исследовании я сообщила о подобной композиции рассказа «Гроза» Мамина-Сибиряка [8, с. 47–53]. В «Грозе» — четкий контраст трех человеческих судеб, автор призывает читателя поразмышлять о смысле жизни. В легенде — яркий контраст двух жизней героя (явной и во сне). Призыв опять же к размышлению о сути жизни. Легенда в легенде: важнее та, которая содержательнее и с четкой авторской идеей.

Характерные черты легенды «Баймаган» совпадают с критериями народных легенд: недостоверность; присутствие чуда, хотя это сон (но он повлиял на развитие сюжета, создание иных образов); связь с народными традициями; повторяющиеся сюжеты; поучительность, нравственность смысла. Композиция не совсем устойчивая, как и композиции народных легенд, но с зачином, основной частью, кульминацией (развязкой),

концовкой: одна — внешняя легенда, а сон Баймагана — внутренняя.

Начну с внешней. В зачине (I гл.) автор призывает читателя обратить внимание на красоту киргизской степи и представляет семью старого хана Хайбибулы. Мамин-Сибиряк, а это так, не нарушает построения, которое существует в народных легендах, в них «запев, зачин — краткая вступительная часть устного народного произведения, подготавливающая слушателя к дальнейшему повествованию» [4, с. 111].

Основная часть (II, III гл.) не богата эпизодами, но действие развивается, дана череда событий, автор рисует нам печальную жизнь батрака Баймагана, зарождение его первой любви к Гольдзейн, дочери хана. У батрака нет нового коша с богатым убранством, нет двести лошадей и пяти иноходцев, как у Хайбибулы, но он радуется, когда возвращается из степи к своему дырявому кошу вечером, потому что вновь слышит, как весело поет Гольдзейн. Бедняк, мечтая о девушке, думает, как добыть калым. А Хайбибулу он ненавидит, и хитрый хан это заметил, но бессильная злоба работника только его забавляет. В богатом коше нам открывается еще одна печаль — печаль старой Ужины, жены хана, она у него третья, а скоро он привезет четвертую жену, молодую. Беспечная Гольдзейн невнимательна к матери, она все «щебечет» и поет. Наивная, она не понимает, что жизнь в богатом коше — это, скорее, несчастье, и богатые украшения счастья не принесут ей.

Далее следует кульминация (IV и первая половина V гл.) — «момент наибольшего напряжения в развитии действия художественного произведения» [10, с. 74]. Кульминацией стал праздничный день: хан попросил бедняка показать гостям необъезженного иноходца. Баймаган не выдержал оскорблений хозяина — «у тебя заячье сердце». И отважился на отчаянную скачку. Борьба шла несколько часов, но иноходец сбросил его. Смелчак умер бы от ран и ушибов, если бы не Ужина, которая терпеливо возвращала его к жизни.

«Концовка — заключительная часть художественного произведения,.. в повествовательном произведении эпилог, апофеоз...» [10, с. 73]. Во внешней легенде в концовке (IX гл.) происходит перерождение героя, он задумчив и снова печален, потому что ему открылась тайна: «великое зло, которое сидит в каждом человеке и обманывает всех».

Композиция внутренней легенды начинается со сна главного героя Баймагана (V гл., вторая половина). Это и есть зачин: ему «сделалось так легко и так хорошо». В основной части (VI, VII гл.) в тяжелом сне, бреду, герой проживает жизнь, приведшую его к богатству. Он не желает служить Хайбибуле, прощается с Газизом, кривым пастухом, его дочерью Макеной, с Ужиной, Урмугузом, с которым вместе батрачил, с Гольдзейн не простился. Он стал отчаянным баранчаком: отбивал овец у гуртовщиков, угонял лошадей. Через несколько лет у него накопился калым. И он стал жить в новом коше, лежал на ковре и тянул кумыс, угощал Хайбибулу, который учил его плутовским делишкам. Гольдзейн, ставшая женой Баймагана, им пела.

Хайбибула женился на молодой Аяш, а Ужину выгнал, ее не приняли зять и дочь. Пожалел старую женщину Урмугуз. За это на него рассердился Баймаган, он задумал забрать у него жену, которая стала настоящей красавицей. И Урмугуз пропал в степи. Вдова его, Макен, стала женой Баймагана, а Гольдзейн прислуживала им. Но молодой хан прозрел: старик обманул его, Аяш интереснее Макен. И он задумал убить Хайбибулу, чтобы жениться на Аяш (повторение сюжета — однообразие в жизни богачей).

Кульминацией (VIII гл) становится попытка Баймагана убить хана. Слова Хайбибулы: «Убил Урмугуза, убивай и меня... Аяш молоде твоих жен», — звучат приговором. Развязка совсем короткая (VIII гл.) — Баймаган от ужаса своих действий в бреду проснулся, старая Ужина удерживала его голову и шептала над ним.

Легенда о восточном житье-бытье: Баймаган мечтал стать богатым, во сне он проникает в тайны такого существования, наслаждается богатством, но живет несправедливо, как Хайбибула (повторение сюжета). Когда герой проснулся, то он почувствовал отвращение к своей жизни во сне и наполняется враждебностью к тому, что не соизмеряется с человеческим достоинством. Прочувствовав на себе скверное поведение богача по отношению к другим людям, он понял, что его заветная мечта — стать богатым, вдруг потеряла значимость. Сможет ли Баймаган вернуться в состояние человеческой соразмерности, автор дал возможность домыслить читателю концовку, но прежним герой не станет.

Легенда относится к социально-утопическому виду, потому что в ее основе — мечта

батрака о богатстве, справедливости, как ему кажется, чтобы достичь ее, он использовал невероятную силу воли. «Между тем, проблематика «Баймагана» шире социальной составляющей текста. С одной стороны, она напрямую соотносится с философскими воззрениями А. Шопенгауэра относительно «воли человека», которая выступает антитезой представления, рождающегося в человеческом мозгу. «Воля» героя в «Баймагане», если следовать концепции Шопенгауэра, находится в зачаточном состоянии, так как она не одушевлена тем главным, что оправдывает ее существование и ее власть над людьми, — мечтой о продолжении рода, представляющей «животворящее начало, обеспечивающее времени бесконечную жизнь»» [3, с. 1220]. Ни Гольдзейн, ни Макен не произвели на свет детей Баймагана, не стали матерями, и это не беспокоит героя.

Любой литературный «жанр соединяет в себе признаки содержания и формы» [1, с. 66]. «Категории «содержание и форма» имеют всеобщий философский смысл: содержание есть сущность явления, а форма — это выражение сущности вовне» [6, с. 18]. У Мамина-Сибиряка «сущность явления» — происходящие события в легенде, действия героев. «Сущность вовне» (снаружи) — это окружающая обстановка, я остановлюсь на природе. «В соответствии с фольклорными традициями природа влияет на поведение героев...» [3, с. 1114]. Героев Мамина-Сибиряка

окружают степи. В них, конечно, присутствует определенная красота, но она обеднена, в ней нет того очарования, которое можно наблюдать в березовых рощах или на берегу южного моря. «Сущность вовне», получается, в легенде не яркая и не многословная, но такая, как в народных легендах. И здесь построение авторской легенды соответствует построению народных легенд, за основу писатель взял народные предания Южного Урала, восточную народную традицию их повествования. Он нарисовал «сущность вовне» степными красками.

А. И. Лазарев (1928–2001), ученый, известный уральский фольклорист, отмечал, что многие произведения Мамина-Сибиряка «строятся на фольклорном материале, вбирая в себя местные устные предания и легенды или городские рассказы» [5, с. 145]. Ученый рассматривал фольклор и литературу Урала как единую художественную систему, он ввел понятие «литературный регион» и разработал методику картографирования культурных явлений. Сегодня картографирование стало шире — это нетрадиционные графические техники (схемы, карты, атласы, отражающие разнообразие фольклорного наследия и влияние его на развитие конкретной территории), также ГИС (географическая информационная система) и цифровая технология (обработка данных в цифровом формате). Кстати, эта система — один из этапов развития туризма в регионе. Но это другая объемная тема.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Русский фольклор : учеб. пособие для филол. спец. вузов / В. П. Аникин. — Москва : Высшая школа, 1987. — 286 с.
2. Архив В. А. Гольцева / [без автора]. — Москва : Книгоиздательство писателей, 1914. — 316 с.
3. История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. — 2-е изд. — Кн. 2. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021. — 776 с. : ил.
4. Квятковский, А. Поэтический словарь / А. Квятковский. — Москва : Советская энциклопедия, 1966. — 376 с.
5. Лазарев, А. И. Отражение творческого процесса горнозаводского фольклора в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка / А. И. Лазарев // Русская литература 1870–1890 годов : сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Дергачёв. — Вып. 12. — Свердловск, 1979. — С. 143–149.
6. Лейдерман, Н. Л. Введение в литературоведение / Н. Л. Лейдерман, Н. В. Барковская. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1996. — 60 с.
7. Лысанова, Н. А. Мамин-Сибиряк. По кыштымским местам / Н. А. Лысанова // Прошлое — в настоящем : сб. докл. участников обл. науч.-практ. конф., посвящ. 255-летию г. Кыштым (22 мая 2012 г.) / Администрация Кыштымского городского округа, Южно-Уральская торгово-промышленная палата. — Челябинск, 2012. — С. 76–86.
8. Лысанова, Н. А. «Гроза» Д. Н. Мамина-Сибиряка — дважды рассказ в рассказе. И кто главный герой произведения? / Н. А. Лысанова // Течёт, течёт река Миасс : сб. ст. — Вып. 5. — Челябинск : Край Ра, 2024. — С. 47–53.

9. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Баймаган / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10 : Легенды. Рассказы и сказки для детей. Автобиографическая записка. Воспоминания. Избранные письма. — Москва : Правда, 1958.

10. Тимофеев, Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, Н. Венгров. — Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958. — 188 с.

Мешкова О. В.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
ru-tochka@mail.ru

Функции рассказчика в сказке Э. Н. Успенского «Финист — Ясный сокол»

Аннотация. Статья посвящена анализу креативной «деятельности» рассказчика в сказке Успенского «Финист — Ясный сокол». Полифонизация наррации в произведении детского писателя продиктована ориентацией на читателя-подростка: введение остроумного рассказчика даёт возможность автору наглядно продемонстрировать юному читателю особенности творческо-аналитического подхода к народной сказке.

Ключевые слова: сказка, рассказчик, Финист, Успенский.

Meshkova O. V.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
ru-tochka@mail.ru

The functions of the narrator in the fairy tale of E. Uspensky «Finist the Bright Falcon»

Abstract. The article is dedicated to the analysis of creative performance of the narrator in the fairy tale of Eduard Uspensky «Finist the Bright Falcon». Polyphonization of the narration in the work of children's writer is explained by the goal to reach the teenage reader: the introduction of a witty narrator gives the author an opportunity to show young readers the capabilities of creative-analytical approach to fairy tale.

Keywords: fairy tale, narrator, Finist, Uspensky.

Интерес со стороны литературы, кинематографа и других видов искусства к фольклорным героям и сюжетам в настоящее время является очевидным фактом, при этом традиционно наибольшего внимания удостоиваются русские народные сказки, а некоторые из них пересказываются, переписываются, дописываются настолько регулярно, что превращаются в отдельную главу сказковедения. К числу таких текстов относится фольклорная сказка, зафиксированная в сборнике Афанасьева под номером 234 [4]. Заметим, что к особенностям литературных произведений, написанных на основе этого сюжета, наряду с другими исследователями (см. ст. В. Е. Добровольской [1]), мы обращались неоднократно [2],[3]. Однако изучение

традиции освоения этого сказочного сюжета литературой представляется по-прежнему актуальным, поскольку, во-первых, позволяет выявить механизм привлечения внимания современного читателя к фольклорным текстам, во-вторых, установить особенности популяризации фольклора посредством литературы, в-третьих, выяснить, как индивидуально-авторское начало сочетается с народно-поэтической традицией и каков результат этого взаимодействия.

В ряду современных писателей Э. Успенский — самобытное явление детской литературы. Герои его произведений — Чебурашка, кот Матроскин, дядя Фёдор и т. д. — известны юным читателям не менее, чем герои народных сказок. Справедливо возникает вопрос,

почему при этом писатель не раз обращается к фольклорным произведениям: если в повести «Вниз по волшебной реке» баба Яга, Финист и другие сказочные герои попадают в современный мир, то в сборнике «Старые сказки на новый лад» и сами народные сказки осовременены.

Как видим, уже в заглавии сборника Э. Н. Успенский дает представление о стратегии, с которой подходит к текстам, созданным в народной среде: презумпция узнаваемости народных сказок не отменяет необходимости их обновления. Такое двуединство автор комментирует в предисловии (оно заслуживает особого внимания, поскольку дает ключ к пониманию текста), адресованном юным читателям: «сказки каждый раз рассказываются разными рассказчиками и по-разному» [5, с. 6]. Этот постулат, подчеркивающий коллективное начало фольклора, дополняется тезисом, переводящим произведение в иной регистр — индивидуально-авторское творчество: «Где-то я буду делать замечания по сюжету, где-то буду развивать эпизоды, где-то буду чрезмерно удивляться некоторым особо фантастическим местам» [5, с. 6]. Иными словами, сказку народную он пересказывает «по-успенски», демонстрируя свою манеру повествования при изложении известных событий. Цель такого изложения сказки автором также поясняется: «Я делаю это для того, чтобы вам интереснее было читать» [5, с. 6].

В результате подросток-читатель, имеющий дело с письменным текстом, знакомится с известной сказкой в пересказе, который сопровождается разнообразными остроумными комментариями. В этой связи следует обратить внимание на финал произведения Э. Успенского, в котором говорится о двух рассказчиках:

«Дальше рассказчик сказки, говорил обычно такие слова:

— Надели на меня колпак да и ну толкать. Надели на меня кузов: “Ты, детинушка, не гузай, убирайся-ка поскорей со двора”.

Я не знаю, что такой “гузай”. Но я тоже был рассказчик. И на всякий случай я гузай не буду, а тоже уберусь со двора» [6, с. 237].

Э. Н. Успенский, таким образом, актуализирует важное направление филологических изысканий — установление функций рассказчика в художественном произведении. Безусловно, следует при этом обратить внимание на имеющиеся различия в использовании термина рассказчик при исследовании фоль-

клорных и литературных текстов. В фольклоре, в силу нерелевантности категории автора, рассказчик — это сказочник-исполнитель, воспроизводящий текст.

Утверждение «я тоже был рассказчик» свидетельствует о том, что воспроизведение сказки о Финисте — Ясном соколе, как и в фольклорной традиции, является одной из задач в созданном на ее основе литературном тексте. Решается она следующим образом: во-первых, сохраняются сюжет народной сказки, прежняя система персонажей; во-вторых, напрямую указывается на родство с фольклорным текстом («Эта сказка обычно начинается так», «как в сказке дальше говорится» и т. д.); в-третьих, используется цитирование сказки, зафиксированной А. Афанасьевым («Жил-был старик, у него было три дочери. Большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве и радела» [4, с. 190] и др.) В подобных фрагментах (справедливости ради следует отметить, что в количественном отношении они уступают иным фрагментам) повествование ведется от третьего лица, нарратор, как и предполагается в фольклорных сказках, не дает оценок происходящим событиям, не устанавливает причинно-следственные связи.

Однако большая часть произведения Э. Успенского выдержана в ином ключе: она представляет собой отступления от основного сюжета и состоит из фрагментов, содержащих разного рода рассуждения, пояснения и т. д. В сравнении с народной сказкой эти эпизоды являются отражением фантазии писателя, его стиля. Использование приема «текст в тексте» провоцирует смену субъекта повествования: события сказки излагаются сквозь призму восприятия рассказчика, чье сознание существенно отличается от сознания носителя фольклорной традиции. Полифонизация нарратива имеет, очевидно, вполне определенную цель — удержать внимание читателя-подростка, осовременить сказку.

Репрезентация позиции рассказчика поддержана на грамматическом уровне: суждения даются от первого лица, что в итоге создает впечатление непринужденной коммуникации, диалога с читателем. Э. Н. Успенский имитирует устное исполнение сказки. Речь рассказчика наполнена разговорной лексикой, не лишена сленговых слов, что в целом призвано создать образ рассказчика, который с читателем «на дружеской ноге».

Кроме того, Э. Успенский «передоверяет» рассказчику креативную деятельность по обработке народной сказки. Следует заметить, что этот процесс является творчески-аналитическим: рассказчик сохраняет те элементы сказки, которые ему представляются наиболее значимыми, но при этом демонстрирует ряд возможностей взаимодействия с текстом. Остановимся на наиболее продуктивных в этом ряду.

1. Рассказчик конструирует текст, заполняя имеющиеся, на его взгляд, лакуны. (См. напр. Хотя в сказке нет подробностей, я всё-таки думаю, что...»). Знакомая читателям сказка дополняется диалогами, описаниями возможных поступков. В некоторых случаях мысль рассказчика оказывается так далека от исходного текста, что обретает статус вставной конструкции и выделяется скобками. (См. напр. «Кстати, хорошо бы отца как-то назвать. Допустим, Иван Иванович Гусев. (У меня так соседа по посёлку зовут. Очень он весь русский народный. Сосед, а не посёлок. А посёлок дачный)» [6, с. 220]).

2. Рассказчик высказывает суждения по поводу неправдоподобия поступков героев, предлагая задуматься над иным развитием событий. (См. напр.: «Представляю себе, как кузнецы удивились: — Ты что, красна девица, совсем? Может, тебе ещё и кофточку сковать или чулочки?» [6, с. 226]).

3. Рассказчик сравнивает сказочные реалии с реалиями сегодняшнего времени («платье — это не приставка к телевизору...» [6, с. 220]), «Я так понимаю, что подобное яичко лучше всякой пенсии. Даже повышенной». [6, с. 229]. Заметим, что автор ненавязчиво приглашает читателя («Попробуем поподробнее» [6, с. 219]) задуматься над тем, что со времени создания сказки жизнь изменилась. К примеру, уже в первых строчках, размышляя о старике («Не такой уж он был старик <...> С другой стороны, в те времена, как человеку за тридцать перевалило, так его уже стариком и звали» [6, с. 220]) и его дочках-щеголихах («Тоже мне щеголихи! Отец в город раза четыре в год выезжал, ну восемь — так что не так уж много им платьев доставалось» [6, с. 220]), проецирует описываемые явления на XX век и считает возможным усомниться в справедливости оценок, которые были даны давным-давно.

4. Рассказчик неожиданно переводит разговор со сказочных тем на бытовые. Так, один из важных фрагментов народной

сказки, в котором говорится, что заснувшая девица не слышит Финиста, дополняется повествованием об утренних пробуждениях рассказчика: «Со мною тоже так бывает: слышу утром, как будильник неприветливо звонит, а глаз открыть не могу, пока меня силой из кровати не вытащат» [6, с. 225]. Комический эффект, возникающий при этом, лишает сцену драматизма, имевшегося в первоисточнике.

5. Рассказчик даёт характеристики персонажам («Теперь я понимаю, что Финист был не простая штучка. У него были небывалые возможности. И не зря за ним так долго ходила красна девица. Теперь он её на всю жизнь обеспечит» [6 с. 236]) и осмысливает причинно-следственные связи их поступков.

6. Рассказчик поясняет лексическое значение некоторых слов. (См. напр.: «Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду всё делает! (Здесь имеется в виду не то, что в старину хозяин должен был работнику спецодежду покупать, а то, что работник всё делает без указания)» [6, с. 219]).

7. Рассказчик смеется над стереотипностью ситуаций, в том числе современных: «...я всё-таки думаю, что между ними имел место не такой короткий разговор, а была долгая, долгая беседа. Про жизнь, про дорогу, про цены на рынке. Про молодёжь, которая стала плохой...» [6, с. 227]. Иронический характер подобных размышлений даёт представление об отношении автора к описываемым явлениям и, вероятно, рассчитан на понимающего читателя.

Итак, рассказывая «старую русскую сказку» «Финист — Ясный сокол» на новый лад, Э. Н. Успенский играет с читателем, совмещая народную сказку, сюжет которой может и в новых условиях вызывать интерес, с ее креативной рецепцией. Эта игра проявляется в размывании границ между повествованием и комментированием, повествованием и рассуждением и, безусловно, в полифонизации наррации. Совмещая исходные сказочные эпизоды с вариантами «нового» рассказчика, Э. Н. Успенский, безусловно, развлекает читателя, даёт понять, что со времени создания сказки изменения коснулись разных сторон жизни, что не могло оставить константным мироощущение как слушателей, так и рассказчика. Однако в явленном «гибридном» тексте автор показывает внимательно читающему подростку, что метамор-

фозы не касаются нравственных ориентиров, что касается не только современных вопро-
непреодоляющих общечеловеческих ценностей; сов, но и актуализирует те, которые являлись
народная сказка потому и привлекательна, важными во все времена.

Список литературы

1. Добровольская, В. Е. Сказка «Финист Ясный Сокол» (СУС 432) в русской фольклорной традиции и авторской литературе / В. Е. Добровольская // Традиционная культура. — 2019. — Т. 20. № 5. — С. 113–127.
2. Мешкова, О. В. Арт-фольклоризм романа А. Рубанова «Финист — Ясный сокол» / О. В. Мешкова // Филология и культура. — 2022. — № 3 — С. 120–127.
3. Мешкова, О. В. Арт-фольклоризм сказки Н. Коляды «Финист — Ясный сокол» / О. В. Мешкова // XI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: от прошлого к будущему». Сборник материалов международной научной конференции. — Челябинск, 2024. — С. 409–412.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. — Москва: Наука, 1984–1985. — 464 с.
5. Успенский, Э. Н. Старые русские сказки на новый лад / Э. Н. Успенский. — Москва : АСТ, «Малыш», 2016. — 200 с.
6. Успенский, Э. Н. Финист — Ясный сокол // Волшебная страна сказок и стихов / Э. Н. Успенский. — Москва : Астрель : АСТ. — 2007. — С. 219–237.

Нариманова М. В.

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Россия
maria28122004@mail.ru

Старицына Ю. А.

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Россия
y.a.staritsyna@struust.ru

Мотивы любви, памяти, утраты в новеллах Г. Белля «Путник, придешь когда в Спа...» и «Я не могу ее забыть»

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы любви, памяти и утраты в новеллах Генриха Белля «Путник, придешь когда в Спа...» и «Я не могу ее забыть». Исследуется влияние этих мотивов на развитие сюжета произведений, на отражение их в судьбах героев новелл.

Ключевые слова: Г. Белль, новеллы «Путник, придешь когда в Спа...», «Я не могу ее забыть», мотив, любовь, память, утрата, разлука, антифашизм.

Окружающие его люди испытали ужас — не от увиденного, — а оттого, что их жертва издает звук, не уходит в другой мир в безмолвии, как остальные. У воина нет конечностей, которыми можно опереться о что-либо в этом материальном мире, нет надежного тыла за спиной, нет, в конце концов, самой жизни — той, в которой он мог быть немного свободнее и счастливее... Те, кто стоят рядом — чужие люди, но даже им, казалось бы, должно быть понятно, что все произошедшее с ним — ужасно. Так что проснулось в их душе? Сострадание? Совесть? Вряд ли.

Скорее — жестокость и равнодушие. Ведь последний удар наносит укол в уверенных на убийство руках «врача».

Другая проникновенная новелла Г. Белля — «Я не могу ее забыть» — повествует о том, как духовно погибает для жестокого военного мира фашизма и возрождается для любви солдат, который думал, что уже никогда не «всплывет на поверхность» из «этой никогда не прекращающейся, выматывающей, по-настоящему жестокой гонки» [1, с. 559] по полю, усеянному окровавленными телами раненых и убитых.

Медсестра, ухаживающая за ним после того, как он получил боевое ранение, — оказывается единственной его надеждой, соломинкой, за которую хватается утопающий. Она вобрала в себя в глазах воина все, ради чего стоит жить — он вспомнил, что на свете есть забота, нежность, любовь, которые никогда не сможет убить даже самая кровавая жестокость, вторгшаяся в жизнь человека.

Герой осознал, что все, что казалось утраченным, навсегда остается внутри — просто уходит глубоко, чтобы потом пробудиться с новыми силами. Любовь держит человека

на Земле, не дает ему погибнуть или сойти с ума: «Я выпускал сигаретный дым длинными голубыми нитями, считал, что жизнь была прекрасна, и плакал...» [1, с. 560].

Когда он ощущает долгожданный поцелуй девушки на своих губах все становится неважно, мелко — даже школьные парты, мимо которых его затем проносятся, кажутся ему «смехотворными руинами гибнущего мира» [1, с. 562]. В его душе рождается надежда встречи, для которой не существует преград и препятствий, сколько бы времени ни прошло.

Герой уверен: если чувства в нем еще способны воскреснуть после всего пережитого им, то и та, которая совершила в нем такой переворот, — предназначена ему и никуда не исчезнет навсегда из его жизни — она будет «все так же упоительно красива, как и много лет назад, когда увидел ее в белом халате без воротника, оставлявшем открытой ее нежную шею» [1, с. 559].

Все три мотива — любви, памяти, утраты — проходят сквозь сюжеты новелл Генриха Белля с жизнеутверждающим посылом к читателю. Фашизм — это общественно-социальная болезнь, которая может человека либо сломать, сделать безвольным или жестоким, либо привести к ценным миротворческим мыслям, выводам, и, в конце концов, действиям, по-настоящему освобождающим его и людей вокруг от всех антигуманных установок, продиктованных нацистской властью. Стать рабом собственного страха, погибнуть нравственно или жить, несмотря ни на что ради любви, сохраняющейся в памяти души и сердца — такой выбор ставит перед своими героями писатель-гуманист Генрих Белль в новеллах «Путник, придешь когда в Спа...» и «Я не могу ее забыть».

Список литературы

1. Белль, Г. Романы. Повесть. Рассказы. Эссе. 1946–1954 : в 2 т. Т. 1 / Г. Белль ; [сост., вступ. ст. и примеч. Б. Л. Сучкова]. — Москва : Художественная литература, 1989. — 703 с.
2. Пехтерева, А. Д. Антифашистский дискурс: особенности символики в рассказе Г. Белля «Путник, придешь когда в Спа...» / А. Д. Пехтерева, Н. А. Литвиненко // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2023. — № 11 (68), Т. 4. — Ноябрь. — С. 503–508.
3. Старицына, Ю. А. Хронотоп войны и мотив потерянного детства в рассказах Генриха Белля «Путник, придешь когда в Спа...», «Весы Балеков» / Ю. А. Старицына // Успехи гуманитарных наук (Modern Humanities Success). — 2025. — № 6. — С. 12–17.
4. Хемингуэй, Э. Фиеста (И восходит солнце) : роман / Э. Хемингуэй ; [пер. с англ. В. Топер]. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 256 с. — (Азбука-классика).

Осокина Е. А.

г. Москва, Россия
elosokina@bk.ru

Символика и традиции языкового выражения явлений природы в текстах песен группы «Ласковый май» и сольном творчестве Юрия Шатунова

Аннотация. Статья посвящена выявлению символов, связанных со сменой времен года и природной стихией в текстах песен группы «Ласковый май» и в сольном творчестве Юрия Шатунова. Определяются характерные особенности, свойственные текстам песен в жанре «поп-музыка».

Ключевые слова: символика и традиции, наивный дискурс, психологический параллелизм, олицетворение, поп-музыка.

Osokina E. A.

Moscow, Russia
elosokina@bk.ru

Symbolics and traditions of linguistic expression of natural phenomena in song lyrics of the band «Tender May» and solo career of Yuri Shatunov

Abstract. The article is devoted to the revelation of symbols connected with the change of seasons and natural element in song lyrics of the band «Tender May» and solo career of Yuri Shatunov. Typical peculiarities inherent to song lyrics in genre «pop music» are determined.

Keywords: symbolics and traditions, naive discourse, psychological parallelism, personification, pop music.

В статье рассмотрены тексты песен группы «Ласковый май» и певца Юрия Шатунова. Цель статьи — выявление русской символики времен года и характерных особенностей в данных текстах песен.

Поп-группа «Ласковый май» была основана в Оренбурге в 1986 году и распалась в 1992 году. Ее главный вокалист, Юрий Шатунов (1973–2022), продолжил впоследствии сольную карьеру [5].

Песенный дискурс, частью которого является творчество группы «Ласковый май» и певца Ю. Шатунова, можно отнести к «наивному дискурсу». Под «наивным дискурсом» А. Алексеева понимает «совокупность текстов, созданных людьми, которые по роду своей деятельности не связаны с написанием текстов, или неспециалистами в областях, которым посвящены их тексты» [2, с. 75]. Исследователь отмечает, что для такого типа дискурса характерна «меньшая кодифицированность и меньшая зависимость от жанровых, стилистических, этикетных и прочих рамок, которые важны для других типов

дискурса» [2, с. 78]. При наличии средств художественной выразительности тексты песен группы «Ласковый май» и певца Ю. Шатунова характеризует обилие разговорной лексики, повторов, сходство сюжетов друг с другом, их простота, связь с обыденной жизнью.

Для исследования становится значимым такое понятие, как психологический параллелизм — это «художественный прием, основанный на сопоставлении картин из жизни человека и природы; данный прием основан на состоянии аналогии» [4, с. 283; 6, с. 90].

В тексте песни «Метель в чужом городе» («Ласковый май», 1989) наблюдается противостояние между действующими героями — городом и вьюгой: «Что ж так вьюга на город злится, что ж так злится на город небо» (анафора), «Белый город от вьюги стынет, отдавая ей цвет и краски, чтоб дожить до утра», «Снег дороги нам замедляет, чтобы было в пути труднее, но большой город жив».

Текст песни наполнен олицетворениями: «Власть взяла в свои руки вьюга», «Вьюга бродит от дома к дому», «Вьюга злится»

(возникает ассоциация со стихотворением А. С. Пушкина «Зимнее утро»), «Метель бьет в лицо», «Снег рад», «Снег вершит разлуки», «Стал хозяином снег». Точно в сказочном повествовании, зима и ночь ассоциируются со злом и имеют негативную коннотацию, а утро и весна несут добро и новые надежды, возникает положительная коннотация [9, с. 60]: «Но закончится ночь, и вьюга незнакомый оставит город, зло истратив сполна, и увидят дома друг друга, а из снега большие горы нам растопит весна».

Снег в тексте песни «Тающий снег» («Ласковый май», 1988) ассоциируется с мимолетным любовным чувством лирического героя: «О как похож ты, тающий снег, своим коротким существованием, мою любовь напомнил ты мне, такую же первую, такую же раннюю» (повтор). Снег олицетворен и несет негативную коннотацию: «глупый снег», «первый снег убил цветы». Лето ассоциируется со счастливыми моментами и любовью, а осень и зима — с расставанием и печалью: «Забуду я твой летний взгляд, тепло травы забудешь ты», «Пора луне в осенних тучах скрыться прочь».

Описание весны появляется в тексте песни «Ну что же ты?» («Ласковый май», 1989): «цветы родит и дарит весенняя земля» (олицетворение), «апрель увел с собой ручьи» (олицетворение), «и все подснежники сорвали, но нарву букет тюльпанов в эти дни». Любовь ассоциируется с пробуждением природы и весенним цветением [1, с. 5]; герой испытывает искренние чувства к любимой, однако не находит у нее отклика: «Ну что же ты моим цветам совсем не рада, ну что же ты не радуешься теплым дням?» (анафора), «Но до весны тебе, я вижу, нет, нет дела, пусть растаял снег». Отметим, что тексты песен наполнены разговорной лексикой «ну что же ты» и повторами («рада», «снег», «цветы»).

Несомненно, долгожданным временем года для лирического героя становится лето. В тексте одноименной песни («Ласковый май», «Лето», 1988) появляется описательная конструкция: «Лето — ливни в ночи, лето — жаркие дни, лето в дверь постучит весны. Лето — сказочный мир, лето — путь в добрый час, лето — время любви для нас». Лето ассоциируется у лирического героя со счастливыми мгновениями и любовью: «С нами мечта остается июльского солнца». Присутствуют олицетворения: «лето в дверь постучит весны», «заплачут сугробы». Лирический

герой не жалеет о прошедшем лете — смена времен года естественна, появятся новые надежды и новое счастье: «Не будем плакать, что лето исчерпано в этом, в этом году, и что здесь такого, дни-то идут, ведь будет же снова...», «Нам кажется длинной зима-зима, но Ласковый Май вступит в права», «И время придет, и заплачут сугробы, и все расцветет, поскорей было чтобы...» [3, с. 160]. Обратим внимание на эпитет «ласковый май» — именно он стал названием группы. Он несет положительную коннотацию и ассоциативно связан с теплом и радостью.

Согласно тексту песни «Что ж ты, лето» («Ласковый май», 1986), лирический герой разочарован и раздосадован; непогода отражает его душевное состояние, что воплощается в олицетворениях: «Лето обмануло нас», «Что ж ты, лето, обещало нам любовь и летний теплый самый вечер», «Капли в темное окно так настойчиво стучат, им же все равно, сколько дней стучать подряд». Дождь в контексте становится символом разлуки и грусти: «Дождь залил в саду цветы, разделив стеною нас, и не можешь ты дом покинуть хоть на час» [7, с. 475].

Осень становится временем увядания, и этот сезон резко контрастирует с летом [8, с. 207]. Такой вывод можно сделать из анализа текста песни «Осенний парк» («Ласковый май», 1990): «А вчера еще было так жарко, и об осени забыли мы» (гипербола). Осень ассоциируется у лирического героя со школой, тексты песен группы были нацелены на аудиторию подросткового возраста: «Мы сегодня с тобой вместо школы по парку идем». Природа олицетворена: «Она (осень) поспешила напомнить школьной формой, холодным дождем», «Льются, льются дождевики, и в этом не их вина». Появляется описание осеннего пейзажа: «Одинокий, пустой и угрюмый, но такой же, как раньше, родной. Помнишь, летом здесь так было шумно? Все теперь за осенней стеной» (эпитет), «Пожелтели аллеи, тропинки, в это утро они лишь для нас», «Озеро и лес одеты в белый и холодный пар и осени дым...» (метафора). Присутствуют языковые единицы, которые относятся к разговорной лексике: «матерится», «скорей бы зима», «месяц осени бродит по парку, жгет костры из опавшей листвы» — обнаруживается речевая (грамматическая) ошибка.

Ту же самую идею иллюстрирует текст песни «Старый лес» («Ласковый май», 1988), наблюдается быстрый переход от осени

к зиме: «Тронет в речке воду корка льда» (метафора), «Поседеют травы на полянах» (олицетворение). Лирический герой вспоминает мгновения летней беспечности, проведенные на танцплощадке. Возникает семантическое поле, связанное с прошлым: «старый», «когда-то», «повторит прошлое». Текст песни наполнен описанием осенних картин: «Почернеет желтая листва, упадет на круг, где каждый вечер приходили мы потанцевать, думая, что это будет вечно» (гипербола). Осень связана для лирического героя с расставанием и окончанием любви: «Старый лес, мы ведь не понимали, лето не будет вечным, осень нас разлучит» (олицетворение). Однако лирический герой надеется на продолжение любви и верит в то, что лучшие времена настанут с весной: «Может, кто-нибудь, попав сюда, повторит все прошлое, встретятся два взгляда, и тогда...» — на синтаксическом уровне присутствует прием недоговоренности. Помимо олицетворения («Забудет старый желтый клен музыку, что слушал здесь когда-то»), наблюдается аллюзия на текст песни «Старый клен» (музыка А. Пахмутовой, слова М. Матусовского, кинофильм «Девчата»).

Осень ассоциируется у лирического героя с разлукой, что также находит подтверждение в тексте песни «Падают листья» (Юрий Шатунов, 2002): «Ты, мне ни слова не сказав, молча уходишь — слезы в глазах», «Падают листья, и ни к чему теперь слова, мы расстаемся, лишь только встретившись едва». Отметим олицетворение: «Им (листьям) безраз-

лично, что будет все уже не так». Возникает аллюзия на стихотворение С. Есенина «Листья падают, листья падают...».

Проанализировав тексты песен группы «Ласковый май» и певца Юрия Шатунова, мы можем выделить их характерные особенности:

- песенный дискурс, фрагментом которого является творчество группы «Ласковый май» и певца Ю. Шатунова, сближается с наивным дискурсом;
- в текстах песен присутствует психологический параллелизм, явления природы передают душевное состояние героя;
- отмечается обилие разговорных слов; с точки зрения лексики и синтаксиса наблюдаются многочисленные повторы, что присуще такому жанру, как поп-музыка;
- тексты песен посвящены временам года, наблюдается естественная смена циклов; ассоциации соответствуют традиционным представлениям о временах года: зима — зло, весна — цветение и пробуждение природы и новой жизни, лето — счастье и любовь, осень — увядание и разлука;
- тексты песен наполнены средствами художественной выразительности. Ведущим тропом становится олицетворение, лирический герой обращается к природной стихии. Тексты песен имеют связь с традициями и классической русской поэзией (А. Пушкин, С. Есенин, М. Матусовский).

Список литературы

1. Абрамова, В. И. Символика времен года и времени суток в русской и болгарской вербальной культуре / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская, С. И. Георгиева // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2020. — № 6 (31). — С. 1–7.
2. Алексеева, А. А. Границы наивного дискурса / А. А. Алексеева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2017. — Т. 16. — № 6: Журналистика. — С. 74–80.
3. Желбакова, М. В. Лето в русской языковой картине мира / М. В. Желбакова // Международный научный журнал «Инновационная наука». — 2015. — № 10. — С. 159–160.
4. Ларионова, М. Ч. Фольклорный прием в литературе: психологический параллелизм / М. Ч. Ларионова // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2024. — № 2 (53). — С. 283–290.
5. «Ласковый май»: музыкальный феномен мальчишек из интерната. — URL: <https://kulturologia.ru/blogs/040916/31203/>, свободный (дата обращения: 10.11.2025).
6. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1972. — 272 с.
7. Символика воды в русской словесности и мировой культуре : кол. моногр. / отв. ред. А. И. Смирнова. — Москва : Книгодел : МГПУ, 2022. — 508 с.

8. Чернявская, Н. А. Образная репрезентация концепта «осень» в поэтическом тексте / Н. А. Чернявская // Филологические науки: Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 2 (32) : в 2 ч. Ч. II. — С. 205–208.

9. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. — Москва : АСТ ; Харьков : Торсинг, 2003. — 591 с.

Рачкова В. В.

Стерлитамакский филиал Уфимского Университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Россия
rachkova.v.p@mail.ru

Старицына Ю. А.

Стерлитамакский филиал Уфимского Университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Россия
y.a.staritsyna@struust.ru

**Образы и символы в романах Э. М. Ремарка «Три товарища»
и «На западном фронте без перемен»: взгляд на эпоху перемен**

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу системы образов и символики в романах Эриха Марии Ремарка «Три товарища» и «На Западном фронте без перемен». Исследованы художественные средства, с помощью которых писатель сумел отразить духовный, социальный и экзистенциальный кризис человека в переломную эпоху между двумя мировыми войнами; выявлены функции ключевых образов и символов, определяющих идейно-художественное своеобразие романов и раскрывающих мироощущение «потерянного поколения».

Ключевые слова: «потерянное поколение», символ, образ, дружба, смерть, время, образ «мы-они».

Rachkova V. V.

Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia
rachkova.v.p@mail.ru

Staritsyna Yu. A.

Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia
y.a.staritsyna@struust.ru

**Images and Symbols in E. M. Remarque's Novels
«Three Comrades» and «All Quiet on the Western Front»:
A Look at the Era of Change**

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the system of images and symbolism in Erich Maria Remarque's novels «Three Comrades» and «All Quiet on the Western Front». The article explores the artistic means that the writer used to reflect the spiritual, social, and existential crisis of the individual in the tumultuous era between the two World Wars, and identifies the functions of key images and symbols that define the ideological and artistic uniqueness of the novels and reveal the worldview of the «Lost Generation».

Keywords: «the lost generation», symbol, image, friendship, death, time, «us-them» image.

Романы Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» и «Три товарища» раскрывают трагедии представителей «потерянного поколения» в разное время. Первое — фронтовое, где рушатся прежние ценности. Второе — послевоенное, где вы-

живание становится способом быть верным себе. Оба текста связаны системой образов и символов, которые фиксируют трансформацию человека в эпоху войны. Одним из центральных символов романа «Три товарища» является автомобиль, ласково названный товарищами «Карлом». Для них это не просто средство передвижения или источник дохода, а прежде всего материальное воплощение настоящей дружбы, основанной на молчаливом взаимопонимании. Автомобиль становится для них возможностью убежать от времени, от прошлого, преследующего их как постоянное напоминание о войне, и от тревожного будущего. Символично, что «Карл» будет всё-таки продан ради лечения Пат — кульминация, когда опора дружбы превращается в своеобразный ресурс для спасения.

С другой стороны, «Карл» — это символ самой эпохи. 20-е годы XX века — это время стремительной автомобилизации, символ технического прогресса и новой динамики жизни. Однако у Ремарка прогресс окрашен в трагические тона. Гонки, в которых участвуют герои, — это не столько спорт, сколько метафора бега от себя, отчаяния и постоянного риска. Автомобиль постоянно требует заботы и починки, что символизирует хрупкость самого мира героев, их попытки построить жизнь на руинах.

Пространство в романе дихотомично. Город — это отчуждённая среда, не имеющая названия, что придаёт ему черты универсальности, любого крупного города эпохи кризиса. Он полон безликих баров, захудалых мастерских, пустынных улиц. Городской пейзаж часто передаётся через образы разрухи, грязи, суеты.

Этому миру противопоставлен живой мир природы. Например, образ сирени, которая становится символом жизни, хрупкой красоты, любви, которая вопреки всему расцветает в мире смерти, в мире без веры на светлое будущее. Природа в «Трёх товарищах» противопоставлена и времени. Таковы эпизоды описания моря и пляжа — мирного существования: быть «голыми, без выкладки, без оружия» — уже почти быть в мире; в солнечные дни герои забывали обо всём или хотели обо всём забыть, улавливая в дыхании и движениях первичную радость жизни, которой лишал их фронт. Линия сирени — одна из ключевых: от комического «обрывания кустов белой сирени» в городском саду до

реплик Пат: «сирень, пахнет сиренью». Это цепочка сцен, где запах, цвет и жест дарения формируют язык любви, не нуждающийся в больших словах. Сирень здесь — не «романтический реквизит», а знак памяти и символический образ малых праздников, которые удерживают героев от провала в отчуждение.

В противовес всему появляется мотив болезни. Это метафора болезни всего поколения, всей эпохи. «Потерянное поколение» несёт в себе неизлечимую рану, нанесённую войной. Болезнь Пат — это внешнее, телесное проявление той внутренней, душевной болезни, от которой страдают многие герои. Они все в той или иной степени «больны» прошлым. Смерть Пат — это символическое окончательное проигрышное сражение в войне, которая для них никогда не заканчивалась.

Неразрывно с темой болезни связана символика времени. В романе присутствуют образы часов, отсчитывающих его. «Образ часов <...> заключает в себе интригующую двойственность: механизм, изобретённый человеком, способен «отсчитывать срок» его жизни, с помощью него определяют особое время — одну из основных форм земного существования. Мотив часов «обладает повышенным семиотическим статусом, формирует поле семиотического сгущения и потому особенно активен в переходные исторические периоды» [5, с. 229].

Ремарк использует символ «бегущего времени»: это и спешка за деньгами для лечения Пат, и гонки на автомобилях, и стремительно уходящие часы счастья, отпущенные влюблённым. Финал романа открыт и вместе с тем символически завершён: время жизни Пат истекло, время дружбы и братства, олицетворяемого «Карлом», тоже подошло к концу. Остаётся только неясное, тревожное будущее. Шум секундной стрелки превращается в физическую угрозу, и герой швыряет часы в стену — «теперь время остановилось», теперь «остались только мы вдвоём» [4, с. 478]. Этот эпизод задаёт предельную, почти магическую попытку оборониться от конечности, а вместе с тем показывает хрупкость выигранного времени любви на фоне болезни.

Повседневные пометки времени — не просто хронометраж быта. Их формирует нерв повествования: «Я взглянул на часы. Восьми еще нет». «В шесть часов я в расстроенных чувствах отправился в кафе «Интернаци-

ональ» [4, с. 3, 49] — эти реплики расслаивают сюжет на отрезки ожиданий, встреч и бегств от пустоты. Они задают ритм, в котором время может равняться жизни, тревоге или спасению, и тем самым подводят лирическую интонацию романа под философию времени как главной меры потерь и надежд.

Коньяк, виски, шнапс тоже не просто атрибуты быта. Они символизируют «анестезию», попытку заглушить душевную боль, «продезинфицировать» воспоминания. Застолье часто является у Ремарка действом-ритуалом, вскрывающим отчаяние. Оно появляется и при описании поезда как неотвратимого рока, движения к финалу.

Символом бессилия человека перед лицом смерти в мире, где всё продаётся и покупается становятся деньги. Постоянные проблемы с ними связанные, их нехватка для спасения Пат подчёркивают абсурдность и жестокость мира.

В романе «На Западном фронте без перемен», как подчёркивает А. И. Горожанов, «тема отчуждения неразрывно связана с темой потерянного поколения» [1, с. 152]. Этот вывод объясняет и композицию: повествовательная линия прерывается вспышками памяти и телесных ощущений.

Смех в произведении выполняет особую функцию: сближает фронтовую речь с карнавальным мироощущением, где «низовое» и «высокое» меняются местами. Появляются «карнавальные» образы, описанные Я. Ю. Курмачевой и А. С. Поршневой: нарушение привычной иерархии ценностей, инверсия ролей, «телесная» риторика еды и питья, сквернословие как разрядка, «праздник наоборота» среди артобстрелов — всё это создаёт структуру, в которой смех — «форма сопротивления» и способ коммуникации в «перевернутом» мире фронта [3, с. 75].

Образы вещей — прежде всего ботинки Кеммериха, противогаз, земля — организуют смысловую ткань повествования. Это своеобразные «узлы» переживания. Ботинки переходят от умирающего товарища к другому солдату, становясь знаком круговорота смертей и выживания. Противогаз — символ хрупкой границы между жизнью и гибелью. Земля — последний оплот, телесная мать, принимающая и защищающая их. А. И. Горожанов прямо указывает, что важнейшим смысловым переломом становится отпуск Пауля Боймера: «<...> во время которого Пауль осознает, что мирная жизнь для него

навсегда закрыта, война сделала его чужим даже для самых близких ему людей» [1, с. 152]. Родной город, мать, книги — всё это становится чужим в этой непонятной жизни.

Окоп становится ключевым символом нового, погребального существования человека. Это не укрытие, а могила для живых, пространство примитивной жизни, сведённой к инстинктам. Герои буквально зарываются в землю, спасаясь от смерти, и эта земля становится их вторым кожным покровом, символом сращения человека со стихией распада. Нейтральная полоса, усеянная воронками, является пограничным состоянием между жизнью и смертью.

Приём пищи — это священнодействие, ритуал, возвращающий к жизни. Консервы, гороховая колбаса, хлеб — это не просто еда, а воплощение стабильности и кратковременного благополучия. Показательна в этой связи сцена, где голодные солдаты с неистовой жадностью поедают привезённые поваром двойные порции. Хлеб, классический символ жизни и достатка становится объектом мародёрства и знаком дефицита, разделяющего людей.

Главные герои романа — это не столько отдельные личности, сколько коллективное «мы», символизирующее новое сообщество, зародившееся в окопах, — сообщество «потерянного поколения», связанное не идеями, а общим опытом. «Мы» противостоит «им» — всем, кто находится в командовании, тылу. Распад этого «мы» символизирует финальную катастрофу — тело становится постоянно уязвимым и постепенно распадается. Такова сцена, где Пауль несёт на себе раненого Катчинского.

Важно увидеть общее: обе книги строятся на напряжении между разрушением жизни и хоть какой-то надеждой. На фронте форму задают простые ритуалы (есть, спать, чистить оружие, проверять противогаз). В мирной бедности форму задают дружба, труд, любовь. Отсюда — общая закономерность символики: вещи, телесные жесты, смех — всё превращается в мелкие формы устойчивости, которые противостоят эпохе.

Сквозным символом, объединяющим оба романа, выступает дружба как последнее спасение. Однако если в условиях фронта она является единственным средством физического выживания, то в мирной жизни трансформируется в форму духовного противостояния хаосу и отчуждению.

Список литературы

1. Горожанов, А. И. Языковые средства реализации идеи отчуждения в романе Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» / А. И. Горожанов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. — 2011. — Вып. 4 (610). — С. 151–157.
2. Загладько, Л. А. Особенности семантики цветообозначений в структуре художественного текста (на материале произведения Э. М. Ремарка «Три товарища») / Л. А. Загладько // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2010. — № 6. — С. 114–118.
3. Курмачева, Я. Ю. Карнавальные образы в романе Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» / Я. Ю. Курмачева, А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. — 2010. — № 5. — С. 74–76.
4. Ремарк, Э. М. Три товарища : роман / Э. М. Ремарк ; [пер. с нем. Ю. Архипова]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 480 с.
5. Симонова, О. А. Символика часов в поэзии И. Ф. Анненского в контексте литературной традиции / О. А. Симонова // Нева. — 2013. — С. 229.

Родионов М. С.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
210536010@mail.ru

Влияние региональной традиции на особенности реализации мотива узнавания в былинах сюжетной группы «Бой Ильи Муромца с сыном»

Аннотация. Статья рассматривает областные особенности эпической фольклорной традиции Мезени, Белого моря, Печоры, Кижей. На примере эпизодов узнавания проиллюстрирована региональная специфика реализации древнейшего фольклорного мотива, показано влияние местной традиции на организацию сюжета богатырской былины.

Ключевые слова: былина, областная фольклорная традиция, мотив узнавания, сюжетная схема, Мезень, Печора, Кижы, Белое море.

Rodionov M. S.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
210536010@mail.ru

The influence of regional traditions on the implementation of the recognition motif in the epics of the «Battle of Ilya Muromets with His Son» plot group

Abstract. The article examines the regional features of the epic folklore tradition of Mezen, the White Sea, the Pechora, and Kizhi. The article uses episodes of recognition to illustrate the regional specifics of the implementation of the oldest folklore motif and shows the influence of the local tradition on the organization of the plot of the heroic epic.

Keywords: epic poem, regional folklore tradition, recognition motif, plot scheme, Mezen, Pechora, Kizhi, White Sea.

Изучение региональных (областных) традиций и различных аспектов их влияния на творческий процесс является одной из приоритетных задач отечественной фольклористики. Особый интерес в этом контексте представляет обращение народных поэтов к одному из древнейших фольклорных мотивов — мотиву узнавания, реализация которо-

го всегда обусловлена местной спецификой. Конечно, мотивы, лежащие в основе сюжета фольклорного произведения, интересовали исследователей народнопоэтического творчества начиная с мифологической школы. Достаточно много внимания отечественные фольклористы уделили и мотиву узнавания, представленному в произведениях русского богатырского эпоса. В этом ряду прежде всего должны быть названы работы В. В. Стасова [1], В. П. Аникина [2], Л. А. Астафьевой [3]. Но при этом вопрос о том, как на механизм реализации мотива узнавания влияет местная фольклорная традиция, исследователями фактически не затронут. Вместе с тем ответ на него имеет принципиальное значение для понимания особенностей творческого процесса на отдельных территориях, поскольку позволяет выявить закономерности взаимодействия древнейших сюжетных элементов с более поздними фольклорными процессами, представленными в данном случае региональной традицией.

Среди русских богатырских былин, в основе сюжета которых лежит мотив узнавания, особого внимания заслуживает сюжетная группа «Илья Муромец и сын [в ранней версии — дочь] его». Данные песни интересны тем, что, во-первых, сохранилось достаточно много их вариантов, формирующих широкое поле исследования, а во-вторых, все имеющиеся в нашем распоряжении записи четко локализируются по имеющим ярко выраженную местную традицию районам бытования героического эпоса. В их числе — Мезень, Зимний берег Белого моря, Печора, Кижы.

В этом ряду в первую очередь следует выделить былинку из сборника Григорьева (III, № 64) [4], отражающую мезенскую областную традицию. Среди произведений рассматриваемой сюжетной группы эта песня отличается наиболее сложной организацией текста. В отличие от богатырских былин, записанных в других регионах, данная былина дает полную историю Сокольника, который здесь представлен сыном Ильи Муромца от некоей «бабы Златыгорки», вознамерившимся отправиться на Русь, чтобы сразиться со своим отцом. Такой подход в корне меняет традиционное для русского и европейского фольклора развитие мотива узнавания, в рамках которого интрига события всегда концентрируется на вопросе, с кем же на самом деле встретился главный герой. В случае с былинкой из Мезени ответ дан заранее,

а это значит, что перед слушателями неизбежно встают совсем другие вопросы: узнает ли Илья своего сына? чем закончится поединок? В итоге измененный характер ключевой интриги формирует гораздо более сложный набор ожиданий аудитории, многократно усиливает ее интерес к описываемым событиям и позволяет прочно удерживать внимание слушателей.

Кроме того, мезенская традиция включает в себя активное использование эффекта ложных (несостоявшихся) ожиданий с целью фокусировки внимания слушателей на ключевых событиях, формирования у них понимания того, что все самое интересное еще впереди. В рассматриваемой былинке этот прием реализован в несостоявшемся узнавании: имя заезжего богатыря мог узнать Добрыня Никитич, первым встретивший чужака, но, услышав хвастливые речи Сокольника и оценив мощь противника, русский воин уклонился от боя и вернулся на богатырскую заставу, предоставив Илье Муромцу самому разбираться с незванным гостем.

Дополнительным усилением интриги является тот факт, что в первом столкновении Муромец оказался поверженным Сокольником и был на грани гибели. Несомненно, в этот момент слушатели должны всё внимание сосредоточить на вопросе, узнает все-таки русский богатырь, кем на самом деле является его противник, или это так и останется для него тайной. Интрига затягивается еще и тем, что, одолев Сокольника, Илья вынужден трижды спрашивать его имя. И лишь после третьего вопроса чужак раскрывает тайну своего рождения. Таким образом, набор эпических приемов, выработанный в Мезени, сбивает привычный для аудитории вектор ожиданий, что позволяет постоянно сохранять интригу путем поддержания неопределенности дальнейшего развития событий.

Другой подход в интеграции мотива узнавания в былинный сюжет зафиксирован в традиции Кижей. Островная география этого региона определила консервативность местных сказителей, а значит, и большую, чем в других областях, сохранность изначального текста. К областной специфике здесь можно отнести использование сдвоенных эпизодов, когда описываемое событие как бы распадается на два эпизода, причем второй, по сути, является продолжением первого, а также наличие эпизода-посредника. Послед-

ний играет в тексте былины двоякую роль: он фокусирует внимание аудитории на том, что назревает главное событие, а также предопределяет, подготавливает в сознании слушателей наступление кульминации.

В рассматриваемой сюжетной группе Кижского эпоса представлены былиной из сборника Гильфердинга (II, № 77) [5]. На архаичный характер этой песни указывает уже тот факт, что в роли противника Ильи Муромца выступает его дочь «поляница». Появление девы-воительницы, с одной стороны, относится к мифологическому уровню былинного текста, а с другой — к тому периоду отечественной истории, когда нашим предкам приходилось сталкиваться с сарматскими конными отрядами, в которых женщины сражались наравне с мужчинами. Иначе говоря, кижский текст сохранил элементы докиевского богатырского эпоса, для которого было характерно соединение мотивов поединка богатыря с воительницей (отголосок брачных испытаний эпохи матриархата в соединении с боевой практикой русичей эпохи сарматской степи) и узнавания дочери.

В роли эпизода-посредника в рассматриваемой кижской былине выступает наказ, который Муромец дает богатырям перед началом боя с поляницей. Из слов главного русского богатыря следует, что он отнюдь не уверен в своей безусловной победе и может в критический момент позвать товарищей на помощь, что должно максимально напрячь аудиторию, привыкшую к мысли о непобедимости Ильи. Традиционный для эпоса Кижский сдвоенный эпизод реализован в сцене боя, когда поражение Ильи в первой схватке без каких-либо предисловий переходит во вторую фазу боя, завершившегося победой русского богатыря, что создает ощущение стремительности происходящих событий, а также усиливает драматизм ситуации в целом. При таком развитии событий узнавание подчеркивает причину поединка на равных: у самого могучего богатыря должна быть такая же могучая дочь, а следовательно, бой с женщиной не может как-то принизить славу Ильи Муромца.

Для героических песен, записанных в Печоре, наоборот, характерно отсутствие долгой прелюдии перед главными событиями. Местные сказители стремились строить свой текст на кульминационных эпизодах, сразу раскрывая информационное ядро былины. Таким образом, печорская региональная

традиция отличается стремлением к упрощению сюжета, быстрому выведению повествования на эпизод главной встречи. Пример тому — песня из сборника Астаховой (I, № 87) [6].

В этой былине практически нет традиционного для эпической народной поэзии зачина, дающего предустановку на восприятие текста. События начинаются с момента появления чужого богатыря и провокации конфликта с его стороны. Также сказитель как бы «пролистывает» обычный для песен этой сюжетной группы эпизод с выездом Добрыни навстречу противнику, лишь вскользь отмечая, что русский богатырь не равен силе пришлому. Это позволяет печорскому сказителю быстро перейти к кульминационному эпизоду — бою Ильи Муромца с Сокольников. Такое построение сюжета формирует впечатление, что сказителя меньше всего интересовало, откуда взялся чужак, кто он такой, каково его имя. В центре внимания данной былины оказывается именно сам поединок, картина которого точно передает схему конного боя со степняками. А само узнавание оказывается каким-то «скомканным», «дежурным», малоинтересным. Да и само имя Сокольника упоминается только в финальной сцене, когда Илья Муромец убивает своего сына.

Еще один вариант региональной традиции представлен в былинах Зимнего берега Белого моря, известных прежде всего в исполнении знаменитой сказительницы А. М. Крюковой. Для эпических песен этого региона характерно добавление к классическим былинным эпизодам целого ряда дополнительных, существенно удлиняющих текст и увеличивающих время исполнения. Очевидно, это связано с особым положением профессиональных народных сказителей данного региона: их искусство было востребовано местными промысловыми артелями, занимающимися видами деятельности, требующими долгих отлучек — рыболовством, охотой, добычей водорослей, солеварением и т. п. Промысловики часто приглашали сказителей в свои артели, чтобы те рассказами и песнями заполняли их досуг. Данная специфика исполнения требовала не только расширенного репертуара, но и заставляла искусственно удлинять традиционные тексты, что мы и видим на примере песни из сборника Маркова (№ 4) [7].

Уже сам по себе объем данной былины, а она имеет самый обширный текст из всех песен

biographies of Contemporary Russian Writers as a case study. The interdiscursive nature of this book enables analysis not only of individual writers' narratives but also of the questionnaire's very structure—as a revealing indicator of culturally specific conventions within the literary world.

Keywords: literary questionnaire, Russian modernism, talent, genius, autobiographical narrative, F. Fiedler, interdiscursivity.

Проблема изучения эго-источников сегодня занимает центральное место в литературоведении, особенно в контексте антропологического и нарративного поворотов в гуманитарных науках. Особое значение приобретают анкеты писателей — жанр, активно развившийся в эпоху модерна и оказавший длительное влияние на коммуникативные практики литературной среды. Ретроспективный анализ таких анкет позволяет зафиксировать момент, когда прямая речь автора выходит на первый план, а также проследить эволюцию общественного запроса к писателю, транслируемого в структуре вопросов.

В отличие от интервью, которое в начале XX века ещё не получило широкого распространения в либеральной прессе, анкета быстро стала популярной формой взаимодействия между литературным сообществом и читателем. Она сочетала в себе элементы автобиографии, публицистики и социального опроса, охватывая как профессиональные, так и этические, бытовые и даже политические темы. Именно в этой особенности — широте тематического диапазона — проявляется возросший авторитет литературы как института гражданского сознания.

Цель данной статьи — рассмотреть анкету Ф. Фидлера [7] как интердискурсивную форму, раскрывающую попытку осмысления феномена таланта и гениальности в условиях модерна. Мы анализируем первые четыре вопроса анкеты, которые задают основные координаты рефлексии: наследственность, влияние среды, детские впечатления, роль фантазии и наблюдательности. Анкета литератора рассматривается как особый тип стандартизированной автобиографии, направленный не на фактографию, а на выявление уникального в общем. В отличие от *curriculum vitae*, она предлагает автору сконструировать нарратив о себе в рамках устоявшихся культурных мифов о творчестве. Как отмечает Б. Дубин, подобные практики являются формой организации индивидуального опыта и способом ретроспективного оформления персональной судьбы [2, с. 101].

Мы опираемся на концепцию интердискурсивности (М. Пеше), согласно которой любой дискурс строится на материале пред-

шествующих дискурсов [6]. В случае анкеты Фидлера это пересечение дискурсов литературы, публицистики, психологии и философии. Такой подход позволяет рассматривать ответы не как документальные свидетельства, а как культурные тексты, конструирующие миф о творческой личности.

Фидлер, выпускник историко-филологического факультета, переводчик и собиратель литературных артефактов, явно ориентировался на актуальные для его времени теории происхождения таланта. Его вопросы отражают ключевые парадигмы начала XX века: наследственность и атавизм — идея, восходящая к Ч. Ломброзо, который связывал гениальность с психопатологией и отклонением от нормы [3]; влияние среды — концепция, развиваемая Д. Н. Овсяннико-Куликовским, который подчеркивал роль исторического контекста в формировании «гения Белинского» или «таланта Чернышевского» [4]; фантазия против наблюдательности — противопоставление, восходящее к Гёте и развитое в работах Овсяннико-Куликовского, различавшего «художника-наблюдателя» и «художника-экспериментатора» [5]; религиозное измерение способностей — представление о таланте как о божественном даре, уходящее корнями в античность и средневековье, но вновь актуализированное в эпоху религиозного ренессанса рубежа XIX–XX веков. Уже Достоевский называл Пушкина «чудом», а Н. Бердяев позже говорил о «религиозной природе гениальности» [1]. Хотя Фидлер не мог знать работ Бердяева (опубликованных позже), его анкета уже предвосхищает этот запрос на духовное осмысление творчества. Важно, что он не стремился классифицировать писателей по степени «гениальности», а предлагал им рефлексировать над истоками своего дара — будь то наследственность, случайная встреча, прочитанная книга или внутреннее озарение. Таким образом, анкета становится не просто опросником, а инструментом коллективного самоосмысления литературного сообщества. Она фиксирует переход от романтического образа «пророка» к более сложной, научно-философски нагруженной модели творческой личности, одновременно сохраняющей сакральный статус.

Сборник Фидлера демонстрирует новое понимание «подлинности» как информации, полученной от первого лица. Жанр анкеты оказывается информативным для реконструкции культурных установок эпохи модерна: он отражает доминирующие мифы о таланте, гениальности и природе творчества. Анкета — это не просто форма стандартизации биографии, но и способ фронтального исследования литературного ландшафта. Через неё авторы не только репрезентируют события своей жизни, но и осмысляют их

через призму ценностных установок времени. Фидлер создаёт нарративную рамку, которая одновременно закрепляет культурные клише и предоставляет пространство для их переосмысления. Анкета литератора рубежа XIX–XX веков выступает как важнейший инструмент анализа самоосознания творческой личности в условиях модерна — эпохи, когда литература всё ещё сохраняла свой цивилизационный статус, но уже вступала в диалог с наукой, психологией и массовой культурой.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. — Москва : АСТ, 2007. — 668 с.
2. Дубин, Б. В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) / Б. В. Дубин // Очерки по социологии культуры / Б. В. Дубин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — С. 98–120.
3. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство: параллель между великими людьми и помешанными / Ч. Ломброзо ; пер. с итал. — Санкт-Петербург : Ф. Павленков, 1895. — 237 с.
4. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. История русской интеллигенции: итоги русской художественной литературы XIX в. / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — Москва : В. М. Саблин, 1907. — 387 с.
5. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Гоголь / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Литературно-критические работы : в 2 т. — Т. 1. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 190–377.
6. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999. — С. 225–290.
7. Фидлер, Ф. Ф. Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / Ф. Ф. Фидлер. — Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911. — 268 с.

Токарев Г. В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия
grig72@mail.ru

Традиционное и индивидуальное в объективации когнитивного таксона «Свой/чужой» в рассказе Л. Н. Толстого «Люцерн»

Аннотация. В статье рассмотрена объективация культурного таксона «свой / чужой» в рассказе Л. Н. Толстого «Люцерн».

Ключевые слова: когнитивный таксон, свой / чужой, индентификация, саморефлексия.

**Traditional and individual in the objectification
of the cognitive taxon «Friend/foe»
in Leo Tolstoy's short story «Lucerne»**

Abstract. The article examines the objectification of the cultural taxon «friend/foe» in Leo Tolstoy's short story «Lucerne».

Keywords: cognitive taxon, friend/foe, identification, self-reflection.

Рассказ Л. Н. Толстого «Люцерн» имеет биографическую основу. Он отражает впечатления молодого писателя от посещения Швейцарии. Сюжет рассказа составила история с бедным музыкантом. Льва Николаевича возмутила безучастная реакция слушателей концерта, отказавшихся отблагодарить музыканта. Концептуальное пространство текста организует когнитивный таксон «свой / чужой», который является отражением саморефлексии Толстого, поиском и идентификацией себя с социумом. В рассказе наиболее полно раскрыты представления о чужом. Рассмотрим особенности их содержания.

В традиционном представлении чужой связан с иной культурой, традициями, верой. Объективация представлений о чужом в рассказе включает традиционное и индивидуальное.

Чуждость подчёркивается через номинацию национальности. Своим Толстой противопоставляет англичан: «...и тут взад и вперед ходят англичанки в швейцарских соломенных шляпах и англичане в прочных и удобных одеждах...» (Толстой «Люцерн»). В указанной фразе прилагательными швейцарский, прочный, удобный, имеющими в своем значении потенциальные семы 'качественный', 'дорогой', 'комфортный', пытается изобразить не только внешний, но и внутренний портрет англичан, для которых важно личное удобство. Характерно, что прилагательные меняют свою узкую положительную оценочность на контекстуальную отрицательную.

Представления о чужом концентрируются в образе англичанина, в котором подчёркивается эгоизм, сосредоточенность на собственных интересах и вытекающие отсюда замкнутость и необщительность. Душевную бедность, эгоистическую ограниченность Толстой подчёркивает словами и словосочетаниями с

семантикой разобщённости, приватности: несообщительность, отсутствие потребности сближения, одинокое довольство в удобном и приятном удовлетворении своих потребностей, сознание собственного благосостояния, отсутствие внимания ко всему окружающему. Толстой акцентирует внимание на освещении внешних, материальных действий, указывая тем самым на их незначительность и пустоту: «белейшие руки с перстнями и в митенях движутся только для поправления воротничков, разрезывания говядины и наливания вина в стаканы: никакое душевное волнение не отражается в их движениях» (Толстой «Люцерн»). Своё впечатление от подобного поведения Толстой передаёт словосочетанием чувство подавленности. Собственную отчуждённость Толстой передаёт словами состояния с негативной оценочностью: «На таких обедах мне всегда становится тяжело, неприятно и под конец грустно» (Толстой «Люцерн»).

В целях выражения чуждости жизни англичан Толстой использует оценочные прилагательные мёртвый, замерзший: «...все эти мертвые лица имеют на меня неотразимое влияние, и я становлюсь таким же мертвым // у многих из этих замерзших людей происходит такая же внутренняя жизнь» (Толстой «Люцерн»). Всё, что связано с комфортом, проявлением цивилизации Толстой осмысляет как нарушение гармонии, как чуждое природе. «Может быть, что эти набережные и дома, и липки, и англичане очень хороши где-нибудь, — но только не здесь, среди этой странно величавой и вместе с тем невыразимо гармонической и мягкой природы» (Толстой «Люцерн»). Таким образом, основой когнитивного таксона «свой vs. чужой» для молодого Толстого является естественность, следование законам природы.

Толстой находит материальное выражение чуждости в неестественной чистоте. Для уси-

ления данного признака Толстой употребляет формы превосходной степени прилагательных, а также лексические повторы: «Со всех сторон блестят белейшие кружева, белейшие воротнички, белейшие настоящие и вставные зубы, белейшие лица и руки» (Толстой «Люцерн»).

Внешним проявлением чужого становится белый цвет: «Рядом с ними шла хорошенькая, свеженькая барышня в грациозной швейцарской шляпе с пером, а la mousquetaire, из-под которой вокруг ее беленького личика падали мягкие длинные светло-русые букли. Впереди подпрыгивала десятилетняя румяная девочка, с полными белыми коленками, видневшимися из-под тончайших кружев» (Толстой «Люцерн»). Толстой переосмысляет архетипическую семантику белого цвета, вкладывая в него семантику оторванного от жизни, комфортного, богатого. Богатство, комфорт, блеск и белизна окружающих предметов становятся внешними проявлениями чужого: «В подъезде, окнах и балконах великолепно освещенной гостиницы стояли блестящие нарядами, широкоюбные барыни, господа с белейшими воротниками, швейцар и лакей в золотошитых ливреях; на улице, в полукруге толпы и дальше по бульвару, между липками, собрались и остановились изящно одетые кельнеры, повара в белейших колпаках и куртках, обнявшиеся девицы и гуляющие» (Толстой «Люцерн»).

Как видим, для Толстого этот цвет становится маркером чуждого человека.

Свой для Толстого означает человеческий, проявляющий внимание к другому, наслаждающийся общением. Для узнавания своих Толстой прибегает не к национальным, профессиональным, психологическим маркерам, а к простому интересу к другому, к желанию общаться: «...мы все по-человечески, хотя поверхностно, но приязненно относились друг к другу и унесли друг от друга кто легкие, а кто искренние сердечные воспоминания...» (Толстой «Люцерн»).

Саморефлексию от общения с англичанами он противопоставляет воспоминаниям о

жизни в Париже. Свою симпатию людям он выражает притяжательным местоимением наш, дериватами с корнем общ- «...То ли дело, бывало, в нашем парижском пансионе, где мы, двадцать человек самых разнообразных наций, профессий и характеров, под влиянием французской общительности, сходились к общему столу, как на забаву. Там сейчас же, с одного конца стола на другой, разговор, пересыпанный шуточками и каламбурами, хотя часто и на ломаном языке, становился общим» (Толстой «Люцерн»).

Своих Толстой называет людьми. «Там мы были хоть и кокетливые, не очень умные и почтенные люди, но мы были люди» (Толстой «Люцерн»).

Словами состояния спокойно, чисто, удобно, легко, существительными уверенностью, равнодушием Толстой точно передал жизненные принципы чужих: «...И всем им, казалось, так было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свете, такое в их движениях и лицах выражалось равнодушие ко всякой чужой жизни и такая уверенность в том, что швейцар им посторонится и поклонится, и что, воротясь, они найдут чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это имеют полное право...» (Толстой «Люцерн»).

В выражении своих представлений о чужих Толстой использует прямые оценочные номинации, например враг: «...Тут стояли лакеи и мой враг швейцар, кажется, жаловавшийся им на меня» (Толстой «Люцерн»).

Представления о своём и чужом становятся основой для выражения представлений о социальной справедливости, варварстве и цивилизованности. Чужие захлёбываются в своём эгоизме, им чужды свобода, равенство и братство, их заняли «...тщеславие, честолюбие и корысть...» (Толстой «Люцерн»).

Оппозитивная сущность когнитивного таксона становится принципом объективации идей писателя, проявляющегося в использовании антонимических средств.

Список литературы

1. Толстой, Л. Н. Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн // Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 5. Произведения 1856–1859 гг. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1935. — С. 3–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуназарова Зарина Исламовна, доктор философии по педагогическим наукам (PhD), старший преподаватель кафедры английской филологии; Самаркандский государственный институт иностранных языков (Узбекистан, г. Самарканд).

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра изучения уральских языков; Марийский государственный университет (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола).

Авсенина Валерия Андреевна, курсант; Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева.

Акулиничева Екатерина Олеговна, преподаватель кафедры литературы, русского и иностранных языков; Челябинский государственный институт культуры.

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Москва).

Алиференко Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент; Балашовский институт (филиал) «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».

Андреева Ирина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Баблак Константин Дмитриевич, магистрант; Челябинский государственный институт культуры.

Базарова Шахло Шухратовна, преподаватель, доктор философии (PhD); Самаркандский государственный институт иностранных языков (Республика Узбекистан, г. Самарканд).

Баландина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).

Безносова Елизавета Владимировна, студент; Челябинский государственный институт культуры.

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент; Оренбургский государственный педагогический университет.

Белоусова Елена Германовна, доктор филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.

Белохвостова Мария Евгеньевна, преподаватель; Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского.

Березин Александр Иванович, профессор; Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Богдан Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Бондарчук Екатерина Александровна, студент; Оренбургский государственный педагогический университет.

Борисенко Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.

Быкова Юлия Сергеевна, студент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).

Викулов Кирилл Вадимович, студент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Вишнякова Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и этнокультурного образования; Челябинский государственный институт культуры.

Волкова Оксана Александровна, магистрант; Челябинский государственный институт культуры.

Воробьев Максим Валерьевич, аспирант; Московский городской педагогический университет.

Гезайли Надя, доктор филологических наук, профессор; Университет Алжир 2 имени Абу Эль касем Саад Аллах (Алжирская Народная Демократическая Республика, г. Алжир).

Гейль Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Герберстаген Элина Сергеевна, учитель-логопед; Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение № 101 г. Миасс (Челябинская область, г. Миасс).

Глазкова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет (Миасский филиал).

Голованова Анастасия Александровна, магистрант; Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Голованов Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор; Челябинский государственный университет.

Гончарук Полина Сергеевна, старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и иностранных языков; Кемеровский государственный институт культуры.

Горбачевский Чеслав Антонович, кандидат филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).

Горбунова Валерия Николаевна, студент; Челябинский государственный институт культуры.

Гришанина-Мошкина Олеся Витальевна, кандидат культурологии, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Гуликовский Кирилл Олегович, студент; Кемеровский государственный институт культуры.

Гурченко Алеся Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).

Гутько Ольга Леонидовна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории и социальных наук; Белорусский государственный университет иностранных языков (Республика Беларусь, г. Минск).

Гушул Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Давыдов Остап Михайлович, редактор отдела научных коммуникаций; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).

Дворкина Александра Андреевна, старший преподаватель, аспирант; Челябинский государственный университет.

Добрынин Сергей Александрович, профессор; Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ).

Долдо Наталья Валентиновна, кандидат культурологии, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Дубовцева Ульяна Владимировна, студент; Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал).

Дубровская Дарья Владимировна, преподаватель, соискатель; Челябинский государственный университет.

Дубских Татьяна Максимовна, кандидат педагогических наук, профессор; Челябинский государственный институт культуры.

Ершова Мария Евгеньевна, студент; Челябинский государственный университет.

Жеребцова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы; Челябинский государственный университет.

Жиндеева Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор; Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (Республика Мордовия, г. Саранск).

Жук Ирина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников; Челябинский государственный институт культуры.

Жукова Ангелина Викторовна, магистрант; Челябинский государственный институт культуры.

Жукова Мария Борисовна, педагог-психолог; Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования «Дворец детского творчества г. Челябинска».

Запекина Наталья Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.

Зубанова Людмила Борисовна, доктор культурологии, профессор; Челябинский государственный институт культуры.

Иванцов Юрий Алексеевич, аспирант; Челябинский государственный университет.

Илларионов Григорий Андреевич, кандидат философских наук, доцент; Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Иост Ольга Александровна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор; Торайгыров университет (Республика Казахстан, г. Павлодар).

Исаков Максим Александрович, магистрант; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).

Каблукова Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент; Благовещенский государственный педагогический университет (Амурская область).

Каминская Елена Альбертовна, доктор культурологии, профессор; Институт современного искусства (г. Москва).

Карташова Татьяна Викторовна, доктор искусствоведения, профессор; Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова.

Кемпинская Вероника Александровна, магистрант; Челябинский государственный институт культуры.

Киреева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

Киселева Лилия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент; Астраханский государственный медицинский университет.

Козачёнок Валерия Сергеевна, студент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).

- Кокорюкин Дмитрий Андреевич**, аспирант; Челябинский государственный университет.
- Колесникова Алина Анатольевна**, магистрант; Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ).
- Кораблева Владлена Сергеевна**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Кошкарлова Наталья Николаевна**, доктор филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).
- Красавина Анна Викторовна**, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой литературы, русского и иностранных языков; Челябинский государственный институт культуры.
- Красильникова Елена Владиславовна**, кандидат филологических наук, доцент; Тверская государственная сельскохозяйственная академия.
- Криницына Екатерина Сергеевна**, преподаватель; Челябинский государственный университет.
- Ксенофонтова Дарья Владимировна**, преподаватель, концертмейстер; Казахский национальный университет искусств имени Куляш Байсеитовой (Республика Казахстан, г. Астана).
- Кудашов Валерий Фазильевич**, кандидат педагогических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- Кузнецова Аполлинария Александровна**, студент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).
- Кузнецова Кристина Юрьевна**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Куракина Ирина Игоревна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории искусств; Российский университет традиционных художественных промыслов (г. Санкт-Петербург).
- Лазарев Сергей Александрович**, кандидат исторических наук, доцент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Лазарева Людмила Николаевна**, кандидат педагогических наук, профессор; Челябинский государственный институт культуры.
- Левченко Мария Александровна**, кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников; Челябинский государственный институт культуры.
- Лукьянова Арина Андреевна**, студент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Лушникова Алла Вячеславовна**, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.
- Лушпей Анастасия Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, русского и иностранных языков; Кемеровский государственный институт культуры.
- Лысанова Надежда Александровна**, писатель, журналист; Союз писателей России, Союз журналистов России (г. Челябинск).
- Лялькина Светлана Анатольевна**, магистрант; Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- Маджаева Санья Ибрагимовна**, доктор филологических наук, профессор; Астраханский государственный медицинский университет.

Макус Кристина Валерьевна, магистрант; Челябинский государственный институт культуры.

Мамонова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.

Маркова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).

Мартынова Нэля Энгелевна, старший преподаватель кафедры педагогики и этнокультурного образования; Челябинский государственный институт культуры.

Махмадхонзода Шохсултон Махмадхон, студент; Челябинский государственный институт культуры.

Мешкова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы; Челябинский государственный университет.

Милуд Мохамед Рашид, доктор филологических наук, профессор, эксперт при министерстве высшего образования и научных исследований в Алжире; Университет Алжир 2 имени Абу Эль касем Саад Аллах (Алжирская Народная Демократическая Республика, г. Алжир).

Миронов Дмитрий Андреевич, магистрант, Челябинский государственный институт культуры.

Митрускова Анжелика Ананьевна, аспирант; Марийский государственный университет (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола).

Михайлова Нина Михайловна, корреспондент; Автономная некоммерческая организация «Редакция газеты “Знамя Октября”» (Челябинская область, г. Пласт).

Мордасов Александр Алексеевич, заслуженный работник культуры России, профессор; Челябинский государственный институт культуры.

Назаров Виктор Кузьмич, кандидат педагогических наук, доцент; Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ).

Назърска Жоржета Димитрова, доктор наук, профессор; Университет библиотековедения и информационных технологий (Болгария, г. София).

Напалкова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).

Нариманова Мария Владиславовна, студент; Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал).

Никитина Вероника Сергеевна, магистрант; Челябинский государственный институт культуры.

Новиков Игорь Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).

Ночвинова Диана Александровна, аспирант; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, профессор; Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Олейникова Маргарита Викторовна, преподаватель; Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Л. Матусовского (Луганская Народная Республика, г. Луганск).

Опарина Нина Александровна, кандидат педагогических наук, профессор; Московский городской педагогический университет.

- Осокина Елизавета Алексеевна**, кандидат филологических наук, переводчик в сфере искусства и культуры (лингвистический аутсорсинг) (г. Москва).
- Павлова Ольга Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)
- Панин Алексей Станиславович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного и этнокультурного образования; Челябинский институт развития образования.
- Патракова Анна Сергеевна**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Передриенко Татьяна Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).
- Петушко Наталья Евгеньевна**, кандидат педагогических наук, доцент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск)
- Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор; Челябинский государственный университет.
- Планкова Анастасия Сергеевна**, магистрант; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Полякова Юлия Владиславовна**, аспирант; Марийский государственный университет (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола).
- Потешкина Оксана Ивановна**, доцент; Кемеровский государственный институт культуры.
- Рачкова Виктория Владимировна**, студент; Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал).
- Родионов Михаил Сергеевич**, кандидат филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.
- Рушанин Владимир Яковлевич**, доктор исторических наук, профессор; Челябинский государственный институт культуры.
- Рыбникова Елена Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент; Кемеровский государственный институт культуры.
- Рябов Виталий Сергеевич**, аспирант; Челябинский государственный институт культуры.
- Рябушева Яна Андреевна**, студент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).
- Садакова Анна Игоревна**, магистрант; Казанский (Приволжский) Федеральный университет (Татарстан, г. Казань).
- Сапего Ольга Васильевна**, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин; Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева.
- Сафаралиев Бозор Сафаралиевич**, доктор педагогических наук, профессор; Самаркандский государственный институт иностранных языков (Республика Узбекистан, г. Самарканд).
- Селютин Андрей Анатольевич**, кандидат филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.
- Селютина Елена Александровна**, кандидат филологических наук, доцент; Челябинский государственный университет.
- Синецкая Татьяна Михайловна**, кандидат педагогических наук, профессор; Челябинский государственный институт культуры.
- Сироткина Татьяна Александровна**, доктор филологических наук, доцент; Сургутский государственный педагогический университет (Ханты-Мансийский автономный округ, г. Сургут).

- Соковиков Сергей Степанович**, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.
- Солдаткин Владимир Евгеньевич**, кандидат культурологии, профессор; Челябинский государственный институт культуры.
- Солнцева Дарья Николаевна**, специалист по учебно-методической работе; Челябинский государственный институт культуры.
- Солнышкина Марина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор; Казанский (Приволжский) Федеральный университет (Татарстан, г. Казань).
- Солопова Ольга Александровна**, доктор филологических наук, профессор; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).
- Старицына Юлия Александровна**, кандидат филологических наук, доцент; Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал).
- Стебляк Виктор Вадимович**, кандидат искусствоведения, доцент; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
- Степанова Инна Владимировна**, кандидат педагогических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.
- Столярова Анастасия Игоревна**, специалист по работе с молодежью; Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Подростково-молодёжный центр «Лигово».
- Татаркина Альфия Рамильевна**, кандидат исторических наук, доцент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Татарова Светлана Петровна**, доктор социологических наук, доцент; Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ).
- Темборовский Евгений Юрьевич**, аспирант; Челябинский государственный институт культуры.
- Теняков Андрей Витальевич**, кандидат философских наук, старший преподаватель; Армавирский механико-технологический институт (Краснодарский край, г. Армавир)
- Терентьева Нина Павловна**, доктор педагогических наук, доцент; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Тихомиров Сергей Александрович**, кандидат культурологии, доцент; Российский университет традиционных художественных промыслов (г. Санкт-Петербург).
- Тихомирова Евгения Ивановна**, доктор педагогических наук, профессор; Самарский государственный социально-педагогический университет.
- Тихомирова Людмила Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент; Челябинский государственный институт культуры.
- Ткачук Алиса Игоревна**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Ткачук Ирина Борисовна**, соискатель кафедры философии и культурологии; Челябинский государственный институт культуры.
- Токарев Григорий Валериевич**, доктор филологических наук, профессор; Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого.
- Троицкий Данил Дмитриевич**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Угланов Андрей Валерьевич**, аспирант; Челябинский государственный институт культуры.
- Украинцева Нина Ефимовна**, кандидат филологических наук, доцент; (г. Курган).

- Фейгин Виталий Евгеньевич**, кандидат исторических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск).
- Филиппенко Валерия Викторовна**, старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы, магистр педагогических наук; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).
- Харькова Ольга Юрьевна**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Хренов Николай Андреевич**, кандидат искусствоведения, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник; Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ (г. Москва)
- Худойназарова Шахзода Турсуновна**, старший преподаватель, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам; Государственная академия хореографии Узбекистана (г. Ташкент)
- Царьков Александр Валерьевич**, концертмейстер; Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Детская школа искусств» Чебаркульского городского округа (Челябинская область, г. Чебаркуль).
- Цзен Бо**, магистрант; Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).
- Цзэн Лин**, магистрант; Благовещенский государственный педагогический университет (Амурская область).
- Черткова Елена Андреевна**, соискатель кафедры истории и права; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Чжао Вэйчэн**, преподаватель; Международный университет Хэйлунцзян (Китайская Народная Республика, г. Харбин).
- Чурикова Татьяна Николаевна**, заведующий; Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад № 268 г. Челябинска».
- Шаерман Роберт Александрович**, студент; Челябинский государственный институт культуры.
- Шамарова Екатерина Владимировна**, преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).
- Шапкалова Светла Ангелова**, доктор, главный ассистент; Университет библиотековедения и информационных технологий (Болгария, г. София).
- Шахматова Дарья Алексеевна**, студент; Челябинский государственный университет.
- Шевченко Евгения Валерьевна**, аспирант; министр культуры Оренбургской области; Челябинский государственный институт культуры.
- Шелупенко Наталья Евгеньевна**, кандидат культурологии, доцент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).
- Шмирейчик Валерия Георгиевна**, студент; Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).
- Шуб Мария Львовна**, доктор культурологии, профессор; Челябинский государственный институт культуры.
- Юровская Ольга Леонидовна**, кандидат искусствоведения, доцент кафедры народного пения; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского (г. Челябинск).
- Япринцева Кира Львовна**, кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и этнокультурного образования; Челябинский государственный институт культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 5. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА: ТРАДИЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Базарова Ш. Ш. Рассказы Айдын Собировой: жизнь женщин в узбекской прозе.	3
Голованов И. А. Коллизия «отец — сын» в русских народных сказках и в произведениях Андрея Платонова	6
Горбачевский Ч. А. Достоевский и Ницше в русской религиозно-философской критике рубежа XIX–XX веков	10
Давыдов О. М. Нарративы творческой рефлексии в поэзии Владимира Шведа.	14
Дворкина А. А. Средства художественной выразительности в текстах английских колыбельных-запугиваний	17
Жиндеева Е. А. Генерация мифологических мотивов в образцах современной отечественной литературы (на примере романа Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока»)	20
Иост О. А. Духовное ученичество и русская идея как реализация национальной традиции и основа русской словесности	22
Киреева Е. В. Роль фольклорной практики в сохранении устного народного творчества россиян в постсоветский период.	26
Красильникова Е. В. О фольклорной составляющей гуманитарного образования в системе современного вуза	29
Лукьянова А. А. Роман В. В. Набокова «Защита Лужина»: от традиции к авторскому новаторству изображения модели двоемирия	31
Маркова Т. Н. Стилевая игра в дружеских посланиях А. С. Пушкина	34
Планкова А. С. Особенности коммуникации учителей и учеников в рамках инновационного проекта в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!»	40
Терентьева Н. П. Методика Р. Ф. Брандесова как пространство гармонизации традиций и инноваций в обучении литературе в школе	43
Украинцева Н. Е. Научное наследие фольклориста В. П. Федоровой.	46

**РАЗДЕЛ 6. ЯЗЫК И КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ:
ГРАНИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Абдуназарова З. И. Современный мир и культура: сохранение и распространение культурного наследия при изучении иностранных языков	50
Бондарчук Е. А. Традиции номинации возлюбленных в оренбургских русских говорах	52
Борисенко Т. В. Концепт ABUSE как элемент психологического слоя концептуальной категории FAMILY в американской лингвокультуре	55
Голованова Е. И. Традиционный образ русского солдата в устных рассказах участников специальной военной операции	58
Гончарук П. С. Проблема англоязычной экспансии в современной коммуникации и её влияние на личностную идентичность человека	62
Дубровская Д. В. Традиции и творчество в метафорической системе научного дискурса В. В. Виноградова	65
Иванцов Ю. А. Языковой пуризм как лингвокультурное явление: стратегии сопротивления заимствованиям в русском языке	68
Кокорюкин Д. А. Специфика использования англицизмов в речи подростков на примере компьютерных видеоигр	71
Кошкарлова Н. Н., Солопова О. А. Традиционные ценности стран БРИКС (по материалам многоязычного словаря метафор)	74
Кузнецова А. А. Традиции русской речевой культуры в условиях англоязычной экспансии в пространстве Интернет	77
Лушпей А. А. Междисциплинарный разрыв: лингвистическая грамотность и музейная практика	80
Мамонова Н. В. Традиции в глобализирующемся мире (на материале российского медиадискурса)	83
Озерова Е. Г. Механизм аналогии в современной речи	85
Передриенко Т. Ю. Вкусный запах: вербализация полимодального и синестетического восприятия в русской лингвокультуре	88
Питина С. А. Особенности реализации метафоры в городском ономастиконе	90
Полякова Ю. В. Образная номинация рывыж 'лиса' в марийском художественном тексте	92
Садакова А. И. Средства связности в учебном тексте (на материале естественно-научных текстов на русском языке)	95
Сироткина Т. А. Информация о регионе в учебных пособиях по русскому языку как неродному	98
Цзен Бо Образ «История Китая» в русском языковом сознании	100
Цзэн Лин, Каблукова Н. В. Художественный текст как средство обучения устаревшей лексике русского языка на занятиях по РКИ	103

Чжао Вэйчэн

Дискурс-анализ академической лекции (на материале занятия по теории литературы в китайском университете) 106

**РАЗДЕЛ 7. ОБЩЕМИРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ:
ДЕЛОВОЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ****Викулов К. В.**

Изменения и новые подходы в организации работы на Бакальских рудниках в Челябинской области в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 год) 110

Исаков М. А.

Челябинское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: создание и первые годы работы. 114

Кемпинская В. А.

Орден Святого Георгия как фундамент Дня Героев Отечества: историческая преемственность и геральдический код. 117

Колесникова А. А.

Формирование имиджа Республики Бурятия: роль государственных структур в условиях конкурентного развития. 121

Лазарев С. А.

Челябинское отделение Государственного банка Российской империи на рубеже XIX–XX веков 124

Напалкова И. Е.

К вопросу о национально-культурной идентичности кельтских регионов современной Великобритании 127

Новиков И. А.

Литературно-фольклорное отражение подвига комсомольско-молодежных фронтовых бригад Танкограда в годы Великой Отечественной войны 131

Павлова О. Ю.

Гонконг: перекресток культур Востока и Запада. 135

Панин А. С.

Координаты добра и зла: этнокультурное образовательное пространство Челябинского региона. 138

Петушко Н. Е.

Направления и формы реализации внешней культурной политики государства (из опыта Китайской Народной Республики) 141

Татаркина А. Р.

Изучение обрядов инициаций у традиционных народов Южного Урала на основе литературных источников 143

Темборовский Е. Ю.

Образно-исторические аспекты культуры горнозаводского Урала: от мифа к проектированию 146

Фейгин В. Е.

Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке: исторический пример делового и культурного синтеза 150

Черткова Е. А.

Роль высшего образования в трансформации культурной идентичности студентов в тихоокеанских штатах США 153

**РАЗДЕЛ 8. ТРАДИЦИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ:
ХАРАКТЕР И СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****Баландина Е. С.**

Жанровые особенности географических очерков 156

Белоусова Е. Г., Шахматова Д. А.	
Образ дома в художественной вселенной романа М. Петросян «Дом, в котором...»	158
Дубовцева У. В., Старицына Ю. А.	
Особенности числовой символики и хронотопа в европейских и русских сказках XII–XXI веков	162
Ершова М. Е.	
Традиционные и новые черты женского образа в песенных текстах группы «Колибри»	165
Жеребцова Е. Е.	
Специфика антитезы в рассказе А. П. Чехова «Архиерей»	168
Криницына Е. С.	
Традиции «русской идеи» в романе М. А. Булгакова «Театральный роман»	172
Лысанова Н. А.	
Необычная композиция легенды «Баймаган» Д. Н. Мамина-Сибиряка	174
Мешкова О. В.	
Функции рассказчика в сказке Э. Н. Успенского «Финист — Ясный сокол»	178
Нариманова М. В., Старицына Ю. А.	
Мотивы любви, памяти, утраты в новеллах Г. Белля «Путник, придешь когда в Спа...» и «Я не могу ее забыть»	181
Осокина Е. А.	
Символика и традиции языкового выражения явлений природы в текстах песен группы «Ласковый май» и сольном творчестве Юрия Шатунова	184
Рачкова В. В., Старицына Ю. А.	
Образы и символы в романах Э. М. Ремарка «Три товарища» и «На западном фронте без перемен»: взгляд на эпоху перемен	187
Родионов М. С.	
Влияние региональной традиции на особенности реализации мотива узнавания в былинах сюжетной группы «Бой Ильи Муромца с сыном»	190
Селютина Е. А.	
Талантливость как феномен в культуре модерна	193
Токарев Г. В.	
Традиционное и индивидуальное в объективации когнитивного таксона «Свой/чужой» в рассказе Л. Н. Толстого «Люцерн»	195
Сведения об авторах	198

Научное издание

**ХII ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
Лики традиционной культуры
в современном культурном пространстве: человек и традиция**

Сборник материалов международной научной конференции

Челябинск, 26–28 февраля 2026 г.

Часть 2

Корректор Л. К. Попова
Верстка Е. С. Меньшениной

При оформлении обложки использована фотография Н. А. Ягодинцевой

Подписано в печать 18.03.2026
Формат 60×84 1/8. Объем 24,65 усл. печ. л. Тираж 200 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры.
Ризограф
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

ISBN 978-5-94839-904-1

9 785948 399041

ISBN 978-5-94839-906-5 (ч. 2)

9 785948 399065